КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. Вернадского
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ
УНИВЕРСИТЕТ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

XXXV ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:

СИСТЕМА КООРДИНАТ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

2-7 октября 2018 г.
г. Ялта,
Республика Крым

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2019

УДК 37
ББК 74.00
П 50

Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Главные редакторы:
Т.А. Сенюшкина, *доктор политических наук, профессор;*
Д. Танчич, *доктор политических наук, профессор.*

Редакционная коллегия:

Е.А. Сенюшкин, *кандидат политических наук, доцент;*
П.И. Пашковский, *кандидат политических наук, доцент;*
А.А. Зоткин, *кандидат социологических наук, доцент.*

Рецензенты:
Далибор Элезович, доктор истории, доцент (Сербия);
Миодраг Гордич, доктор политологии, профессор (Сербия);
Прити Дас, доктор философии, доцент (Индия).

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 Политическое пространство и социальное время: система координат в меняющемся мире. Сборник научных трудов международного XXXV Харакского форума, 2 – 7 октября 2018 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и Д.Танчича – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 370 с.
ISBN 978-5-907162-61-7

В сборнике размещены материалы международного XXXV Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Система координат в меняющемся мире», состоявшегося в г. Ялта 2 – 7 октября 2018 г. Рассматриваются вопросы, связанные с изменением состояния политического пространства и социального времени в условиях формирования многополярного мира, обострения геополитической конкуренции, инструментализации религиозных процессов и конструирования этнической идентичности.

УДК 37
ББК 74.00

© Сенюшкина Т.А., 2019
© Танчич Д., 2019
© Институт сербской культуры, 2019
© ИТ «АРИАЛ», 2019

ISBN 978-5-907162-61-7

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА: ИСТОРИЯ РОССИИ

О.Д. АГАПОВ
ЧОУ ВО Казанский Инновационный университет им. В.Г. Тимирясова, Казань, Россия,
Э.И. АГАПОВА
ЧОУ ВО Казанский Инновационный университет им. В.Г. Тимирясова, Казань, Россия

Аннотация

В статье с позиций мир-системного подхода анализируется динамика исторического развития российского государства и общества в структурах современной мир-системы (XVI - XXI вв.). Предметом изучения выступают возможные альтернативы развития России в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: мир-системный анализ, геокультура, идеологии, антисистемные движения, цивилизация, альтернатива, социальная наука.

Агапов Олег Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ЧОУ ВО Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова.

Агапова Элеонора Игоревна - кандидат философских наук, доцент, ЧОУ ВО Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова.

ag.oleg2015@yandex.ru

И. Валлерстайн, один из создателей мир-системного анализа современности показывает, что мир-система глобального сообщества, сформировавшаяся в XVI-XIX вв., в период 1945-1968 гг. вступила в полосу кардинальных трансформаций [Валерстайн 2001, 109-131]. Учитывая, что мир-система коллективного Запада/капитализма вобрала в себя практически все государства и общества, культуры и цивилизации, масштаб трансформаций носит глобальный характер, меняя устоявшуюся структуру между «ядром», полупериферией и периферией. Игнорировать процесс трансформации глобальной мир-системы невозможно, поскольку кризисы в различных ее структурах ярко высвечивают *историчность* сложившейся конфигурации, нацеливают на

совместный поиск альтернативных моделей и форм хозяйствования, государственности, ценностей со стороны всех субъектов мир-системы, входящих в ООН. Структурный кризис мир-системы капитализма произошел уже в начале XX в., сам факт и последствия Первой мировой войны были вызваны глубочайшими противоречиями этой системы. В 20-40 гг., в борьбе и сопротивлении многочисленным негативным явлениям (тоталитаризм, колониализм, империализм) было найдено много социально-политических, социокультурных и экономических решений по реконвенциализации сложившейся в XVIII-XIX вв. системы. Однако, после Второй мировой войны (1939-1945 гг.) военно-политическая элита решила отказаться от парадигмы Просвещения (по А.С. Панарину) и стала с 70-80 гг. проводить последовательную политику по формированию «золотого миллиарда», по перераспределению ключевых рисков глобальных проблем на периферию мир-системы, по навязыванию идеологии цивилизационной «отсталости».

Иммануил Валлерстайн принадлежит к тем мэтрам социально-гуманитарной мысли, которые не изменили универсалистской парадигме Просвещения. Он не перешел к сужению дискурса мир-системного анализа к социал-дарвинизму, к различным формам социокультурного вытеснения и дискриминации народов и государств мира по этноконфессиональному, национальному или расовому критерию.

Проблема множества социальных концепций современности (70 гг. XX в - нач. XXI вв.) состоит в том, что они пронизаны идеологиями и некритически воспринятыми идеями антисистемных движений, задающих предвзятость по отношению к различным субъектам мир-системы. Постмодернистский концепт «современности освобождения» сегодня трансформировался в «антитрадиционалистский нигилизм и снобизм. Просвещенческий гуманизм в отрыве от христианского архетипа сострадательности превращается в идеологию сверхчеловека, претендующего на то, чтобы монополизировать современность и объявить большинство неполноценной расой традиционалистов» [Панарин 2014, 66].

Разумеется, эта политика кардинально расходится с нормами и ценностями международного гуманитарного права, с самим духом единства мир-системы, обретенным в ходе мировых войн I половины XX в., процессов деколонизации, эмансипации детей и женщин, закрепленных в программных документах Организации Объединенных наций (ООН).

Не только И. Валлерстайн и А. Панарин заметили «подтасовку» - «семантическое соскальзывание с критического глобализма, озабоченного планетарными вызовами, к апологетическому глобализму нового мирового порядка, устанавливаемого и контролируемого победившим Западом» [Панарин 2014, 60].

В сущности, такая идеология может быть названа вслед за А.В. Щипковым «контрмодерном». Субъекты контрмодерна - «нового мирового порядка» используя цивилизационную «платформу», сотканную из деятельности сообществ премодерна (Большого стиля христианской традиции), модерна (Либерализма 1848 - 1914 гг.), сверхмодерна (советский проект, вильсонизм) откровенно паразитируют на ней, последовательно разрушая этос мир-системы Модерна, совершая, тем самым, «поворот» к эпохе «новой дикости» [Щипков 2017, 166].

Сегодня образуется интернациональное социально-гуманитарное движение *альтерглобалистов,* выступающих за выработку «человекосоразмерного», гуманистического темпа и ритма глобализации. В отличие от «глобалистов-антиглобалистов» альтерглобалисты стремятся к *асксиомодерну* [Щипков 2017, 167].

За XX в. как показывает фундаментальное исследование В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой мир-система пережила три больших структурных кризиса 1914-1933 гг., 1939-1945, 1968-1989 гг., каждый раз показывая различные формы самоорганизации, самообновления [Федотова, 2008].

Российская интеллигенция различных политических убеждений принимала активное участие в осмыслении истоков кризиса мир-системы и выработке адекватных моделей преодоления наиболее одиозных практик XVIII - XX вв. Наиболее известны модели Д.И. Менделеева, П.Б. Струве, В.И. Ленина, П.И. Сорокина, Н.Д. Кондратьева, А. Чаянова, о. Георгия Флоренского, о. Павла Флоренского, евразийцев (П. Савицкий, Н. Трубецкой, П. Сувчинский), в 70 - е гг. М. Гефтера, А. Сахарова, А. Солженицына и др. В наше время - С. Хоружего, О. Генисаретского, А. Панарина, А.И. Неклессы, А.И. Уткина, А. Ахиезера, А. Щипкова и др.

Одним из конструктивных моментов по выработке новой широкоформатной социально-гуманитарной «оптики» бытия России / Российской Федерации в мир-системе Модерна может стать применение теоретико-методологического аппарата мир-системного анализа И. Валлерстайна. Нельзя сказать, что российское социально-гуманитарное сообщество не знало работ

этого мэтра американской макросоциологии, но все же следует отметить: выход 4 - томов «Мир-системы Модерна» благодаря Русскому фонду содействия образованию и науки, должен привести к новому импульсу критического изучения и освоения фундаментального исследования И. Валлерстайна.

Игнорирование факта взаимодействия российской истории в масштабах мир-империй и мир-экономик при понимании современных тенденций неконструктивно, ибо лишает анализ объективности в определении масштабов и сущности тенденций развития. Мир-системный анализ не отменяет значимости национальной истории, ее самобытности и суверенности, но он опровергает все версии реконструкции исторических процессов изоляционистского характера.

Итак, Московское государство — Российская империя — СССР — Российская Федерация в современной мир-системе XVI-XXI в. устойчиво обладает статусом полупериферии, хотя неоднократно и делала попытки войти в состав «ядра» (ситуация Первой Мировой войны 1914-1918 гг.), или вообще задать вектор развития абсолютно новой социалистическо-коммунистической мир-системе (1917-1989 гг.). Статус полупериферии позволял, с одной стороны, взаимодействовать с коллективным Западом без полной потери суверенности, с сохранением относительной «свободы рук» во внешней политике, а с другой стороны, давал возможность политической элите проводить вполне самостоятельную политику внутри страны.

Положение *полупериферии* России, действительно, во многом задает динамику внешней и внутренней политики российского общества, ритмику формирования экономических, политических и социокультурных институтов. Политические элиты российского общества не раз имели возможность убедиться в этом на протяжении XVI-XX вв.

Объективный исследователь генезиса мир-системы И. Валлерстайн справедливо пишет, «включение в капиталистическую мир-систему никогда не было инициативой тех, кого туда включали. Скорее данный процесс исходил из потребностей мир-экономики в расширении своих рубежей - потребности, которая сама по себе была воздействием внутренних воздействий в рамках мир-экономики» [Валерстайн 2016, 159].

А.И. Уткин справедливо отмечает, что помимо «мягкой силы» коллективный Запад применяет к иным сообществам прямое насилие. Россия оказалась в процессе *инкорпорации* в мир-систему

коллективного Запада с XVI в.. Судьба этого процесса изобилует многими нюансами, но в исторической перспективе с XVI в. по XX в. российское государство и общество буквально каждый век, *отстаивала* свой статус в очень жесткой военно-дипломатической, социально-экономической и социокультурной борьбе (С.А. Нефедов, В.А. Никонов, Б.Н. Миронов, Ю. Кагарлицкий).

В XVI в., как показывает И. Валлерстайн политико-экономического и социокультурного «ядра» мир-системы Модерна не было, в XVII в. на первый план выдвигается Голландия. XVIII в. проходит под знаком франко-британского соперничества. Подлинный масштаб и завершенную форму мир-система коллективного Запада приобретет в XIX в., который в социально-экономическом плане будет отмечен промышленным переворотом, давшим на «выходе» первые (ставшие потом «классикой») индустриальные сообщества. Спутниками роста промышленности стали урбанизация, классообразование, развитие инфраструктуры модерна, складывалась его геокультура с идеологиями, антисистемными движениями, социальной наукой, развивались национальные государства (особенно после 1848 г.) [Нефедов 2010].

В XV-XVI вв. русское государство переживало чрезвычайный подъем, связанный с освобождением от зависимости от Золотой Орды, с обретением государственной суверенности, где уже довольно органично развивались институции сопредельных мир-империй (Византийской империи, Монгольской империи, с XV в. Османской империи) «На Северо-Востоке тоже проходил процесс социального синтеза, процесс взаимодействия прежних, византийско-норманских, и новых, китайско-персидских-монгольских традиций. В итоге этого синтеза новая московская государственность была построена по китайско-монгольскому образцу, а некоторые нормандские традиции были вытеснены новыми порядками» [Нефедов 2010, 197; 303].

На статус державы ядра мир-системы Россия первоначально не претендовала, мысля себя как «Третий Рим» - центр православного христианства в отличие от католического Рима. К тому же и коллективный Запад еще не оформился в своей экономической и идеологической структуре (это произойдет в XVIII - XIX вв.). Однако во II половине XVII в. положение меняется, что стали осознавать и Алексей Михайлович, и его дети - Федор Алексеевич, Софья Алексеевна, Петр Алексеевич, каждый из которых, имея собственное представление о вызовах своего

века, пытались выстроить модернизационную политику. Наиболее полно положение дел в новой Европе смог понять Петр I как в период «великого посольства», так и Северной войны (1700-1721 гг.), которая велась не только против Швеции как государства, а Швеции как возможного нового центра мир-экономики, претендующего на гегемонию во всей Северной Европе. Семилетняя война была также борьбой против усиления в Европе прусской монархии, участие в антинаполеоновских войнах - отмечены уже сложным противодействием франко-британскому доминированию. Динамика военно-дипломатического и экономико-культурного взаимодействия вела к изменению российского общества по шведскому, прусскому, французскому и британскому образцам.

XIX в. для Российской империи отмечен с одной стороны триумфом - победой над Наполеоном, созданием Священного союза в 1815 г., прямым политическим контролем над западноевропейской политикой. Но, уже события 1848 г., а затем Крымской войны (1853 - 1855 гг.), экономические санкции 50 - 70 гг. - показали, что Россия получает особый статус в мир-системе. Промышленная революция в XIX в. обеспечила Англии, Франции и Германии, западной мир-системе военно-технологическое превосходство. Исторической альтернативой Российской империи был выбор, включаться в процесс модернизации или уходить в изоляцию. Правительство Александра II твердо приняло путь реформ, направленных на промышленную модернизацию - индустриализацию, изменению социальной конфигурации «государство-элита-народ» и т.д. Масштабное взаимодействие России и мир-системы Модерна сегодня хорошо изучено в работах Ю. Караглицкого, А. Фурсова, А. Уткина, В. Никонова, А. Неклессы, Б.Н.Миронова и др. Мы же обратим внимание на еще один теоретико-методологический оборот мир-системного анализа, связанный с общими тенденциями развития человеческого рода.

В динамике бытия человеческого рода сторонники мир-системного подхода выделяют стадии мини-систем, миро-империй, мир-экономики. Только стадия мини-систем была связана с развитием локальных и разрозненных человеческих сообществ, но уже эпоха мир - империй была поистине *осевой* - создав на просторах планеты Земля множество сообществ, объединяющих в своей структуре большие территории и множество народов (Римская империя, Китайская империя, империя хуннов, Монгольская империя и т.д.).

Практически все государства общества современности - прямые или опосредованные наследники народов мир-империй. Например, как отмечает С.А. Нефедов, «в целом насчитывается семь периодов, когда на Русской равнине существовали относительно стабильные государственные или племенные образования — это скифский, сарматский, готский, хазарский, киевский, монгольский и московский» [Панарин, 2014, 309] «Скифский период характеризовался усвоением греческой культуры, готы усваивали римскую культуру, хазары - иудейскую и мусульманскую культуру Ближнего Востока, варяги - русы - византийскую культуру, монголы и татары - персидскую культуру, а московиты - османские военные и политические порядки. В некоторых случаях перенималась не только культура, но и религия: в хазарском случае ближневосточное культурное влияние привело к принятию иудаизма, русы обратились в православие, а монголо-татары приняли ислам» [Нефедов, 2010, 310].

Все государства Русской равнины включались в военно-дипломатические и экономико-культурные отношения с другими мир-империями. Однако, в XIV-XVII вв. среди одной из мир-империй - «средиземноморской» (Ф. Бродель) - произошла социально-антропологическая и экономико-технологическая революция, создавшая переход к новой модели мир-экономики. Благодаря Великим географическим открытиям модель западной мир-экономики была инкорпорирована в мир. Если точнее, то мир был инкорпорирован в мир-систему коллективного Запада. Историческим «ядром» новой модели мир-отношений стал новый *субъект истории* - коллективный Запад, сформировавший, по И. Валлерстайну, три фундаментальных структуры - капитализм, национальные государства, геокультуру.

В рамках динамики исторического бытия до XX модель мир-системы коллективного Запада, имеющая своего социокультурного двойника в термине «модерн/современность» расширилась до масштабов планеты Земля, вобрав в свою орбиту (в различном статусе) практически все государственные и культурно-исторические сообщества, бывшие в мире. Это не был путь только прямого захвата и насилия, вырабатываемые социально-антропологические практики в странах «ядра», постепенно стали атрибутами принадлежности к миру «модерна/современности». По отношению к «ядру» все остальные мир-системы стали занимать позицию полупериферии или периферии. Там, где открывалась возможность происходило военное завоевание и колонизация, там,

где этой возможности не было выстраивалась более гибкая модель, строящаяся на технологическом доминировании. В XVIII-XIX вв. сформировалась идеология евроцентризма, имеющая отражение в структуре социальных наук (ориенталистика - востоковедение), в практике колониализма новых мир-империй, в распространении идеологем «бремени белого человека», расизма, социал-дарвинизма и т.д.

Иммануил Валлерстайн последовательно, с 60-гг. XX в. стоял на позициях выработки новой социально-гуманитарной парадигмы исследования, где идеология евроцентризма (как впрочем, и другой исключительности) была бы преодолена и социальная наука XX - XXI вв. вышла на уровень подлинного мир-системного анализа, вскрывающего социальные противоречия глобального мироустройства и предлагающего методы и формы их совместного преодоления, без дискриминации и дискредитации.

Главное в нашей ситуации сегодня - это выработать позицию мужества истины, мужества бытия, дающего шанс к нашему превращению из пассивных и дезориентированных *акторов жизни* в субъектов истории, способных к историческому творчеству, к созданию более справедливой мир-системы. Следует согласиться с А.И. Уткиным, еще в 2002 г. писавшим, что «в новом мире определено ясно лишь одно: самодовольство и успокоенность будут наказывать немедленно недремлющие конкуренты. Попытка изолироваться от перемен окажется самоубийственной. Тотальная изоляция будет равнозначна тотальному поражению. Постоянный анализ, поиск новых, более эффективных путей становится попросту очевидной предпосылкой выживания, движения вперед, преодоления трудностей, процветания, сохранения земных ресурсов, избегания смертоносных конфликтов, собственно выживания на нашей планете» [Уткин, 2002, 5].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валлерстайн 2001 - *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. - СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. - 416 с.

Валлерстайн 2016 - *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730 - 1840 -е годы. - М., Русский фонд содействия образованию и науки, 2016. - 528 с.

Нефедов 2010 - *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Том I. С древнейших времен до Смуты. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 376 с.

Панарин 2014 - *Панарин А.С.* Православная цивилизация / А.С. Панарин. - М.: Институт русской цивилизации, 2014. - 1248 с.

Уткин 2000 - *Уткин А.И.* Россия и Запад: история цивилизаций / А.И. Уткин. - М.: Гардарики, 2000. - 574 с.

Уткин 2002 - *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. - М.: Издательство ЭКСМО, 2002. - 512с.

Федотова, Колпаков, Федотова 2008 - *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. - М. Культурная революция, 2008. - 608 с.

Щипков 2017 - *Щипков А.В.* Социал-традиция / А.В. Щипков. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. - 320 с.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE WORLD-SYSTEM ANALYSIS: HISTORY OF RUSSIA

O.D. AGAPOV
Kazan Innovation V.G. Timiryasov University, Kazan, Russian Federation
E.I. AGAPOVA
Kazan Innovation V.G. Timiryasov University, Kazan, Russian Federation

Summary

The article analyzes the dynamics of the historical development of the Russian state and society in the structures of the modern world-system (XVI-XXI centuries) from the position of the world-system approach. The subject of the study deals with possible alternatives to the development of Russia in the medium term prospect.

Keywords: world-system analysis, geoculture, ideology, anti-systemic movements, civilization, alternative, social science.

Agapov, Oleg - Doctor of Philosophy, Professor, Private Educational Institution of Higher Education «Kazan Innovation V.G. Timiryasov University.

Agapova, Eleonora - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Private Educational Institution of Higher Education «Kazan Innovation V.G. Timiryasov University.

ag.oleg2015@yandex.ru

РОЛЬ ИСЛАМА В ПОЛИТИКЕ МУАММАРА АЛЬ-КАДДАФИ

Э.Э. АЛИЕВ
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация
В данной статье рассмотрены влияние и роль ислама в политической деятельности ливийского лидера Муаммара аль-Каддафи. Ислам в данном случае рассматривается не только как традиция ливийского народа, но и как регулятор некоторых сфер жизни человека. Рассмотрена правовая система Ливийской Джамахирии, аспекты социальной системы, а также Конституция Ливии 1969 г. и Ливийская декларация об установлении власти народа 1977 г.
Ключевые слова: Ливия, ислам, Муаммар аль-Каддафи, политика, панарабизм.

Алиев Эмиль Эскендер оглы – Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, философский факультет, студент, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь.
emil-aliev-00@mail.ua

1 сентября 1969 года произошла революция «аль-Фатех», целью которой было уничтожение тиранического монархического режима и свержение власти короля Идриса I. После упразднения Королевства Ливия главной целью было объявлено построение социализма, основанного на религии, морали и патриотизме. Методологией ливийское правительство определило обеспечение социальной справедливости, высокого уровня производства, ликвидацию всех форм эксплуатации и справедливое распределение национальных богатств [Егорин 1999, 104-105].

Цели ливийского вождя не ограничивались торжеством идеологии панарабизма и антиколониализмом. Муаммар аль-Каддафи стремился коренным образом реформировать важнейшие сферы жизни общества: политику, экономику и культуру. Ислам в планах правителя занимал не последнее место. В самом первом коммюнике Совета Революционного Командования провозглашалось: «СРК глубоко убежден в свободе религии, в

моральных ценностях, содержащихся в Коране, и обещает защищать их» [Егорин 1999, 103]. Здесь вождь-революционер впервые заявляет об исламе на государственном уровне.

Следующим шагом после установления правления, как правило, является оглашение конституционного документа. В 1969 году таковым документом являлась Конституция Ливии 1969 года, которая впервые за всю историю Ливии провозгласила последнюю «демократической и свободной республикой, в которой суверенитет принадлежит народу» [Ливийская конституционная декларация 1969]. Далее мы проанализировали каждую статью и выяснили следующее.

Во 2-й статье первой главы отмечено, что «ислам – религия государства» [Ливийская конституционная декларация 1969]. Это говорит о том, что Ливия – клерикальное государство.

В 6-й статье под названием «Социализм» исламская история названа «вдохновением социализма». Суть этой статьи заключается в том, чтобы подчеркнуть вектор развития государства, а именно – исламский социализм.

В 8-й статье подчеркнуто, что регулирование имущественных отношений предоставляется шариату.

2 марта 1977 года Всеобщий народный конгресс обнародовал «Декларацию Себхи», в которой была принята новая форма правления для Ливии – Джамахирия. С того момента Ливийская Республика получила новое название – «Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия» [Егорин 1999, 131].

Мы уделили больше внимания рассмотрению самого фундаментального труда ливийского вождя «Зелёная книга», так как Ливийская декларация об установлении власти народа 1977 года является, на наш взгляд, документом, основа которого есть не что иное, как идея «Зелёной книги».

При изучении данного труда мы выяснили, что в первой части под названием «Решение проблемы демократии (власть народа)» разбиваются основные принципы представительной демократии и подвергаются критике партии, парламенты и референдумы. Во второй части рассматривается проблема равенства в социуме и вопрос справедливого распределения материальных благ и услуг. Также автор разъясняет принцип вычисления размера взимаемой платы за ту или иную услугу.

Больше всего исламское влияние ощущается в третьей части книги, названной «Общественный аспект Третьей Всемирной

Теории». В этой части автор касается разных сфер социальной жизни, а именно положения женщин, системы образования, языка и нации. Когда автор критикует отношение Запада и Востока к женщине, он явно признает исламские постулаты относительно прав и обязанностей женщины: «Все существующие ныне общества видят в женщине только товар. Восток рассматривает её как предмет купли-продажи, запад же отказывается признавать в ней женщину» [Каддафи 1992, 31]. Муаммар аль-Каддафи подводит итог главы: «Человеческие права равны для всех – мужчин и женщин, взрослых и детей. Однако обязанности их далеко не равны» [Каддафи 1992, 32].

Во внешней политике, проводимой ливийским вождем, большой акцент делался на объединение арабских стран. Ученые разнятся в своих мнениях относительно побуждающего фактора этих действий. Одни говорят, что лидер Ливии был одержим панарабизмом, другие – что он руководствовался нормами шариата, третьи придерживаются мнения, что Муаммар аль-Каддафи был агентом Британского государства.

Мы рассмотрели три попытки объединения Ливии с арабскими государствами, а именно ФАР (Федерация Арабских Республик), АИР (Арабская Исламская Республика) и САМ (Союз Арабского Магриба).

ФАР была самым длительным по времени проектом, провозглашенным в 1972 году и упразднённым в 1977. Включала в себя Сирию, Египет и Ливию. Была упразднена из-за разгоревшихся разногласий внутри государств – правители Сирии и Египта обвиняли Муаммара аль-Каддафи в спонсировании оппозиции внутри государств, со стороны Ливии последовали ответные обвинения [Егорин 1999, 197].

АИР изначально рассматривался аль-Каддафи как запасной вариант в случае провала с проектом ФАР. В 1972 году прошли переговоры президентов Туниса и Ливии Хабиба Бургибы и Муаммара аль-Каддафи в городе Тунис. Впоследствии и этот проект был обречен на неудачу. Причиной тому было то обстоятельство, что Тунис претворял французскую модель либерализации, и само государство было секуляризировано, а ливийский лидер имел антизападные идеи, и политическая концепция Джамахирии была более исламизирована [Егорин 1999, 201].

Союз Арабского Магриба представляет собой экономическую организацию. Основана в 1989 году правителями Ливии, Туниса,

Алжира, Марокко и Мавритании. За всю историю существования этого союза происходило много конфликтов между участниками [Ван дер Вее 1994, 298].

Подводя итоги проделанной работы, можно сделать следующие выводы: Муаммар аль-Каддафи пытался консолидировать мусульман-арабов посредством не только ислама, но и панарабизма. Однако, на наш взгляд, на основе национализма невозможно объединение народа.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Березкин - *Березкин Р.М.* Муаммар Каддафи: биография [Электронный ресурс] / Р. М. Березкин // Биография полковника. – URL: http://gaddafi.my1.ru/index/biografija_muammara_kaddafi/0-12

Ван дер Вее 1994 - *Ван дер Вее, Г.* История мировой экономики 1945 - 1990 / Г. Ван дер Вее. – М.: Наука, 1994. – 411 с.

Егорин 1999 - *Егорин А. З.* История Ливии. XX век: науч. издание / А. З. Егорин.– М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 563 с.

Каддафи М. Зеленая книга / М. Каддафи. – М.: Наука, 1992. – 64 с.

Ливийская декларация 1977 - Ливийская декларация об установлении власти народа: принята решением Высшей конференции Народных конгрессов, Народных комитетов и профессиональных союзов Ливии 2 марта 1977 г. // Русская энциклопедия «Традиция».

Ливийская конституционная декларация 1969 - Ливийская конституционная декларация: принята решением СРК 11 декабря 1969 г. // Русская энциклопедия «Традиция».

THE ROLE OF ISLAM IN MUAMMAR AL-GADDAFI POLICY

E.E. ALIEV
Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia

Summary

This article considers the influence and role of Islam in the political activities of the Libyan leader Muammar al-Gaddafi. Islam in this case is seen not only as the Libyan people's a tradition, but also as a regulator of some spheres of human life. The legal system of the Libyan Jamahiriya, aspects of the social system, as well as the 1969 Libyan

Constitution and the Libyan Declaration on the Establishment of the Power of the People of 1977 were reviewed.

Keywords: Libya, Islam, Muammar al-Gaddafi, politics, pan-Arabism.

Aliyev, Emil - Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Taurida Academy, Faculty of Philosophy, student, Russian Federation, Republic of Crimea, Simferopol.

emil-aliev-00@mail.ua

ОЧЕВИДНОСТЬ НЕИЗБЕЖНОГО: МАГИСТРАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ

А. Н. БАРАНЕЦКИЙ
Севастопольский педагогический колледж им. П.К. Менькова, Севастополь, Россия

Аннотация

В статье предложена система гипотез, конкретизирующих представление о спиральном и циклическом характере социального прогресса. Абстрагируясь от суждений модерна, постмодерна и др. автор предлагает обобщить процесс модернизации социально-экономических этапов истории, потому, что история объявляется воплощением архетипов новой дикости, новой первобытности, нового рабства, Нового Будущего Средневековья. Для создания гипотез о будущем предлагается понятие *модернизированной формации*. Законодателям сегодня нужна терминология классической истории, а не «деструкция» логики фантазёрами постмодернизма. Появление буржуазного индивидуализма в эпоху Возрождения и феномен «титанизма» требовали внимания к профессионалам и талантам. В рамках академических определений термины «талант» или «гений» имеют логический объём. То есть, строится предположение, что капиталист как главный субъект истории знаменитой эпохи уступит место профессионалу, профессионал уступит место талантливому субъекту на исторической арене, талантливые творцы истории уступят место гениям на исторической арене. Очевидность и неизбежность такого хода будущей истории – абстрактное предположение. Саму идею социального прогресса предлагается рассматривать как

циклическую модель и путь ко все более *совершенствующемуся обществу.*

Ключевые слова: совершенствующееся общество, модернизированная общественно-экономическая формация, спиралеобразный характер прогресса, капитализм, социализм, логические основы прогнозирования будущего.

Баранецкий Андрей Наумович – кандидат философских наук, Севастопольский педагогический колледж имени П.К.Менькова, Севастополь, Россия

ross60@mail.ru

Проблематичность очевидности и проблема интерпретации неизбежного. Постановка вопроса.

Об очевидности часто пишут примерно так же, как о предрассудке. «Очевидно» - солнце летает вокруг Земли. После Коперника «очевидность» стала символом заблуждения. Термин «очевидность» становится двусмысленным. Но есть то картезианское значение очевидности, что процесс мысли и сама возможность сомнения есть очевидное обоснование того, что сомневаться невозможно только в самой реальности процесса сомнения. Как мысль может программировать будущее? Есть классический афоризм марксистов: «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Великие идеи в новой эпохой звучат иначе. Теперь мысль изъясняют так: «… воображение больше не рассматривается как фантазия или иллюзия, но как культурный ресурс, …, область социальных практик, выступающая ключевым компонентом созидания социального порядка [Jasanoff, Kim 2009, 122]. … В таком контексте интересно уважительное отношение мыслителей к понятию «социотехнические мнимости» [Гребенщикова 2018]. Думается, что представляется более точным перевод словосочетания «Sociotechnical imaginaries» как «социотехнические *прообразы»*. Эти прообразы или «мнимости», как думается, не влияли бы на прогресс, если бы не были очевидностями.

За такой идеей возможны предположения о маркетинговых идеях покойного Стива Джобса.

Очевидность – это такая характеристика реальности, которая указывается как примета или символ достоверности на том основании, что для субъекта воспринимать эту реальность удаётся с особым уровнем комфортности в плоскости вопросов о

комфортности процессов понимания, осмысления, признания верным, истинным, достоверным. У субъекта складывается впечатление о том, что – «судя по всему» – нечто есть истина.

«Судя по всему» - символ субъективности. «Великий спор о территории, судя по всему, закрыт»: так об особом интересе к пространству пишет (цитируя Бади) в статье «Новая современность» и традиционные ценности Спиридонова В.И. [Спиридонова 2017]. Не проглядывает ли архетип средневекового отношения к феоду или вотчине в обострении сопротивления растущей социальной мобильности по аналогии с тем, как в Средние Века даже транспортная магистраль становилась «собственной». Очевидность пребывает во внутреннем мире субъекта.

Неизбежность в глазах многих – явление той категории логики, которую немецкие классики называли «необходимость». Но это необходимость во времени. Понимание неизбежного неотделимо от предсказуемости отношения. Неизбежность в толковых словарях трактуется как невозможность избежать неприятностей. Но если в обществе икс преобладают бездарные и порочные натуры, то неизбежность смены поколений только для них и печальна. Предсказуемость становится всё более и более востребованной. Если когда-то ходили к Оракулу, то теперь требуют расписание, график работы. Есть эффективное вмешательство субъектов в ход истории. И есть эффективное использование объективных трендов для осмысления способа «оседлать» волну, тренд, не пытаться «перешибить плетью обух». Классическим образцом эффективного вмешательства давно стали походы Александра Македонского. Он и Гордиев узел разрубил. Хрестоматийным примером эффективного учёта пределов возможностей стала политика Адриана – переход от экспансии к обороне границ Рима.

Для того, чтобы неизбежность очевидного стала ощутимой и воображаемой, можно привести явный пример её отсутствия. Была на закате СССР аналогичная анекдоту шутка: «Вообразите, - вышли рабы Древнего Рима на улицы с плакатами, на них написано: «Да здравствует феодализм – светлое будущее человечества». Оставим вне внимания издевательство над советской идеологией, но ощущение предсказуемости, как «уверенность в завтрашнем дне» в СССР было сильным. Оно было аналогично вере. Ощущения подпитывают переживание вероятного неизбежного, так как не создан терминологический

аппарат для мониторинга успешных попыток «подсмотреть будущее». Для рабов Рима очевидности неизбежного и неизбежности очевидного в принципе не могло существовать, поскольку это итог просвещения граждан и от качества этого просвещения зависит, возможно, качество очевидности и, быть может, качество неизбежности. Разумеется, что для людей Средних веков некоторая очевидность неизбежного и некоторая неизбежность очевидного уже родилась в известной формуле: «всё возвращается на круги своя… что было, то и будет». [Книга Екклесиаста, или Проповедника, гл. 1, ст. 6]. Хотя для вдумчивых читателей Священного писания более значительным оказалось: «познаете истину, истина сделает вас свободными»… «Бог каждому дал талант»… «Кто закопал талант в землю того ждала участь раба»… После эпохи Возрождения была не вполне некая «новая вера»: ощущение очевидности неизбежного подвигло гёзов не сомневаться, что они будут читать «слово Бога» на родном языке. Ощущение очевидности неизбежного пронизывает публицистику французских и русских революционеров. Просвещённые Граждане Будущего, «товарищи потомки» - это собеседники публицистов и поэтов Революций. Сегодня такое обращение определяется как отношение к трансцендентальному субъекту. Предки и потомки могут предопределить смысл бытия и можно социологически грамотно отыскать тех, кто видит смысл бытия в служении заветам предков. «Пепел Клааса стучал в его сердце» [Шарль де Костер 1955, 224] - это о них. Равно как есть возможность обнаружить тех, кто видит смысл в служении счастью единственного «привилегированного класса» СССР – детям, т.е. будущему. Пушкинское «…здравствуй племя младое, незнакомое», равно как «…слушайте, товарищи потомки, агитатора, горлана, главаря, я шагну через лирические томики, как живой с живыми говоря…» - это про таких.

Быть лицом века (челом века - человеком), - это значит вступить в ответственный диалог и с предками и с потомками. Ответственный диалог требовал, чтобы истины были очевидными, он требовал, чтобы истинность была неизбежной. Истинность, подлинность – это то, к чему возвращаются.

Т.е. идёт речь о том, что хрестоматийное понятие о спиралеобразном характере исторического прогресса не отвергнуто, но и не развёрнуто, его осмысление встречается не часто. Именно повторение пройденного может стать основой выдвижения прогнозов о будущем.

Архаика в современности.

Логические объёмы в определениях – ведь это определения сущности – а она – является – позволят ставить вопросы о возрождении многих архетипов древнего мира в современности или в XX веке. Пусть некто спорит с формационным подходом. Но эпохи Первобытности, рабства, феодализма широко признаны. На таком фоне прибежищем мысли о прогнозах будут предположения, системность подхода требует увязать предположения в систему. Платформой для такой системы рано или поздно станет концепция совершенствующегося общества. Представление совершенствования – основа модернизации. Конечно, «…исследование современной глобальной культуры необходимо должно накладываться на онтологию. Именно в онтологической перспективе современные тренды предстают как новые одежды со старыми дырами» [Отец Макарий (Буга) 2018].

Иными словами – есть древние архетипы. И они живы сегодня. Умонастроения крепостного холопа или барство можно было разглядеть во многих умонастроениях советского колхозника и не только колхозника.

Когда понятие модернизации общества, политики, экономики широко употребляется не только социальными мыслителями, но уже почти каждым публицистом, то резонно спросить: тот процесс, который мы наблюдаем сегодня, - он разве не был итогом модернизации неких старинных процессов? Если сущность определять как общее основание отдельного, единство общего и специфического, то вопрос о сути процесса который модернизируется, предполагает вопрос о том, результатом какой модернизации было то, что мы имеем в обществе сегодня?

Россию веками упрекают в «сопротивлении» «прогрессу». Но при достаточно широком обзоре разных цивилизаций на Земле обнаруживается, что, к примеру, в XIX веке Индия и Китай не построили десятки университетов, а Россия построила. То есть она сопротивлялась превращению в колонию, а не прогрессу. Поэтому представляется наиболее вероятным, что «механизмы блокировки», «этос отторжения прогрессивности» [Межуев 2018] свойственны не этническому началу, а *структуре мироотношения эпохи*. Оно включает и отношение ко времени, жажду ускорения перемен или жажду консервативного покоя. Можно даже предположить, что структура этого мироотношения предопределяется логикой ценностных отношений, а

преобладающая логика ценностных отношений цельного социума предопределяется его моральным выбором.

Все слышали о том, что Ленин – вождь и что Сталин – вождь. Но провести сопоставление СССР с первобытной общиной системно – можно? Можно ли поискать архетипы первобытных людей в жизни советского народа? Кто-то не может разглядеть общую сущность Сталина, Турчинова и Дональда Трампа, но для социолога есть чёткий критерий: если человек сам решил, что имеет право на восхищение со стороны своего народа за то, что будет физически истреблять всякую «нечисть», - то перед нами, - вождь и вождизм. Когда в пылу предвыборной агитации Трамп говорит о том, что может *расстреливать людей на Бродвее и всё равно за него проголосуют*, то перед нами декларация права со стороны вождя на абсолютное народное восхищение. Поэтому представляется достаточно интересным для понимания политической истории XX века разглядеть в этом веке повтор нескольких тысячелетий. Но в архетипах и в модернизированных формах. Авторы, которые сокрушаются по поводу «медленной» модернизации, думается, забывают о том, *каковы уровни культуры были на старте*: «…поразительно, что всего лишь 100 лет назад в России,… в Москве, существовали такие нищета, произвол, антисанитария. Революция… была огромным шагом в становлении социального государства» [Касавина 2018].

Ноогенетический закон Гегеля – это тоже хорошее напоминание об историческом цикле. При этом можно вспомнить, что пропасть между годовалым ребёнком и первоклассником – больше, чем развитие от 6 до 17 лет. Т.е. неолитическая революция – гораздо более мощный рывок в истории, чем всё, что было после неё. Поэтому – образно говоря – «союз племён» в виде СССР архетипически гораздо дальше от III Рейха с гитлеровцами под известными абажурами из человеческой кожи, чем культурная дистанция народа СССР от народа США с их американскими архетипами двуличных рабовладельцев.

На таком символическом фоне Великая Отечественная война – это история о том, как могучий союз племён закономерно побеждает злобных дикарей из эпохи каннибализма. Но модернизированные рабовладельцы имеют историческую миссию преодоления родоплеменных порядков. Механизмы распада СССР и роль агентов Запада в этом процессе могут содержать архетипы распада родоплеменных порядков и содействие этому распаду со стороны грандиозных рабовладельческих империй с их

изощрённой *рационалистической тактикой и ещё более рациональной стратегией*. Известны ступеньки дальнейшей истории: эпоха рабовладения сменилась феодализмом, затем Возрождением.

Американские социологи не торопятся определять сущность своей цивилизации как модернизированное рабовладение. Вежливое понятие «пространственное неравенство» прикрывает сдвиг внимания большого общества к ценности пространства. Речь о недвижимости, но в истории это феодальная святыня. «Тёмной стороной американской мечты» назвали авторы масштабы мошенничества с недвижимостью. «…Авторы обсуждают последствия этих моделей для более полного понимания современных пространственных неравенств» [Баумер, Рансон, Арнио, Фалмерами, Де Зилва 2017]. Рабовладельцы гордились коварством и хитростью, этими же качествами гордятся мошенники.

Римляне контролировали «весь» их мир. Но контроль был утерян.

Сможет ли Запад удержать контроль над Азией, Африкой, Латинской Америкой? Сохранит ли практикуемую юрисдикцию?

Интенсификация законотворчества на каждом большом этапе не может не менять векторов и принципов этого законотворчества. Поэтому представляется резонным широкое обобщение: в истории чередовались такие периоды, когда удивляли попытки назвать законом некую формулировку, которую не знает или не принимает в душу большинство общающихся лиц и групп социума. Это заметно у первобытных общинников и в сословной жизни многих средневековых обществ. Контрастом являются такие периоды истории, когда достаточно узкий круг лиц или субъектов нормотворчества может себе позволить диктовать порядки и законы большинству населения и вынуждает его признать, что «незнание закона не освобождает от ответственности». Это рабовладение и потом капитализм. Трудно вообразить, чтобы первобытное племя или любое сословие средневековья выслушивало вердикты о том, что «незнание законов» не освобождает их от повиновения *неизвестным* законам.

Прогноз: глобальное возвращение к стереотипам Средних Веков может вызвать к жизни беспощадную критику Римского права с его «незнанием законов». Средневековый архетип требует знания своей знати, огромного уважения к традициям, ритуалам,

массовых клятв (в т.ч. клятв «на крови»), присяг, глашатаев, меморандумов и «восславления» права – «православия».

У славян огромное количество обычаев и привычек как первобытных, так и средневековых. Слова с корнем «прав»: правда, праведность, правильность, правитель, правота, правило, «Правь» (из мифопоэтического прошлого), правь (глагол). Наконец, - православие как древнее дохристианское средство самоидентификации. Мощнейшая предпосылка для создания собственной философии права – понятийный аппарат, насыщенная драматическая история попыток усваивать правовую культуру христиан (Византии), потом Востока (Орды), потом Запада.

Средние Века – и это опять «очевидно» для большинства историков – времена роста требований к внутреннему духовному миру личности. Античность, древние культуры подготовили возможность оценки мыслей и чувств как «правильных», «благочестивых» или «грешных», «неправильных», «недопустимых». Из этого следует, что *очевидность* для менталитета Средних веков, - это требуемая вещь. Классические образы Средних веков немыслимы без *требования абсолютной искренности*.

Повторит ли модернизированный «феодализм» опыт исторического феодализма? Интенсификация контроля над проповедями растёт? Если проповедников чужих идей столетиями сжигали на кострах, то теперь просто могут дезавуировать дипломы или перекрыть жизненно важные ресурсы Интернета.

И в политической истории и в истории философии циклизм могут забывать: «…представления о циклизме, «вечном возвращении» в истории мировой философии также были ему совершенно чужды» [Лысенко 2018, 95]. Но что будет после игнорирования цикличности в любой истории? Программисты могут создать политические партии программистов и особые прослойки населения в Интернете (можно под видом закрытых социальных сетей) и они очень будут напоминать касты или сословия Средник Веков.

Новое Средневековье, как кажется, чревато Новой тотальной безграмотностью. «…можно разделить людей на пользователей, …операторов и всех других, чей социальный век близится к закату» [Каменский 2018, 156].

Кто учился в XX веке – будет похож на тех наших прабабушек и прадедушек, которые не умели читать и писать.

Ведь мы не умеем читать и писать компьютерные программы.

Будущее средневековье распространит практику уважения к правам любого *народа, у которого есть хорошее оружие*. Именно Средние Века и Возрождение культивировали уважение к носителю оружия. Хотя *глубинная сущность эпохи Возрождения* – это интенсивность производства профессионалов и талантливых субъектов. Именно эта интенсивность вызовет к жизни Просвещение. Но для осмысления такого производства человеческих качеств надо использовать понятие «производство человека».

Модернизация в Средние века была, но её темпы, скорость, интенсивность были именно средневековыми. Духовный мир всего народа может иметь средневековую структуру даже сегодня. И не только средневековую. Почему духовный мир социума не может иметь ещё более архаичную структуру? Главная черта архаики – щедрые расходы времени. В начале XX века камчадалы деревянный чан точили почти год и лодку из цельного ствола вытачивали около трёх лет. Это – темпы не средних веков, не «ленивого народа» (= субъекта) а каменного века. Сменить темпы социум не сможет, пока не перестанет быть средневековым или архаичным в душе. Это ответ на вопрос Межуева об «отторжении прогрессивности».

Социологи пишут, что статусу а *не субъекту* свойственна «способность организовать группу – …через его способность генерировать иерархию статуса и мобилизовать вклады от всех членов» [Ной П. Марк 2018, 1601]. Какой народ в какой эпохе сегодня живёт? До тех пор, пока мы не разобрали «достаточно» глубоко понятия об общем и специфическом, - просто рано ставить вопрос *об уникальности, феноменальности*.

К примеру, можно определить крепостное право как ограничение юридических прав гражданина в пространстве. Но паспортная прописка граждан СССР – это тоже ограничение юридических прав гражданина в пространстве. Поэтому можно формулировать социологическую гипотезу: «паспортная прописка – итог модернизации крепостного права». То, что его «отменили» юридически, - это не значит, что оно исчезнет из духовного мира, из социальной практики. А кто-то объявит паспортную *прописку «уникальной особенностью» или «уникальным недоразумением». Словно у неё сущности нет*. После попыток Вебера отыскать в религии причины экономического детерминизма никто так и не стал рассматривать большой социум как субъекта, способного делать выбор экономических стратегий. Эксперт в экономической

социологии вопрошает: «Необходима культурная энтропия, чтобы объяснить это?» [Цукерман 2017, 933]

Процессы абстрагирования и процессы конкретизации в теоретическом моделировании «мироотношения народа» или «души этноса» или «духа нации» - это те процессы, которые уже описаны в методе восхождения от абстрактного к конкретному. В этом контексте можно ставить и вопрос о сущности того общества, которое будет «после» «капитализма». Наименование рабовладения, феодализма, капитализма связаны с названием субъекта: эти субъекты, - рабовладелец, феодал, капиталист. И даже первобытный строй чаще называют первобытнообщинным. Община – это тоже субъект. А вот для критериев «социализма» используются разные логические конструкции, но они описывают нечто объективное: справедливость, плановость экономики, и т.д. Это не субъект. Недоразумение не заметно на фоне кризиса логоцентризма, «…происходит изживание исторически сложившейся логоцентрической парадигмы … не авторитетен никакой вождь, никакой народ, никакая идеология… Кто реально субъект истории?» [Давыдов 2018, 43]

Но «…понятие власти требует субъекта, к которому эта власть относится; и упомянутая выше формулировка вольно или невольно оставляет открытым вопрос о том, о чьей власти идет речь…» [Хёсле 1997, 46]

Субъект социализма.

Идея о Новом Будущем Феодализме как о «светлом будущем» в текущем веке достойна внимания и проверки, есть аналогии, есть архетипы.

Если поискать аналоги в истории, то можно сопоставить значение петровских реформ в оценке Ленина и поставить вопрос: может быть и все инициативы Ленина можно оценить по аналогичной схеме? В.И.Ленин писал: «... Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [Ленин 1973, 301]. Если оценить Ленина по аналогии – это будет выглядеть так: Ленин *не вполне и не до конца профессионально воевал с непрофессионализмом*.

Эти строки есть не что иное, как попытка сделать очевидным смысл ленинизма и смысл социализма, но это та очевидность, которая не могла быть осмыслена в историческом «позавчера», в СССР. Ответ на вопрос о том, кому капиталист вынужден будет отдать власть – есть. «Капитализм - школа профессионализма» -

повторял Ленин. Хорошо вписывается в здравый смысл, и для многих *очевидно* представление о том, что именно *профессионалы* сумеют вытеснить фигуру классического капиталиста с арены истории.

Применив к Ленину его же логическую схему оценки политика прежней эпохи, мы получаем гипотезу о том, что в истории цивилизации реформаторы (также экспансионисты, модернизаторы, революционеры) регулярно были вынуждены игнорировать провалы и пробелы в интеллектуально – методологическом обеспечении и реализовывать свою парадигму-стратегию такими методами, которые органичны для архаики, но не для модернизации. Когда Александр Македонский разрубил гордиев узел – он тоже проигнорировал провалы и пробелы в интеллектуально – методологическом обеспечении и реализовал свою парадигму-стратегию методом первобытного вождя, а не в стиле Фалеса Милетского, спасавшего армию лидийцев умом. «Эпоха индустриального и постиндустриального общества перманентно наращивает научно-технологическую оснащенность социального субъекта, который все более упивается своей творческой силой, зачастую впадая в произвол, особенно в сфере социальных технологий» [Вдовиченко, Маслобоева, Маслова, Твердынин 2018] Экспорт революций в конце XX и начале нынешнего века организовали не коммунисты, а антикоммунисты. Они свою социологическую грамотность вполне остроумно использовали для деструкции проектов социализма.

Это стало возможным потому, что *человечество не то, что в политике, в генной инженерии ещё только приступает к азам создания искусственных организмов*. Политический организм на порядки сложнее биологического, поэтому социальная инженерия – это больше искусство или комплимент, чем профессия. Профессионализм в политике – прогноз, а не реальность, это – будущее, а не современность. Это не исключает факта признания за СССР социальных механизмов или фасада в духе социализма. Это использование таких сфер социума, в которых *всё решается исключительно профессионалами* в новых и новых отношениях. На таком фоне Китай просто продолжает утверждать профессионализм в тех сферах социума, где в СССР господствовал губительный произвол.

Тезис о том, что основой СССР был не социализм не нов. «В ракурсе определений Марксом и Энгельсом… ставится вопрос «А была ли в СССР первая стадия коммунизма?» [Шелике 2018, 20].

Профессионализм как понятие идеологии Просвещения формировалось в эпоху обновления университетов. Содержание идеи профессионализма в данной работе подразумевает некоторую количественную характеристику: если ремесло раннего средневековья требовало знать сотни секретов, навыков, высокое ремесло мастеров Возрождения уже требовало многих сотен секретов. А профессионализм рождён в освоении личностью тысяч верных понятий.

Позитивизм О.Конта требует чёткой иерархии по уровням сложности: проще всего механические науки, сложнее физические. Ещё сложнее химия, ещё сложнее биология и вершина сложности – социология. Преодоление планки в несколько тысяч понятий позволяет личности в заданном направлении гарантировать эффективную реализацию некоторых известных проектов: механических, архитектурных, проектов нового оружия. До позитивизма и марксизма выпускники университетов столь же дерзновенно замахивались на проекты живых организмов и создание нового политического строя. Уровень сложности не всегда воспринимался как барьер. Кромвель был уверен, что для нового будущего достаточен Новый Завет. Революционеры Франции вдохновлялись идеями Руссо и энциклопедистов. Кажется, что после Конта можно догадаться: если мы не умеем создавать искусственно биологический организм, то социальный не создадим и подавно. Ленин догадывается, что строительство совершенствующегося общества – это «всерьёз и надолго». Но потом широко и наивно цитировались его слова о том, что «нынешнее поколение… будет жить при коммунизме».

Логика ценностных отношений

Ценность очевидности в том, что она шаг за шагом выдаёт для осмысления глубинную логику ценностных отношений, которая по большей части скрыта и рядится в этические, эстетические, экономические, религиозные детерминанты людского бытия. Понятие о том, что «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами» в первую очередь относится к истории очевидности. Как представляется, - сначала стоило бы исследовать логические основания аксиологии, чтобы обнаружить, что логика ценностных отношений детерминирует и эстетические и этические и религиозные и экономические интересы такого субъекта как народ или сословие, страта, каста, т.е. интересы крупного социума.

То есть логика ценностных отношений есть общая глубинная детерминанта любых дискурсов большого социума, - его тяги к

формам рациональности, его тяги к типам эстетического, его тяги к известным нравам. И тем более к выбору религии и выбору экономической культуры [Баранецкий 2015].

При этом главный выбор – это выбор насыщенности культуры. Это в явлении – темп социального прогресса. А насыщенность растёт от эпохи к эпохе. Социум веками воспроизводит свой интерес в круговороте повторяющейся инициативности. Тем самым социум воплощает в жизнь свой способ существования, стиль жизни, качество мироотношения.

Переосмысление спиралеобразного характера истории позволяет уповать на то, что вслед за Новым Будущим Средневековьем люди доживут и до Нового Будущего Ренессанса, до Нового Будущего Просвещения.

Но это упование может оказаться *соблазном очевидности* и вероятнее всего окажется, так как в истории духовной культуры человечества ещё не было ни одной эпохи, которая бы не видела будущее проще, чем это будущее впоследствии оказывалось.

А вот это традиционно неожиданное превосходство над всеми ожиданиями и упованиями как раз и оказывается *неизбежно очевидным*.

Социум в целом сбить с толку и с пути сложнее. Ожидания и упования чаще могли сбить с толку личность.

Предположим, что СССР в своей сущности был первым в истории синтезом цивилизационных механизмов всех формаций – первобытной общиной с точечным использованием рабского труда, феодальными механизмами жизнеобеспечения, капиталистической системой товарно-денежных отношений и несколькими скрижалями социальных проектов, в которых профессионалы решали все ключевые проблемы. (То есть локально – скрижали социализма) Бюрократы в этих сферах функционировали преимущественно как административный сервис. Тогда как в иных сферах бюрократы были вельможами. Но бюрократы – не лицо народа и не лицо столетия. Сокровенная жажда лучшей жизни в СССР часто совпадала с публичным вектором мобилизации масс. Советский народ жил в стремлении создать самое совершенное общество на Земле вне зависимости от того, что тайком думали циничные бюрократы, криминальные маргиналы или враги, о которых сегодня пишут так, словно их не существовало, словно они все были вымышленными. Все достижения, все предметы гордости советского народа, очевидно, - достижения профессионалов. И это тоже было явление логики ценностных

отношений народа в целом. Достоинство народа в том, чтобы не бросить ничего и не растерять главное в войнах, кризисах и смутах.

И доделать всё достойное до конца.

Заключение.

Противопоставление индивидуализма коллективизму игнорирует *неизбежность* объединения людей после выхода их к новым горизонтам сотрудничества. Но сегодня очевидны даже стратегии создания социумов нового качества: «последние годы социологи уделяют меньше внимания культурным вкусам как «эффектам» социальной структуры и больше - их причинно-следственной эффективности в создании и поддержании социальных связей» [Кауфман, Льюис 2018, 1684].

Роль личности в истории не отражается в модели формации (т.е. в «Капитале»), но она отражается в историко-политической публицистике. Если мы «распространим метод, использованный Марксом в его историко-политических сочинениях, на анализ капитализма» [Хоннет 2018, 45], то получим историю становления профессионалов и направления формирования *совершенствующегося социума*. В XX веке человечество наблюдает мощные союзы профессионалов – компании и корпорации. Однако, они бывают бессильны перед талантливыми одиночками. Просветители – гносеологические оптимисты: они утверждают возможность познать тайну таланта. Знание сущности таланта переломит ход истории. Почему не предположить, что ступени совершенствования общества будут в сущности своей определяться уровнем одарённости субъектов? Кто создаёт более высокие ценности, чем профессионал? Талант. Кто создаёт более высокие ценности, чем талант? Гений. Это – тоже логика ценностного отношения. Это её магистральный сюжет. Ступени прогресса в абстрактной схеме будут таковы:

Сначала все сферы общественно-политической жизни так встанут под полный *контроль профессионалов*, что без надёжного проекта никакие изменения в жизнь социума никто не внесёт. Кое в чём уже так живём.

Затем уникальные таланты смогут освободить социум от «счастья» стабильной рутины проектировщиков, но новые направления прогресса обернутся новыми рисками. С этими рисками смогут справиться те общества, в которых талантливые люди найдут друг с другом общий язык и общество снизит уровень рисков. *Союзы талантливых* людей и высокий творческий

потенциал нового коллективизма предопределит и новое качество жизни.

Возможно, что именно в эту эпоху всеобщего осмысления и уважения более половины населения будут настоящими философами.

Это сделает возможным воплощение в жизнь тех идеалов, которыми грезили гуманисты прошедших столетий. Но та мысль, что надо воплотить в жизнь высокие принципы – эта мысль споткнётся о так называемое рецептурное знание. Это знание «имеет склонность к превращению в информацию, адекватность которой индивид не в состоянии проверить. Так, по данным соцопросов, 26% американцев и европейцев и 32% россиян убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли» [Карпов 2017, 31]. Конечно, просвещение тоже модернизируется, но если идеи Коперника ещё не всем читателям известны, то что говорить об идеях правовой культуры или обязанности понять хоть что-то из курса философии в Вузе. Этот курс носители рецептурного знания стремятся забыть как кошмар. Поэтому победа талантов над профессионалами остаётся абстрактным будущим. Не менее абстрактно говоря, *следующей ступенькой* социального прогресса окажется творчество *гениев социально политической и социально-экономической мысли*. Не это ли, - становление «зрелого общества зрелых людей»? [Олейников 2018, 42].

Возможно, что «сверх-оптимизм» во взгляде на будущее – не в духе времени. Но не случайно цитирует Виктор Малахов Фейербаха: «где нет любви – там нет и истины» [Малахов 1988, 131]. Следовательно, - чтобы знать истину времени, - надо это время любить. Любовь ко времени не позволяет историку лгать в пользу неких субъектов, иначе он будет вынужден оболгать любимое время. Но если прошлое без любви оболгут, то и будущее без любви оболгут. Чтобы делать истинные прогнозы на будущее, надо это будущее любить.

Неужели эти истины не очевидны, а истинность их не неизбежна?

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баранецкий 2015 – *Баранецкий А.Н.* Логика ценностного отношения – основа социально значимой инициативы. (Логические основы аксиологии как предпосылка разрешения проблем, затрагиваемых конференцией) // Этничность и власть.

Материалы 27 междунар. семинара 13 - 18 октября 2014 г. г. Ялта. / Под ред. Т.А. Сенюшкиной – Севастополь: Вебер, 2015.

Баумер, Рансон, Арнио, Фалмерами, Де Зилва 2017 – *Эрик П. Баумер, Рансон У.Э., Эшли Н. Arnio, Энн Фалмерами, и Шейн де Zilwa*, «Освещая темную сторону американской мечты: оценка распространенности и предикторов Ипотечного мошенничества через американские графства» Американский журнал социологии. 2017. 123. №2 (сентябрь). С. 549-603.

Вдовиченко, Маслобоева, Маслова, Твердынин 2018 – *Вдовиченко А.В., Маслобоева О.Д., Маслова А.В., Твердынин Н.М.* Национальная стихия творчества: время и трансгрессия // Философские науки. 2018. № 3. С. 133–145.

Гребенщикова 2018 – *Гребенщикова Е.Г.* Социотехнические мнимости технонауки // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 59-67.

Карпов 2017 – Карпов А.О. Общество знаний: знание vs информация // Философские науки. 2017. № 12. С. 19–36.

Касавина 2018 – Касавина Н.А. (2018) Социальное государство как «эффект» модернизации // Философские науки. 2018. № 2. С. 70–73.

Аршинов, Асеева, Буданов, Гребенщикова, Гримов, Каменский, Маякова, Майнцер, Москалёв, Пирожкова, Сущин, Чеклецов 2018 – *Аршинов В.И., Асеева В.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Маякова О.В., Майнцер К., Москалёв И.Е., Пирожкова С.В., Сущин М.А., Чеклецов В.В.* (2017) Конвергентные технологии и антропосфера: pro et contra // Философские науки. 2017. №11. С. 147 – 159.

Кауфман, Льюис 2018 – *Льюис К., Кауфман Д.* Превращение культурных вкусов в социальную сеть связей» // Американский журнал социологии. 2018. № 6. С.1684-1742.

Костер 1955 – *Костер, Де Ш.* Легенда об Уленшпигеле. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 224 с.

Ленин 1973 – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. т. 36. – М.: Политиздат, 1973.

Лысенко 2018 – *Лысенко В.Г.* (2018) Какая философия может послужить мостом между наукой и буддизмом? Российский подход // Философские науки. 2018. № 3. С. 81–98.

Малахов 1988 – *Малахов В.А.* Искусство и человеческое мироотношение. – К.: Наукова думка, 1988. 131с.

Межуев 2018 – *Межуев Б.В.* Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 35-43.

Ной П. Марк 2018 – *Ной П. Марк.* Статус организует сотрудничество: эволюционная теория статуса и социального порядка // Американский журнал социологии. 2018. № 6. С. 1601-1634.

Олейников 2018 – *Олейников Ю.В.* Верификация революционных прозрений К. Маркса // Философские науки. 2018. № 4. С. 27–44.

Отец Макарий (Буга) 2018 - *О. Макарий (Буга).* Культурные тренды глобального общества. Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17-20 мая 2018 г., Ялта / под ред. Т.А. Сенюшкиной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – 250с.

Хёсле 1997 – *Хёсле В.* Мораль и политика. Основы политической этики для XXI столетия. – М.: «Бек», 1997. 216 с.

Хоннет 2018 – *Хоннет А.* Мораль в «Капитале». Попытка пересмотра марксистской критики политической экономии / пер. с нем. Е.И. Коростиченко // Философские науки. 2018. № 4. С. 45–61.

Шелике 2018 – *Шелике В.Ф.* В поисках начала материалистической теории истории Маркса. Статья II // Философские науки. 2018. № 2. С. 20–43.

Цукерман 2017 – *Цукерман Э.* Переосмысление экономической социологии под редакцией Патрик Асперс и Найджел Додд,» Американский журнал социологии 2017. № 3. С. 933-936.

Jasanoff, Шейла, Ким, Сангх-Хьюн 2009 – Содержащий атом: социотехнические мнимости и атомная энергетика в США и Южной Корее. Минерва. 2009. № 47(2). С. 119–146.

THE INEVITABILITY OF THE OBVIOUS: THE MAINSTREAM OF GEOPOLITICAL FORECASTS

A.N. BARANETSKY
Sevastopol Pedagogical P.K. Menkov College, Sevastopol, Russia

Summary

The article proposes a system of hypotheses that concretize the idea of spiral and cyclic nature of social progress. Abstracting from the definitions of modern, postmodern, etc. the author offers to generalize the process of modernization of socio-economic stages of history, so history is the *archetypal reincarnation* of the New Savagery, New Primitive, New Slavery, The New Future Middle Ages. Legislators today need the terminology of classical history rather than the «destruction» of logic by the dreamers of postmodernism. The emergence of bourgeois individualism in the Renaissance and the phenomenon of «titanism» required attention to professionals and talents. Within the academic definitions, the terms «talent» or «genius» have a logical scope. That is, the assumption is built that the capitalist as the main subject of the history of the famous era will give way to a professional, a professional will give way to a talented subject in the historical arena, talented creators of history will give way to geniuses in the historical arena.

The evidence and inevitability of such a course of future history is an abstract assumption. The very idea of social progress is proposed to think as a model and a path to an *increasingly improved society*.

Keywords: the improving society, the modernized social and economic formation, spiral character of progress, capitalism, socialism, logical bases of prognostics of the future.

Baraneckiy, Andrey – Ph.D. in Philosophy, Sevastopol Pedagogical P.K. Menkov College, Sevastopol, Russia
ross60@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЁЖНОМ СООБЩЕСТВЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

А.В. БАРАНОВ
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Аннотация

В статье интерпретированы результаты самостоятельных анкетных опросов молодежи Краснодарского края о соотношении гражданской, региональной и этнической идентичностей. Сравнивается соотношение идентичностей учащейся и работающей молодёжи Краснодарского края. Выясняется уровень доверия молодежи Кубани основным политическим институтам, восприятие степени своей безопасности и миграционных проблем. Аргументируются рекомендации органам государственной власти, местного самоуправления, политическим партиям, СМИ в сфере политики идентичности, в особенности – мер укрепления единства российской нации.

Ключевые слова: молодёжь, гражданская идентичность, этническая идентичность, региональная идентичность, соотношение, Краснодарский край.

Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

baranovandrew@mail.ru

Краснодарский край как полиэтничный регион испытывает множество угроз и рисков, связанных с этнонационализмом и религиозным экстремизмом, нелегальной миграцией. Интенсивные миграционные потоки делают Краснодарский край, с одной стороны, уникальным социокультурным сообществом, где в добрососедских отношениях живут представители многих этнических групп, а с другой стороны, фактор полиэтничности и интенсивной миграции создаёт определённый конфликтогенный потенциал, который при сочетании неблагоприятных условий может подтолкнуть представителей этнических общностей к открытому противостоянию. Поэтому выявление направленности

межэтнических отношений в Краснодарском крае, установление их консенсусного и конфликтного потенциала, прогнозирование возможных конфликтов является актуальной научной задачей. В данном контексте важным измерением межэтнических отношений остаётся соотношение национальной, этнической и территориальных идентичностей населения. Молодёжь как социально-демографическая группа характеризуется недостаточным социальным опытом, сниженными знаниями об этнических и конфессиональных группах – контрагентах «своей» общности, что делает молодёжь особенно восприимчивой к рискам интолерантности и экстремизма. Профессиональный мониторинг состояния и тенденций развития идентичностей молодёжи, особенно – в полиэтничных и приграничных регионах России, становится насущной задачей этнополитологического обеспечения государственной политики.

Степень разработанности темы неравномерна. Исследования межэтнических отношений, в том числе – соотношения идентичностей молодёжи на Кубани, проводятся изолированно. На материалах Краснодарского края выполнены работы В.Н. Муха, Т.А. Хагурова, коллектива под редакцией В.М. Юрченко. Вместе с тем, мониторинг новейших тенденций общественного мнения по вопросам межэтнических отношений в Краснодарском крае проводится редко и по фрагментарным аспектам.

Цель нашей статьи – определить основные параметры восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений молодежью Краснодарского края на основе анализа результатов самостоятельных анкетных опросов 2017 и 2018 гг. Внимание уделено восприятию степени безопасности, отношению старожильческого населения к мигрантам, установкам поведения этнических групп, зависимости между субъективным восприятием безопасности и миграции.

Методика исследования. Мы взяли за основу парадигму конструктивизма в этнополитологии [Тишков], предполагая, что идентичности респондентов в основном конструируются вследствие их социального опыта и практик взаимодействия, а не наследуются. При этом весьма распространённым явлением становится «дрейф» идентичностей на протяжении жизни, а также феномен гибридной идентичности (например, казаки считают себя одновременно русскими и представителями особого народа внутри русских либо восточных славян). Акторы политики идентичности

(органы государственной власти федерального и регионального уровня, политические партии, СМИ, этнические и конфессиональные объединения, образовательные и музейные учреждения) способны достаточно быстро и эффективно перекодировать идентичности, изменить их соотношение в своих целях.

Наше исследование носит прикладной характер. Эмпирической базой являются результаты пилотажного исследования, проведенного в Краснодарском крае в июне 2017 г. (n=120) [Баранов, Донцова, Юрченко], а также массового анкетного опроса там же в сентябре 2018 г. (n=450). Исследование проведено методом анкетного опроса по программе, разработанной коллективом под руководством д-ра полит. наук, проф. И.В. Юрченко по грантовому проекту РФФИ (2017–2019 гг.).

Пилотажную выборку Краснодарского края составили молодые люди от 16 до 35 лет, учащиеся высших и средних, средних специальных учебных заведений. Для уточнения работоспособности некоторых вопросов инструментария в выборку 2018 г. была включена также работающая молодежь (30% общей численности респондентов). В программу исследования в 2018 г. также добавлен раздел об иерархии и сочетаемости идентичностей респондентов, а также о межэтнических и межконфессиональных дистанциях по шкале Е. Богардуса.

Выборка пропорциональна по гендерному составу. Среди участников опроса 2018 г. русские составили 70,8%, украинцы – 6,7%, армяне – 11,7%, народы Северного Кавказа – 7,5%, иные этнические группы – 3,3%. В аспекте религиозной принадлежности по самооценке в выборке Краснодарского края составляют: христиане – 80,8%, мусульмане – 5,8%, атеисты – 7,5%, а не указали свою конфессиональную принадлежность 5,8% опрошенных. Территориально 55,3% респондентов представляют г. Краснодар, 16% – города и поселки городского типа Черноморского побережья, 20,3% – города средних размеров степной и предгорной частей края, 8,4% – сельские поселения. Распределение респондентов по типам поселений вызвано концентрацией студенческой молодежи, в основном, в крупных городах.

Восприятие межэтнических отношений во многом производно от ориентаций самосознания, от того, насколько единым или фрагментированным молодые респонденты считают своё региональное сообщество, какие виды идентичностей для них

субъективно более значимы. Соответствующий вопрос задавался в формулировке: «Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени? (выберите один ответ, который лучше всего характеризует Ваше самоощущение, при необходимости конкретизируйте Ваш ответ)». Работающие молодые респонденты на Кубани однозначно предпочли гражданскую идентичность (россиянин – гражданин России) – 34% ответов; на втором месте по распространённости – глобальная идентичность (житель Земли, человек мира, представитель человечества) – 28,2%; на третьем этническая – 10,5%, на четвёртом – региональная (8,8%), на пятом – макрорегиональная (житель Юга России) – 7,5%, на шестом – локально-территориальная (житель населённого пункта) – 5,4% и на седьмом – конфессиональная (2,7%).

Вероятно, в дальнейших исследованиях будет необходимо уточнить и детализовать анкету опроса, включив в нее разделы о когнитивном и эмоциональном восприятии идентичностей, о стереотипах образов «Мы» и «Они».

Уровень межэтнических дистанций по шкале Е. Богардуса составил среди опрошенных молодых людей в Краснодарском крае в отношении русских 2,29 балла, адыгейцев – 2,97, украинцев – 3,40, армян – 3,62, уроженцев Средней Азии – 4,29 балла. Характерно, что дистанция повышалась в подвыборках г. Краснодара, где межэтническое общение более интенсивно. Уровень межконфессиональных дистанций составил в отношении христиан всех конфессий 2,85 балла, а мусульман – 3,45 балла. Дисперсия межконфессиональных дистанций меньше, чем межэтнических, и это можно объяснить меньшей субъективной значимостью конфессионального фактора, слабостью знаний респондентов о нем.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена моей семьи») по убывающей составила: 57,6% в отношении русских, 21,7% – украинцев, 19,7% – адыгейцев, 15,5% – армян, 9,3% – уроженцев Северного Кавказа, 7,7% – уроженцев Средней Азии. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 27,6%, а мусульман – 14,4%.

Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране» составила в отношении русских 0,3%, адыгейцев – 1,7%, армян – 3,8%, уроженцев Северного Кавказа – 6,9%, украинцев – 7,6%, уроженцев Средней Азии – 10,1%. В отношении основных

конфессий установка абсолютной неприемлемости составила 2,4% для христиан и 3,8% для мусульман.

Иерархия общественных институтов, которым доверяют респонденты массового опроса 2018 г., предсказуема и она соответствует распределениям во всероссийских опросах. Вверху рейтинга доверия – Вооруженные силы РФ – 70,0%, Президент России – 62,5%, органы государственной безопасности – 60,0%, губернатор края – 50%, Совет Федерации РФ, страховые компании – по 50%. В то же время, отмечен относительно низкий уровень доверия молодежи политическим партиям – 37,5%, банкам, общественным объединениям, администрации края, религиозным объединениям, СМИ, судебной системе – по 40%.

Одной из задач исследования стало получение самостоятельных эмпирических данных об уровне социального доверия и установках в межэтнических отношениях. В июне 2017 г. М.В. Донцова провела исследование жителей Краснодарского края, проживающих в г. Краснодаре и на Черноморском побережье методом анкетного опроса (n=110) [Баранов, Донцова, Юрченко]. В опросе приняли участие жители краевой столицы, г. Сочи, г. Анапы и ряда сельских районов края.

Важным показателем уровня конфликтности является готовность участия в разрешенных акциях протеста. Согласно результатам опроса 2017 г., протестный потенциал респондентов Краснодарского края составлял 21% (в 2016 г. протестный потенциал – 20%) [Dontsova, 1–5], что указывало на устойчивость уровня протестной активности. В массовом исследовании 2018 г. уровень протестной готовности поднялся до 26%. Но среди жителей края, испытывающих готовность к участию в акциях протеста, было гораздо больше сочувствующих оппозиции по сравнению с теми, кто не желает протестовать.

Отношение к протестам оказывает существенное влияние на межэтнические установки жителей края. Те, кто готов выйти на улицы, оценивают вероятность межэтнических конфликтов гораздо более негативно, чем те, кто к протестам не готов (35% против 29%). Восприятие межэтнических отношений у тех, кто готов принять участие в акциях протеста, также имеет более негативную окраску, хотя в данном случае отличия не слишком заметны (2,9 против 2,3 баллов из 5, где «5» – мнение о том, что этническая ситуация в регионе носит конфликтный характер). Однако граждане, готовые к протестной активности, смотрят более оптимистично на развитие межэтнических отношений в будущем

(через 5 лет), чем те, кто не готов принимать участие в протестных акциях. В итоге опроса обнаружена закономерность: для граждан, испытывающих готовность принять участие в акциях протеста, этническая принадлежность человека в повседневном общении (особенно в ситуациях, требующих доверия) имеет бóльшее значение, чем для тех, кто не желает протестовать. В обеих группах (по отношению к протестным акциям) получены схожие ответы по вопросу, касающемуся наличия/отсутствия в регионе трудовой конкуренции между старожилами и мигрантами: большинство из тех, кто дал валидный ответ (53%), считают, что мигранты занимают рабочие места, на которых могли бы работать местные жители [Dontsova,1–5]. То есть, жители края ощущают наличие трудовой конкуренции между старожилами и приезжими.

Очень большое влияние на межэтнические установки жителей Кубани оказывает фактор безопасности. Согласно результатам пилотажного опроса, значительная часть опрошенных не ощущала себя защищенными в финансовом (46%), имущественном (29%), физическом (26%) и правовом (52%) аспектах [Баранов, Донцова, Юрченко, 10–14].

Вся выборочная совокупность проанализирована по показателю безопасности, а затем по заданным категориям проведены статистические сравнения ответов, касающихся межнациональных установок:

Категория 1 – ощущают себя абсолютно незащищенными (отрицательные ответы по всем параметрам) (9%);

Категория 2 – ощущают себя слабо защищенными (положительные ответы по одному параметру) (18%);

Категория 3 – ощущают себя частично защищенными (положительные ответы по нескольким параметрам (два-три) (40%);

Категория 4 – ощущают себя полностью защищенными (в финансовом, физическом, правовом и имущественном отношении) (33%) [Баранов, Донцова, Юрченко, 12].

В результате анализа получены следующие выводы:

чем сильнее чувство защищенности человека, тем ниже оценки вероятности межэтнических конфликтов;

уровень социального доверия выше у тех, кто ощущает себя полностью защищенным;

восприятие межэтнических отношений в регионе гражданами, не испытывающими чувство защищенности, крайне негативное;

среди тех, кто не испытывает чувство защищенности, большинство составили те, кто уверен в существовании трудовой конкуренции между мигрантами и местными (60%), а среди тех, кто ощущает себя полностью защищёнными, таковых меньшинство (40%);

граждане, ощущающие себя незащищёнными, чаще, чем другие, выступают за стратегию ограничения притока мигрантов (60%), и особенно – за ужесточение миграционного законодательства (80% против 17% в категории респондентов, ощущающих полную защищенность);

большинство тех, кто считает, что мигранты препятствуют развитию региона, относятся к категориям безопасности 1 и 2 [Баранов, Донцова, Юрченко, 13].

Относительное большинство опрошенных молодых людей в Краснодарском крае в 2018 г. (42%) считает, что межэтнические отношения характеризуются доброжелательностью и мирным сосуществованием. В то же время, более половины респондентов (53%) считает, что необходимо ограничить приток мигрантов в край и 46,3% выступают за ужесточение миграционного законодательства. Зависимость между субъективным восприятием безопасности и миграции такова: молодые кубанцы, ощущающие себя незащищёнными, чаще других выступают за стратегию ограничения притока мигрантов, особенно – за ужесточение миграционного законодательства.

Сделаем выводы. Приведённые данные показывают асимметричность межэтнических и межконфессиональных дистанций, их зависимость от краткосрочных политико-информационных воздействий. В частности, негативный образ «украинца» явно во многом сформировался вследствие негативного восприятия переворота 2014 г. на Украине и последовавшей войны в Донбассе. В то же время, достаточно высокий уровень приемлемости адыгейцев и армян в межэтнических дистанциях подтверждают интегрированность данных этнических групп в кубанское региональное сообщество.

Восприятие уровня своей безопасности молодыми жителями Краснодарского края вызвано степенью интегрированности в российское государство и общество. В общественном мнении жителей Кубани преобладают экономические, а не общеполитические либо этноконфессиональные мотивы ощущения незащищённости.

Установки поведения этнических групп по преимуществу демонстрируют стратегию избегания открытого конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Вместе с тем, налицо латентная конфликтность, связанная с восприятием социального неравенства этнических групп, их повседневного бытового поведения, возможных притязаний на повышенный коллективный статус.

Большинство опрошенных молодых жителей Краснодарского края (53%) считает, что мигранты занимают рабочие места, на которых могли бы работать местные жители. То есть, жители края ощущают наличие трудовой конкуренции между старожилами и приезжими. Зависимость между субъективным восприятием безопасности и миграции такова: кубанцы, ощущающие себя незащищенными, чаще других выступают за стратегию ограничения притока мигрантов (60%), особенно – за ужесточение миграционного законодательства (80% против 17% в категории респондентов, ощущающих полную защищенность).

Приоритетны ценности мира, межэтнического и конфессионального согласия, взаимного уважения и равноправия. На поддержание таких ценностей, противодействие нетерпимости должна быть направлена как государственная политика, так и деятельность научных и педагогических сообществ, национально-культурных объединений, этнических элит. В этнополитическом аспекте целесообразно позиционировать строительство российской гражданской нации как надэтничный проект, предполагающий не изолированное развитие народов, а их добровольную интеграцию в русле цивилизационного и государственного единства. В конфессиональном отношении строительство российской нации – это секулярный проект, основанный на веротерпимости и равенстве верующих.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баранов, Донцова, Чигрин 2017- *Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А.* Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. – Краснодар, 2017. – № 11. – С. 10–14.

Муха 2014 - *Муха В.Н.* Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности. – Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2014. – 172 с.

Тишков 2013 - *Тишков В.А.* Как понимать «народ» и «нацию» // Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – С. 40–60.

Хагуров, Позднякова 2017 - *Хагуров Т.А., Позднякова М.Е.* Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодёжи / отв. ред. Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова. – М.; Краснодар: Федеральный научно-исследовательский Социологический центр РАН; Кубан. гос. ун-т, 2017. – 340 с.

Юрченко 2011 - *Юрченко В.М.* Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / под ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2011. – 244 с.

Dontsova - *Dontsova M.* The protest potential of Black Sea region area under the conditions of the new electoral cycle (on the example of Krasnodar region) // Network edition «Science Almanac of Black Sea Region Countries». 2017, no 3, pp. 1–5. URL: http://science-almanac.ru/documents/103/2016-03-10-Dontsova.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

BALANCE OF CIVIL, REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY IN THE YOUTH COMMUNITY OF KRASNODAR REGION: PROSPECTS OF THE CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN NATION

A.V. BARANOV
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Summary

The article interprets the results of independent questionnaires of the youth of Krasnodar Region on the correlation of civil, regional and ethnic identities. The ratio of the identities of the studying and working youth of the Krasnodar Territory is compared. The level of confidence of young people of Kuban to the main political institutions, the perception of the degree of their security and migration problems are clarified. There are proved the recommendations to state authorities, local governments, political parties, the media in the sphere of identity politics, in particular - measures to strengthen the unity of the Russian nation.

Keywords: youth, civil identity, ethnic identity, regional identity, correlation, Krasnodar Territory.

Baranov, Andrey – Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н.А. БАРАНОВ
Северо-западный институт управления РАНХИГС, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Рост религиозных настроений в современном мире оказывает существенное влияние на социально-политические процессы, что свидетельствует о потребности общества в наполнении духовной жизни нравственным содержанием, которое базируется на религиозных ценностях. Одновременно происходит политизации религии, связанная с использованием религиозных идей политическими акторами для реализации своих целей. Церковь в современных странах является влиятельным социальным институтом, выстраивающим свою деятельность с государством на основе взаимопонимания и доверия с учетом реализации собственных интересов. Взаимодействие между религиозными организациями и государством осуществляется на правовой основе с учетом исторической роли церкви в становлении нации и гражданского общества, выступающего в качестве ключевого фактора строительства современного общества. Русская православная церковь в современной России институционализировалась в качестве политического субъекта, который может оказывать влияние на различные процессы как в стране, так и за рубежом. Активно участвуя в общественной и государственной жизни страны, РПЦ твердо отстаивает свою позицию, настойчиво продвигает свои интересы и следует принципу, не позволяющему государственным структурам проникать в церковные дела, одновременно оставаясь важнейшим субъектом публичной сферы.

Ключевые слова: религия, государственно-церковные отношения, секуляризм, церковь, Русская православная церковь, политизация религии, религиозные ценности.

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС.

nic.baranov@gmail.com

Религия является одним из наиболее устойчивых факторов, определяющих цивилизационную специфику социума. Процесс секуляризации общества, связанный с политическими модернизационными стратегиями, ставил своей целью «освободить» социокультурное пространство от религии и религиозных институтов. Однако религия, уступив свое доминирующее место в политике, продолжала оставаться значимым политическим актором и влиять на общественное сознание. В условиях культурного плюрализма и современных социально-политических трансформаций религия вернулась в публичное и политическое пространство в иных формах: развернулась конкурентная борьба традиционных религий с секуляристским проектом, новыми религиозными движениями и частными манифестациями отдельных индивидов. Сознание своей принадлежности к секулярному обществу уже не связано с уверенностью в том, что культурная и социальная модернизация может осуществляться только за счет уменьшения влияния религии на индивида и общество. Многие политические проблемы приобретают общественный резонанс только вследствие наделения их религиозными смыслами, религиозные цели и проекты становятся востребованными в политике.

Государственно-конфессиональные отношения находятся в центре внимания многих современных исследователей (Bremer Th., Gill A., Helsi V., Knox Z., Corm G.), которые анализируют подъем религиозных настроений в начале XXI века и их влияние на политические процессы как в отдельных странах, так и в мировой политике. Повышенный интерес представляет эволюция взаимоотношений церкви и государства в условиях политических трансформаций. Данной теме посвящены научные труды А.В. Алексеева, Б.В. Вовченко, А.Р. Зенкова, А.В. Исаева, В.А. Кузнецова, Н.А. Митрохина, М.М. Мчедловой, А.В. Ситникова и других.

Высокую актуальность приобретает возрастание роли церкви как политического института на современные политические процессы, а также на становление институтов гражданского общества и политизацию граждан.

Религиозный фактор в контексте политической институционализации.

Религиозные институты по сравнению с другими социальными институтами более консервативны и изменяются крайне медленно, так как религия закрепляет исторически сложившиеся ценности, нормы, социальные практики в повседневной жизни. Религиозные институты более устойчивы по сравнению с государственными и оказывают стабилизирующее воздействие на системы ценностей современных обществ, внося элемент преемственности. Так, по мнению Р. Инглхарта, религиозные традиции воздействуют на общество двояко: либо религиозные институты и сегодня прививают своим последователям в каждой стране отчетливо выраженные христианские или исламские ценности; либо сформировавшиеся религиозные традиции осуществляют воздействие в основном через общенациональные институты и транслируются на все население, включая тех, кто не связан с религиозными институтами [Инглхарт, Вельцель 2011, 105-106].

Современные политические процессы свидетельствуют о необходимости диалога между религиозными организациями и государственными, международными и общественными институтами, а также между самими религиями. Вызовом традиционным политическим смыслам и практикам являются, с одной стороны, секуляризация социума, с другой - усиление религиозных идентификаций. Связь политики и религии обусловлена рядом обстоятельств: а) общим объектом воздействия – массами; б) взаимной заинтересованностью, поскольку представители религиозных конфессий лоббируют свои интересы через политиков, а политики используют религиозные нормы, догмы и религиозные организации в своих целях; в) влиянием на политический процесс новых религиозных течений и организаций. Воздействие политики на религию носит как самостоятельный, непосредственный, так и рефлексивный характер, являющийся своего рода реакцией на какие-либо проявления влияния религии на политику, что проявляется в политизации религии, разработке религиозно-политических доктрин, поиске религиозных обоснований политическим действиям.

Религиозная система ценностей может как позитивно, так и негативно сказываться на авторитете власти или каких-либо субъектах политики. Распространение религиозных идей может определенным образом обусловить развитие общественного сознания, что обязывает власть учитывать религиозный фактор во

внутренней политике государства. На политику влияют не только собственно религиозные учреждения, но и примыкающие к ним специфические общественно-политические институты, созданные по конфессиональному признаку, нередко основывающиеся на радикальных политических проектах. Примером проявления религиозного экстремизма является политический ислам – термин, используемый на Западе применительно к мусульманам, эксплуатирующим ислам как инструмент для достижения политических целей[1]. Религия на политику оказывает и косвенное влияние через мировоззренческие, моральные и правовые общественные устои, под воздействием которых формируется внешняя и внутренняя политика государства, определяются ее характер с учетом политических и экономических интересов. Религиозность выступает, чаще всего, фактором повышения провластных ориентаций. Религиозное население политически более лояльно к институтам политической системы, политическим лидерам, чем нерелигиозное, выступает за преемственность политического развития.

Наличие у религиозных институтов определенных ресурсов позволяет им выступать в качестве мощного регулятора политической активности, механизма политической мобилизации и рекрутирования, средства легитимации и делегитимации власти. Так, взаимосвязь «религиозного ренессанса» с европейскими политическими практиками проявлялась в возможности, опираясь на принципы мультикультурализма и идеи «общества меньшинств», создавать религиозные партии и общественные организации, консолидировать представителей миграционных волн на религиозной основе.

В континентальной Европе сформировались христианско-демократические партии, что стало возможным вследствие религиозной мобилизации и политического религиозного процесса, в котором религия использовалась в качестве центрального инструмента. Либеральные партии XIX в. настаивали на отделении церкви от государства и текущей политики в своих странах, представители церкви — на возможности работать в политически важных областях, основываясь на провозглашаемых либералами свободах. В рамках католической церкви были созданы общественные движения, которые впоследствии стали ядром партий христианских демократов. Эти движения оказывали

[1] Под политическим исламом понимается также политическая идеология ислама.

воздействие и на организационные формы церкви. Первые массовые партии в европейской политике оказались организациями, которые выросли из подобных католических общественных движений. Они были основаны на сети местных институтов, которые подчеркивали необходимость проведения социальной политики как на локальном, так и на национальном уровне. Работая с людьми на постоянной основе, они постепенно превращались в политические партии. Со временем возникал разрыв между церковью и этими общественными организациями. Причина трансформации этих организаций в партии — в их эффективности в качестве политического инструмента.

Религия реализует ряд функций по отношению к политике. *Функция легитимации* заключается в узаконивании определенных общественных порядков, институтов и отношений как должных или, наоборот, в утверждении неправомерности каких-либо из них. *Представительная* функция заключается в выражении и защите интересов некоторой группы людей религиозными организациями, которые выступают как субъекты политики. *Мировоззренческая функция* заключается в организации сознания людей, его структурировании, выработке определенной картины мира, ценностей, идеалов и норм. *Дифференцирующая* функция обуславливает наличие границ раздела сфер влияния различных религий: любое единое общественное образование может быть разбито на несколько разноконфессиональных частей, будь то территориально целое государство, или однородная по составу социальная группа. *Регулятивная функция* обеспечивает поддержку принятых в обществе социальных норм поведения, социальный контроль, в том числе в политической сфере. Кроме того, необходимо отметить *интегративную функцию* религии, связанную с объединением верующих данной религии и выполнении стабилизирующей роли в сохранении социального порядка, частью которого она является [Ситников 2012, 16-20; Соломатин 2006, 22-25].

Французский философ Жорж Корм пишет об инструментализации религии и интенсивной фабрикации цивилизационных национализмов, сопровождающих ее как в исламе, так и в иудаизме и христианстве [Корм 2012, 246]. Действительно, в начале XXI века религиозные настроения становятся доминирующим фактором мировой политики, одним из ключевых вопросов строительства современного общества. Религия сегодня – это не только знамя борьбы, не только

моральный ориентир, но и средство, активно используемое в интересах самых разных групп, инструмент давления, достижения целей, порой далеких от религии.

Факторы политизации церкви в современном государстве

В конце XX в. наблюдался так называемый «религиозный ренессанс» и политизация религии как в странах, где позиции религии никогда не ослабевали (страны «исламского мира» или буддизма), так и в тех, где положение религии было в той или иной степени подорвано (в первую очередь, в постсоциалистических странах, в том числе в России). Политизация религии — сложный, комплексный процесс, связанный с использованием религиозных идей политическими акторами для реализации своих целей и со стремлением религиозных институтов использовать политические конструкты для отстаивания своих позиций в рамках традиционного политического пространства и осуществления прозелитистской деятельности. Наблюдается процесс «проявления» политической составляющей религии [Семедов 2009, 56].

Часто феномен политизации религии сводят к использованию ее какими-либо политическими силами, т.е. как следствие применения политических технологий. Так, Б. Тиби определяет политическую религию[2] как «мобилизацию религии в политических целях» [Tibi 1998, 37] для оправдания политических действий или мобилизации людей в нерелигиозных целях. Д. Мартин оценивает политический ислам как «мобилизацию религиозной идентичности для преследования частных целей публичной политики» [Martin 1999, 103]. Сходной позиции придерживается Дж. Хейнс, для которого «политизация религия» – не обращение к ней как к таковой, но «использование религиозных убеждений, чтобы помочь людям в преследовании социальных, политических и экономических целей» [Martin 1999, 103]. А Ж. Корм пишет об использовании ислама «для общественного протеста против устоявшегося порядка в самих мусульманских странах» [Корм, 248]. В современном мире наблюдается тенденция политизации всех сфер жизни общества, и религия в данном случае не является исключением. Представляется, что говорить о политизации религии можно только тогда, когда политические средства используются в религиозных целях, а религиозные

[2] Политическая религия - тотальная идеология, которая утверждает приоритет сакрального над профанным, светским.

средства — в политических целях. Речь идет о взаимосвязанности, взаимозависимости и взаимообусловленности политизации религии и клерикализации политики.

Опыт политизации различных религий показывает, что она всегда сопровождалась появлением сети альтернативных общественных институтов, имеющих двойное назначение. Во-первых, эти организации выполняют многие социальные функции государства – они появляются там, где государство не справляется с оказанием социальной поддержки. Во-вторых, альтернативные общественные институты служат центрами пропаганды и организации политической деятельности. Социальные услуги, которые оказывают альтернативные организации, привлекают людей, далеких от религии и политической борьбы, но по мере погружения в деятельность организации они проникаются идеями политической религии [Митрофанова 2006, 191]. Некоторые исследователи полагают, что такие организации намного значительнее влияют на политические процессы, чем постоянно находящиеся в центре внимания прессы радикальные группы, поскольку выполняют функцию ресоциализации городских и сельских районов, выпавших из поля внимания государства. При благоприятных обстоятельствах альтернативные социальные институты могут послужить плацдармом для захвата политической власти.

Среди основных *направлений влияния религии на политику* можно выделить следующие.

1. Влияние на сознание людей, общественную мораль, нравственность и правопорядок. Политически социализированный индивид может непосредственно принимать участие в политических событиях, либо реагировать на них в соответствии со своими религиозными воззрениями, заставляя окружающих считаться с ними.

2. Идеологическая поддержка или противоборство. Пропаганда религии, с ее системой ценностей и идей, может как позитивно, так и негативно сказываться на авторитете власти или каких-либо субъектах политики. Распространение религиозных идей может составить конъюнктуру какой-либо идеологии и определенным образом обусловить развитие общественного сознания.

3. Политическая деятельность религиозных организаций (прямое участие в политической деятельности религиозных

структур и политических партий религиозной направленности, включая их участие в международном политическом процессе).

4. Проблемная интеграция. Религия акцентирует внимание на таких глобальных проблемах, как поддержание мира, борьба с голодом, особо опасными болезнями, экология, демография и т.д. и выступает как некоторый центр, объединяющий тех, кто заинтересован в решении этих проблем. Политики также заинтересованы в разрешении этих проблем и не пренебрегают возможностью использовать авторитет религии для поддержания своего престижа.

5. Политическая интеграция — объединение различных политических образований и государств с учетом религиозного признака (Всемирный совет церквей, в состав которого входит более трехсот христианских церквей из более чем 100 стран; Всемирный буддистский альянс; Азиатская буддистская конференция за мир; Организация исламского сотрудничества (до 2011 г. – Организация Исламская конференция), в которую входит более 50 мусульманских государств).

6. Разделение сфер влияния по конфессиональному признаку как обратная сторона интеграции, так как образование новых связей часто бывает сопряжено с разрывом старых. Так, например, республики Средней Азии, ранее входившие в состав СССР, одними из первых получили международное признание со стороны Турции, Ирана, Пакистана и стран Персидского залива; между некоторыми из них явно обозначились линии соперничества за влияние на новые государства.

7. Религиозный экстремизм как основа радикальных политических действий, осуществляемых различными религиозно-политическими образованиями. Так, например, из-за арабо-израильских конфликтов произошла исламизация внешней политики в ряде государств, что обусловило распространение идеологии «исламского порядка». Наиболее экстремистский вариант представляет собой концепцию создания всемирного исламского государства и освобождения от «неверных» территорий, где распространен ислам. Проявления религиозного экстремизма были зафиксированы в Албании, Боснии, Косово, Герцеговине, а также в отношениях Сербии и Хорватии.

Учет религиозного фактора осуществляется во внешней политике при разработке соответствующих доктрин и осуществлении конкретных акций на мировой арене.

Религия, кроме непосредственного влияния на политику, оказывает на нее косвенное влияние через мировоззренческие, моральные и правовые общественные устои, под воздействием которых формируется внешняя и внутренняя политика государства, определяются ее характер с учетом политических и экономических интересов. Так, например, христианские ценности лежат в основе ряда политических концепций стран Запада, исламские стереотипы сказываются на деятельности мусульманских государств, а буддизм нашел выражение в политической жизни народов азиатского континента. Самосознание и патриотизм также формируются под влиянием религиозных концепций посредством воспитательной системы и культуры.

В условиях широкого распространения процессов демократизации в мире встает вопрос о совместимости с демократическими практиками различных конфессий. Широко распространенной является точка зрения о том, что благоприятствует демократии протестантская христианская религия и развитие капиталистических отношений. Однако демократические традиции, сформировавшиеся исторически, в ряде католических государств (Польша, Бельгия, Ирландия) ставят под сомнение данный аргумент. В то же время формирующиеся демократические институты в Турции, Пакистане, Индонезии и некоторых других государствах, где большинство населения исповедует ислам, свидетельствуют о несостоятельности утверждений, будто мусульманские традиции составляют контекст, неблагоприятный для демократии.

По мнению австрийского и американского экономиста Д. Мюллера, демократия и религия совместимы, если религиозные убеждения не препятствуют разумному использованию знаний и если все сообщество разделяет одни и те же религиозные убеждения. Ограничивая пределы свободного применения разума, религии уменьшают способность людей принимать такие индивидуальные и коллективные решения, которые способствуют их благополучному земному существованию - и в этом плане религия и демократия несовместимы [Мюллер 2015, 496-496].

Американский политолог и религиовед Джеффри Стаут, выражая опасения относительно нового традиционализма, распространенного в ряде западных стран, считает, что христианская теологическая ортодоксальность не является источником антидемократических настроений, несмотря на то, что

некоторые теологические взгляды расходятся с демократией. Политические тревожные аспекты нового традиционализма проистекают из источников, весьма отличных от любой религиозной доктрины [Стаут 2009, 403].

Религия может нарушить демократический процесс в том случае, если верность религиозной группе превалирует над верностью политическому сообществу. В крайних случаях религиозная солидарность способна подтолкнуть к действиям, наносящим прямой вред обществу.

Отношения, складывающиеся между различными Церквями, могут служить основанием для политизации межгосударственных и межцивилизационных отношений. В данном контексте целесообразно отметить историческую встречу, состоявшуюся 12 февраля 2016 года на Кубе, между Главой католической церкви Папой Римским Франциском и Предстоятелем Русской православной церкви Патриархом Кириллом, в ходе которой были обсуждены взаимоотношения между Церквями и перспективы развития человеческой цивилизации. Иерархи церкви призвали мировое сообщество сплотиться, чтобы покончить с насилием и с терроризмом, содействовать скорейшему достижению гражданского мира. На встрече было заявлено о необходимости межрелигиозного диалога. В принятом Совместном заявлении говорится: «Различия в понимании религиозных истин не должны препятствовать людям разных вер жить в мире и согласии. В нынешних условиях религиозные лидеры несут особую ответственность за воспитание своей паствы в духе уважения к убеждениям тех, кто принадлежит к иным религиозным традициям. Абсолютно неприемлемы попытки оправдания преступных деяний религиозными лозунгами» [Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла 2016]. Руководители церквей выразили обеспокоенность ограничением, а порой дискриминацией прав христиан некоторыми политическими силами, руководствующимися идеологией агрессивного секуляризма и стремящимися вытеснить их на обочину общественной жизни. В то же время предостерегли против такой интеграции, которая не уважает религиозную идентичность, и призвали христиан Западной и Восточной Европы объединиться для того, чтобы «Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией» [см. там же].

Современные тенденции взаимодействия церкви и государства

Развитие взаимоотношений церкви и государства осуществлялось в различные исторические эпохи на разных принципах, определяясь требованиями и интересами государственной власти и характером общественной миссии церкви, разнообразием ресурсов и наличием рисков в диалоге духовной и светской властей.

Католическая церковь в начале XXI в., желая сохранить себя в качестве влиятельного идейно-политического института, все глубже погружается в суету общественной жизни, теряя свой авторитет как духовно-нравственной силы. Скандалы, разрушающие единство католической церкви, свидетельствуют о ее неспособности нести истину и определять ценностные ориентиры современного западного общества. Как выразился римский папа Бенедикт XVI, Западу «больше не удается услышать Бога» [Четверикова 2013, 456]. Все попытки вернуть христианские представления о нравственности и противостоять духовной и моральной деградации человека не имеют успеха и вызывают в социуме обратную реакцию – неприятие и обвинение церкви в фундаментализме. Добровольная отставка Бенедикта XVI в феврале 2013 г. свидетельствует о серьезных внутренних проблемах в католической церкви.

Деятельность католической церкви в последнее десятилетие была сконцентрирована на европейских проблемах и ориентирована на религиозно-этическом обосновании строящейся единой Европы как модели нового мирового порядка. В ходе мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Ватикан стал обосновывать создание новых наднациональных органов контроля за потребностями морально-этического характера. В преддверие встречи G8 в 2009 г. Бенедикт XVI опубликовал энциклику «Caritas In Veritate» с обоснованием необходимости создания «мировой политической власти», которая должна признаваться всеми и пользоваться реальными полномочиями. Странам всего мира предложено реформировать ООН и другие международные институты таким образом, чтобы они смогли стать основой для создания «единой семьи» народов и взять на себя решение вопросов разоружения, продовольственной безопасности и иммиграционной политики. Выдвигается необходимость реформирования мировых финансовых институтов и создания новой экономической системы, ориентированной не на

получение выгоды, а на соблюдение моральных принципов. Избранный в 2013 г. 266-ой папа римский Франциск также обосновывает позицию Католической церкви по различным вопросам современности. Так, он раскритиковал Запад за попытки «экспорта» своего виденья демократии в страны с отличной политической культурой. По итогам 2016 года понтифик стал лауреатом международной премии им. Карла Великого за вклад в объединение Европы. Дирекция этой европейской награды обосновала свой выбор тем, что Папа Римский является «голосом совести», который напоминает, что Европа обязана вступаться в защиту мира, свободы, основных прав человека, демократии и солидарности [ТАСС новости 2018].

Ватикан, стремясь оставаться влиятельной силой, пытается осуществлять идейное руководство процессом интеграции мира в условиях глобализации и придать религиозный смысл структурам глобального контроля со стороны правящих элит, способствуя тем самым их консолидации и принятию широкими слоями населения.

Политический процесс в восточных государствах, как и в западных, связан с поддержкой в политической и социальной жизни религиозных ценностей, являющихся имманентными, естественными, устоявшимися в течение многих столетий. Ислам с самого начала был социальным движением и служил идеологическим обоснованием создания мусульманского государства. Исламское государство - Халифат, основанное Пророком Мухаммедом, является идеальной организацией и высшим достижением духовной культуры, образцом для всех современных мусульманских обществ. Поэтому в мусульманском мире различие между религией и государством не было столь заметным, как в христианских странах.

В исламе единственной определяющей нормой, в соответствии с которой может быть организована политическая жизнь сообщества, является выдвигаемая на первый план общность уз веры, которые образуют основу политической интеграции, социальной солидарности, экономической помощи и духовного братства. Аллах является суверенным правителем всех государств. Теоретические концепции ислама исходят из того, что власть в государстве существует благодаря «божественной справедливости», основывающейся на шариате, при наличии богобоязненного правителя. Традиционным является сочетание авторитета правителя и согласованного мнения населения или наиболее авторитетных его представителей.

По степени интегрированности ислама и государства выделяют [Никонов 2006, 144-146]: 1) страны, где исламскому духовенству принадлежит верховная власть (Иран, Афганистан при талибах); 2) государства, где исламские настроения весьма сильны, но формально политическая власть все-таки принадлежит не духовенству (Саудовская Аравия, Кувейт, Пакистан, Малайзия, Судан); 3) светские авторитарные режимы (Ливия при М. Каддафи, Тунис, Туркменистан), где используется ислам в целях светского носителя власти; 4) страны с мягкими вариантами ислама, но учитывающие мнение мусульманского духовенства (Индонезия, Марокко, Иордания); 5) страны, где правительство практически находится в состоянии гражданской войны с радикальными исламистами (Египет, Алжир, Узбекистан); 6) государства, которые подчеркивают свой светский характер и, по крайней мере, на словах политически ориентируются на Запад (или в некоторых случаях на Россию, которая, с точки зрения мусульман, является частью Запада), поскольку Запад для них – это, прежде всего, христианский мир (Турция, Албания, большинство мусульманских республик на постсоветской территории).

В конце XX в. ислам нередко использовался как прямой инструмент политики и борьбы за власть, в нем стали преобладать политические приоритеты с ярко выраженными антизападными настроениями. В мусульманском мире наблюдается тенденция возврата к тем идеалам ислама, которые можно использовать для активных политических действий и реставрации некоторых исламских норм и институтов. Современные мусульманские политики и идеологи проповедуют необходимость создания общественно-политической системы и политической идеологии, опирающейся на исламские ценности [Комар 2004, 10]. Исламизм как политическое движение стал реальной политической силой, оказывающей решающее воздействие на массовое сознание, морально-этические, культурные, социально-экономические, особенно политические проблемы развития. В начале XXI века возникло движение, которое впоследствии стало называться «Исламское государство» (ИГ), объявившее в 2014 г. о создании на захваченных землях Ирака и Сирии халифата. Несмотря на то, что ООН объявила эту организацию террористической, она не испытывает недостатка в живой силе, оружии и деньгах, что свидетельствует о разделяемых частью мусульман ее идей. Наряду с другими террористическими организациями ИГ, стала реальной политической силой, с которой невозможно не считаться, так как

ее влияние распространяется далеко за пределы, контролируемые боевиками. Поэтому, несмотря на поражения ИГ в Ираке и Сирии, борьба с этой террористической организацией далека от завершения.

Политизации буддизма в некоторых странах (Шри Ланке, Мьянме, частично в Индии) способствовали социально-экономические условия развития страны. Существование огромной пропасти между богатыми и бедными, отсутствие среднего класса облегчало политикам манипулирование настроениями необразованных масс, используя шовинистические лозунги. Авторитет буддизма, или «буддификация», применялся для усиления националистических настроений среди основного населения, взращивания идеологии буддистского национализма, что использовалось для отвлечения внимания населения от других проблем, например неурожаев, банкротств банков или намечающихся антиправительственных выступлений. Сложное переплетение негативных социально-экономических и религиозно-этнических факторов приводили к взрывам массового насилия, например в ходе антимусульманских выступлений буддистских монахов в 1997 г. [Schober 2007, 51-69]. Религия играет важную роль в генерации внутренних конфликтов, например, в индо-пакистанских противоречиях о территориальной принадлежности Кашмира.

В современном мире существуют государства, в образовании которых религиозный фактор сыграл значительную роль, а признание проходило в рамках преодоления последствий колониализма (Индия, Пакистан).

Интересен пример создания государства Израиль. Движение, которое ставило своей целью основание еврейского государства на территории Палестины, — политический сионизм. Во многом сионистское движение было обусловлено трудностями, с которыми столкнулась еврейская община в государствах проживания. Сыграл свою роль резкий рост антисемитизма в Европе на фоне роста национального самосознания еврейского народа. После провозглашения государства евреи со всего мира репатриировались в Израиль. Совокупность соглашений, определившая место религиозных норм в жизни Израиля, стала результатом компромисса между светским руководством государства и религиозными кругами в конце 1940-х годов и определила ярко выраженную религиозную окраску почти всех сфер общественной жизни светского государства Израиль. В XXI

веке в иудаизме сохраняется высокое влияние неоконсервативных кругов, которые защищают любые действия государства Израиль, смешивая их с защитой самого иудаизма.

Религиозный фактор сыграл важную роль в ходе распада Югославии в 1990-е годы. Так, боснийские мусульмане провозгласили своей целью исламизацию мусульман и создание единого исламского государства [Гуськова 1992, 24]. В Хорватии католическая церковь поддержала создание моноэтнического хорватского государства под лозунгом: «Борьба за Хорватию — борьба за католицизм». В Косово после перехода управления в крае под протекторат международного сообщества самым активным сербским общественным и политическим институтом стала православная церковь, игравшая важную роль в выстраивании отношений между сербскими анклавами и албанским большинством. Сербская православная церковь выступила в качестве значимой политической силы в самой Сербии и приняла активное участие в формировании общественного мнения о конфликте в Косово в других православных странах.

Взаимоотношения церкви и государства определяются системой гражданского церковного права. В Евросоюзе можно выделить три основных типа системы права в отношениях церкви и государства: 1) системы, основанные на существовании государственной церкви или господствующей религии на фоне тесных связей государственной власти и церкви (Англия, Дания, Греция, Мальта, Финляндия); 2) системы, основанные на идее строгого отделения церкви от государства (Франция (за исключением трех восточных департаментов), Нидерланды, Ирландия); 3) системы, построенные на отделении церкви от государства с признанием множества общих задач, в выполнении которых церковь и государство связаны друг с другом (Бельгия, Польша, Испания, Италия, Венгрия, Австрия, страны Балтии, Португалия). В некоторых из этих стран важную роль играют соглашения между церковью и государством, поэтому иногда говорят о странах с договорной системой государственно-церковных отношений.

РПЦ и современное российское государство

Русская православная церковь (РПЦ) – самая крупная религиозная организация в России, которая является не только влиятельным публичным субъектом на постсоветском пространстве, но и культуро-образующим фактором русской нации. История взаимоотношений РПЦ и российского государства

в XX веке была сложной и противоречивой. Эволюция государственно-церковных отношений в советское время зависела от востребованности со стороны власти в поддержке широких слоев общества в сложное для нее время. Поэтому принципы воинствующего атеизма (1920-1930-е гг.) были заменены «новой линией» в отношении государства к церкви в годы Великой Отечественной войны и созданы специальные органы: Совет по делам Русской православной церкви (1943-1965), Совет по делам религиозных культов (1943-1965) и Совет по делам религий (1965-1991). В послевоенное время государственно-церковные отношения эволюционировали от хрущевских гонений на религию к новому этапу – «эпохе Брежнева» с изменением курса на легализацию церкви с целью встраивания ее в партийно-государственную машину и концепцию «развитого социализма» до начала превращения церкви в полноправный субъект государственно-конфессиональных отношений на рубеже XX-XXI вв.

Следует отметить, что взаимоотношения между церковью и государством в современной России переживают различные этапы в своем становлении. Так, в 1990-е гг. государство передавало в церковную собственность храмы, земли, исторические памятники архитектуры, ранее принадлежавшие РПЦ, что было обусловлено комплексом вины, сложившимся у российской власти перед церковью за годы коммунистического правления.

В 2000-е гг. взаимоотношения стали строиться в большей степени на взаимной поддержке и доверии светской и духовной власти. Так, взамен на поддержку государство разрешает церкви создание института армейского духовенства, проведение занятий по основам православной культуры в школах; идет консолидированная работа по борьбе с наркотиками, алкоголизмом, безнравственностью, по возрождению величия державы.

В соответствии со ст.14 Конституции Российская Федерация является светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Деятельность религиозных организаций регламентируется федеральными законами «О некоммерческих организациях» (1996 г.), «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.). В соответствии с последним законом религиозное объединение не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов

местного самоуправления; не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления; не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

В России исторически сложилась ситуация, при которой представители основных религий соблюдают негласную договоренность о разделе сфер своей деятельности и миссионерских усилий, стараются не допускать борьбы между собой за обращение населения в свою веру. Разнообразие религиозных традиций определяется этническим составом населения. Произошла институционализация межрелигиозного сотрудничества и диалога основных конфессий: на разном уровне действуют всевозможные межрелигиозные советы, поддерживаются регулярные контакты духовных лидеров, проводятся форумы и т.д. По данным исследователей, большинство верующих всех конфессий выступают за сохранение исторически сложившихся отношений между народами и религиями Российской Федерации [Ситников 2012, 36].

Отношение с государством РПЦ выстраивает в соответствии с Основами социальной концепции Русской православной церкви [Официальный сайт Московского патриархата 2018] – официальным документом, утвержденным на Архиерейском соборе 2000 года, в котором представлено понимание современной ситуации, сказанное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций.

Основы социальной концепции излагают базовые положения учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем. Документ также отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом. Помимо этого, он устанавливает ряд руководящих принципов, применяемых в данной области епископатом, клиром и мирянами. «Церковь, - говорится в документе, - не должна брать на себя функции, принадлежащие государству. В то же время церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством». В случае принуждения православных верующих к отступлению от учения, приводящего к греховным деяниям, церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому

греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти церковное Священноначалие может предпринять следующие действия: «вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению». Таким образом, РПЦ настраивает и прихожан, и Священноначалие не на индифферентное отношение к происходящему в государственной сфере, а на активное участие в общественных и государственных делах.

РПЦ участвует в политическом дискурсе также через различные организации, форумы, где она играет решающую роль, среди которых выделяются Всемирный русский народный собор и Рождественские чтения.

Всемирный русский народный собор - международная общественная организация, функционирующая под эгидой РПЦ, существующая с 1993 года и призванная способствовать формированию гражданского общества России. В его заседаниях традиционно принимают участие представители всех ветвей власти, лидеры общественных объединений, высшее духовенство традиционных религий России, преподаватели и студенты крупнейших учебных заведений страны, деятели науки и культуры, делегаты русских общин из ближнего и дальнего зарубежья, многочисленные представители молодёжи. С момента создания ВРНС главой этой общественной организации является Патриарх Московский и всея Руси. Целью этой международной общественной организации является привлечение общественного мнения к наиболее острым вопросам современности [Всемирный русский народный собор 2018].

Другой публичной формой, используемой РПЦ для влияния на государственные вопросы, являются Рождественские чтения - крупнейший в Российской Федерации ежегодный церковно-общественный форум, который дает возможность выразить позицию Церкви в области образования, обсудить важнейшие вопросы церковно-государственного сотрудничества, сохранения традиционных семейных ценностей, православного воспитания детей и юношества, развития взаимоотношений РПЦ со светским обществом. В Рождественских чтениях принимают участие Патриарх и священноначалие Русской православной церкви,

представители органов исполнительной, законодательной и судебной власти, ученые и общественность.

Русская православная церковь является социальным институтом с наиболее высокой поддержкой со стороны населения после армии. Высокий уровень доверия РПЦ в обществе является стабильным на протяжении первых двух десятилетий XXI века, что является основанием для ее влияния на общественную жизнь и на государственные структуры.

Заключение. Высокая роль конфессионального фактора в современном мире свидетельствует о потребности общества в наполнении духовной жизни нравственным содержанием, которое базируется на религиозных ценностях. Религиозный фактор становится значимым в политическом процессе в связи с потребностью в моральном ориентире, который люди не находят в светской жизни. Происходит и обратный процесс: церковь становится политическим институтом, влияющим на социально-политические процессы в стране и в мире.

Религия сегодня – это не только моральный ориентир, но и средство, активно используемое в интересах отдельных групп, а также инструмент достижения политических целей. В ряде государств, появившихся в последние десятилетия религиозный фактор сыграл важную роль в становлении новых наций. Церковь в современных странах – это влиятельный социальный институт, выстраивающий свою деятельность с государством на основе взаимопонимания и доверия с учетом реализации собственных интересов.

Русская православная церковь в современной России также сумела превратиться из организации полностью подконтрольной государству в самостоятельного актора, который может оказывать влияние на различные процессы как в стране, так и за рубежом. Механизмы взаимодействия между церковью и государством еще находятся в стадии становления, но в целом позволяют решать задачи, стоящие перед обществом.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Инглхарт, Вельцель 2011 - *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Комар 2004 - *Комар В.И.* Ислам, исламизм и западная цивилизация // Афро-азиатский мир: Проблемы цивилизационного анализа. Вып. 2. Региональные цивилизации. М., 2004.

Корм *2012* - *Корм Ж.* Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. 288 с.

Митрофанова 2006 - *Митрофанова А.В.* Религиозный фактор в мировой политике: на примере православия. Дис… д-ра полит. наук. М., 2006.

Мюллер 2015 - *Мюллер Д.* Разум, религия, демократия / пер. с англ. А.А. Столярова. М.: Мысль, 2015. 560 с.

Никонов 2006 - *Никонов В.* Исламский вызов и Россия // Российская политика: курс лекций / Под ред. В.А. Никонова. М., 2006. С.136-150.

Основы социальной концепции Русской православной церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html

Папа римский Франциск стал лауреатом Международной премии имени Карла Великого. URL: http://tass.ru/obschestvo/2551855

Сайт международной общественной организации «Всемирный русский народный собор». URL: https://vrns.ru/

Семедов 2009 - *Семедов С.А.* Ислам в политике: идеология и практика. М.: Экон-Информ, 2009. 272 с.

Ситников 2012 - *Ситников А.А.* Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя, 2012. 248 с.

Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла, 12 февраля 2016 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/4372074.html

Стаут 2009 - *Стаут Д.* Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2009. 464 с.

Четверикова 2013 - *Четверикова О.Н.* Католицизм во второй половине XX – начале XXI в.: идеология и политика Ватикана в условиях перехода к глобализированному мировому порядку // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / Отв. ред. А.И.Филимонова. М., 2013. С.415-461.

Гуськова 1992 – *Гуськова М.* Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990-1992). Современная история Югославии в документах / Под ред. Е.Ю. Гуськовой. М., 1992.

Haynes 1998 - *Haynes J.* Religion in Global Politics. L., N.Y.: Longman, 1998.

Martin 1999 - *Martin D.* The Evangelical Upsurge and its Political implications // The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / Ed. P.L. Berger. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center & Grand Rapids, Michigan: William B. Ferdmans Publishing Company, 1999.

Schober 2007 - *Schober J.* Buddhism, Violence and the State in Burma (Myanmar) and Sri Lanka // Religion and Conflict in South and Southeast Asia: Disrupting Violence. N.Y.: Routledge, 2007. P. 51-69.

Tibi 1998 - *Tibi B.* The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorderi. Berkeley, etc.: University of California Press, 1998.

POLITICAL ASPECTS OF CHURCH AND STATE RELATIONSHIPS IN THE MODERN WORLD

N. A. BARANOV
North-Western Institute of Management of the Russian Academy of the National Economy and State Service, Saint-Petersburg, Russia

Summary

The growth of religious attitudes in the modern world has a significant impact on the socio-political processes, which indicates the need of society in filling the spiritual life with moral content, which is based on religious values. At the same time, politicization of religion is taking place, connected with the use of religious ideas by political actors for the realization of their goals. The church in modern countries is an influential social institution that builds its activities with the state on the basis of mutual understanding and trust, taking into account the realization of its own interests. Interaction between religious organizations and the state takes place on a legal basis, taking into account the historical role of the church in the formation of the nation and civil society, which is a key factor in the construction of a modern society. The Russian Orthodox Church in modern Russia was institutionalized as a political entity that can influence various processes both in the country and abroad. Actively participating in the public and state life of the country, the ROC firmly upholds its position, persistently advances its interests and follows the principle of not allowing state structures to penetrate church affairs, while remaining the most important subject of the public sphere.

Keywords: religion, state-church relations, secularism, church, Russian Orthodox Church, politicization of religion, religious values.

Nikolai Baranov - Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations of the North-Western Federal University of Economics and Management of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of the National Economy and State Service.

nic.baranov@gmail.com

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА

Т.В.БЕСПАЛОВА
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, Москва, Россия.

Аннотация. В статье с позиций цивилизационного подхода анализируется потенциал идеологии государственного патриотизма в условиях новых политических вызовов. Предметом изучения выступают культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. Цивилизационный потенциал государственного патриотизма связан с исторической и политической возможностью использования государственного авторитета и силы в сохранении и укреплении цивилизационных основ России. Государственный патриотизм рассматривается как деятельность государственных органов власти по осуществлению культурной, образовательной, национальной и внешней политики России, содержание и направленность которой соответствует социокультурным запросам народа и учитывает исторические вызовы и угрозы. Цивилизационная миссия России в XXI веке не сводима к защите и укреплению своих духовно-нравственных и культурных ценностей и святынь, сбережению народа России, она связана также с защитой соотечественников на исторической территории России, русского языка, русской культуры, православной веры и общей исторической памяти.

Ключевые слова: государственный и народный патриотизм, цивилизационный потенциал государственного патриотизма,

русская культура, Россия как историческое государство-цивилизация.

Беспалова Татьяна Викторовна – доктор философских наук, руководитель Отдела государственной культурной политики, ФГБНИУ Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им.Д.С.Лихачёва.
tvb09@bk.ru

Введение.

Патриотизм является одной из наиболее дискуссионных тем в общественно-политической жизни современной России в связи с огромным количеством смыслов этого понятия, которые зависят от исторической эпохи, культуры, политического режима и множества других факторов. Патриотизм может выступать в качестве идеи, чувства, образа мыслей и действий, идеологии, политической технологии…

В мировоззренческом смысле патриотизм как гражданская добродетель, был исследован многими мыслителями ещё со времён античности, далее его смыслы дополнились изучением имперских форм патриотизма, его христианским измерением, и в целом религиозным и сакральным содержанием. В эпоху Просвещения и в Новое время в связи с формированием наций как политических общностей можно констатировать рационализацию в исследовании патриотизма как социально-политического феномена. При этом особое исследовательское внимание уделялось метафизическим аспектам патриотизма, его сущностным чертам и нравственным противоречиям. Эпоха революций в Западной Европе XVIII – XIX веков привнесла очередные изменения в содержание патриотизма, связанные с борьбой за определённую систему ценностей, иной образ жизни, гносеологическим поворотом от социально-политического измерения патриотизма к антропологическому и аксиологическому, а в конце XIX начале XX-го века к классовому и государственно-политическому.

Патриотизм как чувство, образ мыслей и действий подробно описан в таких исторических источниках как «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати», «Поучения Владимира Мономаха», «Повесть временных лет», «Москва-третий Рим», проповеди Сергия Радонежского и др. В основном, в этих трудах патриотизм описывается как подлинно народный, связанный с

защитой русских земель от иноземных захватчиков и с формированием единого русского государства.

Одной из первых работ, в которых проведён анализ государственного патриотизма, является книга «Государь» Н. Макиавелли, в которой обосновывается идея сильного итальянского государства. В ней, в частности, указано, что мудрость государя заключается в создании таких условий, при которых возникала бы потребность в государстве, которая должна привести к возникновению преданности и верности граждан.

Государственный патриотизм как «политическая форма Отечества» (идея И.А.Ильина), исторически и культурно обусловлен, выражается в гражданском самосознании индивида, его осознании причастности к государству. Критика «государственного патриотизма» обычно сводится к метафоричности данного понятия, к отсутствию в нём народного содержания, и редкому использованию его в научных работах. В основе государственного патриотизма должно быть народное содержание, которое исторически подвижно, но ориентировано на определённый идеал, заданный не только русской литературой, но и всей великой историей народа и страны, её победами, традициями и культурой.

Если содержание официального патриотизма не совпадает с социокультурным запросом общества, то власть, формирующая его, рано или поздно - столкнется с противодействием общества. Очевидно, что важным аспектом устойчивости и социальной эффективности любой управленческой системы является воспроизводство собственных патриотических практик, сохранение патриотических традиций, что способствуют гармоничным отношениям общества с государством и укреплению правосознания граждан и общества в целом.

И.А. Ильин отмечает: «...любовь к родине живет в душах в виде неразумной, предметно неопределенной склонности, которая то совсем замирает и теряет свою силу, пока нет надлежащего раздражения (в мирные времена, в эпохи спокойного быта), то вспыхивает слепою и противоразумною страстью, пожаром проснувшегося, испуганного и ожесточившегося инстинкта, способного заглушить в душе и голос совести, и чувство меры и справедливости, и даже требования элементарного смысла» [Ильин 1993, 218].

Хрупкость «чувства родины» в его неподчинённости нравственному закону, в абсолютной стихии проявления, этот факт

всегда восхищал исследователей и страшил политиков. Народное начало, лежащее в основе патриотизма, считали даже опасным, совершенно забывая об исторически сложившихся способах взаимоотношения власти и народа, сущностных чертах русской власти. Зачем способствовать созданию политических условий для использования народом «права на восстание», если можно своевременными политическими реформами опередить зреющее в народе недовольство. Истории России слишком хорошо известна «цена» запоздалых политических решений.

Цивилизационный потенциал государственного патриотизма связан с исторической и политической возможностью использования государственного авторитета и силы в сохранении и укреплении цивилизационных основ России. Именно поэтому, концепт «русский мир» довольно неоднозначно воспринимается на территории постсоветского пространства. Например, белорусская оппозиция агрессивно отреагировала на установление памятника Александру Невскому в Витебске, приравнивая это событие к акту агрессии «русского мира» в отношении Белоруссии [Гронский 2018, 157]. В этой позиции чувствуется историческая сила русского народного патриотизма и мощь государственного. Проблема лишь в том, будет ли этот потенциал реально использован?

У российских ученых нет единой позиции по вопросу причин возникшего в обществе запроса на «русскость». Иногда даже пытаются заретушировать этот запрос, например, пытаясь использовать различие между двумя понятиями: «Почему более корректно говорить, что российский (а не русский) народ породил русский (а не российский) мир?» [Гронский 2018]. Такая риторика не вполне отражает реально происходящих политических процессов. Скорее, концепт «русский мир» был актуализирован в сфере публичной политики по причинам, во-первых, длительного запроса на русский патриотизм, который в интерпретации ЛДПР и других организаций, спекулирующих на «русском вопросе», давно не устраивает значительную часть граждан России, и, во-вторых, отложением рассмотрения этого вопроса на государственном уровне, как в отношении русских, проживающих в России, так и русских, проживающих на территории постсоветского пространства, оказавшихся иностранцами вследствие ликвидации СССР. Для большинства российского общества концепт «русский мир» связан с представлением русских по духу людей, которые желают говорить на русском языке, осознают и чувствуют свою

сопричастность к русской культуре независимо от места их проживания.

К сожалению, картина современного состояния русского народа, во многом трагична от демографического состояния до духовного.

На наш взгляд, проект «Русский мир» некорректно сводить только к «славянству» или видеть в нём проявление этнического или национального фактора. Это скорее творческое проявление созидательного начала русской культуры и русского языка как факторов, определяющих мирное и гармоничное будущее не только отдельных людей, но и целых народов, проживающих на территории России. Не случайно в нашей истории присутствуют целые общности «русских немцев», «русских евреев» и т.д. Принадлежность к русскому миру открыта не только русским, но и тем, кому дорога судьба России, кто связывает своё будущее с судьбой страны.

Ярким символичным примером является песня «Журавли» на стихи Расула Гамзатова. История написания песни началась с перевода стихов Наумом Гребнёвым на русский язык, прочтением их Марком Бернесом в журнале «Новый Мир» и, далее, обращением к Яну Френкелю с просьбой написать музыку на эти стихи. После изменения нескольких строчек с разрешения автора, была создана грандиозная по своей патриотической мощи песня, в которой не было места ни национальности, ни партийности. Это была песня-реквием по всем погибшим солдатам времён Великой Отечественной войны и до сих пор она объединяет самые различные поколения людей, сохраняя их связь. Её звучание на русском языке сделало её шедевром русской, советской, российской культуры, узнаваемым и популярным во всем мире.

Российский патриотизм имманентно, неотъемлемо присущ российской истории, культуре, российской цивилизации в целом. Обращение руководителей Российского государства, начиная с 2012 года [Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию российской Федерации 2018] к цивилизационной теории, при формулировке позиции России по актуальным вопросам внутренней и внешней политики связано с постановкой новых целей и задач развития страны с учетом новых вызовов и угроз в отношении России. С 2012 года в документах стратегического планирования Российской Федерации в сферах внешней и внутренней политики начали использоваться понятия, выражающие цивилизационные аспекты России как государства-

цивилизации: «российская цивилизация», «единый культурный (цивилизационный) код», «межцивилизационный диалог», «Россия как историческое государство-цивилизация» и др. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации констатируется, что «в современном мире обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнем благосостояния государств, усилением борьбы за ресурсы, доступ к рынкам сбыта, контроль над транспортными артериями. Конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологический потенциалы, но и все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров. В этих условиях попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международных отношениях. Это выводит в разряд приоритетных задач предотвращение межцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества» [Концепция внешней политики РФ 2016].

Совершенно очевидно, что в настоящее время подтверждаются высказанные два десятилетия назад выдающимся российским ученым А.С. Панариным слова о том, что в постсоветский период довольно остро «…стала обнажаться другая – не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного…» [Панарин 1998, 9].

Использование цивилизационного подхода и реализующих его понятий при разработке официальных документов, обязательных для применения федеральными органами исполнительной власти, происходит впервые в истории Российского государства. На наш взгляд, этот факт может означать с одной стороны, грядущий поворот в содержании государственной политики России, пересмотр ряда важнейших идейных смыслов и приоритетов, необходимых для сохранения российского народа, нации, цивилизации, с другой стороны, потребность власти в фундаментальном укреплении стратегических основ государственной политики. Становится всё более очевидным, что дальнейшее успешное развитие России возможно только при условии создания системы мер по сохранении и защите цивилизационной самобытности (идентичности) России во всех

сферах государственной политики Российской Федерации, непосредственно связанных со сложившейся в России иерархией ценностей.

Культурно-исторические и цивилизационные смыслы государственного патриотизма:

1. Русский патриотизм как отношение к своему народу и стране, образ действий, направленных на защиту Родины, возник с появлением русской цивилизации, исторически сформировались приоритетные формы проявления патриотизма (в России это – государственный и народный патриотизм). Власть Русского государства постепенно приобретала неповторимые сущностные черты и самобытные формы институционализации.

2. Служение России не сводимо только лишь к защите территории государства, языка, веры и народа, а предполагает отстаивание исторически сложившегося уклада социальной жизни и системы духовно-нравственных ценностей народа.

Социокультурная легитимация российской власти зависит от способности вовремя «рассмотреть» содержание «народного» патриотизма, который может сводиться не только к служению Отечеству в привычном понимании, но и к защите социального порядка государственными институтами, отстаиванию социальной справедливости, созданию подлинной героики, защите традиционных нравственных ценностей, русской классики, народной культуры, образовательных отечественных традиций и, в целом, культурного и цивилизационного суверенитета России.

3. *Просвещённость, справедливость и патриотизм* – важнейшие сущностные характеристики русской власти, определяющие специфику государственного и политического устройства России во все времена, несмотря на относительно краткие периоды (в исторических масштабах) проведения государственной политики, противоречащей высшим ценностям российской цивилизации. Игнорирование руководителями государства одной из этих характеристик приводит к девальвации остальных.

4. Сочетание российской государственной мощи с доминированием западных идей в сферах образования, воспитания и культуры, в конце концов, приводит к подрыву цивилизационных основ российской государственности. В случае исторически запоздалого принятия решения по исправлению ситуации может произойти саморазрушительное отклонение государства от собственного цивилизационного пути, что грозит глубочайшим

затяжным общественно-политическим кризисом. Идея сильного государства вне учёта внутренней мощи и содержания народного патриотизма приводит к радикальным социальным изменениям.

5. Государственный патриотизм – это деятельность государственных органов власти по осуществлению культурной, образовательной, национальной и внешней политики России, содержание и направленность которой соответствует социокультурным запросом народа и учитывает исторические вызовы и угрозы.

6. Необходимо признание всеми гражданами Российской Федерации своей большой Родины – России как важнейшей ценности, осознание своей ответственности за судьбу страны, знание русского языка и отечественной истории, уважение русской культуры и традиционных российских духовно-нравственных ценностей, приверженность общим для всех народов, проживающим в России базовым ценностям российского общества. Межнациональное согласие в России возможно только на основе доминирования российской цивилизационной идентичности над гражданской и этнокультурной при их гармоничном взаимодействии.

7. Цивилизационная миссия России в XXI веке не сводима к защите и укреплению своих духовно-нравственных и культурных ценностей и святынь, сбережению народа России, она связана также с защитой соотечественников на исторической территории России, русского языка, русской культуры, православной веры и общей исторической памяти.

Суть государственного патриотизма заключается в выполнении государством его главной функции – сохранение России и сбережение её народа, в том числе путем содействия формированию у граждан любви к Родине, ответственности за судьбу страны. Если само государство будет непатриотичным либо ориентироваться на ценности, противоречащие российской цивилизации, то неизбежно возникнет прямая внутренняя угроза существованию России как государства-цивилизации.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин 1993 – *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. – Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431с.

2. Гронский 2018 – *Гронский А.* Русский мир в поисках содержания//Россия в глобальной политике. Спецвыпуск. Атлас общественной дипломатии. 2018.

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2018 – «Изменения в мире носят цивилизационный характер. И масштаб этого вызова требует от нас такого же сильного ответа. Мы готовы дать такой ответ. Мы готовы к настоящему прорыву… Сохранить свою идентичность крайне важно в бурный век технологических перемен и здесь невозможно переоценить роль культуры, которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала». Из Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года.

4. Концепция внешней политики РФ 2016 – Пункт 5 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. N 640.

5.Панарин А.С. 1998 – *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М., 1998.

CULTURAL AND HISTORICAL AND CIVILIZATION SENSES OF THE STATE PATRIOTISM

T.V.BESPALOVA
D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia

Summary

In the article the potential of ideology of the state patriotism from positions of civilization approach under the conditions of new political calls is analyzed. Cultural and civilization senses of the state patriotism act as a subject of studying. Civilization potential of the state patriotism is connected with a historical and political possibility of use of the state authority and force in preservation and strengthening the civilization bases of Russia. The state patriotism can be defined as activities of the state authorities of the power for implementation of cultural, educational, national and foreign policy of Russia whose content and orientation corresponds to the people's sociocultural demand and takes into consideration historical calls and threats. The civilization mission of Russia in the 21st century is not reduced to protection and strengthening of the spiritual and moral and cultural values and shrines, saving of the people of Russia, it is connected also with protection of

compatriots on the historical territory of Russia, the Russian language, the Russian culture, orthodox belief and general historical memory.

Keywords: state and national patriotism, civilization potential of the state patriotism, Russian culture, Russia as a historical state civilization.

Bespalova Tatyana Viktorovna - a Doctor of Philosophy, Associate Professor, the Director of Department of the State Cultural Policy, D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage

e-mail: tvb09@bk.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОЖЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРАВДА В ОПИСАНИИ СТАЛИНИЗМА ДАНИЛОМ КИШЕМ (На примере рассказа «Механические львы»)

М. М. БЕЧЕЙСКИ
Институт сербской культуры, Приштина - Лепосавич, Сербия

Аннотация

Устраняя господствующие предрассудки о Даниле Кише как «прозападном» писателе или «писателе-русофобе», автор рассматривает его критику сталинизма в контексте его поэтики и философии жизни – как указывал сам писатель – как своего рода противовес ранее совершенному осуждению фашизма. Критика сталинизма Данилом Кишем соответствует его пониманию литературы как совокупности всех феноменов жизни (где *homo poeticus* и *homo politicus* взаимосвязаны) и этической позиции о необходимом критическом ангажементе писателя против тоталитарных форм угнетения. В центре исследования находится рассказ «Механические львы», где Киш пользуется борхесовой техникой документального повествования с целью осудить беспрецедентный исторический обман, который имел далеко идущее влияние на будущие заблуждения французских интеллектуальных левых и международную политику. А в более широком плане – в сборнике «*Гробница для Бориса Давидовича»* - стремится уничтожить режим, который «во имя народа» открывал лагеря, сеял страх и смерть и вымагал ложные признания. Переплетая письменные и устные, истинные и ложные показания, рассказчик сознательно играет с предметом повествования,

разъясняя читателю, что официальная история – большая сцена, управляемая господствующей идеологией, а единственная истинная правда – это то, «что не видно невооруженным глазом» – истина, которую предоставит рассказ. Итак, если *историю пишут победители,* то *литература является убежищем страдальцев.*

Ключевые слова: Киш, поэтика, сталинизм, тоталитарный режим, документ, свидетельство, «Механические львы», исторический театр, истина, повествование.

Бечейски Мирьяна Марко - кандидат филологических наук, научный сотрудник Института сербской культуры - Приштина, Лепосавич, Сербия.

becejskim@gmail.com

1. The Necessity of Testimony.

The idea to start up, as researchers of literature, the topic which throws light on one significant segment of Serbian-Russian cultural and social relations, and which, at the same time, in the spirit of this essentially politicological forum, speaks about the necessary connection between poethics and politics, was accompanied by the concern that all the time we would walk the wire between the existing prejudices regarding Kiš as being «pro-western» and «a russophobe» and the real affinity which this world-class writer showed towards Russian literature and the Russian soul. All the more so because his literary work has not been adequately presented to the Russian public until today.[3] In order to repudiate this concern, the focus will remain on explaining these opposing views as well as on understanding the ethical duty of an intellectual and the critical engagement of a writer, which represents the basis of Kiš's poethics. There is no doubt that he himself and some of his explicit statements contributed to the development of the mentioned prejudices and that they became stronger in certain pro-European cultural circles in a favourable political moment.[4] However, the analysis

[3]Kiš's presence in Russian literature and the comparative science of literature is quite modest in relation not only to his literary ranges and affinities (http://www.danilokis.org). The fragments and several stories from *The Encyclopedia of the Dead* and literary legacy have been translated, while the thematic collection of stories *A Tomb for Boris Davidovich* was translated and published in 2017 (http://www.danilokis.org/ru.htm, https://bear-bull.livejournal.com/182395.html).

[4]First and foremost, we refer to the period after the break-up of SFRY in 1989, which coincides with the year of death of this "last Yugoslavian writer" in 1989. It is important to mention that Kiš was a strong opponent of the dissolution of Yugoslavia, although he

of Kiš's literary work together with his professional and personal affinities, indicate precisely the opposite. As far as foreign traditions are concerned, the writer's positive vibrations and research passion towards Russian literature are only comparable to his affinity towards French literature, in whose capital city he spent half of his working life.

While in the comparative relation towards Russian literature, the first phase of Kiš's creatorship was characterised by the interpretation of poetic symbolism, acquisition and practical checkout of formalistic principles,[5] the period of full creative affirmation was without doubt influenced by the polemic (citational) dialogues with the world literature and sharp criticism of Stalinism followed by the explicit intellectual support for dissident writers, the witnesses of totalitarian regimes in the countries of the USSR political space (Solzhenitsyn, Steiner, Shalamov, Kundera, Brodsky, Pilnyak). In addition to ethical motives, the literary ones were present as well: everything innovative and *strange* that the formalists put on the literary-aesthetic throne, all the precious research that will remain built in the foundations of modern linguistics and theory of literature, was wiped out by Stalinism in order to present «optimistic» social reality and «bright future» of the working class. Therefore, Kiš was quite familiar with the Russian literature, but not with the Soviet politics. He considered his criticism of Stalinism, both explicit and novelistic, to be some kind of a counterbalance to his artistic condemnation of Fascism [*ŽL:* 49*; GTI:* 347*;* Kiš 2011*:* 18],[6] which he masterfully portrayed in an early poem about a father and the family cycle (consisting of the thematic collection of stories *Early Sorrows* and the novels *Garden, Ashes* and *Hourglass).*

Along with the statement that the writer's ideological attitudes were motivated by the sense of ethical responsibility, some other facts should be pointed out as well. His famous criticism of nationalism was quite loudly spoken about in the West and some former Yugoslav republics, being interpreted solely as the criticism of Serbian nationalism, and not nationalism in general – «totalitarian ideology»,

himself suffered the consequences of censorship and criticised the ruling Titoist regime (for instance, the research related to Goli Otok, the unfinished text "Writers – Snitches" (1985), within which he started a satirical poem "The Poet of the Revolution on a Presidential Ship").

[5]This was written about in the report "Danilo Kiš and Russian Formalism. A story 'Shoes' in the context of Viktor Shklovsky's defamiliarisation theory" (Бечејски 2018: 125–139).

[6] Since the edition *Collected Works of Danilo Kiš* (*Sabrana dela Danila Kiša*) edited by Mirjana Miočinović 2006–2007 has been used, the parentheses referring to the sources contain cursively shortened abbreviations of the book titles and page numbers instead of the usual ways of parenthesis quotation. The list of abbreviations is given together with the list of sources.

«ideology of banality and kitsch» – which as a matter of fact it was.[7] However, what was mentioned in brief, quite disproportionally, was that this criticism took place parallelly with his desteretypisation of Euro centrism and emphasis on the values of the cultures of smaller European nations. Therefore, before becoming representative of «the Gulag literature», Kiš established himself both poethically and ideologically as a critic of totalitarian regimes, ethical stereotypes and dogmatic thinking – as a writer who built his complex poethics and life philosophy in accord with the highest humanistic principles.

What stemmed from this agreement between life and poethical convictions is his understanding that an intellectual, especially a writer, must not ignore life and contemporary events of his time. A writer's ethical attitude will inevitably burst to the surface, at least implicitly, through characters and metaphors he creates, despite the most strict censorship and auto-censorship. This is the context in which we should interpret Kiš's statement that the relation towards the 20th century concentration camps, especially their justification as a «historical necessity», is a moral exam for his contemporary writers in which they can lose «the right to vote» forever.[8] «The necessity of testimony» is also imposed on a contemporary writer since literature is, as he pointed out, by its definition freedom – dangerous, horrifying, obliging freedom (*HP: 40*).

Kiš considered literature to be a «collection of all life phenomena, as world and as man» [*ŽL:* 94] and that *homo politicus* represents one of its more significant dimensions.[9] What is more, he rightfully noticed in his work the dialectic connection between *homo poeticus* and *homo politicus* or *the Yogi* and *the Commissar*, either when they are clearly separated by the domination of one in one book and the other in the

[7] In the interview "The Age of Doubt", where the essay about nationalism was first published (*HP:* 255–229), and then in the book *The Anatomy Lesson*, where it was reprinted and expanded by essays about the origin of "licitar heart" and relativity of all "national myths", Kiš criticises Croatian, German and Hungarian nationalism (*ČA:* 25–39). Therefore, his criticism starts from the nationalism he encountered through his life experience, but it is directed at totalitarian ideologies in general.

[8] Kiš will condemn all French intellectuals who did not know, and they had to know about the Stalinist concentration camps, "all these free and rich people", who had at their disposal witnesses, testimonies, books, translations and press (*HP:* 279–280). The sharpest criticism is directed at Sartre and Simone de Beauvoir in the polemic fragment "Saint Simone" (1979), since those who went on "Kremlin pilgrimages" were obliged to know more than others (*HP:* 14).

[9] In the interview "Between politics and poethics" (1986) Kiš admitted that politics was one of his greatest passions, but he refused to be "an intermediary for political and ideological messages" (*GTI:* 223).

other book, or when their positions are interlaced and «rend each other" [*HP:* 170]. Staring at the «Pascalian terrifying spaces", the writer continues to ask questions, trying at the same time to perceive his own epoch «so that through writing and by the very act of writing man can comprehend himself in the slaughterhouse of history, which is not a «teacher of life», but a scream and fury and muttering of an idiot. And, of course, writing is nothing but an attempt, always futile and hopeless, to tackle all these big problems, to give them meaning by literary means, to give for a moment some sense and hope to the overall chaos of history and human existence […]. But literature is also this: passionate conviction and the struggle of the «Commissar» for social justice, for *envisioning history* and its courses. Certainly, the writer knows, must know, that everything he does in this respect is hardly more efficient than his «struggle with death», so to say, but nevertheless he fights a losing battle since he wagers equally on eternity and on the present» [*HP:* 171–172].

It is important to emphasise that Kiš's perception of the possible engagement through literature – firstly formed under the influence of Sartre, and then developed in the critical relation towards him and the French Left – was far from the banal understanding of engagement which was advocated by soc-realistic doctrine [Sartr 1962: 21–236; Pantić 2011: 85–90; Палавестра 2005: 57–77]. The writer's poethical imperative was profoundly ethical literature that satisfies high formal-aesthetic criteria. His criticism of the French Left, occurring parallelly with the condemnation of Stalinism, culminated in *A Tomb for Boris Davidovich*, and in the essays and interviews appearing from the mid 1980's. Due to limited space, the analytical focus will be directed at the story «Mechanical Lions" [*Grobnica:* 32–56], but it will be also viewed in the context of the before mentioned thematic collection of stories and Kiš's poethics as well.

2. Unmasking the Historical Theatre in the Story «Mechanical Lions».

The story «Mechanical Lions» is based on a real historical event – a distinguished French statesman Édouard Herriot's[10] second visit to the

[10] Édouard Herriot (1872–1957) was the leader of the Radical-Socialist Party (1919–1955), the Prime Minister of France in three terms, The President of the Parliament, minister of foreign affairs and the mayor of Lyons (https://en.wikipedia.org/wiki/%C3%89douard_Herriot; http://www.wikiwand.com/en/%C3%89douard_Herriot; http://www.zrenjanin.rs/1-87-17-0/Pocasni-gradjani).

USSR in the period of Stalin's rule. The aim of this visit was to check the doubts that were spread in the West regarding the existence of religious freedom in this young communist state. Being always alert, the establishment organised a service in the church of Saint Sophia in Kiev so quickly and skillfully that Herriot travelled back deeply convinced of the rule of democracy.

In order to expose this big historical lie having not only a far-reaching effect on the future delusions of the French left-oriented intellectuals, but also on the foreign policy towards the USSR, Kiš applies Borges's technique of documentary narration and at the same time on an ethical level polemises with Borges's title *A Universal History of Infamy*. By combining historical documents and quasi-documents, real and false references, true and false testimonies, writer-witness and writer-researcher replaces the omniscient narrator and a linear chain of events with one goal – to convince the reader of the truthfulness of his story through his narrative means [*Sk:* 335–336].

Kiš's poethical procedure is well illustrated by two introductory sections of the story, ironically entitled: «The Colossus» and «The Other One».[11] The story-teller – narrator points out that Édouard Herriot is the only historical personage in the story, but despite his fame and significance for the course of the story, he «will perhaps not play the most important part […] simply because there are many other documents about historical personages», and his «biography can be found in any decent encyclopedia» [*Grobnica*: 32]. He decides to pay more attention to the other person, «unhistorical though no less real», who was wrongfully neglected by history. Therefore, literature is there to correct the mistake of history. This aspiration to direct attention at the lives of those who are not present in any encyclopedia, to equally value each human life as being unique, opposing not only the idea of collectivity and disvaluing of individuality supported by the Communist doctrine, but also the nationalist and any other totalitarian ideology – announces the poethics of Kiš's following book *The Encyclopedia of the Dead*.

As a proof of what a «colossus» Herriot was, when mentioning his name for the first time, the narrator also inserts a bibliographical

[11] Fourteen separate sections-fragments suggest that the story is in fact "a novel on the palm of the hand" (which is the title of one writer's essayistic genological discussion): "The Colossus", "The Other One", "The Telephone and the Gun", "The Folder", "The Hours and the Minutes", "The Past", "A Circus in the House of God", "Brewery", "Another Restoration", "The Beard and the Priest's Hat", "The Raspberry-Coloured Boots", "The Censer", "The Explanation of the Circus", "The Mechanical Lions", "Post Festum".

footnote in which he lists several of his books as well as a quotation from a Parisian newspaper (it is a real article – an obituary) – which is characteristic of texts aiming to be scientific or objective. Contrary to this documented testimony, as far as «the other», A. L. Chelyustnikov, is concerned, the narrator possesses just a few «more reliable» data regarding his physical appearance, character and work biography. «Other testimony about him is highly contradictory and therefore perhaps unimportant. I am including it, although some of the sources are rightly suspect» [*Grobnica*: 33]. «Suspect» data are those which explain his predisposition for the historical role he will play (in his school's drama amateur group he played the role of Arcady in Ostrovsky's play *The Forest*), his arrival in the prison camp (he was his boss's lover), as well as those which represent a link to the story «Magical Circulation of Cards» («that by trickery he brought an Irishman, suspected of sabotage, to the Soviet cargo ship Ordzhionikidze, under the pretext that the ship's radio had to be repaired») [*Grobnica*: 34].

Although Chelyustnikov was «talkative, a boaster», the narrator thinks that his story related to the encounter with Herriot is worth mentioning. «Although seemingly a figment of the imagination […] one can hardly doubt its credibility», since it was confirmed by Herriot himself, «that dazzling intelligence ('une intelligence rayonnante')» – the narrator ironically notices. This already emphasises Kiš's poethical principle: there is nothing more fantastic than the reality itself.

By constant playing with narrative instance, subjects and objects of focalisation – interlacing and confronting written and oral, real and false testimonies, together with «reliable» and «unreliable», historical and imaginary witnesses, the narrator suggests to the reader that the official history is one big stage, and that the truth is «what is invisible to the naked eye" (like in *The Vatican Cellars* by André Gide, to whom the story is dedicated). On the other hand, he directly expresses the opinion that objectivity / truthfulness of narration is the only thing not to be doubted.

In the autopoethical comment at the end of this section he even refers «a skeptical and curious reader» to the mentioned bibliography, and he himself will tell the story of that historical encounter as well as he can «freeing himself for a moment of that awful burden of documents in which the story is buried». The narrator is, paradoxically, convinced that narration is a demiurgic act which can change the courses of history, which can change the world, being aware, at the

same time, that is a big illusion.[12] To give some sense to this life conviction, he needs the trust of the reader, who in this way becomes the narrator's witness of literary truth and silenced history. And this history says that Chelyustinkov was «a contributing editor of the local newspaper responsible for cultural affairs and the fight against religion» – therefore, «the other one» in the raspberry-coloured shoes was in fact a secret police commissar, and that there was no question of religious freedom and freedom of press in the Stalinist USSR.

The beginning of the story is on November night in 1934 when the commissar sleeps with the wife of the newspaper editor-in-chief «naked as a baby in a large aristocratic bed» (probably confiscated together with the flat of some nobleman who was hanged or sent to prison camp). Kiš masterfully establishes the analogy: dream, in which the hero dreams that he acts, life – in which he also changes roles. The bell in the dream calling him to the stage while he is unsuccessfully trying to find his clothes staying naked in front of the audience «illuminated by purple haloes», is analogous to the telephone ringing and calling him to the historical stage. Nothing can be hidden from the Party. Through the ironic play with the literal and metaphorical nakedness of his hero, the narrator shows that «a new man» of Communism has lost the right not only to individuality but to his own privacy as well due to his «historic mission». Moreover, the omniscience that eludes the narrator does not elude the secret service of the one who usurped the God's place and pulls the strings of human destinies.

Chelyustnikov gets an assignment to trick Herriot, who after the announced visit to Moscow, pays a surprise visit to Kiev so as to check the rumours regarding the persecution of priests. The Provincial Committee Secretary's folder contained everything about the leader of French workers who «in spite of his political persuasion, entertained certain typical bourgeois suspicions of the revolutionary movement» (*Grobnica*: 38); even some excerpts from his speeches and books were made. The message is clear: there is a specific *folder* for everyone.

Kiš's «research method» ironically mimics the police investigation unmasking from the inside the totalitarian regime that had to know everything about everyone. In the section entitled «The Hours and the

[12] (Perhaps it could have been wiser if I had chosen some other form of expression – an essay or a monograph – where I could use all these documents in the usual way. Two things, however, prevent me: the inappropriateness of citing actual oral testimony of reliable people as documentation; and my inability to forgo the pleasure of narration, which allows the author the deceptive idea that he is creating the world and thereby, as they say, changing it.)" (*Grobnica*: 34–35)

Minutes», it is stated in an absurdly detailed and precise manner what Chelyustnikov did that day (what he had for breakfast and how long it took him to prepare it, how long he shaved himself, who he telephoned etc.), which makes the impression that the narrator is actually reading a secret service file. The staged welcome at the railway station is another proof that nothing is left to chances in a police state: the poster with the slogan *«Religion is the opiate of the people»* has been replaced by Pushkin's *«Long live the sun, down with the night»*, while the security agents «dressed in civilian clothes were carrying suitcases and pretending to be casual, curious passengers welcoming the friendly visitor from France with spontaneous applause». The narrator sarcastically notices that when Chelyustnikov carefully looked at Herriot he «seemed to be somehow insignificant, perhaps because of his beret» [*Grobnica*: 40].

With a view to making a comparison between the medieval and the Stalinist epochs and thus draw attention to the cyclic repetition of the history of violence, the narrator goes back into the past to the Christianisation of the Slavic tribes and building the church of St. Sophia in Kiev. «The brutality of the believers in the true faith, however, was not less barbaric than pagan brutality, and the fanaticism of the believers in the tyranny of one god was still more fierce and efficient» [*Grobnica*: 41], is a conclusion representing the link to the story «The Dogs and the Books», the only one which does not speak about the Stalinist terror. The frescoes on the walls of the circular staircases leading to the upper floor unusually represent secular and pagan scenes: a hippodrome and a circus, watched from the honorary lodge by the Emperor and the Empress with their entourage, while «acrobats and actors perform their skills on the stage under the open sky». The narrator notices the similarity to the ceremony «Gothic Games» held at the Byzantine court and written about by Constantine Porphyrogenitus: the guests disguised themselves as Goths and wore the heads of wild animals. What is also evident is the analogy with the Stalinist epoch, where instead of the Emperor watching the circus in the arena there is the Father of the People who watches from his invisible lodge the historical circus performed by his commissars – «a circus in the house of God». Therefore, what connects the medieval Christian fanatics and the Stalinist fanatics is carnevalisation, active participation in the historical theatre desiring to change the courses of history.

The presence of profane scenes in the temple of God is explained to the distinguished guest «in impeccable French» by an art historian Lydia Krupenick. While she is explaining that this is a palatine chapel

and making comparisons to the similar scenes in the Catholic churches in the West, «comrade Herriot nods his head, turning his beret in his hands like a schoolboy», the narrator ironically adds [*Grobnica*: 53]. The fact that even one remarkable art historian uses her profession to serve ideology hiding the sacrilege of churches and destruction of monuments of culture provides enough evidence about the level of control of the state over all spheres of human spirit.

In order to show the hypocrisy of the totalitarian regime which «on the behalf of people» worked against the people, the narrator most often uses irony, that is «ironic distance». The church of Saint Sophia in Kiev was turned into a brewery by the Bolsheviks since «the constant temperature of 11°C degrees is particularly suitable for the growth of those useful bacteria that give beer its unique taste». The frescoes and altar are hidden by hemp curtains so that the Immaculate Virgin «surprised by the sudden appearance of the Archangel» has been replaced by the portrait of the Father of the People.

«The ironic distance», which Kiš learned from the master Thomas Mann, helps the writer to avoid the «lyrical ballast» and pathetics by describing tragic scenes of suffering and injustices [Делић 1996: 87–95].[13] As a specific «spice» of his literary work, irony exceeds the framework of one rhetorical «stylistic device» and becomes wisdom which the writer uses to oppose fanaticism by «creating the experiences of fragility of sense in general» [Стојановић 2003: 284], or, as he pointed out himself, intellectual weapon against the horrors of existence [*GTI:* 334]

By describing «another restoration» (this time turning the brewery into the church) led by Chelyustnikov and lasting for four hours, the narrator draws attention to the cyclic repetition of historical pattern and even faster change of fanaticism. He also does not miss the opportunity to mention, incidentally and bitingly, the Commissar's childhood memory of the village church, the memory «which had faded away in him, a new man with a new outlook on life» [*Grobnica*: 45]. This «new man» is the construct of an ideology, a mask devoid of personal and human identity, «a consequence of the function assigned to him by the forces of horror in the universal register of history» [Longinović 2013: 142].

In the section «The Beard and the Priest's Hat», which represents the «quotation» of the alleged testimony of Chelyustnikov about the appointment with the theatre make-up man, Kiš once again ironically

[13] "An artist ceases to exist as soon as he becomes a man and starts feeling", Kiš uses the quotation from the novel "Tonio Kröger" in his early essay "On Inspiration" (*Va: 27–29*).

plays with the literal and metaphorical meaning of the commissar-priest in order to present the distorted image of the world which was dominant in the Stalinist regime. Avram Romanich, «who was unquestionably good in his profession», was given a delicate task to disguise the Commissar as a priest for the historical service performed for only one viewer. The transformation was so successful that even Chelyustnikov's personal chauffer was deceived and he kissed «the priest's hand». Having avoided the trap of «the omniscient narrator», and owing to the document the narrator «quotes», Kiš leaves the focalisation to the hero himself so as to unmask the totalitarian regime using the method of inner deconstruction: «At first I thought that Alyosha was kidding, but I soon realised that there was no limit to human credulity […] It will take a great deal of time and effort […] before all traces of the dark past are weeded out of the peasants' souls» [*Grobnica*: 48].

The evidence of the citizens' fear concerning the religious freedom and its suppression in the USSR by means of violence is provided by the sentence spoken by the misfortunate chauffer in front of the priest-Chelyustnik: «It will soon be easier to meet a reindeer than a priest in Kiev», as well as the fact that he did not admit «during the long interrogation, not even under the worst torture», not even when confronted with Chelyustnikov, «that he had been made a fool that day» [*Grobnica*: 48–49]. A man representing ordinary people dared to utter the sanctioned truth, for which he was hypocritically punished on the behalf of the very people he represented.

The narrator also «reads» the details of the service at St. Sophia church from the Chelyustnikov's reports, discreetly drawing attention to the imagined parts:[14] according to the established plan from the Provincial Committee, the priest-commissar performed the service swinging the censer towards Herriot and the familiar faces of the disguised Bolshevik congregation. «Without exception all played their roles with discipline and dedication», the commissar notices giving the names of sixty worthy *believers.*

However, the Revolution required Chelyustnikov to play different roles. Neither his historic merit in the deception of the French statesman nor his true loyalty to the Party saved him from the prison camp. We learn in «Post Festum» that, despite heroically enduring the torture, he succumbed in the face of the moral blackmail threatening the lives of his family. He signed a false declaration that he sabotaged the Soviet

[14] "But a certain creative need to add to the living document some possibly unnecessary colour, sound, and smell – this decadent Holy Trinity of the moderns – urges me to imagine what is not in Chelyustnikov's text" (*Grobnica*: 49-50).

rule together with the false indictment against Avram Romanich. Now he was asked to play the role of a traitor in the theatre of history. He became an informer in the prison camp, and after being rehabilitated, in Lyons he visited the memorial library dedicated to its famous mayor where he wrote in the guest book, finally using his real name: «An admirer of the work of Édouard Herriot» [*Grobnica*: 56]. Thus, the Revolution – «the sow that eats her farrow» – which is the title of the previous story in the collection, has swallowed up Commissar Chelyustnikov, one more true Bolshevik.

In the fragment entitled as the story itself, we find Herriot who writes down his first impressions in the train compartment, comparing them to the ones he made in November 1922 during his first visit to Russia and putting them into a repeated dedication to the editor-in-chief of *Petit Parisien:*

«Dear friend: When I set off for Russia not only was I heaped with insults from our most prominent critics, but they foresaw the worst misfortune befalling me. They saw in me the very image of that wretched monk who during the Middle Ages set out from Lyons to convert the Tartars and Khans. That was the time when the princes of Moscow, to frighten their visitors, would hide mechanical lions under their thrones, whose duty it was to growl at the right moment and in the right place during the conversation […] I am returning from a journey that passed with ridiculous ease. They didn't signal their mechanical lions to growl at me. I was able to observe everything freely and in peace» [*Grobnica*: 55].

Blinded with the excellent historic performance, the French statesman did not recognise «the mechanical lions» under the new, perfidious mask. Although the narrator in the end emphasises that the consequences of his second visit to the USSR are of historical significance and «therefore outside the interest of our story» [*Grobnica*: 55], they are in fact its ethical initiator. Due to these consequences, Kiš starts «the dispute about the political-historical centres of power that create history» [Bošković 2015: 183]. Why would the testimony by the fooled Herriot, offered by the official history, be more truthful than the testimonies given by Solzhenitsyn, Mandelstam, Carl Steiner[15], or even one non-historical commissar, which literature relies on?!

[15] Kiš took the plot for the story "Mechanical Lions" from the memoir book of Carl Steiner *70000 Days in Siberia*, which he later translated into French for "Editions

3. Literary Truth: Correction of the Courses of History

By highlighting that there are *other* documents about historical personages and by expressing doubt about the authenticity of the existing ones, Kiš negates the credibility of history, that is, he shows that history should not be regarded as being more truthful than fiction and he «requires literature to re-write it» [Bošković 2004: 150]. But history should be «rewritten" by literary means, conceived in such a way that every human life and event in it should be of equal value.[16] Therefore, Kiš found history to be «one literary creation", as it was provocatively emphasised by Paul Ricœur, and that fiction owes to history as much as history owes to fiction [Riker 1993: 107–108, 206–207].[17] Literature relying on *testimony* and memoir literature, insistence on the value and unrepeatability of every human life gives priority to the untold stories, which «can serve as a critical instance against any kind of artificial accentuation of the false character of narration art. We tell stories because, in the end, there is a need to speak about human lives and because they deserve to be spoken about. This remark acquires its full meaning when we remember the need to preserve the story of the defeated ones. Each history of suffering yearns for retribution and calls for a story" [Riker 1993: 100].

Since the Stalinist state machinery used staged performances, deception of the senses, extortion of false testimonies and confessions, the official history is nothing else but fiction, «a politicised narration"

Gallimard", writing at the same time the preface in the form of essay-novel "Carlo Steiner – A Witness for the Prosecution" (1981).

[16] "I think literature should correct history, because History is general and literature is specific. History is multitude, literature – individual. History is without passion, without shape and without consideration for numbers: what is the significance of six million of dead (!) if we do not see one only man and his face, his body and his personal story.

Indefiniteness of History becomes one definite man, and literature corrects the indifference of historical facts. When I say literature corrects History, I mean the following: there is no other way to give to the indifference of History the character of specific and truthful than through the remains of authentic documents, letters and objects carrying the traces of real beings." (*GTI:* 185)

[17] Ricœur adopts Raymond Aron's thesis (*Introduction to the Philosophy of History: An Essay on the Limits of Historical Objectivity* (1938)) that history, as well as a fictional story, is built on the basis of trust, i.e. *testimony*, and that it is not a science in the real sense. If historical knowledge stems from the narrative understanding, then history and story have the same narrative structure. That is the basis of understanding history as *writing*. "Poethics" of historical discourse, which regards historical stories as *verbal fictions*, Hayden White calls *metahistory* (in the work of the same name) (Riker 1993: 123–125, 207)

[Bošković 2015: 86]. The way in which literature should confront it is to turn the testimonies about its injustice into artistic narrations.

By depicting different forms of oppression of the Stalinist rule in *A Tomb for Boris Davidovich*, Kiš establishes *a literary analogy* through a time vertical line comprising six centuries in order to show the essential unchangeability of the mechanisms of rule and power, the cyclicity of the history of suffering and history of lie. Ethical value of his novelistic criticism is that he reveals through individual images of «the history of dishonour» that the tendency to destroy the moral principle in man and the world lies at the basis of every repressive structure, and that its long-lasting effect leaves tragic consequences on identity, culture and human spirit.

The writer sees the real history of mankind as purgatory in which the survivors are neither the bravest nor the most resourceful nor the most loyal to the regime. A formula for survival does not exist in it. The official history tends to replace this horrific picture with the one about the dark past, optimistic present and bright future. Luckily, literary and cultural memory date back much further in the past and cannot be easily deceived. If *history is written by the victors*, then *literature is the sanctuary of the sufferers*.

REFERENCES

Kiš, Danilo (2006–2007), *Sabrana dela Danila Kiša:* u redakciji Mirjane Miočinović, Beograd: Prosveta.

Grobnica – Grobnica za Borisa Davidoviča: sedam poglavlja jedne zajedničke povesti. Knj. 7.

HP – Homo poeticus. Knj. 9.

ČA – Čas anatomije, Knj.

Va – Varia. Knj. 12.

Sk – Skladište. Knj. 13.

ŽL – Život, literatura, Knj. 14.

GTI – Gorki talog iskustva.Knj. 15.

Kiš D. (2011): Danilo Kiš. *Razgovor s Borom Krivokapićem 12.marta 1982. u TV emisiji «Teleskopija» (fragmenti)*. U zborniku: *Danilo Kiš (1935–2005):* Između poetike i politike. Priredila Mirjana Miočinović u saradnji s Vladimirom Tupanjcem i Aleksandrom Savanović. Beograd: Centar za kulturnu dekontaminaciju, 9–31. The whole interview is available at: https://www.youtube.com/watch?v=LRXRbVPB3vo, accessed on 27th February, 2016.

Danilo Kiš. URL: http://www.danilokis.org; http://www.danilokis.org/ru.htm; https://bear-bull.livejournal.com/182395.html.

Бечејски М. (2018) *Данило Киш и руски формализам. Приповетка «Ципеле» у контексту теорије очуђења Виктора Шкловског».* У зборнику: *Српско-руски односи у прошлости и садашњости*. Књ. 1. Уредници Марко Атлагић, Велибор Лазаревић и Срђан Словић. Лепосавић: Институт за српску културу – Приштина, 125–139.

Bošković D. (2004) Islednik, svedok, priča: Istražni postupci u Peščaniku i Grobnici za Borisa Davidoviča. Beograd: Plato.

Bošković D. (2015) *Zablude čitanja*. Beograd: Službeni glasnik.

Делић Ј. (1996) «*Иронични лиризам».* У зборнику: *Hommage Данилу Кишу* II. Уредник Радомир В. Ивановић. Подгорица–Будва: Културно просвјетна заједница Будва – Средња школа «Данило Киш» 1996, 87–95.

Édouard Herriot. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/%C3%89douard_Herriot; http://www.wikiwand.com/en/%C3%89douard_Herriot; http://www.zrenjanin.rs/1-87-17-0/Pocasni-gradjani, accessed on 1st September, 2018.

Hačion L. (1996) *Poetika postmodernizma: istorija, teorija, fikcija*. Novi Sad: Svetovi.

Longinović T. (2013) *Granična kultura: Politika identiteta u četiri slovenska romana 20*. veka. Službeni glasnik: Beograd 2013.

Палавестра П. (2005) *«Да ли Киш припада (српској) критичкој књижевности?»* У зборнику: *Споменица Данила Киша: поводом седамдесетогодишњице рођења*. Уредник Предраг Палавестра. Београд: Српска академија наука и уметности 2005, 57–77.

Pantić M. (2011) *O formama angažmana u Kišovom delu*. [Učešće u autorizovanoj diskusiji]. U zborniku: *Danilo Kiš (1935–2005): Između poetike i politike*. Priredila Mirjana Miočinović u saradnji s Vladimirom Tupanjcem i Aleksandrom Savanović. Beograd: Centar za kulturnu dekontaminaciju, 85–90.

Riker P. (1993) *Vreme i priča.Prvi tom. Sremski Karlovci* – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.

Sartr (1962) *«Šta je to literatura». O književnosti i piscima. Izbor i predgovor Sreten Marić*. Beograd: Kultura, 21–236.

Стојановић Д. (2003) *Иронија и значење.* Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.

Slobodanka V. (2003) *Postmodernizam od Kiša do danas.* Beograd: Prosveta.

HISTORICAL LIE AND LITERARY TRUTH IN KIŠ'S DEPICTION OF STALINISM

(Using the story «Mechanical Lions» as an example)*

*M. M. BECEJSKI**
The Institute for Serbian Culture Prishtina/Leposavić

Summary

By repudiating the existing prejudices against Danilo Kiš which regard him as being «pro-western» and «a Russophobe», the author views the writer's criticism of Stalinism in the context of his poethics and life philosophy – as the writer emphasised himself – as a kind of counterbalance to the formerly actualised condemnation of Fascism. Kiš's criticism of Stalinism is in accord with his understanding of literature as a set of all life phenomena (where *homo poeticus* and *homo politicus* have to act conjointly) and the ethical attitude about the writer's necessary critical engagement against totalitarian ideologies and all forms of oppression.

The research focus is directed at the story «Mechanical Lions», where Kiš applies Borges's technique of documentary narration in order to reveal an unseen historical deception which had a far-reaching influence on the future delusions of the left-oriented French intellectuals and international politics, and in the wider scope of the collection *A Tomb for Boris Davidovich,* to expose the regime which «on the behalf of people» opened concentration camps, spread fear and death and extorted false testimonies. By interlacing written and oral, true and false testimonies, the narrator self-consciously plays with the narrative instance, thus suggesting to the reader that the official history is a big stage run by the ruling ideology, and the only real truth is «what is invisible to the naked eye» – the truth which will be brought by narration. Therefore, if *history is written by the victors*, then *literature is the sanctuary of the sufferers*.

Keywords: Kish, poethics, Stalinism, totalitarian regime, document, testimony, «Mechanical Lions», historical theatre, truth, narration.

*The paper was written as part of the project *Material and Spiritual Culture of Kosovo and Metochia* (Reg. Nº178028), which was approved and financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

Becejski, Mirjana – PhD in Philological Sciences, research associate at the Institute for Serbian Culture – Prishtina, Leposavic, The Republic of Serbia.
becejskim@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: ОСОБЕННОСТИ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

К. В. ГЕРАЩЕНКО
Крымский федеральный университет им. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация
Социально-экономическое развитие регионов - одно из приоритетных направлений Российской Федерации. Именно однородность в экономической, политической и культурной жизни субъектов является базой для создания эффективного развития всего государства. В статье анализируются особенности и факторы, влияющие на социально-экономическое развитие Республики Крым. Главной особенностью является существование Республики в новом правовом пространстве, а также в санкционном режиме. Данные факторы, несомненно, влияют на Стратегию развития Республики.
Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Крым, факторы, санкционный режим, экономика.

Геращенко Карина Вадимовна – студентка философского факультета Крымского федерального университета им. Вернадского, Симферополь, Россия.
karinaofficial@mail.ru

Социально-экономическое развитие региона является целенаправленным качественным изменением экономики, социальной и культурной сферы, изменением качества и уровня жизни населения в регионах Российской Федерации.

Существует множество факторов, влияющих на процесс социально-экономического развития региона, которые определены географическим, экономическим, политическими и другими его особенностями.

Внешние и внутренние факторы. В «новой экономической географии» П. Кругман выделил две группы факторов, влияющих на конкурентоспособность регионов. Факторами «первой природы» являлась высокая обеспеченность природными ресурсами (минеральными, земельными), а также, выгодное географическое положение, которое снижает издержки на транспорт.

Агломерационный эффект (плотность населения в городах); человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения); институты, способствующие улучшению предпринимательского климата и распространению инноваций, росту территориальной мобильности населения; развитая транспортная инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние – факторы «второй природы» [Krugman 1991].

Отечественный автор Гаврилов А. И. выделял группы факторов в зависимости от внутреннего и внешнего воздействия.

Для оценки внутренней среды: производственно-ресурсный потенциал региона; структуру регионального рынка; кадровый потенциал региона; региональный бюджет; стратегию развития региона.

Внешняя среда региона прямого воздействия включает взаимосвязи с партнерами: внешними поставщиками товаров и услуг; внешними потребителями; регионами-конкурентами; финансовыми организациями; транспортными предприятиями.

Факторы косвенного воздействия на регион: общеэкономические; общеполитические; научно-технические; природно-экологические; демографические [Гаврилов 2002].

Факторы, влияющие на социально-экономическое развитие Крыма

Республика Крым в 2017 году занимает 40 место в «Рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ», в то время как в 2016 году – 57 место [РИА Рейтинг 2018]. Мною было выделено 9 факторов, имеющих наибольшее влияние на уровень социально-экономического развития региона.

1. Географическое положение. Расположение Республики Крым геополитически выгодно: имеется выход к Черному и Азовскому морям. Большая часть расположена в умеренном поясе, другая, преимущественно Южный берег, - в субтропическом. Благодаря этому, Крым перспективно развивать как курорт.

На социально-экономическое развитие Республики также влияет и такой момент, как отсутствие крупных землетрясений, цунами, ураганов – это сохраняет ресурсы и уменьшает затраты на восстановление.

В целом, Крым выгодно расположен для развития торговли, курорта.

2. *Промышленное производство.* Промышленное производство – это изготовление готовой к употреблению продукции из сырья с помощью оборудования. Внешняя среда, в том числе и географическое положение региона, оказывает существенное влияние на производство региона.

Индекс промышленного производства	Декабрь 2015 г. в % к декабрю 2014 г	Декабрь 2016 г. в % к декабрю 2015 г	Декабрь 2017 г. в % к декабрю 2016 г
Крым	125,1	81,0	95,1

**Данные взяты из сборников Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) за 2015, 2016, 2017 год.*

В Крыму в 2016 году заметен значительный упадок индекса производства с 125,1 до 81%. Представляется, что это связано со «скачками» валюты (в 2016 году курс доллара вырос с 70.2 (декабрь 2015) до 76.5 (январь 2016). А так как курс национальной валюты тесно связан с промышленным производством, то при повышении курса доллара произошел его упадок (при повышении индекса производства происходит укрепление национальной валюты). Именно поэтому, в 2016 году, произошел резкий скачок Республики Крым в рейтинге социально-экономического развития с 53 места на 57.

3. Демографический фактор. В Крыму наблюдается отрицательный естественный прирост населения.

	2015		2016		2017	
	Род.	Ум.	Род.	Ум.	Род.	Ум.
Крым	21746	26360	22944	28973	19201	25357
Естест. прирост	- 4614		-6029		−6 156	

**Данные взяты из сборников Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) за 2015, 2016, 2017 гг.*

Фактором роста экономики выступают демографические процессы. Демографический потенциал региона определяет и его экономику, при достаточном ресурсе людей возможен резкий подъем в социально- экономической сфере (примером является Тайвань, где позитивные экономические успехи основаны на использовании демографического потенциала страны).

Так как в Крыму прослеживается отрицательный естественный прирост, то он негативно сказывается на социально-экономическом положении Крыма.

4. Государственные финансы. Налоги влияют на экономический потенциал страны. Налогообложение субъекта должно выполнять главную роль - обеспечивать экономический рост и развитие производства.

Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ	2015	2016	2017
Крым	35025,0 млн. р.	49612,6 млн. р.	63441,1 млн. р.

**Данные взяты из сборников Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) за 2015, 2016, 2017 гг.*

В Республике Крым поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ ежегодно растет, что говорит нам о положительной динамике экономики Республики Крым. Следовательно, в Крыму ежегодно улучшается налоговая политика, а это способствует увеличению экономической активности субъекта. В свою очередь, повышается благосостояние общества в регионе.

5. Занятость и безработица. От занятости населения зависят уровень жизни, трудоустройство, а также, материальная поддержка безработных и лиц, которым она необходима.

Численность и состав рабочей силы в возрасте 15-72 лет	Дек. 2015		Дек. 2016		Дек. 2017	
	Занят.	Безраб.	Занят.	Безраб.	Занят.	Безраб.
Крым	892,0	64,1	856,1	60,1	835,1	57,6

**Данные взяты из сборников Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) за 2015, 2016, 2017 год.*

В Крыму прослеживается тенденция снижения занятых людей в возрасте 15-72 лет, однако, происходит и снижение количества безработных. Снижение занятых людей обусловлено тем, что население Крыма активно задействовано в других субъектах Российской Федерации, выплачивая налоги субъектам, в которых они работают («трудовая миграция»). Это негативно сказывается на социально-экономическом развитии республики.

*6. Политическая стабильность.*Политическая стабильность региона приводит к определенности относительно политического курса и социально-экономического развития региона. Это позитивно сказывается на темпах роста социально-экономических показателей региона.

Высокий уровень политической стабильности снижает уровень конфликтности в регионе, тем самым обеспечивает непрерывное развитие, а также следование Стратегии социально-экономического развития.

Развитие региона – это комплексный процесс качественных показателей в области экономики, политики, культуры, которые не возможны без политической устойчивости.

7. Уровень криминогенности. Уровень социально-экономического развития напрямую зависит и от уровня криминогенности региона.

Число зарегистрированных преступлений	2015	2016	2017
Крым	27842	23747	21711

**Данные взяты из сборников Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) за 2015, 2016, 2017 гг.*

В Республике Крым прослеживается тенденция к снижению числа зарегистрированных преступлений, что говорит нам об увеличении уровня безопасности граждан и политической стабильности региона.

Следовательно, это позитивно влияет на государственные финансы (поступление налогов увеличивается, так как снижаются экономические преступления и «теневая» экономика), на занятость и на имидж (так как Крым – это курортный субъект, то снижение преступности позитивно влияет на привлечение отдыхающих) республики.

8. Миграционные процессы. Миграционные процессы как позитивно, так и негативно сказываются на развитии Республики

Крым. С одной стороны, это способствует экономическому росту, росту трудового потенциала региона, однако, с другой стороны, мигранты занимают привлекательные рабочие места населения, либо они способствуют росту расходов на социальные выплаты и нужды.

	2015		2016		2017	
	Приб.	Убыв.	Приб.	Убыв.	Приб.	Убыв.
Крым	38827	23724	42032	30941	39175	30988

**Данные взяты из сборников Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) за 2015, 2016, 2017 год.*

В Республике Крым пиком прибывших был 2016 год (увеличилось по сравнению с 2015 годом на 3 205 человек). С 2016 года замечена тенденция к снижению популярности Республики Крым.

Численность убывших с 2015 года непрерывно растет, что говорит нам о том, что жители Республики Крым не рассматривают его в качестве трудовой деятельности (другие субъекты им кажется привлекательней).

Основная деятельность Крыма – курортный бизнес, который приносит не стабильную заработную плату (сезонную), поэтому неудивительно, что происходит миграция из Республики.

9. Санкционный режим. 18 марта 2014 года был подписан «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым, о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов». Данное событие повлекло за собой изменение факторов, влияющих на экономическое и социальное развитие субъекта, а также появилась необходимость существования в новых условиях: санкционном режиме.

С полуострова ушли сети «McDonald's» и «Radisson Hotels», ограничен доступ к просмотру видеоматериала на хостинге Youtube, закрыт доступ к Play Market, не работают «MasterCard» и «Visa». Крымчанам не открывают Шенгенскую визу по российским загранпаспортам (ограничены авиаперелеты). Это негативно сказывается на настроениях крымчан. Были попытки замены «MasterCard» и «Visa» на систему «Про100» и «Мир», с которых, однако, до сих пор не все покупки возможно оплатить в интернет-магазинах.

Санкционный режим замедляет развитие регионов, однако, с другой стороны, способствует развитию своего продукта, стимулирует регион к самодостаточности.

Заключение.

Как видим, все факторы взаимосвязаны между собой. Для комплексного развития Республики Крым необходимо учитывать все его особенности: географическое положение, миграционные потоки, уровень политической стабильности.

Особенностью Крыма является наличие фактора санкционного режима, который негативно сказывается на внешних связях, на политической стабильности, на доступе к иностранному рынку (снижается экспортная способность региона), а также на уровне недовольства населения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гаврилов 2002 - *Гаврилов А.И.* Региональная экономика и управление: - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

РИА Рейтинг 2018 - *Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2017 года.* РИА Рейтинг. М., 2018.

РОССТАТ 2016 - *Социально-экономическое положение России 2015 год*. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ), 2015.

РОССТАТ 2017 - *Социально-экономическое положение России 2016 год (уточненные итоги*). Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ), 2016.

РОССТАТ 2018 - *Социально-экономическое положение России 2017 год.* Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ), 2018.

Krugman 1991 - *Krugman P.* Geography and Trade. Cambridge: MA: MIT Press, 1991.

SOCIAL - ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA: FEATURES AND FACTORS DEFINING THEM

K.V. GERASHCHENKO
Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia

Summary

The socio-economic development of the regions is one of the priorities of the Russian Federation. It is homogeneity in the economic, political and cultural life of the subjects that is the basis for creating an effective development of the entire state. The article analyzes the features and factors affecting the socio-economic development of the Republic of Crimea. Why is the Crimea the object of study? The main feature is the existence of the Republic in the new legal space, as well as in the sanctions regime. These factors undoubtedly influence the Development Strategy of the Republic.

Keywords: social and economic development, Crimea, factors, sanction regime, economy.

Gerashchenko, Karina - student of the Department of Political Science and International Relations, Faculty of Philosophy, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia.

karinaofficial@mail.ru

КОНСУЛ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ МАШКОВ – УЧАСТНИК СОБЫТИЙ В СТАРОЙ СЕРБИИ НАЧАЛА XX ВЕКА*

В. С. ЗАРКОВИЧ
Институт сербской культуры, Приштина - Лепосавич, Сербия

Аннотация

Падение Османской империи отразилось на ситуации в Старой Сербии, которая была ее составной частью. Сербское христианское население находилось в более чем тяжелой и часто безвыходной

* Работа выполнена в рамках проекта *Материальная и духовная культура Косово и Метохии* (регистрационный № 178028), осуществляемого при финансовой поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

ситуации. Османская империя видела в них непримиримых врагов, а Австро-Венгрия считала, что сербы являются основным препятствием для осуществления ее целей, воплощенных в стратегической политике *Drang nach Osten*. Австро-Венгрия для достижения своих целей умело манипулировала арбанасами и часто из-за кулис управляла действиями, направленными против сербов. Трагическая ситуация в Старой Сербии проявлялась весьма своеобразно, а худшим видом было преследование и насилие (зулум), которое арбанасы ежедневно совершали над сербским населением. Зулумы арбанасов над сербами поставили Королевство Сербию перед необходимостью активизировать свою дипломатическую деятельность. Его представители ежедневно общались с российскими дипломатами, которые принимали активное участие в защите сербского населения.

Большим успехом сербской дипломатии являлось присутствие российских представителей в Османской империи и их консула из города Скопье Виктора Машкова, а также редактора газеты «Новое время» Всеволода Святковского, которые в июле 1901 года пребывали в Ибарском Колашине и его окрестностях. Сообщения с места событий, посланные Машковым в Российское посольство в Царьграде, имели исключительное значение для османских властей. Кроме того, его присутствие в центре событий значительно сократило количество нападений арбанасов. Ежедневные доклады посла России в Царьграде Ивана Зиновьева, направленные в Порту с требованием защитить сербское население Ибарского Колашина и его окрестностей, привели к прекращению пагубной деятельности арбанасов. В результате активного участия российских дипломатов и консула Виктора Машкова в 1902 году в Митровице было открыто Консульство России.

Ключевые слова: Османская империя, Старая Сербия, сербы, арбанасы, консул Виктор Федорович Машков, российские дипломаты.

Весна С. Заркович - доктор исторических наук, научный сотрудник, Институт сербской культуры, Приштина - Лепосавич, Сербия.

vesna.zarkovic07@gmail.com

В конце XIX и начале XX века Османская империя начала внезапно ослабевать, что отразилось на ситуации в Старой Сербии, которая входила в состав турецкого государства до начала

Балканской войны. Распад турецкого государства был долгим процессом, который вступил в заключительную фазу в конце XIX и начале XX века [Микич 1988, 1]. В Старой Сербии наступил экономический, общественный и политический кризис, затронув все аспекты жизни ее населения. Переломные моменты произошли в военных действиях 1876-1878 года, на Берлинском конгрессе, во время кризиса на Крите и греко-турецкой войне 1896-1897 года. После решений Берлинского конгресса Турции пришлось отказаться от Боснии и Герцеговины и части Сербии и Черногории, и как результат этого в Старой Сербии сформировалась организация арбанасов, считавших себя защитниками Царства. Пагубные действия арбанасов, в основном направленные против христианского населения, привели к страданиям и массовому исходу большого числа сербов и нарушили этническую структуру данной территории. В период между 1880 и 1900 годом территорию Косово и Метохии покинуло более 60 000 человек, которые обрели убежище в Сербии, а с 1876 по 1912 год около 400 тыс. человек переехали в Сербию из Старой Сербии и Македонии [История сербского народа 1983, 266]. В начале XX века русский консул Виктор Машков отметил эти факты и в сообщении посольству в Царьград с горькой иронией заявил, что Старую Сербию «из–за невероятно быстрого проредения славянских элементов и их замещения арбанасами давно следует вместо «Старая Сербия» называть «Новая Албания» [Яамбаев 2007].

Сербское христианское население, которое находилось в сложной и часто безнадежной ситуации, помимо пагубной деятельности арбанасов, было подвержено влиянию и других факторов. Сербов считали непримиримыми врагами не только в Османской империи, но и в Австро–Венгрии, которая после решений Берлинского конгресса оказалась в непосредственной близости от Старой Сербии. Согласно мнению австрийского населения, сербское население было основным препятствием для достижения австро–венгерских целей, воплощенных в захватнической политике *Drang nach Osten*. Австро–Венгрия для достижения своих замыслов умело манипулировала арбанасами, сталкивая их с сербами. Австро–Венгерская политика в Старой Сербии была противоположна политике, которой руководствовалась Россия и которая могла послужить сербам в качестве опоры. Основную поддержку сербское население находило у русских представителей, за которыми стояло сильное российское государство и хватало мужества и решимости

противостоять турецким властям и местным арбанасским разбойникам. Одним из тех, кто оставил значительный след в истории сербского народа, был Виктор Федорович Машков. В должности русского консула в Скопье он провел почти пять лет с начала 1899 до 1903 года, то есть до его перевода. На протяжении всей своей службы в Скопье, находясь в резиденции Косовского вилайета, он энергично защищал интересы христиан, в первую очередь, сербов. Вследствие этого он неоднократно сталкивался с угрозами для его жизни не только со стороны арбанасов и мусульманского населения, но и от болгарских комитетов. Согласно официальной информации, предоставленной русскому посольству в Царьграде, существовал план комитета о подрыве консульства России в Скопье и убийстве консула. План касался консула Лисевича и его преемника Машкова [Траяновски 2004, 170, № 66].

После приезда в Скопье и с момента вступления в должность консул Машков проявил смелость и решительность, защищая христианское население. Это подчеркивали консулы других государств. В частности, в некоторых письмах Чарльз Хэмпсон, британский вице–консул в Битоле, обратился к британскому генеральному консулу в Солуне Джону Бланту, особо отмечая «жесткий и своевольный характер господина Машкова в его сотрудничестве с местными властями. Такое неожиданное поведение посла оказывает негативное влияние и раздражает Турцию и, одним словом, представляет угрозу миру». Такую позицию британский вице-консул занял вследствие деятельности Виктора Машкова, который, несмотря на многочисленные протесты мусульманского населения, сумел спасти христианку от принудительного брака с турком. Не обращая внимания на угрожающую ему опасность, Машков лично переправил ее в Солун, а затем в Царьград. Такое поведение консула Машкова, который, по словам косовского муфтия, «постоянно игнорировал политику местных властей и религиозные чувства мусульманского населения», могло спровоцировать репрессивные действия против других консулов и христиан [Горгиев 2005, 648-649, № 225].

Чрезвычайная ситуация в Старой Сербии проявлялась весьма своеобразно, а худшим её видом было преследование и насилие (зулум), которое арбанасы ежедневно совершали над сербским населением. Виктор Машков описал сложившуюся ситуацию следующими словами: «Арбанасы предоставлены сами себе и ведут себя таким образом, что христиане, живущие среди них,

стали их бесправными рабами ... Каждый, ... даже самый захудалый арбанас, мог беспрепятственно отнять и дом, и имущество, и дочь, и жену, и детей христианина. Люди, которые из–за определенных причин были бесталанными и не пришлись по душе арбанасу или, еще хуже, имели мужество сопротивляться насилию, исчезали с лица земли... Благодаря такой ужасной ситуации, православное население Старой Сербии невероятно быстро поредело, и теперь эта испокон веков славянская земля являлась славянской только по названию. Еще десять лет такого режима, вряд ли больше, и христиане будут проживать только в городах» [Яамбаев 2007]. В Старой Сербии царило беззаконие и общая беззащитность и бесправность сербского населения, поэтому Машков сравнивал сложившуюся ситуацию с адом [Горгиев 2012, 131, № 14].

Арбанасы, не щадя средств, уделяли особое внимание сербским регионам, которые занимали значительное геостратегическое положение. Одним из регионов такого типа, который был подвергнут нападению со стороны арбанасов–разбойников, был Ибарский Колашин.

В качестве предлога для нападения на сербское население использовались неподтвержденные истории о вооружении сербов. Все чаще поступали новости о крупных партиях оружия, перемещенного в данный регион. Распространением ложной информации занимались и агенты Австро–Венгрии, с целью осуществления «натиска на восток» и присоединения к железнодорожной линии Митровица–Салоники, проходящей через эту территорию. Роль Австро–Венгрии в событиях, произошедших в селах Ибарского Колашина в 1901 и 1902 году, все еще не раскрыта полностью, так как операции проводились под грифом «секретно». По данным российской газеты «*Новое время*», Австро–Венгерская полиция тратила от пяти до шести миллионов из бюджетных средств на пропаганду среди арбанасских предводителей [Стоянчевич 1994, 262].

Сразу после появления ложной информации о вооружении сербов, арбанасы стали требовать от турецких властей разрешения на обыск Колашина и его окрестностей, чтобы изъять оружие у сербского населения. Акция не была приведена в исполнение из–за отсутствия у турецких властей информации о вооружении сербов, а предводители арбанасов уклонялись предпринимать какие–либо шаги под тем предлогом, что они были «людьми короля» и не осмеливались совершать преступные акции без одобрения султана. Тем не менее, многочисленные жалобы турецким властям со

стороны арбанасов принесли свои плоды и в середине января 1901 года Шемси–паша получил разрешение на обыск сербского населения Ибарского Колашина. В результате этой унизительной акции оружие обнаружено не было, и это вызвало еще большее недоверие арбанасов к Шемсе–паше.

Раздраженность арбанасов и тот факт, что искомое оружие не было обнаружено, привело к интенсификации деятельности против сербского населения, в результате чего в начале июня 1901 года возобновились позорные досмотры сербов. Однако эти действия не дали видимых результатов. Начальник полиции вилайета Дервиш–паша прибыл в Митровицу, чтобы лично управлять акцией. Одновременно с ним Приштинский мутесариф публично поощрял проведение более подробного расследования [АС, МИД, ООП, 1901, ред 28, ПП № 2234, Консул Сима Аврамович – Михаилу Вуйичу, министру иностранных дел, Приштина 2 июля 1901.].

Догадываясь о подготовке чудовищной резни в Колашине, консул Королевства Сербии в Приштине Сима Аврамович потребовал от сербского правительства срочно вызвать из Скопье российского консула Виктора Машкова, считая его присутствие единственной возможностью для спасения сербского народа [Перуничич 1988, 46]. В Митровицу стала поступать информация о многочисленных погибших, раненых и арестованных сербах, брошенных в застенки тюрьмы в Приштине. Умышленно преувеличенный результат досмотров и обысков был значительно ниже ожиданий арбанасов, поэтому в мусульманской среде обстановка стала еще более напряженной, что для сербов создало серъезную угрозу их жизни [АС, МИД, ППО, 1901, ред 28, ПП № 452, Консул Сима Аврамович – Министерству иностранных дел, Приштина 3 июня 1901]. Ежедневные сообщения и черная хроника с поименным списком как пострадавших, так и преступников направлялись в штаб–квартиру правительства в Белграде.

Зулумы над местным населением со стороны арбанасов привели к интенсификации дипломатической деятельности Королевства Сербии. Из Белграда консульствам в Приштине и Скопье и послам в Царьграде и Петрограде было дано распоряжение обратиться за помощью к российской дипломатии. Представители Королевства Сербии ежедневно проводили консультации с дипломатами России, которые принимали активное участие в защите сербского населения. Большим успехом сербской дипломатии являлось привлечение русских представителей к деятельности в Османской империи и их консула из Скопье

Виктора Машкова, а также Всеволода Святковского, редактора газеты «*Новое время»*. Русские журналисты, по инициативе Виктора Машкова, освещали в своих газетах последние ужасающие события из Старой Сербии, после чего вознегодовала вначале русская, а затем и европейская общественность [Заркович 2008, 65]. После одобрения властей из Петрограда и получения зашифрованной телеграммы из Царьграда, Виктор Машков отправился в регион Ибарского Колашина [АС, МИД, ППО, 1901,ред 28, ПП №. 1605, Консул Милосав Куртович – Михаилу Вуйичу, министру иностранных дел, Скопье 3 июля 1901]. В это время он занимал должность консула в Скопье, и его деятельность была направлена на всемерное улучшение положения христиан. В пути его сопровождал капитан Ритих и корреспондент газеты «*Новое время»* из Санкт–Петербурга Всеволод Святковский. К русским путникам присоединился уроженец Косовской Митровицы Богдан Раденкович–исключительный знаток региона Ибарского Колашина, говорящий на арбанасском и турецком языках. После посещения Митровицы, Ибарского Колашина и Нового Пазара, Раденкович предоставил отчет Машкову и, с его согласия, сербскому правительству. Отчет написан на французском языке и содержит подробное описание поездки и реального положения дел, а также поименно список преступников [Заркович 2012, 369]. В течение лета, точнее с 4 по 24 июля 1901 года, представитель российского правительства и его сторонники находились в районах, где сербскому населению угрожала серьезная опасность. В некоторых местах ситуация обострилась настолько, что могла привести к полному исчезновению сербов. Арбанасы, возглавляемые своими предводителями, совершали ужасающие зулумы над невинным сербским населением, не щадили ни женщин, ни детей, унижали священнослужителей и вербально их оскорбляли. Взрослые мужчины нашли укрытие в окружающих лесах и, рискуя жизнью, послали уполномоченных в консульство России с просьбой разрешить им вооружиться для защиты своих семей и домов [АС, МИДППО 1901, ред 28, Relation du voyage de Mr. Maschow, Kolachineet Novi-Pazar (4-24 julliet 1901), p. 10]. Их просьба не была одобрена Машковым, так как он считал, что это приведет к эскалации насилия и репрессиям со стороны арбанасов и правительственных войск [АС, МИД, ППО, 1901, ред 28, без номера, Отчет Богдана Раденковича – Михаилу Вуйичу, министру иностранных дел, Белград сентябрь 1901, 3 и т.д]. Пожилые сербы набрались храбрости и подошли к

российскому консулу, взволнованно и в слезах благодаря за его прибытие, спасшее сербов. Эта печальная атмосфера встречи и безрадостные события описаны Машковым в телеграмме русскому посольству в Царьграде: «Плачут посланники, плачу и я» [АС, МИД, ППО, 1901, ред 28, без номера, Отчет Богдана Раденковича – Михаилу Вуйичу, министру иностранных дел, Белград сентябрь 1901, 5. (телеграмма Машкова консульству в Царьграде 8 июля)]. Два его сотрудника – сербский и российский консулы, правдиво описывали ситуацию на местах и высылали сообщения в издания. Несмотря на то, что информация постепенно распространялась и попала в печатные издательства, она не смогла остановить нападений арбанасов. Позиция российского дипломата вызвала негодование правителя из Митровицы Исы Болетице, который отказал ему во встрече со словами: «Пусть он не беспокоит меня, и я его не стану. Будь это сербский консул, я убил бы его, а этого–не желаю» [АС, МИД, ППО, 1901, ред 28, Пов. № 205, Консул Сима Аврамович – Михаилу Вуйичу, министру иностранных дел, Приштина 16 июля 1901]. Хотя, на первый взгляд, присутствие российского консула не остановило арбанасских нападений, сербам это дало надежду на улучшение ситуации. Доклады с места событий, присланные Машковым в его посольство в Царьграде, имели исключительное значение для османских властей. Кроме этого, его присутствие в центре событий значительно сократило нападения арбанасов на сербское население. Ежедневные сообщения посла России в Царьграде Ивана Зиновьева направлялись в Порту с требованием защитить сербское население Ибарского Колашина и его окрестностей, что привело к ликвидации пагубной деятельности арбанасов. Под давлением Зиновьева султан издал несколько ирад (царских указов), в которых было предписано остановить издевательства над сербами в Колашине. Так как царские указы часто не соблюдались и не выполнялись, сербский посланник в Царьграде Савва Груйич настоятельно просил Зиновьева оказать содействие и на Порте добиться приемлемой позиции для оставшегося сербского населения и создания условий для возвращения беженцев [АС, МИД, ППО, 1901, ред 28, Пов. № 889, Посланник Савва Груйич – Михаилу Вуйичу, министру иностранных дел, Царьград 26 июля 1901].

Еще десять лет назад этим событиям сербская историография не уделяла достаточного внимания, кроме нескольких работ, в которых они косвенно упомянуты. В отличие от сербской,

албанская историография, которая за период с 1878 по 1912 год нам доступна в ограниченном объеме, посвятила этому периоду много работ, но эти события трактуются искаженно и с многочисленными неточностями. К такому выводу приводит нас интерпретация профессора Приштинского университета Шукрия Рахимия, который описал присутствие русского консула Машкова следующими словами: «В июле 1901 года русский консул в Скопье Машков и сербский консул отправились из Приштины в Митровицу с целью провести опрос населения. Албанцы ошибочно полагали, что они приехали в Митровицу с пропагандистской деятельностью, и поэтому блокировали школу, в которой находились два дипломата. Поэтому турецкие государственные органы выслали командира жандармерии из Скопье для освобождения русского и сербского дипломатов» [Рахими 1969, 99; Мартинович 1985, 169].

Негативное отношение к Виктору Машкову находим и в современной македонской историографии, которая его называет «консул–сербофил из Скопье» [Горгиев 2012, 131, № 14].

В противоположность этому, сербская историография особо отмечает неоценимый вклад Машкова в защиту и сбережение сербского народа в Старой Сербии. Его работа и приверженность российской дипломатии привели к открытию консульства России в Митровице в 1902 году [Секулич, 2005, 139-157]. Пребывание консула Машкова в Старой Сербии будто предопределило его дальнейшую судьбу, когда, после революции в 1917 года, он бежал из России и нашел убежище в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевство Югославия с 1929 года), где скончался в 1932 году [Список российских дипломатов 2018].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

Архив Сербии (=АС), Министерство иностранных дел (=МИД), Отделение образовательной политики (=ООП)

Опубликованные источники

Горгиев 2005 – *Горгиев Д. Британские документы о истории Македонии(1886–1900)*, том V, редакция Др Драги Горгиев, Государственный архив Республики Македония, Скопье 2005.

Горгиев 2012 – *Горгиев Д.* Британские документы о истории Македонии(1901–1904), том V1, выбор и редакция Др Драги

Горгиев, Государственный архив Республики Македония, Скопье 2012.

Перуничич 1988 – *Перуничич Б., Свидетельство о Косово 1901–1913*, Научная книга, Белград 1988.

Траяновски 2004 – *Траяновски А.* Русские документы о Македонии и Македонском вопросе (*1859–1918)*, выбор, редакция и коментарий Др Александар Траяновски, Государственный архив Республики Македония, Скопье 2004.

Дигитальные источники

Список российских дипломатов 2018 – Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г. / URL: www.bfrz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf использовано 19.09.2018.

Яамбаев 2007 – *Яамбаев М.* Русский консул Григорий Щчербина и Старая Сербия. URL: www.srpska.ru/article.php?nid=6827 использовано 19 сентября 2018.

Яамбаев 2018 – *Яамбаев М.* Он был счастлив дать жизнь своим сербским братьям. Григорий Степанович Щчербина - https://www.anfor.org/bio/je/srecan/da/zivot/da/za/srpsku/bracu/grigorij/stepanovic/scerbina/ использовано 19 сентября 2018.

Литература

Заркович 2008 –*Заркович В.* Афера в Ибарском Колашине 1901–1902. года, Институт сербской культуры, Приштина/Лепосавич, 2008.

Заркович 2012 – *Заркович В.* Отчет Богдана Раденковича о пребывании Виктора Машкова в Косовской Митровице, Ибарском Колашине и Новом Пазаре в 1901 году (I), Выборочный материал, кн. XXXIII, Исторический институт, Белград 2012, 365–385.

История сербского народа 1983 – История сербского народа, Сербское литературное общество, Белград 1983, кн.VI–1.

Мартинович 1985 – *Мартинович С.* Россия и сербско–албанские отношения в период с 1881 по 1902 год. Заметки, год. XV, № 1, НИРО "Единство", Приштина 1985, 163–174.

Микич 1988 – *Микич Д.* Социальные и экономические возможности косовских Сербов в XIX и начале XX века (от крепостного до банкира), Сербская Академия наук и искусств, Белград 1988, 1.

Рахими 1969 – *Рахими Ш.* Вилайеты на Косово. Приштина 1969.

Секулич 2005 – *Секулич В.* Открытие русского консульства в Косовской Ммтровице, Баштина, № 19, Институт сербской культуры, Приштина – Лепосавич 2005, 139–157.

Стоянчевич 1994 – Стоянчевич В. Австро–сербский конфликт в Косовском вилайете в начале XX века. Сербы и арбанасы 1804–1912, Прометей, Нови Сад 1994, 245–272.

CONSUL VIKTOR FIODOROVITCH MASHKOV – PARTICIPANT IN THE EVENTS IN OLD SERBIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

VESNA S. ZARKOVIC
Institute for Serbian Culture, Priština / Leposavić, Serbia

Summary

At the end of the 19th, and at the beginning of the 20th century Ottoman Empire begins to weaken rashly, which had its consequences to the situation in Old Serbia, which had been until Balkan wars within Turkish state. Serbian Christian population was to be found in a very difficult situation, which was affected by different factors. It was seen as the enemy in Ottoman Empire, and in Austria-Hungary as well, which after the Berlin Congress was found in the near proximity of Old Serbia. Serbs, as per the opinion coming from Austria, represented the main obstacle to the realization of Austrian objectives expressed in the maximum Drang *nach Osten*. Austria-Hungary, in order to achieve its plans, manipulated with the Albanians very skilfully by opposing them to Serbs. Bad situation in Old Serbia was manifested in different ways, and the worst one was persecution and oppressions which were committed over Serbian population by the Albanians. The Albanians had paid special attention, without choosing means, to Serbian areas, which had a special geo-strategic position. One of such areas attacked by Albanian villains was Ibarski Kolašin. Oppressions which were committed by the Albanians over the population there urged the Kingdom of Serbia to reinforce its diplomatic activities. Its representatives were in everyday communication with diplomats of Russia, who took active part in the Serbian population protection.

A great success of Serbian diplomacy was the engagement of the Russian representatives in Ottoman Empire and their consul from Skopje Viktor Mashkov along with Vsevold Sviatkovsky, editor-in-

chief of the magazine Novoe Vremja, who dwelled during July 1901 in Ibarski Kolašin as well. Reports from the field which Mashkov was sending to his embassy in Constantinople had immeasurable value with Ottoman authorities. Besides, his presence on the spot of the events diminished Albanian attacks on Serbian population. Everyday applications of Ivan Zinoviev, Russian ambassador in Constantinople, sent to Porta with the request to protect Serbian population of Ibarski Kolašin and its surroundings, led to the break of Albanian action. The final result of the engagement of the Russian diplomacy and consul Viktor Mashkov was the opening of Russian consulate in Mitrovica in 1902.

Keywords: Ottoman Empire, Old Serbia, Serbs, Albanians, Consul Viktor Fiodorovitch Mashkov, Russian diplomats.

Zarković, Vesna – Ph. D. of History, Research associate of Institute for Serbian Culture, Priština / Leposavić, Serbia

ПОЛЯКИ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ: ИДЕЙНАЯ И ЛИЧНАЯ МОТИВАЦИЯ

Х. КОВАЛЬСКА-СТУС
Ягеллонский университет, Краков, Польша

Аннотация

Крымская война является зеркалом, отражающим важную проблему сложных отношений поляков к России в XIX ст. Она выявляет многие контексты: польско-русских государственных отношений на протяжении истории, геополитической ситуации после Наполеона и революционных настроений в Европе. Ко времени Крымской войны польско-русские отношения стали крайне сложными. Союз Костюшко с французской революцией привел к третьему разделу Речи Посполитой и ее уничтожению в 1795г. После раздела наступил союз части поляков с Наполеоном, участие в его революционно-завоевательных действиях и поход на Москву. После победы над Наполеоном наступил короткий период возрождения польской государственности. Королевство просуществовало до 1930 г., когда вспыхнуло ноябрьское восстание, которое совпало с французской революцией 1830 года. Ноябрьское восстание и Крымскую войну разделяет почти двадцатилетний период идейной и логистической подготовки

польской эмиграции к войне с Россией в сотрудничестве с русской эмиграцией (Герцен), Францией, Великобританией и Турцией. Многие участники ноябрьского восстания эмигрировали в Турцию, где стали высокопоставленными офицерами и готовились к участию в войне с Россией. Преобладающая часть населения вписывалась в государственный строй Российской империи. Среди них были аристократы, политики, торговцы, мещанство и многие польские офицеры царской армии. Во время Крымской войны в царской армии служило 6280 (20 %) офицеров польского происхождения. Характерным в среде поляков - сторонников Турции в Крымской войне был геополитический способ мышления. Главная причина спора между антирусскими кругами – литовской аристократией в Польском Королевстве и Россией относилась к Литовской Руси. Благо Польши - Короны и поляков не лежало в основе их проектов.

Ключевые слова: отношения Польши и России в XVIII-XIX вв.; Крымска война; поляки в отоманской армии, польские офицеры в Царской армии; польское освободительное движение в XIX ст.

Ковальска-Стус Ханна - титулярный профессор, доктор гуманитарных наук, заведующая кафедрой православно-византийской культуры Ягеллонского университета в Кракове (Польша); член-корреспондент Польской Академии искусств в Кракове (Polska Akademia Umiejętności w Krakowie)
kowalska.hanna@gmail.com

Крымская война является зеркалом, отражающим важную проблему сложных отношений поляков к России в XIX ст. Она выявила многие контексты: польско-русских государственных отношений на протяжении истории, геополитической ситуации после Наполеона и революционных настроений в Европе.

До времен Крымской войны польско-русские отношения стали крайне сложными. XVIII столетие подитожило историческое прошлое Речи Посполитой. Екатерина II воспользовалась политическим устройством, чтобы продвинуть своего кандидата Сигизмунда Августа на польский престол. Но когда он начал необходимые для государства реформы (ликвидация права вето, политическое равенство всех конфессий), тогда польская шляхта инициировала против монарха Барскую Конфедерацию (1768-1772). Конфедераты боролись под лозунгом защиты свободы и

веры. Однако эти убежденные консерваторы (например, Михаил Вельхорский - отец) в 1770 г. обратились за помощью к французским идеологам Просвещения. Программу для реформ Речи Посполитой писал Жан Жак Руссо [Rousseau 1966]. В связи с этим конфедераты объявили свержение с престола короля, нелегальными все его постановления, связанные с реформами. Шаги конфедератов были, с одной стороны, регрессивные, а с другой, как антимонархические, не одобрялись монархической Европой. После французской революции они воспринимались как сотрудничество с революционным движением. Конфедераты расчитывали на помощь революционной Франции, а также Австрии и даже Турции. Особенно удивляет готовность к союзу с мусульманской Турцией, против которой Речь Посполитая состояла 200 лет в антитурецкой лиге, а в 1683 г. польский король Иоанн Собески победил турок под Веной.

После вспышки французской революции многие влиятельные поляки, в том числе, масоны, стали возлогать надежду на французов. В 1793 году Тадеуш Костюшко, герой американской гражданской войны и масон, ездил в Париж с миссией представить революционному правительству планы восстания Речи Посполитой против Росии, Австрии и Пруссии. Их успеху угрожал договор России, Пруссии, Австрии, Испании и Голландии, которые, опасаясь революционной идеологии, готовились к интервенции во Франции. Потому французы одобрили вспышку польского восстания 1794 г., усматривая в нем положительную для французской революции блокаду русских и прусских военных сил, при этом сами не намеревались помагать полякам.

Союз Костюшко с французской революцией привел к третьему разделу Речи Посполитой и ее уничтожению в 1795 г. После разделов наступило сотрудничество части поляков с Наполеоном, участие в его революционно-завоевательных действиях и поход на Москву. Под командой Наполеона поляки завоевывали христианские государства, уничтожали церкви и монастыри, покорили Ватикан (Легионы Домбровского 1798). Одновременно в 1812 г. в российском штабе служили генералы-поляки: генерал-фельдмаршал М. Каменский, генерал М. Каховский, генерал - лейтенант И. Пржибышевский, генералы кавалерии А. Ожаровский и Н. Раевский. Тогда генералов-поляков в русской армии было больше, чем среди французского генералитета. Истории известны добровольцы-уланы Польского полка под командованием поручика К. Бискупского, которые

партизанили вместе с русскими крестьянами, а также и поляки в составе казачьих формирований.

После победы над Наполеоном наступил короткий период возрождения польской государственности. Это было королевство со словом Польша в названии, с конституцией, армией, правительством, бюджетом и университетом, чего Польша не дождалась от Наполеона. Королем и учредителем был Александр I. Королевство просуществовало до 1930 г., когда вспыхнуло ноябрьское восстание, которое совпало с французской революцией 1830 года. Молодые инсургенты убили многих польских и русских генералов, сопротивившихся восстанию. Восстание было подготовлено польскими, французскими и американскими масонами, удовлетворяло интересы русских и прусских масонов. В результате Польское королество было уничтожено и наступили строгие репрессии при Николае I. Стоит вспомнить также эпизод сотрудничества польских диссидентов с декабристами, которые выросли на той же почве масонской идеологии.

Данное исследование позволяет выяснить генезис и показать направление польской освободительной идеи в XIX в., которую отстаивали вожди и учителя восстаний и участники антироссийских кампаний. Остальные - это, как обычно: молодежь, патриоты, принужденные солдаты.

Поляки в Крымской войне.

Ноябрьское восстание и Крымскую войну разделяет почти двадцатилетний период идейной и логистической подготовки польской эмиграции к войне с Россией в сотрудничестве с русской эмиграцией [Герцен 2007, 127; Белявская 1954, 5-12], Францией, Великобританией и, прежде всего, с Турцией. Преобладающее количество населения вписывалось в государственный строй империи. Среди них были: аристократы, политики, торговцы, мещанство и большое количество офицеров царской армии. Военную карьеру избирала шляхетская молодежь.

В эпоху русского господства многие выдающиеся поляки перемещались между патриотическим и царским лагерями. Примером может служить Генрих Домбровский, который участвовал в торговом договоре на стороне короля и князь Адам Чарторыский – министр Александра I, а позже - противник русского престола. Не участвовал в наполеоновской войне, во время венского конгресса ратовал за создание Польского королевства под скипетром России, в 1814 г. вступил в масонскую ложу. Был председателем Национального правительства во время

ноябрьского восстания, рассчитывал на мирный договор с Николаем 1. Был им приговорен к смертной казни. До смерти оставался в эмиграции, где организовал в Турции и на Балканах военные ведомства, направленные против России. На Кавказе реализовал план дезертирства поляков - офицеров и солдат царской армии. Характерна судьба поляков, которые, как Ромуальд Траугутт, были высокопоставленными офицерами царской армии, воевали против венгерского восстания 1848 г., получили ордена за успехи в обороне Севастополя. Однако в последствии Трагутт стал диктатором январского восстания. Другой известный поляк, Михаил Чайковский, стал мусульманином и садык-пашей в турецкой армии. На стороне турок воевал с Россией. Революционно настроенные поляки надеялись на поражение России и восстановление Польши на республиканских началах. Одновременно богатая шляхта, аристократия и часть интеллигенции с победой России связывали возрождение Польши. За участие в Крымской войне надеялись получить для Польши прежние свободы.

Поляки на службе Турции. Первый план формирования польско-турецкой коалиции для борьбы с Россией был создан уже в 1797 г. Юзефом Сулковским (1770-1798) – польским офицером, якобинцем, адъютантом Наполеона Бонапарта. Он написал «Анализ внутреннего состояния и внешней политики Оттоманской империи, а также несколько предложений о средствах противодействия ее распаду». Политические предпосылки опирались на факт непризнания Турцией разделов Польши и на убеждение, что Россия угрожает Турции, которая в своих планах защиты должна рассчитывать на польское, татарское, узбекское, армянское и кавказских племен участие. И, хотя этот масштабный план не был оправдан политическим центром в Париже, его турецкий сюжет дождался реализации.

Многие участники ноябрьского восстания эмигрировали в Турцию, где могли делать военную карьеру и надеялись на участие в войне с Россией. В 1836 г. Чарторыский направил турецкому правительству документ, в котором предлагалось на Черноморском побережье Кавказа высадить агентов для сотрудничества с кавказскими повстанцами. По мнению князя, война Турции с Россией была неизбежна, поэтому следовало в тесном взаимодействии с черкесами, турками, крымскими татарами и народами Средней Азии вытеснить Россию с Кавказа и Балкан, а в более долгосрочной перспективе – в результате восстания на

Украине и в Польском Королевстве - возродить суверенное польское государство.

Турки готовы были профинансировать создание польских воинских формирований. В состав турецкой армии вошли две польские дивизии, одна из которых под командованием генерала Владыслава Замоыского (Zamoyski) участвовала в боевых действиях на крымском фронте [Медвенский, Западный...].

Наиболее оперативными в подготовке польских частей в Турции были: Юзеф Бэм (также главнокомандующий венгерским восстанием 1848 г.), Михал Чайковски и Александер Илински. Все они стали мусульманами и турецкими генералами. Бем, наиболее выдающийся из них, не дожил до Крымской войны (умер от болезни) [Turkowska, Polacy…].

Михал Чайковски, родившийся в польской шляхетской семье, приехавшей на Волынь в XVII в. из Малопольши, ставшей униатами, был участником польского восстания 1830-1831 гг. После его поражения эмигрировал и поселился в Париже. Его политическим идеалом было образование казацкой Украины как автономной части в составе возрожденной Польши. В 1841 г. по поручению Чарторыского он возглавил Восточное агентство в Стамбуле. В Добрудже, где в 1762 г. поселились эмигранты, донские казаки - старообрядцы некрасовцы, участники восстания Кондратия Булавина (1707 -1709), кубанские старообрядцы (1777) и в. 1775 г. вольные запорожцы, он вел агитацию в пользу создания воинских частей. Старообрядцам он дал обещание свободы исповедания и учереждения епархии на территории освобожденной Польши [Kowalska 1990, 163-180]. Зато казаки обязались отдать под польскую команду 1000 конных солдат. В результате возникли два полка: некрасовский и запорожский, атаманом которых стал Чайковски. Офицерами были преимущественно поляки, участники восстания 1830-1831 гг. По настоянию Чайковского, в качестве служебного языка, в его полку использовался украинский язык. В 1854 г. Полк отвоевал окруженную русскими крепость Силистрия на Дунае. В конце 1854 г. полк подошел к границе Российской империи на Прут. Он планировал перейти на территорию Приднепровья и поднять там антироссийское восстание, т.к. там развернулось крестьянское движение под названием Киевское казачество на основе желания украинских крестьян стать свободными, но осуществить это не удалось.

Агентура Чайковского распространялась на Кавказ (сотрудничал с Шамилем), Сербию и Болгарию. Вербовка солдат

на Крымскую войну среди польских эмигрантов не была столь успешной. В лагере Чарторыского и лондонских демократов появились скептики. Ветераны ноябрьского восстания и Весны народов сомневались в реализации освобождения Польши. Зигмунт Милковски дает отрицательную характеристику завербованным на войну полякам [Miłkowski 1858, 55-56]. Многие получали довольствие и не уезжали на фронт, иные в военной службе искали убежища от эмигрантской нищеты. Многим добровльцам было уже за 50.

В дальнейшем судьба Чайковского сложилась не благополучно в связи с неодобрением январского восстания, за что поляки его невзлюбили. В результате он подал в отставку. Царское правительство разрешило ему вернуться на родину и назначило содержание. Он поселился в Киеве и принял православие.

Илински Александер (паша Искандер/Скиндер, принял ислам) был татарского происхождения, гулякой и авантюристом. Участник ноябрьского восстания и Весны народов в Венгрии (адьютант генерала Бэма), деятель Отеля Ламбер в Париже под руководством Чарторыского. Сотрудник Цареградского агентства - был вербовщиком среди казаков в Добрудже. Притворялся православным монахом, жил в монастыре Челикдере в Тульче. Его задачей было ослабить влияние монастыря в пользу России. Во время Крымской войны командовал известным батальонм башибузуков, котоый разбил знаменитый полк генерала Коцебу. При осаде Севастополя наступал на батальон полковника Виннинга за что его возвели в ранг паши.

***

Для выявления характерных черт участников войны в польском легионе, организованном в Турции, приведем наиболее интересные биографии.

Константин Боженцкий (паша Мустафа Джелаледдин), студент духовной семинарии во Влоцлавке, участник великопольского восстания 1848 г., с 1849 года в Порте. Принял ислам и стал офицером. Принимал участие во всех турецких войнах. Инициатор идейного движения, целью которого было сближение Турции с культурой Европы. На его основании было основано современное турецкое общество. Под влиянием его книг оказался Кемал Ататюрк [Łątka 2015, 61-63].

Бреаньски Феликс (паша Шахин, принял ислам) политический деятель Отеля Ламбер, генерал турецкой армии. Участник ноябрьского восстания и Весны народов в Венгрии. В штабе

турецкой армии составлял планы важнейших военных операций Крымской войны [Łątka 2015, 65-66].

Людвик Быстжоновски (паша Арслян, принял ислам) деятель Отеля Ламбер, участник ноябрьского восстания. Был членом Военного совета турецкой армии, автором плана создания Армии кавказских кракусов из польских дезертиров царской армии, что не было реализовано. После войны был турецким военным атташе в Париже [Łątka 2015, 74-75].

Косьцельски Владыслав (паша Сэфер, принял ислам, масон), участник великопольского восстания 1848 г. (адьютант начальника Л. Мерославского), деятель Отеля Ламбер. Сотрудничал с Чайковским. Участье в Крымской войне закончил в чине генерала дивизии [Łątka 2015, 214].

Смолиньски Юзеф, паша. Участник ноябрьского восстания. Служил во французском иностранном легионе. От имени английского правительства на территории США и Канады вербовал солдат на Крымскую войну, из которых формировал Польский батальон в составе английского иностранного легиона. За участие в осаде Севастополя получил высокие английские и турецкие медали и чин паши [Łątka 2015, 382].

Замоыски Владыслав, начинал военную службу в чине адьютанта в. кн. Константина. Участник ноябрьского восстания, деятель Отеля Ламбер. Организовал структуры Цареградской агенции на славянской территории. Созданный им легион поляков не успел включиться в Крымску войну. Замоыски выражал свое недовольство политикой Отеля Ламбер и результатми войны [Łątka 2015, 461-462].

Поляки на службе России. Одновременно в 1831 – 1856 гг. в рядах русской армии на фронтах: Кавказа, Оренбурга, венгерского восстания 1848 г., а также в Крымской войне воевало 200 000 поляков [Wiech, Udział…]. Многие из них были крестьянами. Один из них писал после Крымской войны: «Мы обожали царя Александра II за то, что даровал нам свободу. За то господа шляхта его убили. В моих глазах он был героем. Я молился ему, считая его почти вторым Христом. Разница в том, что Христос умер за весь мир, а царь за крестьян своего огромного государства» [Wiech, Udział…].

Во время Крымской войны в царской армии служило 6280 (20 %) офицеров польского происхождения, это после русских самая большая группа. Польская шлахетская молодежь поступала в военные училища, после гимназии и университета, добровольно

вступала на военную службу. Это создавало возможность сделать карьеру, материально обеспечить семью. Об этом читаем во многих воспоминаниях [Caban 2008, 127]. Кроме того, патриотическая мотивация подсказывала выбрать такой путь для поддержки военных способностей. Отель Ламбер питался ложной информацией о многочисленной дезерции поляков из царской армии. На самом деле т.н. дезертиры были военнопленными, которые утверждали, что дезертировали, чтобы получить лучшие условия оседлости в Турции. Исследователь этой проблематики, Веслав Цабан, подчеркивает, что до и во время Крымской войны польские офицеры в царской армии не старались получить отпуск и не просили об отставке. Не дезертировали даже после падения Севастополя. Многие удостоились высоких чинов и наград. Примером может служить Ромуальд Траугутт, Зыгмунт Хмеленьски, Людвик Звеждовски.

Особую категорию состовляли низшие офицеры, направленные в армию на Кавказ в наказание за участие в ноябрьском восстании. Они надеялись быстро уйти в отставку за военные заслуги в Крымской войне. Многие воспоминания свидетельстуют о том, что, как пишет Юзеф Дунин-Карвицки – офицер элитарного полка павлогродских гусаров, поляки, дорожа честью, не помышляли о дезерции [Caban 2008, 132]. Долгая осада Севастополя способствовала зарождению братства по оружию [Севастопольцы]. Характерно, что хотя годы реформ Александра II способствовали возникновению многих политически направленных кружков с участием польских офицеров, то из числа 6280 лиц, только менее 300 участвовало в январском восстании [Caban 2008, 134cy].

Итоги. Характерным для поляков - сторонников Турции в Крымской войне был геополитический способ мышления. Они руководствовались наблюдением процессов, происходивших в Европе и в Азии, которые были направлены против России. Удивляет, что их деятельность была направлена только против России, хотя в ее границах не оказалось большинство земель этнически польских, а земли Великого Княжества Литовского. Только 11 из 30 городов Речи Посполитой, которые оказались в русских границах после венского конгресса, находились на этнически польской территории.

Но если присмотреться к генеалогии семейств лиц, руководящих польской эмиграционной политикой, то заметим, что это представители литовской аристократии: Радзивиллов,

Ходкевичей, Сапегов, Чарторыских, Четвертинских и Огинских, а также литовской шляхты: Мицкевич, Словацкий и Красинский. Политический вес литовско-русской аристократии в Речи Посполитой поднялся после конверсии на католичество. Потому главная причина спора между этими кругами в Польском Королевстве и России относилась к Литовской Руси. Они не могди примириться с тем, что литовская Русь была присоединена к Российской Империи. Благо Польши - Короны и поляков не лежало в основе этих их интересов.

Второй вывод, который следует сделать на основании исторических фактов, относится к привязанности политической элиты II и III Речи Посполитой к геополитической идее победы над Россией с целью отнять или, влиять на земли бывшего Великого Княжества Литовского. Польским на этих территориях был элемент культурный, точнее культурное влияние. Конфессиональный всегда играл второстепенную, скорее тоже культурную роль. После Второй мировой войны эта идея нашла отражение в доктрине эмигранта – Ежи Гедройца, семья которого русско-литовсого присхождения. Кроме этой личной привязанности к восточным землям (polskie kresy) эта среда считала себя представителями и защитниками польских интересов и европейской цивилизации.

Эмиграционная среда Адама Чарторыского - Отель Ламбер для польских солдат – участников Крымской войны создала орган - «Wiadomości Polskie». Этот журнал характеризовал Крымскую войну как защиту Европы от азиатской цивилизации: «Христианство обязано защищаться перед монгольской дичью» [Wiadomości 1854/VII, 41]. Война сравнивалась с крестовым походом. Чарторыски писал, что только, благодаря полякам, Европа достигнет победы и дарит Европе настоящий мир [Wiadomości 1855/XII, 22]. Хенрык Красински, родившийся в Пинске, предлагал даже, чтобы Крымская война закончилась возрождением Казанского и Астраханского ханств, лишением Росии Сибири, финских земель и образованием малой России вокруг Киева. Адам Мицкевич называл войну славяно-еврейским крестовым походом, направленным из страны полумесяца. Ее цель – воссоединение всех религий и народов мира [Marchlewicz 2008, 74]. Мицкевич стремился создать польско-еврейские легионы [Ruszkowski 1996, 240-241]. Поэт Зигмунт Красински в мемориале Наполеону III писал, что Россия - это великий коммунистический монстр, управляемый армией и теократией, потому Крымская

война должна быть последней борьбой тьмы со светом [Memoriał 1999, 214-215]. Элиты польской эмиграции распространяли мнение, что только Польша является оборонительной стеной христианства и европейской цивилизации. Польские элиты и сегодня ищут геополитическую среду (Украина, Грузия, Литва, США) для реализации новой версии этого проекта. Удивляет приверженность к идее, которая представляла интересы литовской ополяченной элиты и которая пользовалась революционной психологией и военными инструментами.

Ответом на парижскую эмиграционную идею, в соответствии с которой считалось, что Крымская война приведет к освобождению Польши, стала в России перемена внешней политики Николая I. Переход от солидарности с монархиями в барьбе с национально-освободительным движением до поддержки этих движений, особенно в отношении славянских земель в турецком и австрийском владении [Głębocki 2008, 58]. Многие связывали это с совпадением дат 1454 – 1854. Новая политическая программа опиралась на освобождение славянских народов. Ее оформили Михаил Погодин и генерал Леонтий Дубельт (III Отделение). О союзе Польши и России Погодин писал: «Русские в Польше, поляки в России, вплоть до Восточного океана и Гималайских гор! Национальность выражается в языке, истории, литературе, пожалуй, в религии, в именах, в личностях. На что границы для настоящего времени? Будем считать вот как: в IX столетии Польша владела вот чем, в XII Россия распространилась вот как, в XV Польша явилась там-то, а в XIX мы разошлись вот тут-то. Никому не обидно, и все в точности по истории. Польша и Россия — это сила, непоборимая в Европе! Её-то и боятся все друзья и недруги, ваши и наши!» [Погодин, 582].

Эти взгляды совпадали с ожиданиями той преимущественной части поляков из этнически польских земель, которые боролись с германизацией в прусской части н нищетой в австрийской. Такого рода планы были реализованы графом Александром Велепольским и Францишком Друцким-Любецким (к удивлению литовского происхождения), которые в революционных кругах считались предателями.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Реализуя этот, задуманный Ротшильдами проект, Герцен в начале Крымской войны в 1853 г., основывает в Лондоне «Вольную русскую типографию». А в 1855 г. в разгар Крымской

войны, начинает издавать в Лондоне на русском языке журнал «Полярная Звезда». К работе в нем он приглашает всех своих соратников, как из России, так и из Европы, После того, как Герцен совместно с Прудоном на деньги Ротшильда создал газету, доверие последнего к Герцену повысилось, и он счел возможным привлечь его к работе общеевропейского леволиберального объединения «Европейский центральный демократический комитет». В течение всей Крымской войны, Еврокомитет проводил в различных европейских столицах, но преимущественно в Лондоне, массовые митинги, требуя активизации и расширения масштабов войны с Россией. Кроме митингов, он также посылал многочисленных эмиссаров в польские земли, находившиеся под властью России с целью организовать там восстание, но из этого ничего не вышло. [А.И.Герцен «Былое и думы»: - Т.2. С.108-109; *Белявская И.* А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. - М., 1954]. Одновременно с этим, в ходе подготовки Крымской войны, Ротшильды ставят перед Герценом, который с 1852г. проживал в Лондоне, задачу наладить леволиберальную пропаганду внутри России с тем, чтобы реализовать в дальнейшем политические результаты этой войны. [*Колонтаев К.*, Россия и Европейский финансовый капитал в контексте Крымской войны 1853 - 1856 г.г., http://prichal.sevhome.ru/article.php?id=1617].

(2) Был писателем, сочинявшим казацкие повести в стиле Гоголя.

(3) В 60-ые гг. к Некрасовцам приехал русский народоволец Василий Кельсиев. Он пытался образовать среди них коммуну и уговаривал присоединиться к польскому январскому восстанию. Сотрудничал с Чайковским. Его миссия, финансированная Герценом, не была упешной, в отличие от миссиии Чайковского, так как он не уважал религиозных взглядов некрасовцев.

(4) Монастырь распологался на русско-турецкой границе. Чайковский разместил там свою агентуру, благодаря Людвике Снадецкой, пожертвовавшей на нужды монастыря за захоронение ее жениха, русского офицера Владимира Римского-Корсакова.

(5) Первый раздел захватил только Литву и Инфлянты.

(6) Редакторы: О. Валериа Калинка, основатель польской провинции монастыря воскресенцев. Юлиан Клячко, наст. фам. Егуда Лейб.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белявская 1954 - *Белявская И.,* А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954.

Герцен 2007- *Герцен А.,* Былое и думы. Ч. 8. М., 2007. С. 127.

Колонтаев - *Колонтаев К.*, Россия и Европейский финансовый капитал в контексте Крымской войны 1853 - 1856 г.г., URL: http://prichal.sevhome.ru/article.php?id=1617 (11.10.2018).

Медвенский - *Медвенский И.*, Западный Кавказ в планах польской дипломатии XIX в. URL: https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/5708, дата обращения: 11.10.2018

Погодин 2011 - *Погодин М.*, Польский вопрос, того же: Вечное начало. Русский дух. М., 2011.

Севастопольцы - *Севастопольцы.* Участники 11-ти месячной обороны Севастополя в 1854-1855 годах, сост. изд. П. Ф. Рерберг, Санкт-Петербург 1903-1907 URL: https://nilsky-nikolay.livejournal.com/1056119.html (01.10.2018).

Caban 2008 - *Caban W.,* Oficerowie rosyjscy polskiego pochodzenia wobec wojny krymskiej // Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej, red. W. Borejsza, G. Bąbiak, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2008. S. 127.

Głębocki 2008 - *Głębocki H.,* Imperium rosyjskie wobec kwestii narodowych a problem ewolucji rosyjskiej idei narodowej (w epoce wojny krymskiej) // Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej, red. W. Borejsza, G. Bąbiak, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa, 2008.

Kowalska 1990 - *Kowalska H.,* Rosyjscy sektanci religijni w planach polskiej i rosyjskiej emigracji w: Dziesięć wieków związków Wschodniej Słowiańszczyzny z kulturą Zachodu, cz. I. Lublin, 1990. S. 163-180.

Łątka 2015 - Borzęcki Konstanty // *Łątka J.*, Słownik Polaków w Imperium Osmańskim i Republice Turcji, wyd. II popr.i uzup. Kraków, 2015.

Marchlewicz 2008 - *Marchlewicz K*, Wielość obrazów krymskiej wojny w oczach Wielkiej Emigracji // Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej, red. W. Borejsza, G. Bąbiak, Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2008.

Memoriał 1999 - Memoriał dla Napoleona III z października roku 1854 // *Krasiński Z.*, Pisma filozoficzne i polityczne. Warszawa, 1999.

Miłkowski 1858 - *Miłkowski Z.,* Udział Polaków w wojnie wschodniej (1853-1856). Paryż, 1858.

Rousseau 1966 - *Rousseau J.J.,* Uwagi o rządzie polskim i jego projektowanej naprawie. Tłum. z jęz. fr. M. Staszewski // *Rousseau J.J.*, Umowa społeczna, oprac. B. Baczko. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966.

Ruszkowski 1996 - *Ruszkowski J.*, Adam Mickiewicz i ostatnia krucjata. Studium romantycznego millenaryzmu. Wrocław, 1996.

Turkowska (Polacy…)*Turkowska M.*, Polacy a sprawa macedońska. Polscy powstańcy jako działacze polityczni w Imperium Osmańskim, URL: http://biuletynmigracyjny.uw.edu.pl/dodatek-50-grudzien-2014/polacy-a-sprawa-macedonska-polscy-powstancy-jako-dzialacze-polityczni-w-imp (10.10.2018).

Wiadomości 1854/VII - Wiadomości Polskie 31 lipca 1854, s. 41.

Wiech (Udział…)- *Wiech S.,* Udział żołnierzy polskich (poborowych z Królestwa Polskiego) w walkach o wyzwolenie Bułgarii i echa wojny rosyjsko-tureckiej 1877-1878 r. na ziemiach polskich URL: http://www.sofia.msz.gov.pl/pl/c/MOBILE/wspolpraca_dwustronna/historia_relacji/stanislaw_wiech__ujk_kielce___udzial_zolnierzy_polskich__poborowych_z_krolestwa_polskiego__w_walkach_o_wyzwolenie_bulgarii_i_echa_wojny_rosyjsko_tureckiej_1877_1878_r__na_ziemiach_polskich_(10.10.2018)

POLES IN THE CRIMEAN WAR. IDEOLOGICAL AND PERSONAL MOTIVATION

HANNA KOWALSKA-STUS
Jagiellonian University, Krakow, Poland

Summary

The article is devoted to the problem of Poles' participation in the Crimean War: on the side of Russia and on the side of Turkey.

Before the outbreak of the Crimean War, Polish-Russian relations became very complicated. The alliance of Kościuszko Uprising with the French Revolution led to the third partition of Poland. As a consequence, many Poles allied with Napoleon and participated in his conquests and the war against Russia.

After the Congress of Vienna, there was a short period of rebirth of Polish statehood which was ended by the November Uprising. It also coincided with the French Revolution of 1830.

The November Uprising and the Crimean War are almost twenty years apart in terms of ideological and logistic preparation of Polish emigration to war against Russia in cooperation with: Russian emigration (Hercen), France, Great Britain and, above all, Turkey. The number of Poles representing this party was not large. Rich nobles, aristocracy, middle class and part of the intelligentsia associated the rebirth of Poland with the victory of Russia.

The most distinguished in the preparation of Polish troops in Turkey were: Józef Bem (a commander in the Hungarian Uprising of 1848), Michał Czajkowski and Aleksander Iliński. They all converted to Islam and were Turkish generals.

At the same time, in the years 1831-1856, 200 thousand Poles fought in the ranks of the Russian army on the fronts of: Caucasus, Orenburg, while suppressing the Hungarian Uprising and on the fronts of the Crimean War. 6,820 (20%) Polish officers served in tsar's army during the Crimean War which was the largest group beyond Russians.

What was typical of Poles, supporters of Turkey in the Crimean War, was geopolitical approach, observation of processes taking place in Europe and Asia which were directed against Russia. They were focused on Russia although majority of ethnically Polish lands was not within its borders, especially the lands of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: relations between Poland and Russia in the 19th century; the Crimean War; Poles in the Turkish army; Poles in the tsar's army; Polish uprisings of the 19th century.

Kowalska-Stus, Hanna – Professor of Humanities, Head of Orthodox-Byzantine Culture Department, a Corresponding Member of Polish Academy of Arts and Sciences in Kraków.

kowalska.hanna@gmail.com;

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОПАГАНДЫ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПЛАКАТАХ И ЛОЗУНГАХ

С. В. КОНДРАШОВ
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация

В данной статье рассматриваются технологии пропаганды, которые использовались во времена Второй мировой войны странами участницами. Исследование освещает путь от зарождения идеи и до материальной реализации её в форме агитационного продукта. Сопоставляя материалы из исторических архивов, в статье приведены как общие элементы пропагандистских систем участников международного конфликта, так и отличительные.

Ключевые слова: агитация, плакаты, лозунги, война, пропаганда, конфликт, мировая война, сознание массы.

Кондрашов Сергей Вячеславович – студент Крымского федерального университета им. Вернадского, Симферополь, Россия.

weras1945@mail.ru

Войны выигрывают обычные солдаты, но без предвоенной подготовки человека к потенциальной войне победы достичь практически невозможно. Эту функцию выполняет пропаганда. Американский социолог и социальный психолог Герберт Блумер охарактеризовал пропаганду как подмену ценностных ориентиров в сознании масс. Установки, которые спустя время воспринимаются людьми как естественный итог личного выбора [Психология масс 2010, 514].

Для начала стоит выделить главный фундамент пропаганды – её идейную концепцию. Хотя у каждого народа свой менталитет, своя культура и история, но во всех агитационных воздействиях существует общая деталь, а именно то, что все они направленны на одного объекта – человека. Воздействие происходит на его мысли и, вытекающие из них, поступки. Абсолютно все политические режимы борются с одним и тем же в течение всей истории человечества, со свободной волей индивида. Пропаганда

специально внедряется в обыденную жизнь граждан, словно капля воды, бесконечно обтёсывающая гранитную гору. Элементы воздействия безграничны. Идеологии разных стран, на первый поверхностный взгляд, сильно разнятся, но если глубоко капнуть к корням политических систем, то мы обнаружим фундамент одних и тех же идей. Примечательное определение политики работы с массой сформулировал французский социолог Гюстав Лебон в своём труде «Психология народов и масс»: политика рационально использует иррациональную энергию масс [Лебон 2017, 179]. Пропаганда Италии, Германии, Японии, США, СССР всегда выдвигала на передний план газет, радио передач и различных прокламаций лозунги идей справедливости и равенства. Но если равенство в СССР было заявлено между солидарными в труде рабочими и крестьянами, то в Германском Рейхе оно было отражено между членами одной нации. В фашисткой Италии равенство было установлено между всеми, кто желал воссоздания величия Римской Империи. Также стоит отметить в общности режимов то официальное презрение со стороны государства к ценности отдельно взятого индивида. Японский историк Такусиро Хаттори отмечал тот факт, что никто из японцев не смел капитулировать до тех пор, пока не будет дан приказ Императора [Хаттори 2000, 158].

Общее положение всех идеологий – это пропаганда преданности к труду и создание семьи во благо государства, иначе гражданин будет считаться ленивым отступником от счастья своего народа. При длительном несоблюдении общественных норм поведения, гражданин может быть объявлен врагом народа и придан уничтожению, чтобы не было повадно остальным ставить индивидуальные прихоти выше, чем требования народа. Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет акцентирует внимание на том факте, что масса бессознательно не терпит символов индивидуальности и это используется в механизмах пропаганды [Ортега-и-Гассет 2017, 71].

К списку общностей идей пропаганды можно добавить требование к низведению личной свободы до минимума и запрет свободы слова, потому что там, где есть истинная вера в будущее счастье, нет места сомнению. Немецкий учёный Эрих Фромм отметил эту тенденцию и отнёс её к сфере авторитарной личности. К сфере, где у человека нет свободы, а есть только четкое место в социальной стратификации и определенные задачи [Фромм 2016, 152].

Технология пропаганды

Технология пропаганды начинается с идеи, эволюцию идей в пропаганде наиболее заметных стран-участниц Второй Мировой Войны можно выразить в 3 периодах:

1) период до начала войны – консолидация наций вокруг труда и усердия в обыденных мероприятиях под давящей атмосферой нависшей опасности от «внешнего врага» (палитра государственных лозунгов и плакатов яркая и светлая с символикой солидарности народа и государства);

2) военный период – время популизирования идеи жертвенности личности во благо победы народа (превалируют красные и черные цвета);

3) заключительный период конфликта – призывы к последним жертвам и в скором окончании войны (пропаганда стран-победителей использовала изображение столиц проигравших стран в виде руин и обломках, в композиции появляется синий цвет как символ чистого и мирного неба).

Технология пропаганды как совокупность методов и инструментов для достижения поставленной цели, в нашем случае победы в международной войне, содержит огромное количество проявлений. Мы приведём наиболее известные из них. Американский социолог Герберт Блумер выделил три технологии пропаганды:

1) подтасовка фактов в пользу поставленной цели и предоставление ложной информации;

2) использование формы ингрупповых - аутгрупповых установок (друг-враг);

3) направленность на эмоциональные установки и предрассудки, которыми обладает определенная нация [Психология масс 2010, 559].

Инструментами пропаганды во Второй Мировой войне были газеты, журналы, плакаты, карикатура, радио и телевиденье. Самыми успешными из продукции пропаганды были газеты «Красная звезда», «Правда», «Der Stürmer», «The Times».

Заключение

Войну, как уже говорилось, выигрываю солдаты, но фронт сражений распространяется не только на поля и леса, но также проникает в головы самих сражающихся, и, если видимый фронт имеет материальные ограничения размером нашей многострадальной планеты, то конфликт идей не имеет границ.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ортега-и-Гассет 2017 ─ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс [пер. с исп. А. Гелескула]. – М.: АСТ, 2017. ─ 256 с.

Фромм 2016 – *Фромм Э.* Иметь или быть? [пер. с нем. Э. Телятниковой]. – М.: АСТ, 2016. – 320 с.

Лебон 2017 – *Лебон Г.* Психология народов и масс / [пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана]. – М.: АСТ, 2017. – 384 с.

Психология масс 2010 - *Психология масс. Хрестоматия*. – Самара: БАХРАХ-М, 2010. – 592 с.

Хаттори 2000 - *Хаттори Т.* Япония в войне. 1941–1945. – СПБ: Полигон, 2000. ─ 362 с.

THE USE OF PROPAGANDA TECHNOLOGIES DURING THE SECOND WORLD WAR IN POSTERS AND SLOGANS

S. W. KONDRASHOV
Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia

Summary

In the article discusses the technology of propaganda, which was used during the Second World War by the participating countries. The research illustrates the path from the origin of the idea to its material implementation in the form of agitation product. The article presents both common elements of propaganda systems by the participant of the international conflict and distinctive ones.

Keywords: propaganda, posters, slogans, war, agitation, conflict, World War, consciousness of the masses

Kondrashov, Sergei - 2-year Student Philosophy Faculty, Political Science, «Crimean Federal V.I. Vernadsky University»

ТЕХНОЛОГИИ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА ГРУЗИЯ - ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ (С УЧАСТИЕМ РОССИИ)

Н.Р.КРАСОВСКАЯ
Аппарат Государственной Думы ФС РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация

В статье рассмотрены виды манипулятивного воздействия во время ведения информационных войн. Рассмотрены определенные исторические тенденции в возникновении и развитии информационной войны Запада против России. На примере военного конфликта Грузия – Южная Осетия с участием России исследовано информационное противостояние сторон конфликта и участие в информационной войне сторонних государств. Описаны инструменты манипулятивного воздействия с применением технологий из области практической психологии: упущение, замалчивание, информации, обобщение, преувеличение и преуменьшение, искажение и создание фейковых новостей, приемы изменения размеров фрейма, изменение стратегии осознания реальности, обращение к религиозным чувствам, некорректные исторические параллели. Актуальность исследования связана с необходимостью детального изучения психологических инструментов манипулятивного воздействия с целью создания эффективной системы государственного противодействия операциям информационных войн.

Ключевые слова: информационные войны, манипуляции сознанием, манипулятивное воздействие, информационное противостояние, ценности.

Красовская Наталия Рудольфовна — кандидат психологических наук, Аппарат Государственной Думы ФС РФ, Москва, Российская Федерация

goulina@gmail.com

«Информационная война» — термин, ежедневно появляющийся на страницах газет, звучащий в речах политиков и в докладах ученых. Очевидно, что на данном этапе развития

общества без понимания, что же такое информационные войны и с какими целями и каким образом они ведутся, невозможно понять процессы, происходящие в современной геополитике [Christophe]. Различные аспекты информационных войн исследуются с точки зрения политологии, военных наук, технических наук, психологии. Э. Армистед подчеркивает важность роли информационных военных операций в качестве составляющей власти государства [Armistead 2007]. П. Кристофер подробно описывает доктрину информационных войн и пять основных вариантов практического ведения информационных операций: психологические операции, дезинформация с военными целями, безопасность операций, электронная война и операции с компьютерными сетями сетью [Christopher 2008]. По определению, предложенному Г.Г. Почепцовым: «Информационная война – коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями. Целями воздействия является внесение изменений в когнитивную структуру, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [Почепцов 2015, 20].

Корни информационной войны, ведущейся против России - тысячелетние. Россия всегда была «слишком» - слишком большой, слишком богатой ресурсами, слишком далекой и непонятной для западных стран. По словам Г.Меттана «Неприязнь к России имеет прочные геополитические основы. Принимая различные формы, захватывая народы и культуры, распространяясь на различные исторические периоды, русофобия коренится в Северном полушарии Земли, где сильны традиции католицизма и протестантизма» [Меттан 2016]. Но главная опасность для коллективного Запада возникла при рождении Советского Союза, поскольку началось противостояние не государств, а идеологий. И поскольку Советский Союз в некоторых сферах не просто догонял, но и обгонял Запад, причем в областях, имеющих значительный пиар-потенциал, например, первый полет человека в космос, необходимо было значительно ослабить его влияние на умы и сердца граждан западных стран. Так и родился образ «Империи зла», а уж в создании образов тем же США с их «Фабрикой грез» в мире равных не было.

Причины и цели ведения информационных войн против России.

Целью информационной войны против СССР было создание «демонизированного» образа, вызывающего страх и отрицательные эмоции у объекта воздействия [Toffler 1993]. Этим объектом

воздействия выступало, прежде всего, западное общество, а также, опосредованно, и мировое сообщество. В этот образ включались, прежде всего, такие коннотационные составляющие: Россия «варварская» и «несвободная» страна, позже модернизируясь в «бесчеловечную» и «тоталитарную» «Империю зла», т.е. Советский Союз.

В последние десятилетия, через исторически небольшой период после крушения Советского Союза, укрепляющей свои позиции России «по наследству» перешел некий прообраз идеологического лидерства в сфере противостояния западным ценностям – как западный мир, так и сама Россия признают, что в целом Россия живет по иным принципам, чем западное общество, прежде всего, в отношении значимости материальных ценностей, что, собственно, и является одной из основ непонимания и неприятия друг друга. «Еще с начала XV века в русской православной традиции ведется спор об отношении к материальному благополучию и денежному успеху (известная полемика Нила Сорского и Иосифа Волоцкого), однако, как таковая проблема нестяжательства в России никогда не стояла («рука дающего не оскудеет»)» [Национальная идея России, т.1]. На западе же в христианстве доминировал иной подход: если до Реформации в католицизме практика накопления земных богатств считалась порочной, то после нее возник кальвинистский концепт о материальном успехе, считающемся свидетельством богоизбранности, что стало доминантой как в богословской, так и в светской морали Запада. В православной же традиции «зависимость от материального и выдвижение денег в качестве ценности по-прежнему осуждалась («Сыта душа не берет барыша»). Смысл позиции заключался не в упразднении собственности, а в отрицании самой прибыльно ориентированной, материально-накопительной устремленности сознания («Тот и богат, кто нужды не знает», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою») [Национальная идея России, т.1]. Данная позиция отнюдь не устарела, она активно высказывается на самом высоком уровне: «На недавнем Валдайском форуме, отвечая на …вопрос о конфликте ценностей, глава российского государства (В.В. Путин) заявил о необходимости соблюдения «наших общих традиционных ценностей, в основе которых, безусловно, лежит равенство всех людей перед Создателем», критически отозвавшись о претендующих на мессианство западных ценностях, в основе которых «лежит интерес, прагматичность, прагматика» [Цыганков

2015]. Немецкий же историк А. Рар, описывая сегодняшнюю систему ценностей Запада, отмечает: «Наша жизнь сегодня направлена не на борьбу за идеалы, а на сохранение существующего комфорта. Раньше люди больше думали о философии, смысле жизни, жертвовали собой за идею и убеждения. Сейчас значение религии в западных обществах сходит на нет. У человека уже нет времени на осмысление жизни... Главным считается стремление к личному счастью в американском варианте. Материалистический american way of life — это гениально. Жить сегодняшним днем и создавать все время безоблачную погоду» [Рар 2013].

Учитывая весьма напряженное противостояние времен «холодной войны», Запад не намерен давать России шанс обрести позитивную популярность в умах своего населения [Никоноров 2012]. Россия еще далеко не определилась с собственной идеологической основой, находящейся в процессе трансформации, на настоящий момент онаочевидно находится в стадии дальнейшего формирования и постепенного осознания, но информационная война против России развернулась в последнее десятилетие с новой силой.

Технологии и приемы, использованные при ведении информационной войны.

Какие технологии и приемы из области психологии используются в процессе ведения информационной войны против России в средствах массовой информации на территории самих западных стран отследим на примере информационных атак на Россию, состоявшихся до, в процессе и после войны между Грузией и Южной Осетией с участием российских войск в 2008 году.

Инструменты манипуляции сознанием применялись как на макроуровне, при ведении всей информационной кампании в целом, так и намикроуровне, в рамках отдельных текстов. Применялся весьма широкий арсенал средств. Как указывает С. Макдональд: «Становится чрезвычайно сложно обнаружить, что имидж был подвергнут изменению с целью манипуляции, а Интернет, телевидение и глобальные СМИ позволяют мгновенно распространять искаженную информацию по всему миру» [Macdonald 2007].

Рассмотрим примеры манипуляций, использованные в информационном противостоянии упомянутого периода.

В целом кампания против России велась с использованием следующихприемов:

- упущение и замалчивание информации, когда подаются неполные данные обинформационном поводе. Т.е., событие освещается в СМИ только частично, без ряда существенных деталей. Примером может служить следующий сюжет: «13 августа Андре Глюксман и Бернар-Анри Леви, опубликовавшие в «Corriere della Sera' русофобский манифест «Защитим Тбилиси», констатировали: «Кто первым открыл огонь на этой неделе? Этот вопрос уже не актуален». К антироссийскому тексту Глюксмана и Леви «Corrier edella Sera» подверстала красный «бокс» со страшной цифрой 1700 и подписью «Предварительные данные о жертвах конфликта в Грузии». Необходимое уточнение - из этих 1700 жертв, около 1500 были на совести грузинских военных, о чем читатель, естественно, не мог даже догадаться из текста о коварстве и жестокости Москвы» [Старцев 2008].

- обобщение и преувеличение/преуменьшение, когда исходные сведения искажаются путем существенного преувеличения или преуменьшения с целью создания искомого эффекта. Пример применения: «Путин, прибывший во Владикавказ 9 августа, с большим трудом выдавил фразу, что погибло несколько десятков человек» [Илларионов 2008] (количество погибших на 9 августа – по официальным данным более 1400 человек).

- создание фейковых новостей с подачей заведомо ложных сведенийоб информационном поводе. Например, «корреспондент «The Times» в Грузии сообщал 13 августа, что на мобильные телефоны иностранных журналистов в дни конфликта приходили до 20 sms от грузинской стороны, в которых рассказывалось то об «интенсивной бомбежке Тбилиси», то о взятии российскими войсками Гори. На поверку эти сообщения зачастую оказывались элементарной дезинформацией, но в эфир многие коллеги выходили со словами: «Здесь только что появилось сообщение...». Так создавались информационные поводы, которые на следующий день переплавлялись в звонкие «шапки» ежедневных газет» [Старцев 2008].

На микроуровне, на уровне отдельных текстов также использовались действенные приемы манипуляции сознанием, например:

1. Джон Маккейн: «Кое-кто в Америке может спросить, почему нас волнует происходящее в этой части мира? Конечно, Грузия - маленькая, отдаленная и безвестная страна. Но как раз в

таких отдаленных и безвестных местах нередко делается история.» - прием изменений размера фрейма, расширение рамок и помещение безвестной Грузии в центр исторических событий - там делается история [Маккейн 2008].

2. «Сегодня мы все грузины. И нам нельзя забывать об этом» [Маккейн 2008] - изменение стратегии осознания реальности. Изменение идентификации потребителей информации. Враг грузин автоматически становится врагом читателя материала.

3. «Сегодня грузинский народ страдает, как он страдал и в прошлом. Мы должны помочь им справиться с этой трагической ситуацией. Пусть они знают, что мысли, молитвы и поддержка американского народа остаются с Грузией» [Маккейн 2008] - обращение к религиозным чувствам. Эксплуатация библейских сюжетов для формирования позитивного и покровительственного отношения к одной из сторон конфликта.

4. «Кто знает историю, тот не поверит в нападение грузин на русских, подобное нападению поляков на немцев на радиостанции Гляйвитц. Образ ясен - провокация русских агрессоров и гитлеровских немцев. К чему стремится гитлеровская Россия под предводительством Путина и Медведева - хочет поджечь мир, как Гитлер?» [Stowarzyszenie 2008].

Использование исторически сформировавшихся негативных образов и проведение некорректных исторических параллелей.

5. «Нет никакого сомнения в целях террористического нападения России на Грузию. Речь идет о кавказских месторождениях нефти и газа, а также о том, чтобы отрезать Европу от месторождений нефти и газа Кавказа, а от закаспийского Казахстана, Туркменистана и Узбекистана» [Stowarzyszenie 2008] создание «экономического обоснования» негативно оцениваемых действий противника с угрозой нанесения ущерба читателю - прием «другой результат». Разговор на «языке денег» - с опорой на ценности населения общества потребления.

6. «Все это результат истерического милитаризма, непрекращающейся воинственной риторики и настоящей пропаганды войны, которую ведут российские телевизионные каналы» ― М.Саакашвили [Хэлпин 2008] – позиция жертвы, приписывание негативных черт в качестве основополагающих противнику, не имеющему возможности высказать собственную позицию.

Грузия вела информационную войну весьма активно, создавая образ пострадавшей стороны в мировых СМИ. Более того, по

данным Марка Эймса [Ames 2008], высокопоставленные представители Грузии звонили многим влиятельным персонам с Уолл-стрит, интенсивно убеждая их, что Грузия подверглась российской агрессии, еще до того момента, когда Россия реально вступила в войну. Президент Грузии М.Саакашивили активно круглосуточно давал интервью CNN и BBC. С флагом ЕС в кадре на прекрасном английском он транслировал одно и то же послание: «Россия напала на Грузию. Мы являемся маленькой демократической страной и нуждаемся в вашей помощи». В среде военных подобные действия носят название «эффекта CNN», и в данном случае Грузия применила его весьма эффективно [Левин 2008].

Россия, безусловно, должна была организовать активное противодействие информационной активности Грузии и коллективного Запада в мировом медиапространстве. Это весьма непросто в ситуации, когда основное количество глобальных СМИ априори настроено против России. Однако, ситуацию, на наш взгляд, существенно изменили бы следующие действия: превентивная работа в мировом медийном пространстве относительно планов Грузии в отношении Южной Осетии, поскольку информацией о них Россия, безусловно, обладала, непосредственно в период войны допуск представителей мировых СМИ в зону боевых действий, предоставление мировому сообществу и СМИ в кратчайшие сроки максимально подробной документальной информации о происходящих событиях, организация работы экспертного сообщества, способного представлять позицию России в мировых СМИ.

Заключение.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы можем выделить участников информационной войны, которая велась по поводу событий в Грузии:

Самым активным участником, предпринимавшим активные информационные действия, была сама Грузия во главе с непосредственно участвующим в кампании президентом Грузии М. Саакашвили. Целью этого ключевого участника информационной войны было создание позитивного образа «пострадавшей Грузии» и негативного образа «агрессора – России», чтобы повлиять на принятие политических решений мирового сообщества в пользу Грузии, сформировав соответствующее общественное мнение, в том числе у политической элиты западных стран.

Активные действия предпринимались истеблишментом Соединенных Штатов Америки с участием глобальных СМИ с использованием обширного арсенала методов ведения информационной войны. И даже после публикации отчета «Комиссии по установлению истины», возглавляемой Хайди Тайлявини, в котором напрямую было указано, что первой в наступление перешла Грузия, «Уолл-стрит джорнал» заявил: «Отчет о войне в Грузии установил обоюдную виновность как Москвы, так и Тбилиси» [Меттан 2016], не допуская возможности «обеления» образа России. То есть целью США было использовать политическое событие – войну Грузии и Южной Осетии с участием России для максимального нанесения ущерба образу России в мировом сообществе, добиваясь ослабления позиций России и ее изоляции.

Участие в информационной войне активно принимали европейские СМИ. Ключевой целью России Европа видела «желание России вернуть энергетические, политические и геостратегические позиции на Южном Кавказе, где пролегают нефте- и газопроводы». Ключевой целью называлось возрождение распавшейся империи [Refairel'empire 2018]. Однако, когда виновность Грузии стала очевидной, тональность выступлений европейских СМИ начала меняться. Таким образом, целью информационной войны, ведущейся европейскими странами, было ослабление политического влияния России, «соседа» Европы, рост влияния которого европейские страны рассматривали и рассматривают как крайне нежелательный фактор.

Россия в данной войне выступала как обороняющаяся сторона, упустившая инициативу, и предпринимавшая явно недостаточные усилия для нивелирования негативного воздействия на население стран коллективного Запада. Ключевой ошибкой была информационная депривация всех СМИ, включая мировые, в течение всего периода военных действий. На территории России в СМИ ситуация подавалась с позиций негативной оценки разрушительных действий Грузии, описания пострадавшей Южной Осетии и обоснования вмешательства России в войну на стороне Южной Осетии. Общественное мнение в России удалось сформировать в пользу действий нашей страны, но в мировом информационном пространстве Россия, очевидно, не смогла качественно организовать противостояние в данном случае информационного противоборства.

Южная Осетия в данной ситуации выступала исключительно в роли объекта атаки, практически отсутствуя как субъект в информационной войне.

Данные события происходили 10 лет назад, и, хотя ситуация в контексте ведения информационных войн меняется и развивается, многие задачи, стоящие и Россией, и перед другими странами, являющимися участниками информационных войн, своей актуальности не утрачивают. Как указано в докладе корпорации RAND по поводу исследований, проведенных для Министерства обороны США: «Особенности и вероятные последствия стратегической информационной войны указывают на основополагающий вывод: основы национальной военной стратегии устаревают и не подходят для противостояния угрозе, создаваемой стратегическими информационными войнами» [Molander, Riddile, Wilson 2008]. Данные выводы говорят о том, что технологии ведения информационных войн будут интенсивно развиваться, будет идти поиск новых инструментов воздействия и обороны.

Россия и ее народ по-прежнему являются объектом воздействия информационных атак, поэтому исследования методов ведения информационных войн и разработка инструментов противодействия манипулятивному воздействию остается одной из самых актуальных задач сегодняшнего дня.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Илларионов 2008 - Агрессия России против Грузии: доклад *А. Илларионова.* - URL: https://izpodglyb.livejournal.com/7285.html (дата обращения: 23.07.2018).

Левин 2008 - *Левин Я.* Эффект CNN: Грузия учит Россию вести информационную войну - URL: https://inosmi.ru/world/20080901/243702.html (дата обращения: 23.07.2018).

Маккейн 2008 - *Маккейн Дж.* Мы все грузины. - URL: https://inosmi.ru/world/20080814/243248.html (дата обращения:23.07.2018).

Меттан 2016 - *Меттан Г.* Запад - Россия: тысячелетняя война / Г.Меттан; пер. Аннинской, С. Булгаковой. – М.: Паулсен, 2016. – 464 с.

Национальная идея России т.1. 2012 - *Национальная идея России:* В 6 т. / Под ред. С.С. Сулакшина. –М.: Научныйэксперт, 2012. – Т. 1. – 752 с.

Никоноров 2012 - *Никоноров Г.А.* Духовная культура современного российского общества как объект информационного воздействия // Философия права. – 2012. – № 3 (52). – С. 58-64.

Почепцов 2015 - *Почепцов Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики / Г.Почепцов. – М.: Алгоритм, 2015. – 256 с.

Рар 2013 - *Рар А.* Запад возвел свои ценности в статус новой религии. - URL: http://www.odnako.org/almanac/material/aleksandr-rar-zapad-vozvel-svoi-cennosti-v-status-novoy-religii /(дата обращения: 23.07.2018).

Старцев 2008 - *Старцев С.* Глобальные СМИ в информационной войне против России.- URL:https://inosmi.ru/world/20080910/243918.html (дата обращения: 23.07.2018).

Хэлпин 2008 - *Хэлпин Т.* Грузинские войска атакуют поддерживаемых Россией сепаратистов. - URL: https://inosmi.ru/world/20080808/243088.html (дата обращения: 23.07.2018).

Цыганков 2015 - *Цыганков А.* Информационный занавес. Столкновение ценностей России и США. - URL: https://lenta.ru/articles/2015/10/29/values/(дата обращения:23.07.2018).

Ames 2008 - *Ames M.* Georgia gets its war on…Mccain gets his brain plaque…*The Exiled.* Available at:http://exiledonline.com/georgia-gets-its-war-onmccain-gets-his-brain-plaque/(accessed 23 July 2018).

Armistead 2007 - *Armistead E.L.* Information Warfare: Separating Hype from Reality. Washington, DC: Potomac, 2007.

Christophe 2010 - *Christophe A.* La realite du cybercrime depasse les pires scenarios. Ecrans.fr. jeudi 11 mars 2010, selectionne par Spyworld.

Christopher 2008 - *Christopher P.* Information Operations: Doctrine and Practice: A Reference Handbook. New York: Praeger, 2008.

Macdonald 2007 - *Macdonald S.* Propaganda and Information Warfare in the Twenty-First Century. New York: Routledge, 2007.

Molander, Riddile, Wilson 2008 - *Molander R.C., Riddile A.S., Wilson P.A.* Strategic Information Warfare: A New Face of War. Rand Corporation. Available

at:https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR661/index2.html(accessed 27 July 2018).

Refairel'empire 2008 - *Refairel'empire.* Le Monde. Paris. 27.08.2008.

Stowarzyszenie 2008 - *Stowarzyszenie* «WspólnotaPolska». Available at:http://www.wspolnota-polska.org.pl/index.php?id=pb01(accessed 23 July 2018).

Toffler 1993 - *Toffler A.* and H. War and anti-war. Survival at the dawn of the 21st century. London, 1993.

TECHNOLOGIES OF INFORMATION WARFARE AS EXEMPLIFIED BY THE MILITARY CONFLICT OF GEORGIA – SOUTH OSSETIA (WITH THE PARTICIPATION OF RUSSIA)

N.R.KRASOVSKAYA
Central office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia

Summary

The article deals with types of manipulative influence during the information warfare. Certain historical trends in the emergence and development of the information war of the West against Russia are considered. The media war between the parties to the conflict and participation in the information war of external countries has been investigated by the example of the military conflict of Georgia and South Ossetia with the participation of Russia. The manipulative influence tools using technologies from the practical psychology field are described: omission, suppression of information, generalization, exaggeration and understatement, misrepresentation and creation of fake news, methods of changing the frame size, changing the strategy of realizing reality, turning to religious feelings, incorrect historical parallels. The relevance of the research is related to the necessity for a detailed study of psychological tools of manipulative influence in order to create an effective system of the state counteraction to information warfare operations.

Keywords: information war, mind control, manipulative influence, media war, values.

Krasovskaya, Nataliya - Ph.d. in Psychology, the office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia

goulina@gmail.com

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. Б. ЛАРИОНОВА
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Аннотация

Латинский и древнегреческий языки, как символы и начала европейской культуры, вызывают обостренный интерес в современном интегрированном мире со стороны других народов и культур, поскольку на этих языках написаны величайшие памятники философской и богословской мысли, созданы шедевры литературы мирового значения, ставшие достоянием всего человечества. Являясь истоком и основанием европейской цивилизации, античность как самостоятельное явление культуры, а также проявление и форма реализации античного концепта всегда были предметом научного интереса в гуманитарной сфере. Изучение же латинского языка в системе современного образования очевидно имеет также и педагогическую цель, так как преподаватель влияет на общекультурное развития и эстетическое воспитание учащихся путем подбора текстов и фраз для чтения, содержащих поучительные и познавательные сведения из античной истории. Проблема необходимости и важности преподавания латинского языка неоднократно возникала как среди тех, кто приступает к его изучению, так и среди профессиональных филологов, а также среди специалистов, занимающихся составлением образовательных программ. Данное сообщение имеет целью раскрыть важность изучения латинского языка при формировании таких ценностных ориентиров и моральных качеств как патриотизм, уважение к старшим, уважение мнения ближнего, трудолюбие, эрудированность и т.д.

Ключевые слова: латинский язык, античная культура, педагогика, ценностные ориентиры, латинские пословицы и поговорки, история Рима, современное образование.

Ларионова Наталья Богдановна – кандидат культурологии, доцент кафедры классической филологии Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия.
vorotapystou@yandex.ru

Латинский язык, как общеобразовательная лингвистическая дисциплина, служит для расширения лингвистического кругозора учащихся, развития у них абстрактного грамматического мышления и научного подхода к родному и изучаемому западноевропейскому языку. Но помимо указанных задач «перед курсом латинского языка стоят также задачи общекультурного развития и эстетического воспитания учащихся, которые реализуются путем отбора соответствующей тематики и текстов для чтения» [Кацман 2015, 9]. Ведь латинский язык, как и древнегреческий – единственные из языков, имеющие многовековую непрерывную историю изучения и преподавания. Поэтому в учебниках по латинскому и древнегреческому языкам содержатся тщательно отобранные тексты и фразы: «отбор определяется понятиями наибольшего совершенства и тем самым пригодности к совершенствованию душ́и учащегося» [Шичалин 1999, 35]. Через чтение текстов на занятиях по латинскому языку могут быть привиты такие моральные нормы человеческой жизни как справедливость, самопожертвование, любовь к родине и близким, внимательное и уважительное отношение к старшим, защита слабых.

Для иллюстрации сказанного возьмем учебник В. Н. Ярхо и В. И. Лобода «Латинский язык», по которому занимаются большинство студентов российских ВУЗов, и приведем те фразы, которые соответствуют указанным задачам. Разделим их по категориям, на фразы, которые учат:

• *любить и защищать родину:*

Patriam amare et defendere debemus – мы должны любить и защищать родину;

Pro patriam pugnamus – мы сражаемся за родину;

Non nobis tantum vivimus, sed patriae et amicis – не только для себя мы живем, но для родины и друзей;

Patriam in periculis viri defendere debent – мужчины должны защищать родину в опасностях;

Si necessarium erit pro patria nostra pugnare, ad arma vocabimur, contra inimicos ducemur – если будет необходимость за родину сражаться, к оружию будем призваны, против врага пойдем;

Pro patria, pro libertate, pro vita pugnabimus – за родину, за свободу, за жизнь мы будем сражаться;

• *не отчаиваться и идти вперёд к намеченной цели, преодолевая все препятствия на пути*

Dum spiro, spero – пока дышу, надеюсь;

Per aspĕra ad astra – через тернии к звёздам;

Fortuna divitias auferre, non animum potest – судьба может лишить богатства, но не мужества;

Quod fortuna feret, feremus aequo animo – То, что несет судьба, мы спокойно (равнодушно) переносим.

• *любить природу:*

Natura nihil sine causa gignit – Природа ничего без причины не производит.

• *трудиться* [18]*:*

Inter bella et pericula non est locus otio – среди воин и опасностей нет места для отдыха;

Otium post negotium - отдых – после дела (ср. «Сделал дело – гуляй смело», «Делу время, потехе час»).

Laborare debemus – мы должны работать;

Labores gignunt honores – труды рождают почести;

Labor homini laudi est – труд для человека является наградой;

Corpora juvenum labore firmantur – тела юношей трудом укрепляются.

В качестве примера трудолюбия, добродетели и простоты на занятиях можно упомянуть римского патриция, консула и диктатора Луция Квинкция Цинцината (519-439). Он был назначен диктатором, когда племя эквов и вольсков начали угрожать Риму, окружив римскую армию во главе с одним из двух консулов в Альгидских горах. Римский Сенат упросил Цинциннато занять пост диктатора (диктатор, власть которого равнялось царской, избирался на полгода) для спасения города. Цинциннат в это время вспахивал на волах поле. Он знал, что долгое его отсутствие может привести к тому, что земля останется незасеянной. Однако он согласился и через 6 дней разбил неприятеля. По прошествии четырнадцати дней он вновь вернулся к своим трудам, не захотев пользоваться благами, предоставляемыми диктаторской властью. Его отказ от власти сразу после выполнения своих обязательств

[18] К труду призывают также и учебные адаптированные тексты (например, **In assiduo labore thesaurus esse dicitur –** говорят, что в усердном труде есть сокровище).

можно привести как пример благородства, служения общественному благу, гражданской добродетели и скромности.

В целом, по мнению Н. Л. Кацман, одна из основных задач курса латинского языка – «трудовое воспитание» [Кацман 2015, 25]. Ведь, в отличие от «новых языков», тексты на латинском языке нельзя переводить «слово за слово», но предполагается сложная и кропотливая работа. Учащимся дается четкий алгоритм действия: найти подлежащее, затем сказуемое, затем обстоятельство. Как говорит М. С. Голикова, автор статьи «Обучающиеся с дислексией и латинский язык: зарубежные опыты и российские перспективы» «Прочитав предложение, ученики разбирают его на части, «препарируют» и реконструируют «скелет», и только затем переходят к следующему этапу работы – переводу» [Голикова 2018, 35]. Чтение сложных с разных точек зрения латинских текстов помогает, по мнению Ю. А. Шичалина, ценить и понимать собеседника, но еще прежде – вообще замечать ближнего своего» [Шичалин 1999, 35].

• *любить и почитать старших и учителей, уметь слушать и уважать чужое мнение:*

Si narras, audire debeo – если ты рассказываешь, я должен слушать;

Si magistra narrat, audire debetis – если учительница рассказывает, вы должны слушать.

В качестве примера послушания родителям можно упомянуть римского патриция Гнея Марция Кориолана (VI-V вв. до н. э.), который вместе с войском вольсков отправился завоевывать Рим. И только посольство во главе с его матерью и женой, которых он очень любил, тронуло его сердце: он отвел неприятельское войско от Рима, хотя и знал, что будет убит вольсками как предатель.

• *показывать добрый пример:*

Verbum movet, exemplum trahit – слово побуждает, пример увлекает (ср. «Добрый пример полезнее ста слов», «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»).

• *помогать родным, ближним и друзьям:*

Sibi bene facit, qui bene facit amico – самому себе хорошо делает тот, кто хорошо делает другу;

Amicitia humana maxime negotiis bonis capitur – дружба человеческая более всего приобретается хорошими поступками;

Nemo nostrum amico auxilium negabit – никто из нас не откажет другу в помощи.

• *благодарить за оказанную помощь:*

Malus est, qui beneficium scit accipere et reddere nescit – плох тот, кто умеет получать благодеяние, но не умеет возвращать.

• *не делать того, что не желаем себе:*

Qui semĭnat mala, metet mala – Кто сеет зло, пожнёт зло («Что посеешь то и пожнёшь», «От худого семени не жди доброго племени»);

Ut salūtas, ita salutabĕris – Как ты приветствуешь, так и тебя будут приветствовать («Как аукнется, так и откликнется», «Каков привет, таков ответ», «Спроси громом – ливнем ответят», «Каков ты до меня, таков и я до тебя», «Кто сам ко всем лицом, к тому и добрые люди не спиной», «Делая зло, на добро не надейся», «Что посеешь, то и пожнёшь»).

• *быть мужественными:*

Laus praemium virtutis erit – слава будет наградой за мужество;

Vera laus uni virtuti debetur – истинная слава подобает одному мужеству;

Non sentire mala sua non est hominis, et non ferre – non est viri – не замечать своих страданий не свойственно человеку, не переносить (их) – не свойственно мужу.

• *быть справедливым:*

Justitia sine prudentia multum poterit: sine justitia nihil valebit prudentia (М. Т. Цицерон) – справедливость без рассудительности многое сможет, без справедливости рассудительность ничего не сможет;

Nemo judex in propria causa - никто не [может быть] судьёй в собственном деле.

• *об истине:*

Veritas laborare potest, vinci non potest – истина может быть в затруднительном положении (в беде), но не может быть побеждена;

Facile veritas se ipsa defendet – легко истина сама себя защитит;

Amīcus mihi Plato, sed magis amīca verĭtas – Платон мне друг, но истина дороже (ср. «Варвара мне тётка, а правда сестра»).

• *добрых нравах:*

Sero nunquam est ad bonos mores via – никогда не поздно пойти дорогой добрых нравов;

О власти и благополучии народа, о добропорядочном гражданине общества:

C. Gracchus, tribunus plebis, causam populi defendebat – Гай Гракх, народный трибун, защищал дело народа;

Nihil aliud est imperium, nisi cura salutis alienae – власть – не что другое, как забота о чужом благоплолучии;

Salus popŭli summa lex est – Благо народа – высший закон (*М. Т. Цицерон*).

Здесь можно рассказать про Солона, одного из семи греческих мудрецов, который на вопрос, кого он почитает самым счастливым, ответил: «Телла афинского, ведь у него были хорошие и честные дети, и умер он, сражаясь за родину» (текст «De Croeso et Solone»)

• *не осуждать и не злорадствовать:*

Aliēna vitia in oculis habēmus, a tergo nostra sunt – чужие пороки у нас перед глазами, а свои за спиной (ср. «В чужом глазу сучок видит, а в своём бревна не замечает», «Свои грехи за собой, чужие перед собой», «Людей хулит, а сам лыком шит»);

Alienis malis delectari – voluptas inhumana est - радоваться чужим – удовольствие жестокое;

• *о красноречии:*

Eloquentia viris ornamento est – красноречие служит мужам украшением;

Ut homini decus ingenium sic ingenii ipsius lumen est eloquentia – как украшением для человека является ум (талант), так и светом самого ума является красноречие.

Красноречие было важным качеством для римского гражданина. Как сказал М. Т. Цицерон: «Человеку могут доставить наиболее высокое положение заслуги двух родов: великого императора и великого оратора» [Цицерон 1962, XIV, 30]. В республиканском Риме политические вопросы решались дебатами в народном собрании, сенате и суде, где мог выступить практически каждый свободный гражданин. Ввиду этого, владение словом было необходимым условием для римского гражданина, «не желавшего прозябать в ничтожестве и безделии» [Плутарх 1994, 1]. Поэтому одной из основных воспитательных задач латинского языка является «to introduce young people to the masters of the language so they themselves learn to employ the force and the beauty of the spoken and written word» (познакомить молодых людей с мастерами языка[19], чтобы они сами научились использовать

[19] Гёсли Т. Г., автор статьи «О значении древних языков и естественных наук для воспитания и вообще для культуры», писал, что «язык, на котором говорили монахи

красоту устного и письменного слова – перевод наш – Н. Л.) [Terrence 2016, 4].

• *о бедности, богатстве, алчности:*

Paupertas non est vitium – Бедность – не порок;

Homo locum ornat, non hominem locus – человек украшает место, не место человека;

Avaritiam neque copia, neque inopia minuit – ни богатство, ни бедность не уменьшают алчность;

• *человеку свойственно ошибаться:*

Quis in vita nunquam errat? Quis nihil agit – кто в жизни никогда не ошибается? Тот, кто ничего не делает;

*Errāre hum*ā*num est* – Человеку свойственно ошибаться (*римский оратор Сенека Старший, I в. до н. э. - I в. н. э.*).

В наш век технологического прогресса, когда каждому человеку необходимо оперативно реагировать на ситуацию, уметь быстро усваивать и использовать на практике новые знания[20], «решающее значение в процессе обучения приобретает умение научить учащихся логике мышления и выражения мыслей, развивать у них силы и способности ума, научить их как усваивать новые знания, научить учиться, а эта способность очень хорошо развивается при изучении латинского языка» [Кацман 2015, 213]. Ведь латинский язык – это великолепная гимнастика для ума. В интервью РИА Новости координатор Российской ассоциации преподавателей древних языков, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова доктор исторических наук А. В. Подосинов приводит следующие факты: «Как ни странно, лучшие ученики здесь (в классической гимназии – Н. Л.) – вовсе не гуманитарии, а математики. Возможно, это связано с тем, что изучение латыни развивает логическое мышление – в отличие от других языков, тут нельзя перевести фразу, просто посмотрев все слова в словаре. Требуется выполнить очень тонкий и сложный анализ формы, и уже через

в школах, звучал жаргоном в ушах людей, читавших Вергилия и Цицерона» [Гёсли 1881].

[20] A culturally illiterate individual cannot comprehend and navigate the vast areas of human knowledge essential to his political, economic, and moral well-being (культурно – неграмотный человек не сможет быстро ориентироваться в обширных областях человеческого знания, необходимого для его политического, экономического и морального благополучия перевод наш – Н. Л.) [Terrence 2016, 3].

него пробиться к содержанию – тогда открывается потрясающий ход мысли древних философов и писателей» [Подосинов 2010].

Но важнее другое. Российский педагог, писатель, основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский высказывает убеждение, что «влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов» [Ушинский 1948, 432].

Мы рассмотрели 10 разделов из учебника по латинскому языку и указали 48 выражений, которые имеют указание на моральные нормы человеческой жизни. Какой еще из учебников по языку начинается с фразы *«Scientia potentia est* – Знание – сила»? К примеру, одна из первых фраз в современном учебнике новогреческого языка: «Хочешь пиво?» [Δήμητρα, Παπαχειμώνα 1992, 35]. Где еще учащиеся смогут отрабатывать грамматику на таких фразах как «*Male facere qui vult, nunquam non causam invenit* – кто желает плохо сделать, всегда найдет причину», «*Beneficium non in eo consistit, quod datur, sed in animo ejus, qui dat* – благодеяние не в том состоит, что дается, но в душе дающего»? На латинском языке написаны вечные истины, которые за счет своей лаконичности надолго остаются в сердцах слушателей, пусть даже выучена или прочитана она будет сперва без особого внимания и понимания. Может быть, придет время, когда эта заученная фраза оживет в сердце учащегося и поможет сделать ему нравственно правильный выбор.

Можно в педагогических целях на занятиях напрямую обсуждать этические нормы поведения в обществе: например, употребление наркотиков, воровство, добрачные отношения и т. д. Но могут быть среди слушателей и те, которые об этом никогда не задумывались, и такие обсуждения могут им повредить. А можно пойти по другому пути: вопросы нравственного поведения в обществе поднимать и обсуждать, читая тексты из римской истории, литературы, философии, в которых описаны благородные поступки людей. Например, читая первый законченный текст из учебника В. Н. Ярхо, В. И. Лобода De perfidia punita (о наказанном вероломстве), можно указать на благородство римлян, не пожелавших взять в заложники детей, приведенных к ним предателем. Этот поступок древних римлян и их вождя Камила выглядит чрезвычайно добродетельным в наше время, когда в качестве заложников нередко случаются захваты именно детей

(здесь стоит упомянуть хотя бы захват заложников в Беслане и Норд Осте).

Нельзя не согласится с изречением Аристотеля, согласно которому человек становится добродетельным, упражняясь в (или рассуждая о) добродетели [Аристотель 1997, 86]. Преподаватель, предлагая ученикам тексты о благородных поступках великих мужей прошлого, увековечивших свое имя в истории (*Aeterna est clarorum virorum memoria* – вечная память о известных мужах), побуждает слушателей подражать этим героям. Ведь на занятиях по дисциплине «Древние языки и культуры» происходит наставление не только в науках, но и в нравственности (Terrence 2016, 5).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1997 – *Аристотель.* Никомахова этика. Москва: ЭКСМО – Пресс, 1997.

Гёсли 1881 - *Гёсли Т. Г.* О значении древних языков и естественных наук для воспитания и вообще для культуры // Русская Мысль. 1881. № 2.

Голикова 2018 – *Голикова М. С.* Обучающиеся с дислексией и латинский язык: зарубежные опыты и российские перспективы // KANT. – Ставрополь: Ставролит, 2018. № 2 (27). - С. 32-36.

Кацман 2015 – *Кацман Н. Л.* Методика преподавания латинского языка. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2015. – 239 с.

Плутарх 1994 – *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах. – М.: Из-во «Наука», 1994. – Т. 2.

Подосинов 2010 – *Подосинов А. В.* Уроки латыни приобщают школьников к мировой культуре – URL: https://ria.ru/education/20100115/204595532.html

Цицерон 1962 – *Марк Туллий Цицерон*. Речи в двух томах. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. – Т. 1.

Ушинский 1948 – *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений. Педагогические статьи 1857-1861 гг. М.-Л.: Изд-во Академия педагогических наук, 1948. – Т. 2. – 659 с.

Шичалин 1999 – Шичалин Ю. А. Российская классическая гимназия и Православие // Шичалин Ю. А. Пути российского образования и Православие. М.: «Греко-латинский кабинет», 1999. – 89 с.

Δήμητρα, Παπαχειμώνα 1992 – *Δήμητρα Δ.,* Παπαχειμώνα Μ. Ελληνικά τώρα 1+1. Αθήνα, 1992. 318 σ.

Terrence 2016 – *Terrence O.* Moore. A Classical Education for Modern Times – URL: https://www.hillsdale.edu/wp-content/uploads/2016/02/Charter-School-2016-A-Classical-Education-for-Modern-Times.pdf

TEACHING THE LATIN LANGUAGE AS THE WAY OF FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS IN THE MODERN WORLD

N.B. LARIONOVA
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Summary

Latin and ancient Greek languages, as symbols and beginnings of European culture, are causing keen interest in the modern integrated world from other peoples and cultures, because in these languages there are written the greatest monuments of philosophical and theological thought, there were created masterpieces of world-class literature that have become the heritage of all mankind. Being the source and foundation of the European civilization, antiquity as an independent phenomenon of culture, as well as the manifestation and form of implementation of the ancient concept have always been the subject of scientific interest in the humanitarian sphere. Studying the Latin language in the modern education system obviously has a pedagogical goal, since the teacher can influence the general cultural development and aesthetic education of students by choosing texts and phrases for reading that contain instructive and cognitive information from ancient history. The problem of the necessity and importance of teaching Latin has repeatedly arisen both among those who embark on its study, and professional philologists, as well as among professionals involved in the preparation of educational programs. This report aims to reveal the importance of learning Latin in the formation of value orientations and moral qualities, such as patriotism, respect for the elders, respect for the opinions of others, diligence, erudition, etc.

Keywords: Latin language, ancient culture, pedagogy, value orientations, Latin proverbs and sayings, history of Rome, modern education.

Larionova, Nataliya – Ph.D in Culturology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vorotapystou@yandex.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ РАБОТЫ*

А. А. ЛЬВОВ
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В предлагаемой этой статье обсуждается вопрос, касающийся таких ценностных установок, которые историки философии вырабатывают, занимаясь своим ремеслом. Представители профессионального сообщества нередко обращаются к истории философии как к такой дисциплине, которая помогает им обрести определенность в собственном философствовании. Многообразие подобных ценностных установок принципиально сводится к обсуждению и обоснованию статуса философии как таковой. В соответствии с этим мы обнаружим три ведущих аксиологических принципа (дидактический, легитимирующий, коммуникативный) в историко-философских штудиях. Дополнительно мы обосновываем четвертый принцип историко-философского исследования, *экзистенциально-практический,* который синонимичен древней максиме самопознания.

Ключевые слова: историки философии, ценностный принцип, аксиология, философия как наука, философская компаративистика.

Львов Александр Александрович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

a.lvov@spbu.ru

Дискредитация философии как системы наук и как науки вообще является отчетливой приметой нашего времени. В самом деле, и тот, кто сталкивается с задачей преподавания философии в высшей школе, и тот, кому необходимо ее изучать, прежде всего должны отдать себе отчет в том, что они собираются преподавать или изучать. Разумеется, место философии в ансамбле

* Работа выполнена при поддержке РНФ (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

познавательных практик, форм познавательной деятельности человека всегда особо оговаривался — однако споры о научном статусе философии не затихают и по сей день.

Интересные результаты представляет нам в связи с этим парадигмальный анализ, основанный на исследовании вновь вышедших учебных пособий по философии. Выясняется, что в отечественной литературе укрепилось представление о *парадигмальной неоднородности* философии — иными словами, утверждается, что она не обладает статусом оформленной науки, а распадается на множество отдельных направлений мысли и концептуальных стратегий. Исследователи отмечают, что вновь выходящие пособия, представляющие философию как дисциплину, имеют и другой существенный недостаток: «Учебник по философии должен давать ответы на главные мировоззренческие вопросы. Дело даже не в том, что позиция авторов противоречит данным современной науки, а в том, что в учебнике должна быть выражена и обоснована определенная позиция» [Горюнов, Гура 2011, 50]. При этом отмечается, что историко-философская составляющая представлена в учебниках чрезвычайно широко [Горюнов, Гура 2011, 49]; здесь мы видим принципиальный парадокс, связанный с тем, что отказ от четко выраженной ценностной позиции авторов учебных пособий коррелирует с нежеланием высказывать какие бы то ни было идеологические установки, зачастую имея в виду опыт советской учебной литературы.

То же самое замечают и те, кто обращает внимание на состояние преподавания философии в высшей школе, указывая при этом на складывающуюся ситуацию обезличенности в дидактической практике и подмены отношений «учитель—ученик» потребительскими отношениями в сфере образовательных услуг. При этом особо отмечается, что при подобного рода унификации отношений теряется самая основа образовательного процесса, призванного сформировать системы ценностных установок и ориентаций человека в мире, способствовать формированию у него уникальной системы ценности — во многом потому, что таковых не обнаруживают в преподаваемой дисциплине: «Естественно, что философия, в смысле стремления к поиску собственного ответа на вопросы о цели и ценности человеческой жизни, для такого человека либо не существует вовсе, либо представляется каким-то словоблудием, праздным мудрствованием на пустом месте <…>« [Липский 2016, 30]. При этом отмечается, что собственно

фактическим материалом, составляющим в первом приближении корпус философского знания, является история философии [Липский 2016, 32].

Возникает поразительная двойственность: с одной стороны естественно признать философию особой областью знания *наряду* с наукой, религией или художественным творчеством, однако именно история философия безусловно и традиционно квалифицируется как наука *как таковая*. Следовательно, закономерный интерес вызывает историко-философский материал, поскольку имеются достаточные основания полагать, что в самих историко-философских исследованиях содержатся такие установки, которые могли бы раскрыть ценностный характер и ее в частности, и философии вообще. Более того, представители современного профессионального сообщества зачастую прибегают к истории философии как материалу для авторефлексии, который помог бы им обрести утраченную или еще не обретенную определенность в собственно философских поисках — в то время, как сами историки философии, по-видимому, подобных сомнений в статусе своей отрасли не испытывают. Таким образом, вопрос, обсуждаемый в этой статье, касается тех ценностных установок, которые вырабатывают историки философии, занимаясь своим ремеслом.

Исследование аксиологических принципов в историко-философских штудиях

Многообразие этих ценностных установок, на наш взгляд, принципиально сводится к обсуждению и обоснованию статуса философии как таковой. С одной стороны, у этого имеется очевидная историческая подоплека, связанная с осознанием философов послегегелевской эпохи своих задач и перспектив спекулятивного исследования. С другой, выясняется, что какие бы разнообразные принципы историко-философской работы не предлагались (например, в рамках проекта сравнительной философии), все равно на передний край выходит обсуждение принимаемых эпистемологических оснований — вне зависимости от времени и традиции. Итак, необходимо выявить природу, говоря условно, этого «первородного эпистемологического греха» историко-философских поисков и рассмотреть исторические и современные аргументы, предлагаемые исследователями этой дисциплины. Поэтому в предлагаемой статье мы проанализируем произошедшую смену внимания философов с созидания систем на

историко-философскую работу, а затем проследим становление ценностных принципов истории мысли как философской науки.

История философии вне всякого сомнения самоценна как любая отрасль научного знания; в этом отношении к ней вполне применимы те же критерии, что применяются и к историческому знанию вообще. История философии уникальна тем, что реализует познавательный интерес в ключе фактического исследования, то есть обогащает философское знание фактическим историческим материалом. Такого рода возможности историко-философского поиска делают его основанием для формирования «материальной части» философии как особого рода познавательной практики человека, что способствует становлению дидактической формы философии как науки (в смысле Аристотелевой ἐπιστήμη) [Аристотель 2006, 995a 10—15].

Однако вместе с тем история философия как самостоятельная дисциплина, способная составить эпистемологическую конкуренцию иным отраслям философского знания, начала активно развиваться, по-видимому, с середины XIX столетия. Эпоху творчества созидателей систем И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и особенно Г. В. Ф. Гегеля, для которых история мысли представляла собой в лучшем случае материал для проверки собственных всемирно-исторических построений, сменила эпоха скрупулезных, но не менее амбиционных исследователей «приключений идей» во времени, отстаивающих самоценность и научную значимость такого рода изысканий.

Герберт Шнедельбах в работе, посвященной обзору и анализу истории немецкой философии за 1831—1933 годы, высказал весьма плодотворную идею о том, что именно в этот период времени она переживала кризис самоидентификации [Schnaedelbach 1984, 5]. Тот же феномен красноречиво описан в одной из книг американского историка немецкой философской традиции XIX столетия Фредерика Бейзера, также нашего современника: «Шнедельбах утверждает, что после смерти Гегеля в 1831 году философы стремились определить цель и сущность философии как таковой. Упадок метафизики, крушение спекулятивных систем и стремительный рост эмпирических наук — после этого философам оставалось лишь недоумевать, что им следует теперь предпринять. <…> Философия дала рождение всем наукам; однако теперь, когда ее дети выросли, казалось, что никакой цели у нее не осталось. Это затруднительное положение было хорошо описано Вильгельмом Виндельбандом около

пятидесяти лет назад: «Философия — как король Лир: та, которая поделила все свое добро между детьми, была выброшена, как бродяга, на улицу»« [Beiser 2013, 23].

Во многом такое положение дело было связано с реакцией профессуры 1830-х годов на гегельянство и его родоначальника. Например, ученик и последователь знаменитого некогда основателя Юрьевской философской школы Г. А. Тейхмюллера Евгений Александрович Бобров (1867—1933) связывал рост интереса к занятиям собственно историей мысли отчасти с неспособностью самих профессоров, пришедших на смену классикам немецкой философии, к системообразующему творчеству, отчасти — с поисками строгости в философских исследованиях. Вот что он пишет об оказавшем влияние на его учителя Адольфе Тренделебурге (1802—1872): «<…> он был замечательным знатоком философской литературы и по справедливости должен считаться одним из основателей нынешней точной историко-философской методы <…>. Если принять во внимание, что в Германии, да и в других странах среди представителей философии ныне господствует пристрастие к занятиям *историею* философии предпочтительно перед философским оригинальным творчеством в противоположность системным увлечениям философов <…>, то нам станет явно, какую большую роль играл в этом перевороте интересов философского исследования Тренделенбург, сменивший на берлинской влиятельной кафедре и Гегеля, и Шеллинга» [Бобров 1899, 27—28]. Современный исследователь также отмечает, что влияние Тренделенбурга помимо прочего оказало существенное влияние на формирование привычной и в наши дни верификации идей академических философов посредством обращения к работам предшественников, апелляции к предшественникам, их грамотного цитирования: «Эта процедура во многом способствовала расцвету историко-философских исследований и превращению истории философии в одну из главных философских дисциплин» [Демин 2010, 198].

Актуальная ситуация в исследовательской области истории философии амбивалентна. С одной стороны, необходимо проводить систематизаторскую работу в отношении историко-философского материала: кроме рутинных дополнений устоявшейся парадигмы новыми сведениями и уточнениями требуется также выработка обобщающего принципа, обоснование включения или невключения в рамки исследовательского

внимания тех или иных авторов и т.п. С другой же стороны, едва ли в настоящее время можно считать методологически оправданным попытку предложить систему истории философии как проект, выражающий те или иные эпистемологические установки исследователя, как это делали Гегель или Христиан Вольф. Напротив, качественная работа с определенным историческим учением или исторической фигурой, кластерное исследование узкой области с применением изощренного инструментария по-настоящему раскрывает исследовательский потенциал собственно философии и придает ей определенный научный флер. Ярким примером подобной метафилософской позиции представляет собой компендий под редакцией профессора Дж. Сантинелло по истории философии, в который целый том посвящен обсуждению исследовательского арсенала, который был разработан историками мысли в ходе своих поисков [Santinello et al. 2011].

Однако здесь мы обнаруживаем, что те, кто разрабатывают исторический материал в философии, одновременно проясняют ценностные основания философской вообще и своей историко-философской деятельности в частности; поэтому изначально чисто дидактическая функция подобных исследований превращается также в верификационный органон, позволяющий выяснить исследовательскую ценность тех или иных спекулятивных проектов и стратегий. Впрочем, подобными средствами историю философии обогащают не только профессиональные философы, но и филологи (особенно классики, но также и занимающиеся новыми языками — например, в рамках популярных в американских университетах *French studies*), историки, культурологи и другие специалисты из смежных отраслей гуманитарного знания. Следует, правда, заметить, что указанный верификационный принцип признается не во всех традициях академической мысли: известно, что представители аналитического направления в философии редко склонны поверять свои исследования историко-философскими инструментами — в отличие от континентальных философов, для которых отличительной чертой стало указывать место своих размышлений на условной шкале времени.

Итак, с нашей точки зрения обоснованию историко-философского исследования как самостоятельной *научной* сферы деятельности во многом способствовала профессиональная деятельность представителя академической традиции середины XIX столетия Адольфа Тренделенбурга. Напомним также, что

именно в этот период начинается невиданный о тех пор подъем экспериментальной науки, когда естественные дисциплины, словно споря друг с другом за право являть собой идеал научности, демонстрируют великолепные образцы способности понимать, объяснять и предвидеть происходящие в окружающем мире явления и их причины. Именно в 1840-х годах начинается отказ от натурфилософии Л. Окена, Ф. В. Й. Шеллинга и их последователей и одновременно растет популярность курса положительной философии О. Конта, пророческие речи которого находили себе пламенных союзников от туманных Британских островах, до северных широт Российской империи. Наметилась очевидная тенденция к сцентизации философии, продиктованная признанием положительных наук единственно возможным основанием достоверного знания; таким образом, ни философия, ни тем более история философии как таковые не интересовали позитивистов, ведь последние привычно рассматривали предшествующий период истории мысли, как «галерею заблуждений».

Дискуссия о ценности философского вообще и историко-философского познания в частности, развернувшаяся на рубеже веков, сопровождалась еще дискуссией о ценности собственно человеческой жизни, которая была инспирирована взлетом популярности пессимистической философии Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартманна, а также становлением такой важной приметы времени, как декаданс. Интересно отметить, что и в этом споре стороны разделились в общем на два сопоставимых лагеря: по одну сторону оказались позитивисты и философствующие естествоиспытатели (в качестве примера можно привести имена Е. Дюринга и И. И. Мечникова), по другую — те, кто стремился обосновать философскую науку о ценностях (сюда относятся аксиологический проекты Г. Риккерта и М. Шелера). Однако историко-философские штудии не были совершенно оставлены, и мы могли бы указать на таких авторов, которые на протяжении всего XX века рассматривали исторический материал в качестве доказательной базы для своих аксиологических воззрений, как, например, К. Ясперс или М. Фуко, В. В. Зеньковский или Г. Г. Шпет.

Если обратиться к современному состоянию проблемы, то мы увидим, что оно характеризуется, во-первых, большой аргументативной эклектичностью, во-вторых, бóльшим акцентом на историческую, нежели собственно философскую составляющую исследований. Стремление к научности, нередко сопряженной с

применением характерного для естественных наук количественного методом, демонстрируют представители аналитического направления — как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

В этом отношении понятно, что наукообразная философия становится как бы легитимирована в академической пространстве за счет именно своей ориентации на достижение объективного знания о какой бы то ни было проблеме, которая основывается на строгом исследовании документов и архивных материалов. Соответственно, и ценностные принципы такой истории мысли являются неотличимыми от ценностных принципов исторической науки вообще. Историко-философский поиск тогда оказывается либо вспомогательной дисциплиной для стремящейся к наукообразности философии, либо начинает трактоваться как история одной из наук, и подходы к ней становятся все более и более науковедческими — в противоположность прежде господствовавшему тезису о том, что *метафизика — это история метафизики*.

Однако следует заметить, что активно развивающаяся компаративистика предлагает в определенном смысле альтернативный проект по отношению к такой сциентистски ориентированной философии. Исследователи замечают, что сравнительная философия обладает творческим потенциалом, который выражается в стремлении к диалогу культур, к тому, чтобы дать возможность услышать собственный голос каждой из философских традиций: «Размышление о диалоге культур в контексте философской компаративистики позволяет отметить, что благодаря компаративистскому подходу можно говорить о бытийности философской культуры в диалоге, а о диалоге культур — как методологическом инструменте философской компаративистики» [Фомина и др. 2017, 203]. В этом смысле продуктивными представляются сравнительные экскурсы не только вовне европейской философской традиции, но и внутри нее; в самом деле, едва ли можно без натяжки говорить теперь об однородности и преемственности в истории западноевропейской метафизике — и это активно подтверждается исследованиями как зарубежных (С. Лай, М. Массон [Lai, Masson 2005], Пеймин Ни [Ni 2013], Синьян Цзян [Jiang 2011], Дж. Б. Шнеевинд [Schneewind 2005], Джиюан Ю [Yu 2008], и др.), так и отечественных (Л.Б. Карелова [Карелова 2017], А.С. Колесников [Колесников 2008],

М.Т. Степанянц [Степанянц 2015], Л.И. Тетюев [Тетюев, Фахрудинова 2017] и др.) авторов.

Таким образом, исследования в области философской компаративистики, нацеленные на то, чтобы дать высказаться каждой культуре и услышать ее свой подлинный голос приближается к философской антропологии, одной из целей которой является прояснения оппозиции «свой—чужой» за счет выяснения внутренних потенциалов той или иной культуры. Разнообразнейший этнографический материал нередко становятся предметом пристального внимания философов, поскольку выводы, которые следуют из анализа этого материала, касаются уже не только фактического социального устройства того или иного отличного от западного европейского общества или народности, но вопросов культуры и онтологии. Дело в том, что нередко, наблюдая за различными группами людей, мы склонны трактовать их образ жизни и поведения, их культурные коды и смыслообразующие элементы их ежедневной практики, исходя из собственных уже сложившихся и потому предопределенных, в высшей степени необъективных критериев истины, справедливости, равноправия, свободы и т.п. А между тем именно в этих антропологических «разрывах», обнаруживаемых между различными культурами, проявляется еще одна ценностная установка, которая связана со стремлением дать Другому высказаться и услышать его. Поэтому резонно говорить, что благодаря усилиям развивающейся компаративистики история философии обогащается еще одним ценностным принципом — коммуникативным.

Заключение

Итак, мы смогли установить три важнейших ценностных принципа, которые разработали историки философии в ходе развития этой дисциплины.

Во-первых, это *дидактический принцип*. Преподавание и изучение философии зиждется на строгости материала и возможности его формализации, поэтому именно история философии рассматривается как такая вспомогательная дисциплина, которая способствует грамотному упорядочиванию фактических знаний и их организации в соответствии с общегуманитарным принципом хронотопа. Изучение философии, таким образом, становится, с одной стороны, изучением той формы, которую принимала мысль в соответствующий период

времени в соответствующей культуре, а с другой — способствует выработке компетенций и ценностных установок, необходимых для современного образовательного процесса.

Во-вторых, это *легитимирующий принцип*, с действием которого связано обоснование фактического материала философии как научного знания. После смерти Гегеля, предложившего в своем творчестве систему философских наук, наступил кризис, связанный с самосознанием философии как особой познавательной деятельности человека. Обращение к истории философии позволило, во-первых, разработать научный инструментарий для исследовательской деятельности в проблемном поле философии, во-вторых, обосновать критерии научности, под которую подходило бы само философское исследование.

В-третьих, это *коммуникативный принцип*. Его формирование связано с развитием в истории мысли новейших подходов, которые касались выявления характеристических свойств тех или иных традиций, организации диалога различных философских культур, стремления преодолеть укорененный в западноевропейской традиции европоцентризм. Все это придало историко-философским поискам сходство с антропологическими (и даже этнографическими) изысканиями. В этом отношении можно говорить о большей открытости историков философии к неожиданным формам и проявлениям мысли, с которыми они работают как с особым консистентным материалом, а, следовательно, и о более широком диапазоне исследовательских практик, что сообщает истории мысли большую позитивность и достоверность.

В заключение мы хотели бы добавить, что история философии представляется нам чем-то большим, нежели только вспомогательной философской отраслью. В самом деле, дух свободе и веет, где хочет — и изучая историю мысли можно понять, насколько справедливо это гегелевское положение. Выясняется, что к истории философии мы обращаемся не потому, что у «классических» авторов (статус которых вовсе не является раз навсегда установленным) можно найти ответы на вопросы современности, а потому, что у них можно отыскать стратегии выражения свой эпохи в понятии. В этом смысле каждый классический автор имеет дело с теми проблемами, которые тревожат нас вне зависимости от собственной исторической ситуации, а потому до всякого исследования — и в этом смысле, вынося за скобки настоящего обзора — можно и должно говорить

о древнем, как сама философия, принципе историко-философской работы — *экзистенциально-практическом*, выраженном надписью на фронтоне храма в Дельфах: γνῶθι σεαυτόν, «познай самого себя».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 2006 — *Аристотель*. Метафизика. М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 608 с.

Бобров 1899 — *Бобров Е. А.* Воспоминание о Тейхмюллере // Философия в России: материалы, исследования, заметки. Выпуск 1. Казань, 1899. С. 25—48.

Горюнов, Гура 2011 — *Горюнов В. П., Гура В. А.* Современные учебники по философии: попытка сравнительного анализа // Труды СПбГТУ. 2011. №513. С. 48—52.

Демин 2010 — *Демин М. Р.* Адольф Тренделенбург: философия как теория науки // Эпистемология и философия науки. 2010. №2 (24). С. 195—200.

Карелова 2017 — *Карелова Л. Б.* Проблема европоцентризма и ориентализма в современной России // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 152—158. [21] Львов А. А. Методологические поиски в современной истории философии // Дискурс. 2017. №5. С. 10—16.

Колесников 2008 — *Колесников А. С.* Философская компаративистика в России: история и современность // Гуманитарный вектор 2008. №1. С. 70—83.

Липский 2016 — *Липский Б.И.* Курс философии в структуре высшего образования // Философские науки. 2016. №3. С. 24—34.

Степанянц 2015 — *Степанянц М. Т.* От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. №10. С. 150—162.

Тетюев, Фахрудинова 2017 — *Тетюев Л. В., Фахрудинова Э. Р.* Человек и картина его внутреннего мира в западной и восточной философской рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. №4 (17). С. 410—415.

Фомина и др. 2017 — *Фомина М. Н., Вороничeнко Т. В., Борисенко О. А.* Диалог культур в контексте философской компаративистики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №12(86): в 5-ти ч. Ч. 3. С. 202—204.

Beiser 2013 — *Beiser F. C.* Late German Idealism. Trendelenburg and Lotze. Oxford University Press, 2013. — 352 p.

Jiang 2011 — *Jiang X*. The Study of Chinese Philosophy in the English Speaking World. In: *Philosophy Compass*. 2011. № 6. Vol. 3, pp.168—179.

Lai, Masson 2005 — *Lai C., Masson M.* Studying Chinese Philosophy: Turn-of-the-Century's Challenges. In: *La philosophie chinoise moderne / Modern Chinese Philosophy*. 2005. № 232 (2). Vol. 59, pp. 181—198.

Ni 2013 — *Ni P.* The changing Status of Chinese Philosophy. In: *Journal of Chinese Philosophy*. 2013. Vol. 40. №3—4, pp. 583—600.

Santinello et al. 2011 — *Models of The History of Philosophy*. Ed. by G. Piaia and G. Santinello. Springer, 2011. Vol 2.

Schnaedelbach 1984 — *Schnaedelbach H.* Philosophy in Germany 1831—1933. *Cambridge University Press*, 1984. — 265 p.

Schneewind 2005 — *Schneewind J. B.* Globalization in the History of Philosophy. In: *Journal of the History of Ideas*. 2005. № 2. Vol. 66, pp. 169—178.

Yu 2008 — *Yu J.* Soul and Self: Comparing Chinese Philosophy and Greek Philosophy. In: *Philosophy Compass*. 2008. №3. Vol. 4, pp. 604—618.

THE VALUE PRINCIPLES OF HISTORICAL-PHILOSOPHICAL WORK

A. A. LVOV
Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Summary

The paper considers a question, which concerns such values that the historians of philosophy elaborate when doing their work. It is a commonplace situation when the representatives of professional circles turn to history of philosophy to find the material for self-reflection; they conceive history of thought to be a tool to find or establish distinctness in their own philosophizing. We think that the variety of values could be principally reduced to the discussion and founding the status of philosophy as such. Correspondingly, we will point at three leading axiological principles (which are: didactical, legitimizing, communicative) in the historical-philosophical studies. Finally, we add and consider the fourth principle, namely existential-practical, to the mentioned three, which reckons the ancient maxim of self-knowledge.

Key words: historians of philosophy, value principles, axiology, philosophy a science, philosophical comparative studies.

Lvov, Alexander — PhD in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University
a.lvov@spbu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

М.З.МАГОМЕДОВА
Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия

Аннотация

Автор статьи акцентирует внимание на трансформации понимания в современном мире категорий «свободы» и «свободы совести». Значение этической категории «совести», отвечающей за систему определенных нравственно-мировоззренческих убеждений, нивелировалось, а «свобода совести», отвечающая за право иметь и выражать в установленных законом рамках религиозные или атеистические убеждения, приобрела формализованный характер. Специфичность понимания «свободы совести» заключается в свободном выборе между религиозным и атеистическим миропониманием. Вопрос о свободе выбора между верой и атеизмом или отказа от них – это выбор, который человек делает индивидуально в силу своего воспитания, мировоззрения, жизненного опыта и т.д. Современное общество формально предоставляет человеку свободу удовлетворять свои духовные потребности, реализует принцип мировоззренческого плюрализма, провозглашает свободу совести. В статье рассматривается, как эта фундаментальная ценность нашего мира реализуется юридически и фактически в Российской Федерации. Со ссылками на правовые источники продемонстрирована законодательная проработанность вопросов, касающихся свободы совести, вероисповедания и религиозных объединений. В статье отражены особенности проявления свободы совести в информационном обществе, в сравнении с традиционным типом общественного устройства. Автор делает вывод, что современное общество, как ни

парадоксально, больше ограничивает человека, закрепощает его, делает менее свободным и легко контролируемым. В век высоких технологий и информации человек придает большее значение внешним проявлениям и атрибутам религии, чем истинной сущности веры. Произошла определенная подмена понятий: свобода совести из неотъемлемого права каждого человека превратилась в свободу манипулирования сознанием.

Ключевые слова: свобода совести, религия, вероисповедание, атеизм, информационное общество, Российская Федерация, законодательные нормы.

Магомедова Мадина Зайнудиновна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства, Махачкала, Россия.

spirow@mail.ru

«Свобода» является фундаментальной ценностью современного мира, неотъемлемым естественным правом каждого человека. Свобода – одно из основных понятий философии, религии и общественной жизни, имеющее негативный (независимость от других) и позитивный (свобода осуществления чего-либо, возможность) аспекты [БРЭС 2003]. Категория «свободы» была в центре внимания ученых с момента зарождения научных знаний и по-прежнему актуальна в информационный век высоких технологий. Наша свобода заканчивается там, где начинается свобода других, этим правом обладают все люди в равной степени, независимо от их ума, способностей, нравственных качеств, достатка и т.д. Как закреплено в ст. 4 Декларации прав человека и гражданина, принятой 26 августа 1789 г., «свобода заключается в возможности делать все, что не наносит вреда другому» [Декларация 1789]. Испокон веков людей волновала проблема дозволенности, степени распространения свободы, её границы. Понятие свободы не означает абсолютную независимость от государства, а предполагает формирование активной, инициативной и ответственной (в плане выбора способов осуществления своих интересов) личности [Орлова 2007]. Реализация свободы гражданина связана с благополучием государства. Субъективная сторона реализации свободы связана с возможностью совершать или не совершать определенные

действия. Объективная сторона ограничивает реализацию личных потребностей человека с желанием сохранить благополучие общества в целом. Установление границ реализации свобод человека связано с ограничением его прав. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [Конституция 1993]. Правовая свобода в условиях развития информационного общества является одним из факторов, обеспечивающих в российском обществе правопорядок и социально-ориентированную направленность жизни. Вместе с тем право отвечает за нормативную, а государство за институциональную форму свободы. В современной России правовой принцип свободы и равенства в большей мере декларируется, констатируется, поскольку детально прописан законодательно, но не реализован в полной мере в жизни.

Специфичность понимания «свободы совести» заключается в свободном выборе между религиозным и атеистическим миропониманием. Каждый человек самостоятельно решает - быть ему верующим или атеистом. Изначально принцип свободы совести воспринимался как требование веротерпимости. Вопрос о свободе выбора между верой и атеизмом или отказа от них – это выбор, который человек делает индивидуально в силу своего воспитания, мировоззрения, жизненного опыта и т.д. Современное общество формально предоставляет человеку свободу удовлетворять свои духовные потребности, реализует принцип мировоззренческого плюрализма, провозглашает свободу совести. Совесть как этическая категория обозначает способность человека делать нравственный выбор между добром и злом, нести ответственность за свои действия и анализировать совершённые поступки.

С субъективной стороны свобода совести – это возможность индивида самостоятельно определять свои мировоззренческие позиции, делать нравственный выбор. Свобода совести в объективном её понимании представляет собой нормативно закрепленное право на свободу совести, признанное и гарантированное государством [Белявский 2006]. В этом отношении право на свободу совести рассматривается как неотъемлемый атрибут нравственного самоопределения личности

[Арутюнян, Баглай 2006]. Следовательно, категория «совести» отвечает за систему определенных нравственно-мировоззренческих убеждений, а «свобода совести» – за право иметь и выражать в установленных законом рамках любые убеждения, религиозные или атеистические.

Законодательное регулирование свободы совести в Российской Федерации.

В настоящее время в России действует закрепленный в основном законе страны принцип свободы совести и вероисповедания как естественных прав и свобод гражданина. А религиозная свобода признается неотъемлемым правом каждого человека, данная ему по праву рождения в Российской Федерации. Этот правовой статус свободы совести и вероисповедания является результатом длительного процесса исторического развития от запрета через ограничение до полной свободы. Если первоначально был закреплен принцип приоритета отдельного вероучения и значительного ограничения религиозной свободы, то в настоящее время данный принцип получил новое содержание. Права человека на свободу совести и свободу вероисповедания регулируются Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях», согласно которому любые нормативно-правовые акты, принимаемые в Российской Федерации и затрагивающие реализацию права на свободу совести и свободу вероисповедания, а также деятельность религиозных объединений, должны соответствовать данному Федеральному закону. Закон регламентирует, что никто не должен сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию веры или отказу от исповедания, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Вместе с тем, запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение детей религии вопреки их воле и без согласия родителей или лиц, их заменяющих [О свободе совести и о религиозных объединениях 2015]. Принятый 26 сентября 1997 г. Федеральный закон, вызвал в свое время ожесточенные споры в нашей стране. Многие правозащитники и религиоведы возражали против вступления в силу данного Закона, обосновывая это тем, что он противоречит Конституции страны и международным документах о правах человека. Сторонники же Закона, напротив, сумели отстоять вводимые ограничения свободы совести, аргументируя

тем, что они направлены на сохранение физического, психического и нравственного здоровья граждан Российской Федерации и защиту культурной самобытности нашей страны.

Законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях ни в коей мере не умаляет и не ущемляет права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ или вытекающие из международных договоров. Подобное конституционное признание государством за каждой отдельной личностью такого естественного, неотъемлемого права является результатом минимизации государственного вмешательства в религиозно-конфессиональные вопросы. Вероисповедание является результатом внутреннего выбора каждого конкретного человека, противоправным или преступным может быть признано только поведение, побудительными причинами которого является негативная религиозная мотивация, связанная с клеветой, призывами к совершению преступлений, экстремистской и террористической направленности.

Закон содержит нормы об ответственности религиозных объединений. Ст. 14 Закона предусматривает возможность приостановления деятельности религиозного объединения, ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозного объединения в случае нарушения ими законодательства. Так, в соответствии с ч. 1 указанной статьи, религиозные организации могут быть ликвидированы по решению суда в случае неоднократных или грубых нарушений норм Конституции РФ, настоящего Федерального закона и иных федеральных законов либо в случае систематического осуществления религиозной организацией деятельности, противоречащей целям ее создания (уставным целям) [О свободе совести и о религиозных объединениях 1997].

Право на свободу совести гарантирует возможность исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, в том числе создавая религиозные объединения. Следовательно, ограничения и запреты в религиозной сфере затрагивают не свободу совести и вероисповеданий в целом, а отдельные виды её реализации.

В Российской Федерации установлена уголовно-правовая охрана свобод совести и вероисповеданий: во-первых, от непосредственных посягательств на данные свободы, во-вторых, от преступных злоупотреблений при использовании данных свобод. В ст. 148 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, т.е. публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, а также незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний [Уголовный кодекс 2015].

Реализация свободы совести в современном российском обществе.

Свобода совести сегодня является неотъемлемой частью демократического российского общества, т.к. включает в себя равноправие граждан, независимо от их отношения к религии, недопущение принуждения в делах веры, невмешательство государства и церкви в дела друг друга. Свобода совести означает также свободу атеистической пропаганды, исключающей оскорбления религиозных чувств верующих, запрет разжигать рознь и вражду на религиозной почве.

В современном обществе появилась своеобразная «мода на религию». В настоящее время большим спросом пользуется не религиозность с внутренним духовным стержнем, составляющая истинную веру, а религиозность «напоказ» для всеобщего обозрения. Люди обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что стали подлинно верующими, а потому, что это стало очень удобным источником норм жизни и общения. «Новая религиозность» образовалась на основе социокультурного контекста как результат желания упорядочить свою жизнь в соответствии с новыми веяниями информационного общества. В век высоких информационных технологий религиозное сознание человека становится эклектичным, представляет собой смешение религиозных представлений всех эпох и народов с новомодным увлечением магами и экстрасенсами.

Восстановление религиозности в России, «религиозный бум 90-х» после семидесяти лет атеистического прошлого, к сожалению, привел больше к росту внешних атрибутов религиозности: строительству и восстановлению храмов, пышному богослужению, появлению религиозных передач на телевидении и т.д. Однако уровень духовности в плане моральных устоев и

нравственного воспитания людей намного снизился, даже по сравнению с советским периодом нашей истории. Общество потребления выдает соответствующий «продукт». Выросло поколение, пропитанное западными ценностями, разрушающими сознание молодежи. Попрание базисных нравственных ценностей, наложенное на высокий уровень развития науки и техники, позволяет обществу сформировать новый тип массового «одномерного человека», в котором критическое отношение к обществу атрофировалось [Маркузе 2003].

Духовный кризис в общественном и индивидуальном сознании россиян является следствием взаимного наложения двух процессов – глобального перехода человечества к информационному обществу и разрушения основ традиционного общества в самой России. Формальная религиозность исторически пересекается с нетерпимостью к любому инакомыслию. В ситуации социальной нестабильности в обществе, когда уже не действуют традиционные нормы и ценности, религиозная нетерпимость может привести к аморализму и фанатичной одержимости. Именно в такое неспокойное время активизируются различные секты, течения, которые только с большой натяжкой можно назвать религиозными. Более глубинная причина происходящего в современном обществе лежит во внутренней бездуховности, когда личная мораль и ответственность человека подавляются абстрактным авторитетом.

Религиозность в условиях информационного общества не утрачивается как таковая, но приобретает новое качество. Если в традиционном обществе религиозное сознание контролировалось церковными организациями, и человек обязан был демонстрировать свою лояльность к ним, даже не столько под страхом Божьей кары, сколько опасаясь вполне земного преследования. В условиях современного постиндустриального общества человек получает иллюзию свободы, поскольку господство религиозных институтов и государства над совестью, внутренним миром человека заменяется властью общественного мнения, моды, которая формируется информационной инфраструктурой общества.

Э. Фромм характеризует состояние человека XX века как бегущего от свободы. «Бегство от свободы» - своего рода приспособление к окружающей действительности в ущерб своей индивидуальности и самобытности. Это неумение жить свободно: ставить высокие цели, мобилизовать волю для их достижения.

Неспособность к самостоятельному творчеству в области духа – таково основание добровольной массовой несвободы. Массовый человек ограничен средой, в которой живет и действует, строит свое поведение по стандартам, предлагаемым средой, предпочитая не выделяться: быть как все. «Бегство от свободы», неспособность нести ответственность за свои поступки и мысли оборачивается массовой дегуманизацией, утратой духовных достижений цивилизации, примитивизацией социальных связей. Свобода от религиозного принуждения в посттрадиционном обществе не означает приобретения субъектом подлинной свободы в смысле реализации себя как личности, т.е. развития интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Человек оказался в состоянии выбора: либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности, либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения [Фромм 1995].

Заключение.

Современный век высоких технологий вместо того, чтобы дать человеку больше свободы, полнее раскрыть его творческий потенциал, наоборот зажимает личность в еще большие рамки. Человек итак слаб, а тут еще впадает в рабскую зависимость под влиянием внешних манипуляций. Тот огромный поток информации, который наваливается на нас с телевизионных экранов и мониторов компьютеров, превращает человека из свободной личности в некое зомбированное существо, которое не в состоянии противостоять влиянию извне. В информационном обществе разрушается то, на чем основывалась традиционная религиозность – целостность этнокультурного бытия, психологическое единство больших человеческих коллективов, утрата традиционных способов передачи информации от старшего поколения младшему. Связь поколений в информационном обществе минимальна, так как связующими факторами теперь становятся сообщества сверстников или виртуальные сообщества. Балом правит его величество Интернет!

В постиндустриальную эпоху люди меньше руководствуются в жизни знаниями, больше информацией, мгновенно распространяющейся в виртуальном пространстве. Манипулирование сознанием человека, обезличивание людей, замена духовных ценностей культом потребления стали главными характеристиками современной жизни. Люди больше озабочены не реальной жизнью и её проблемами, а тем, как бы эффектнее

выложить свою жизнь в сеть. Увлечение социальными сетями, жизнь напоказ, виртуальная реальность – все это неотъемлемая часть современной жизни. Таким образом, информационное общество все больше закрепощает человека вместо того, чтобы делать его свободным. Чтобы человек не утратил способность самостоятельного мышления, он должен ошибаться, сомневаться, уметь выбирать главное из огромного вороха наваливающейся на него информации, отсеивать ненужное и, самое главное, иметь смелость пользоваться собственным умом.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

БРЭС 2003 - Большой российский энциклопедический словарь. М., 2003. – 1887 с.

Декларация 1789 - Декларация прав человека и гражданина 1789 г. URL: http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm (дата обращения 02.10.2018)

Орлова 2007 - *Орлова О.В.* Правовая свобода личности в гражданском обществе // Журнал российского права. 2007. № 5. – С. 76-83.

Конституция 1993 - Конституция РФ. URL: https://www.zakonrf.info/konstitucia/55/ (дата обращения 17.09.2018).

Белявский 2006 - *Белявский Д.С.* Проблемы реализации права на свободу совести в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного Федерального округа: автореф. дис… канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

Арутюнян, Баглай 2006 - *Арутюнян Г.Г., Баглай М.В.* Конституционное право: Энциклопедический словарь. М.: Норма, 2006. – 544 с.

О свободе совести и о религиозных объединениях 2015 - «О свободе совести и о религиозных объединениях»: Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (ред. От 28.11.2015 г.) // СПС Консультант Плюс.

О свободе совести и о религиозных объединениях 1997 - «О свободе совести и о религиозных объединениях»: Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (ред. От 05.02.2018 г.) https://www.zakonrf.info/doc-15189736/gl2-st14/ (дата обращения 02.10.2018)

Уголовный кодекс 2015 - Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. От 30.12.2015 г.) // СПС Консультант Плюс.

Маркузе 2003 - *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2003. – 331 с.

Фромм 1995 - *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. – 256 с.

IMPLEMENTATION OF FREEDOM OF CONSCIENCE UNDER THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY IN RUSSIA

M.Z.MAGOMEDOVA
Regional centre of Ethnopolitical Sciences, Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Dagestan State University of National Economy, Mahachkala, Russia

Summary

The author of the article focuses on the transformation that occurred with the understanding in the modern world of the categories of «freedom» and «freedom of conscience». The value of the ethical category of «conscience», which is responsible for the system of certain moral and ideological convictions, has been leveled, and the «freedom of conscience», which is responsible for the right to have and express religious or atheistic beliefs within the statutory framework, has becjme formalized. The specificity of the understanding of «freedom of conscience» lies in the free choice between religious and atheistic world view. The question of the freedom of choice between faith and atheism or the rejection of them is a choice that a person makes individually by virtue of his upbringing, world view, life experience, etc. Modern society formally gives a person the freedom to satisfy their spiritual needs, implements the principle of ideological pluralism, proclaims freedom of conscience. The article discusses how this fundamental value of our world is realized legally and in fact in the Russian Federation. With reference to legal sources, the legislative elaboration of issues relating to the freedom of conscience, religion and religious associations have been demonstrated. The article reflects the features of the manifestation of freedom of conscience in the information society, in comparison with the traditional type of social structure. The author concludes that, paradoxically, modern society restricts a person more, enslaves him, makes him less free and easily controlled. In the age of high technology and information, a person attaches greater importance to the external manifestations and attributes of religion than to the true essence of faith. There was a certain substitution of concepts: freedom

of conscience from the inalienable right of every person has turned into the freedom of manipulation of consciousness.

Keywords: freedom of conscience, religion, religion, atheism, the information society, the Russian Federation, legislative norms.

Magomedova, Madina - Ph. D. in Philosophy, Leading Scientific Worker of Regional Centre of Ethnopolitical Sciences, Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Assistant Professor of Humanities Department of Dagestan State University of National Economy, Mahachkala, Russia

spirow@mail.ru

КОНЕЦ ВЛАСТИ. БЫЛ ЛИ СУБЪЕКТ?

М.МАКАРИЙ (БУГА)
Греция, монастырь Дохиар, Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде, Ялта, Россия

Аннотация

В статье с позиции социокультурных, философских и богословских исследований рассматривается вопрос субъекта и власти. Субъекта - как базовго для современной философии концепта, переосмысление которого стало необходимостью в условиях сложившегося гуманитарного кризиса. Вопрос власти- как актуального для формирования стабильных форм правления в государствах с ограниченным суверенитетом и затрудненным процессом модернизации. Предметом изучения выступают традиционные формы правления средневековой Европы.

Ключевые слова: цивилизационный континиунитет, жидкое общество, общество риска, перихореза, субъект, власть, племенное единство.

М. Макарий (Буга) – филолог, переводчик, Греция, монастырь Дохиар, г. Ялта, Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде.

hristosvoskrese2012@gmail.com

В современном мире очень популярны вопросы, о том, где же теперь субъект? Сменил ли субъекта некий невидимый агент? Или быть может, что придет после субъекта? Тема субъектности также связана с темой власти, а мы видим, что сейчас наступает конец

власти. В связи с этим нам хотелось бы дать описание власти, которого принято придерживаться в контексте Православной Ойкумены в ранний Византийский период.

Мы живем в такое время, которое современные социологи называют «интеррегнум», - то есть время, когда один император закончил править, а следующий еще не принял почетные регалии власти. Поэтому мы знаем, что уже не работает, но мы, к сожалению, еще не знаем, что будет работать. И вот это состояние неопределенности призывает общество придерживаться открытых опций будущего. Поэтому «в тренде» неустойчивые формы в политике, в управлении, в искусстве… То есть преобладает неустойчивая форма. Люди пытаются сохранить некую открытость будущему, и это создает переходный период, который и определяется как «интеррегнум». В таком переходном периоде каждое государство пытается приобрести себе в истории новый статус. И здесь вперед выступают традиции, которых это государство придерживается и на которые оно вполне может опереться. Например, в 14 веке Сербия, после знаменитой Косовской битвы обрела себе новый исторический и онтологический статус. Об этом свидетельствует множество средневековых памятников литературы того времени.

Когда встает вопрос о новом онтологическом статусе государства - он непосредственно бывает связан с преемственностью, то есть с мировоззреческими основам внутри государства, сформировавшие его общество и противостоящие влиянию извне. Только так открывается новый онтологический план. По теории «Soft power», захват территории происходит не с помощью танков, но их место занимают сложные технологии MEDIA, которые оказывают прямое воздействие на ум и волю. То есть теория «Soft power» предполагает принцип, когда человек самовольно исполняет волю врага. И в ход идут не только матрешки и балалайки, но и ЛСД и гомосексуализм... Поэтому, хотим мы или не хотим, очень важно и должно задуматься о том, как научиться группировать свою волю и знать, на что опираться. «Soft power» сама кидает нам вызов, чтобы мы, защищаясь, исследовали собственные мировоззренческие основы, и тем самым обеспечивали себе место в глобальном будущем. «Soft power» — это опасное оружие, воздействующие на умы!

Современные социологи выдвигают тезис о «жидком обществе» LIQUID SOCIETY. Жидкое общество — это диссолюция субъекта. Это значит конец власти, конец политики,

конец уверенности в будущем и доминирование неустойчивых форм. Дело в том, что само по себе разжижение общества связано с так называемой «Философией нового времени». Именно «Философия нового времени» начинает разжижать общество, начинает разжижать формы. Происходит это из-за того, что начинается недоверие к окружающей среде. Высказывается, например, тезис о том, что природа не обладает моралью, природа агрессивна и нет возможности с ней справиться. Мы видим, что в разные периоды модерна, из которого выделяют «Hard modernity» и Soft modernity», существуют разные градусы разжижения. Парадоксально, что модерн выступает с попыткой укрепить эту «шатающуюся природу», которая колеблет человечество разными цунами и землетрясениями. Модерн пытается телескопировать природу, поставить ее себе на служение. Человек и природа выступают теперь как субъект и объект, где человек пытается вынести об окружающем мире объективные суждения.

Какова же власть в таком обществе? На наш взгляд, феномен власти достаточно основательно разобрал Рене Генон в своей работе «Царь мира». Из его утверждений можно сделать вывод о невозможности исследования власти, опираясь только на категориальный аппарат, начиная от Стоиков до Канта, то есть на то, что называется «субъективизм». Оставаясь в парадигме западноевропейских классических философских форм, непременно сталкиваешься с парадоксальным явлением: все то, что, казалось бы, так статично и глубоко укоренено в имманентное поле, - вдруг ускользает, рассыпается, как песок. Именно поэтому современный немецкий социолог Ульрих Бек выдвигает теорию «Общество риска», то есть если в средневековом, традиционном обществе, по сути своей стабильном, человек один на один со своими опасностями, - лес и волк всегда рядом. Он встречает их экзистенциально. В случае же современности человек обеспечил себе спокойную безопасную жизнь на 90 процентов, но коварные 10 процентов неведомого, неконтролируемого держат человека в страхе, и каждое частное или общественное начинание носит на себе печать риска. Неизвестно, из какого именно «леса» выскочит «волк», и все это формирует новый психологический тип, новую антропологию и разговоры о происхождении «черных лебедей».

Если можно говорить о конце модерна, то конец этот, совпадает с окончанием холодной войны и формированием новой империи, в которой сила и политика уже не едины. POWER и POLITICS. Сила означает: «сделать», а политика «что сделать?».

Мы видим так же, что на момент перехода глобальная политика как бы исчезает и становится локальной, и ее также можно назвать «life politics». Нечто подобное есть в психологии, где существует специальный раздел, так называемой «житейской психологии» то есть той, которой мы пользуемся в быту. Проявления такой «житейской политики» вполне различимы. Вспомним случай о сбитом самолете в воздушном пространстве Сирии. Обратим внимание на то, что верховный главнокомандующий обращается к подчиненным с требованием объяснить и доложить ему, как это произошло. Все это предается огласке, становится предметом обсуждения и домыслов «диванных» экспертов. Таким образом, обыватель не получает объяснение происходящего строго вниз по вертикали, но чувствует себя причастным к «военным действиям». Эти технологии известны нам из маркетинговых приемов, в котором потребитель формирует бренд. Соответственно, политика становится локальной, в то время как сила становится глобальной, и это новое лицо новой глобальной империи, и империя, эта, конечно, не христианская. Мы имеем дело с цивилизацией, в которой видны лишь контуры некой преемственности. Мы имеем дело с новым обществом.

Зигмунт Бауман, автор теории «жидкого общества», утверждает, что первой манифестацией силы этой новой империи была война в Персидском заливе. Парадоксально, что труд Ж. Бодрийяра «Войны в заливе не было», скорее дополняет выводы Баумана, чем опровергает их. Была ли это война – войной суверенных государств или войной между корпорациями? Перед нами глобальное пространство - политически нерегулируемое. Из всего выше сказанного видно, что вопрос о природе власти в современном обществе остается открытым.

О природе власти в традиционном обществе, напротив можно сказать следующее: в православной империи (то, что в современной науке называют Византией), власть за счет ясной внутренней логики гораздо проще поддается исследованию. Мы видим, что народ и власть имеют определенный вид взаимоотношений, который опирается на онтологию, связанную с учением о Христе и учением о Пресвятой Троице. О Троице говорили как о единой природе с тремя личностями, тремя ипостасями. О Христе говорили как об одной личности и о двух природах. Описывая общение ипостасий внутри Святой Троицы, использовали термин «перехорисис», что значит «взаимообщение», «взаимопроникновение», но исключающий смешение.

Перехорисис характеризуется как некий образ бытия. О Божественной и человеческой природах Христа говорилось как о неком единстве, исключающем смешение и взаимопоглощение. Общение осуществляется посредством Божественных и человеческих энергий, без того, чтобы одна поглощала другую. Такое единение в святоотеческой терминологии называется «Синергия».

По аналогии общения Божественной и человеческой природы власть Земная имела общение, «синергию» с властью Небесной посредством посвящения. Поэтому царь так сильно походил на священника, то есть функции царя во многом походили на функции священника. Василевс был инициирован, инспирирован Божественным, и в то же время царь был един с народом. Царь и народ были взаимозаменяемы. Царь не являлся самостоятельным субъектом, не являлся самостоятельным субъектом и народ. В данном случае субъектом можно было бы назвать Бога, Царя и Народ - вместе. И это принципиально важный момент. Это не «православие, самодержавие, народность».

В истории существуют тому яркие примеры: вспомним падение Синопа. В тринадцатом веке появляется Трапезундская империя, которой правит династия Комниных. Полноправная и очень интересная династия. Ее атакуют турки-сельджуки, которые пленили императора и стали пытать его у стен столицы, Синопа, выдвигая условия о том, что убьют императора, если жители не сдадут город. Народ вынужден был сдать город, чтобы спасти священного императора. Ради спасения Василевса Синоп был сдан, и столица перенесена в другой город. И наоборот - Венецианская история. История шантажа Трапезундского императора, в которой некий венецианец, поругавшись с неким Трапезундским чиновником, желая привлечь к себе внимание императора, чтобы получить сатисфакции, отлавливает людей на побережье и отрезает им носы. Чашу с этими носами он преподносит императору. Император в ужасе, поднимая руки, принимает условия шантажиста. Такие взаимоотношения народа и императора встречаются в истории не только Византии, но и в государствах, получивших от нее преемственность. На примере Сербии, мы видим, что речь идет о некоем цивилизационном континуитете, магистрали циливизиционного развития, называемой по-русски «столповая дорога» развития цивилизации. Конечной целью этого развития является спасение человечества. Речь идет о том, что общество достигло высочайшей ступени развития в плане

совместного проживания, экономических, дипломатических и других отношений, где наименьшей кровью достигается наибольшее благополучие.

Принцип «синергии» не был заимствован западными государствами, в которых не было племенного единства между элитой и подчиненными. Именно на месте отсутствия этой «синергии» рождается гражданское общество, права человека, и все то, что разрывает нетканый хитон общества православной империи, где царь заботится о народе, как Христос о Церкви. Мы знаем о Христе, что он – тело церкви, мы знаем о царе, что он - тело народа. Народ делегирует свои полномочия, законотворческие прерогативы Василевсу, непрописанные права народа являются фундаментом этого единства.

Из всего этого следует вывод, что властью можно лишь назвать ту власть, которая от Бога. Здесь вспомним диалог из Евангелия, где Пилат вопрошает Христа: «Не знаешь ли, что власть имею распять тебя и отпустить тебя?», на что он получает однозначный ответ: «Ты не имел бы надо мной никакой власти, если бы она не была дана тебе свыше», - здесь власти дано исчерпывающее определение.

Подытоживая, можно сказать, что непосвященная власть не обладает властью и не может являться полноправным субъектом власти, именно поэтому можно говорить о ее конце, - по крайней мере, на территории православной ойкумены. Или может груз власти падает на плечи посвященных епископов? Ведь именно Божественные скрепы важны для общества. Они создают живой фундамент, благодаря которому можно осознавать прошлое и смотреть в будущее. И для этого нам не надо много «союзников». Иоанн Златоуст говорил: «Не бойся малое стадо! Для спасения мира и одного человека достаточно».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бек 2012 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 480 с.

Бауман 2008 – *Бауман З.* Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

Бодрийяр 2016 – *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: Рипол Классик, 2016. – 224 с.

Генон 2008 – *Генон Р.* Царь мира - Очерки о христианском эзотеризме. – М.: Беловодье, 2008. — 224 с.

Taleb 2007 – *Taleb N.* Black Swan. The Impact of the Highly Improbable. – N.Y., 2007.

Карпов 2007 – Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2007. – 665 с.

ΦΙΛΟΚΑΛΙΑ ΤΩΝ ΝΗΠΤΙΚΩΝ ΚΑΙ ΑΣΚΗΤΙΚΩΝ 14. ΜΑΞΙΜΟΥ ΤΟΥ ΟΜΟΛΟΓΗΤΟΥ (ΕΠΕ). – Fessaloniki, 1985. – 303 p.

Ιωάννου Δαμασκηνού, Έκδοσις ακριβής της ορθοδόξου πίστεως, Πουρναράς Π. Σ., 2002. – 510 σελ.

THE END OF POWER. WAS THERE A SUBJECT?

M.MAKARIY (BUGA)
Greece, Dokhiar Monastery, Yalta, Church of the Intercession of the Holy Virgin in Lower Oreanda,Yalta, Russia

Summary

In this article, from the position of sociocultural, philosophical and theological research, the issue of subject and power is considered. The subject is viewed as a basic concept for modern philosophy, rethinking of which has become a necessity in the current humanitarian crisis. The issue of power is analyzed as relevant to the formation of stable forms of government in states with limited sovereignty and difficult modernization process. The subject of study is the traditional forms of government of the medieval Europe.

Keywords: civilization continuum, liquid society, risk society, perichoresis, subject, power, tribal unity.

M.Makarii (Buga) - Philologist, Interpriter, Greece, Dokhiar monastery, Yalta, Church of the Intercession of the Holy Virgin in Lower Oreanda.

hristosvoskrese2012@gmail.com

ПОТЕРЯННАЯ ТРАДИЦИЯ – СВАДЬБА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ В ГОРНЕМ НЕРОДИМЛЕ В КОСОВО И МЕТОХИИ

В. МИХАЙЛОВИЧ

Институт сербской культуры, Приштина – Лепосавич, Сербия

Аннотация

Традиции и обычаи в национальной культуре постепенно становятся частью коллективной памяти практически без системного обновления, способствующего их сохранению. После трагического изгнания сербов на территории Автономной области Косово и Метохии образовались этнически чистые зоны, населенные исключительно албанцами (область Горнего Неродимля). Полевые исследования, проведенные в данной работе, были направлены на поиски новых мест проживания старожилов, перемещенных из Горнего Неродимля в другие части Сербии, с целью записать сохранившиеся воспоминания о событиях из прошлой жизни, как единственного современного свидетельства жизнедеятельности сербов на данной территории. Представленная работа посвящена исследованию свадьбы, как самого значительного знакового события в жизни человека и наиболее устойчивого компонента традиционной бытовой культуры. Исследование показало, что на территории Косово и Метохии этот обычай содержит вариативный комплекс определенных ритуалов. Записанный в ходе опроса материал является единственным свидетельством жизнедеятельности сербов в Косово и Метохии, так как под влиянием глобальной модернизации и культурной униформности народные традиции начинают постепенно забываться. В статье представлены записи о свадьбе Горнего Неродимля, составленные на основе воспоминаний старожилов. Наряду с этим описываются современные обычаи, которые внедряются под влиянием средств массовой информации, стирающих отличительные особенности народных традиций, как этнических маркеров Сербии, Косово и Метохии и его сел.

Ключевые слова: свадьба, Косово и Метохия, Горнее Неродимле, народная традиция, народные песни.

Михайлович, Верица – кандидат теории музыки, научный сотрудник отдела этномузыковедения Института сербской культуры, Приштина – Лепосавич, Сербия.

vericamihajlovic86@gmail.com

Потребность в модернизации и готовность следовать за европейскими и американскими тенденциями под влиянием средств массовой информации ведет к глобальной униформности социального поведения и потере традиционных элементов, как маркеров локальных территорий. Сербская традиционная культура представляет собой широкий диапазон вариативных комплексов, где каждый этнологический локалитет демонстрирует конкретную комбинацию в прошлом своеобразных и самобытных элементов. Поэтому особенно важно селективно их изучать, используя документальные свидетельства и все аспекты народной культуры, подтверждающие дух прошлого сербского народа, для сохранения этих бесценных феноменов от забвения.

Пространство Косово и Метохии в течение многих десятилетий находилось в центре важнейших политических событий, которые инициировали эмиграционное движение и исход сербов из некоторых частей южной Сербии. К сожалению, такие места можно охарактеризовать как «в прошлом сербские», потому что в наши дни сербское население в полном объеме изгнано с этих земель. Сербский народ, покидая родные места, прервал многовековую связь с основами традиционной и культурной жизни, которая является ключевым элементом древних традиций и обычаев (1). Некоторые чудом сохранённые традиции могут обнаруживаться в памяти старшего поколения лишь эпизодически. Исследователь должен записать эти эпизодческие воспоминания и оставить письменный материал, подтверждающий вековое проживание сербского народа на территории Косово и Метохии.

Для проведения данного исследования было выбрано село Горнее Неродимле - старейшее сербское население на берегу реки Неродимки (2), на юге Косово и Метохии (также известно как «Царское Село»), свидетельствовавшее о былом великолепии сербской правящей семьи Неманичей (3). После изгнания всего сербского населения из этого региона в 1999 году поселение опустело, и все его культурные и исторические ценности из 14 века, имевшие неоценимое значение, были варварски уничтожены. Было сожжено одно из старейших сербских сел в Косово и разрушено все, что связывало эту землю с многовековой традицией и историей сербского народа. Полевые исследования, проведенные автором данной статьи, были направлены на поиски новых мест проживания старожилов, перемещенных из Горнего Неродимля в другие части Сербии, с целью записать сохранившиеся воспоминания о событиях из прошлой жизни (4). Каждое значимое

событие в жизнедеятельности сербского народа традиционно связано со своеобразными национальными обычаями или ритуалами, часто с магическим смыслом. Исследователем на основании результатов опроса были выделены самые важные для понимания составные элементы свадьбы, как самого живописного примера, иллюстрирующего богатый репертуар в значительной степени утраченных обычаев, ритуалов и убеждений. Исследование национальных обычаев подразумевает интерпретативнный подход, поскольку то, что представляет исследователь, по сути изображает его собственную интерпретацию косвенно передаваемых событий, то есть он объясняет объяснения [Герц 1998, 17]. Поэтому в данной статье описание с последующим анализом можно рассматривать как интерпретацию традиционной свадьбы села Горнего Неродимля первой половины двадцатого века, основанной на воспоминаниях старожилов-респондентов.

Современная свадьба подразумевает организацию дня бракосочетания с гламурным и роскошным свадебным торжеством, на которое оказывают заметное влияние европейские и американские свадебные тенеденции. В более древние времена, согласно воспоминаниям респондентов, свадьба состояла из серии хронологических событий, связанных со вступлением двух человек в брачный союз. Свадебные обычаи предусматривали подготовку к процессу бракосочетания с использованием традиций, ритуалов и обрядов, предшествующих акту бракосочетания двух молодых людей, организацию свадьбы, свадебного торжества, а также проведение знаковых ритуалов и обрядов сразу после свадьбы, подтверждающих введение молодоженов в круг полноправных членов сельской общины [Пантелич 1975, 124].

Свадебные обычаи состоят из нескольких канонических этапов: *сговор (сход)* - *смотрины (сватовство)* - *помолвка (обручение) – свадьба (веселье)* - *хлебины (первый визит родителей к дочери)* - *Со́роки*. Современная свадьба также сегментарно структурирована, но в значительно изменившейся (модернизированной) и суженной перспективе: *помолвка* - *свадьба* - *Со́роки*. После празднования дня молодоженов - *Со́роки* (22 марта), деятельность свадебных обычаев прекращается, и в селе проводятся знаковые ритуалы, подтверждающие появление новой брачной пары.

Изучая свадебные ритуалы, мы получаем представление о характерных (типичных) особенностях сербского населения,

проживающего на данной территории, так как ритуалы стали устойчивым элементом общественной жизни и служат для актуализации ее основных характеристик [Kligman 1988, 264]. Благодаря исследованию богатого репертуара свадебных обрядов мы получаем представление о коллективных убеждениях, страхах, повседневном быте, экономическом статусе, статусном положении села и его жителей. Некоторые элементы народной традиции переплетаются с языческими верованиями в тайную силу магии и колдовства, и базируются на ритуальных действиях, оберегающих участников свадьбы от порчи и злых духов, или обеспечивающих счастливую совместную жизнь новобрачных. Социально-экономический статус общества тех лет можно было определить по одежде, ценным подаркам, общим затратам на подготовку к свадебному торжеству и всем другим аспектам, связаным с материальными расходами. Кроме того, существуют обряды «с комедийным или развернутым драматизированным действом», со всякого рода играми и забавами, которые в прежнее патриархальное время заменяли отсутствующий театр, даруя людям радость и возможность отдохнуть от повседневной работы и заботы [Лазаревич 2014, 53].

Далее в статье представлена реконструкция глубинных аспектов обряда свадьбы первой половины двадцатого века, которая указывает на определенные различия, возникающие под влиянием разных факторов и свидетельствующие о вариабельности данного обряда в рамках одного села: разница в возрасте респондентов, ассимилированное влияние соседних народов, экономические факторы, статус конкретной семьи и происхождение родителей новобрачных (5).

Сговор (сход).

До начала XX столетия выбор супруга/супруги абсолютно не зависел от желания юноши или девушки. Практика браков по договоренности на территории Косово и Метохии, особенно в горных и сельских районах, сохранялась до второй половины двадцатого века. Чаще всего родители жениха выбирали невесту в соответствии с социальным и экономическим статусом ее семьи – «ровню». Иногда родители будущих молодоженов лично знали семью девушки, или выбирали невесту в соответствии с рекомендациями посредника - *свахи* (*наводаджия*)*:* «в этой семье очень хорошая девушка». Понятие «хорошей девушки» означало положительные отзывы со стороны окружающих про ее семью, потому что девушки в то время почти не принимали участие в

общественной жизни вне своего дома (6). Возрастной предел для вступления в брак, согласно стандартам того времени, был значительно ниже современного – девочки были «пригодными для брака» уже в пятнадцать лет. У мальчиков возрастная пригодность для армии приравнивалась к физической зрелости для вступления в брак. Очередной свадебный цикл в Горнем Неродимле начинается со *сговора (схода)*, который на самом деле является обрядом сватовства со стороны жениха. Выбрав девушку, семья жениха собирается на *сговор*. Родители жениха, или кто-то из его ближайших родственников, отправляются в дом будущей невесты и несут алкогольные напитки – *здравицу,* чтобы выпить за здоровье. Если бутылка, принесенная в семью избранной девушки, остается в доме - это подтверждает согласие и начало приятельских отношений, но если бутылка возвращается отцу юноши, соглашение считается недействительным.

Жених и невеста исключены из этого этапа свадебного цикла и из дальнейшей организации свадьбы. Сговор был в прошлом необходимым элементом традиции, без которого жених и невеста не могли получить благословения для заключения брачного союза. После *сговора* назначается день проведения *смотрин (сватовства)* будущей невесты.

Смотрины.

По традиции прошлых лет *смотрины,* как один из важных элементов процесса подготовки к свадьбе, представляет собой *первое знакомство* будущих молодоженов. В договоренное заранее время жених и невеста впервые видят друг друга под бдящим оком их сопровождающих - родителей или близких родственников. Иногда *первое знакомство* было не обязательным, что свидетельствовало о совершенно маргинальном участии будущих новобрачных в подготовке к их собственной свадьбе. Более того, сам процесс сватовства часто осуществлялся без присутствия жениха и невесты, которые в некоторых случаях впервые видели друг друга в день свадьбы, когда невесту приводили в дом жениха или на место проведения свадебного торжества.

Конечно, неучастие будущих молодоженов во всех обрядах и ритуалах до свадьбы не всегда строго соблюдалось. Учитывая то обстоятельство, что молодежь участвовала в общественной жизни селения, встреча могла произойти на собрании или другом торжестве, после чего родители юноши интересовались его выбором. Если будущие молодожены уже познакомились, посещая общественные мероприятия, *смотрины* будут либо отсутствовать,

либо будут реализованы исключительно для уважения традиции, утрачивая при этом свое основное значение - *первое знакомство*. Конечно, возможность окончательного выбора невесты сохранялась за родителями, поэтому выбор юноши был игнорирован в том случае, когда, по их мнению, девушка не подходила для брака или их семьи по социальному просхождению.

Помолвка (обручение).

Помолвку можно охарактеризовать как окончательное решение и заключение договора о проведении свадьбы. Считалось, что после *сговора* между семьями, а затем и *сговора* между будущими новобрачными (*смотрин*) необходимо организовать *помолвку* для подтверждения достигнутого соглашения – «запечатать».

В прошлом (в первой половине двадцатого века) на помолвке присутствовали не родители жениха, а некоторые из близких родственников - дядя, старший брат, крестный. Однако более поздняя традиция проведения помолвки говорит об участии родителей в этом важном элементе свадьбы. Жених принимает участие в помолвке только спустя несколько десятилетий (во второй половине двадцатого века). Также, во время подготовки к свадьбе считалось большим позором и стыдом, если жених приблизится к дому невесты. Родственники и гости, посещая ритуал помолвки, приносят подарки для невесты. Знаковым считалось дарование платка, предметов одежды, иногда денежных средств, в зависимости от материального состояни семьи жениха. Позже круг подарков расширился – появились украшения из драгоценных металлов (кольца, цепочки, серьги). Помолвка представляла собой переговоры между семьями новобрачных о подготовке к предстоящему бракосочетанию и свадебному торжеству. В прошлом в процессе помолвки реализовывались некоторые торговые договоры, касающиеся материальных аспектов брака. Родители невесты в процессе договора торговались о размере и составе приданного (сколько платьев и других предметов одежды должна приготовить семья жениха), иногда заключали соглашение о материальной компенсации за невесту (крупный рогатый скот, предметы домашнего хозяйства, деньги). Возможно, что эта традиция появилась под влиянием албанской традиции, особенно если учесть тот факт, что респонденты в течение своей жизни находились в добрососедских отношениях с албанским населением в Косово и Метохии. Однако существует предположение, что еще до середины девятнадцатого века в

Сербии существовала практика предоставления денег (выкупа) за невесту, но этот обычай был отменен приказом князя Александра Караджорджевича в 1846 году. Поэтому можно предположить, что в сельских районах эта практика сохранилась, поскольку в некоторых сербских селениях в Косово и Метохии на помолвках сохранялась традиция денежно-материальных соглашений (7). Во время помолвки определяется дата бракосочетания, и невеста должна передать символичный подарок жениху в подтверждение личного согласия (носки, шарф - любой предмет из сшитых или сделаных ею лично).

Период помолвки длился недолго, максимум несколько месяцев (из-за обязательств повседневного быта или призыва в армию), а чаще всего – несколько недель. До начала свадьбы тщательно планируется проведение этого торжественного события. В процессе помолвки семья жениха готовила платье для невесты, а невеста готовила дары для жениха и всей его семьи. Количество затрат при этом варьировалось в зависимости от экономического положения семей. В малоимущих семьях подарки и одежда для невесты готовились в кругу семьи, и это была обязанность девушек. Состоятельные семьи для этой цели вызывали на дом портных, которые оставались в доме в течение нескольких дней до окончания пошивочных работ.

Общение между женихом и невестой не допускалось, особенно после захода солнца (8). Гостей необходимо было приглашать лично, поэтому выбирались члены семьи, которые отвечали за выполнение этой обязанности. Домой к каждому позванному на свадьбу гостю отправляются сваты, которые несут специальный кувшин - *ибрик* или *кондир* (9) - наполненный вином и украшенный цветами и декоративными вышитыми предметами (платками, полотенцами). Каждый из приглашенных гостей делает глоток вина и в подтверждение принятого приглашения ставит на поднос деньги или полотенце, платок или другие предметы в дар. Случается, что даров на подносе значительное количество и кувшин с вином покрыт полностью.

Свадьба (веселье).

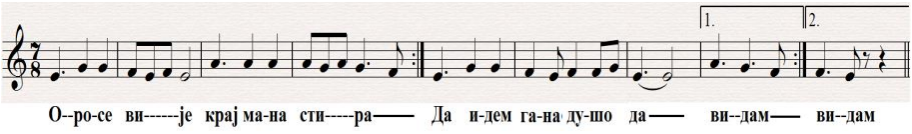
День свадебного торжества чаще всего назначали в субботу. Торжество продолжалось в течение трех дней - до понедельника. Совмещенность дня свадьбы с выходными днями было связано с занятостью приглашённых гостей, в частности тех, кто приехал из других мест и должен организовать свои обязанности таким образом, чтобы присутствовать до завершения торжества. В

первый день свадьбы перед домами жениха и невесты собираются сваты и молодежь. Девушка одевается в комнате со своими сестрами или подругами. Стоимость свадебного национального костюма невесты являлась показателем достатка и благополучия семьи невесты. В более бедной семье девушка носила свадебный костюм, украшенный некоторыми нарядными деталями - вышивкой, аппликациями, декоративными швами и лентами, чтобы отличаться от других гостей на свадьбе.

Ее наряд состоял из юбки (чаще всего черной), передника (*вияча, кецеля*), который должен был быть красного цвета и вышитым (чтобы отличался от повседневного), длинной рубашки, вышитой на рукавах, женской обуви (*опанки*), плиссированное полотно (*бойче)* и колоритного вышитого *полотенца (пешкир),* которое было только у невесты (10). Невесты из богатых семей носили плиссированную юбку, празднично расшитый передник (*вияча, кецеля)*, голову невесты украшал роскошный шелковый платок *(мофез*), декоративное вышитое бисером полотно (*отоз*) и вышитая рубашка с шелковыми рукавами *(джурджевайка)* (11), нарядная юбка (*бойче)* и сверху одевалась богато вышитая золотыми шелковыми нитями короткая безрукавка (*йелек).*

Возле дома жениха собираются сваты, молодежь, музыканты и с музыкой направляются к дому невесты. В это время музыканты использовали в основном духовые инструменты - дудуки *(дудуци*), флейты, (*фрулы, кавалы, свирели, гайды, гайде, дефт)* дойры (даире)… В создании веселой атмосферы участвовали и «профессиональные» музыканты - цыгане, которые исполняли народную музыку на зурлах и тяжелых и громогласных барабанах - тапанах *(тапан*, *гоч)*. Если музканты отсутствуют, молодежь танцует сербский народный танец *коло* и поет, выбирая песни с идентичной темповой метрикой. Предлагаем пример песни *Оро се вие*, которая часто исполнялась в сопровождении танца.

Песня из Горнего Неродимля
Исполнил Парлич
Записала Верица Михайлович



Оро се вие край манастира
У прво оро све младе моме

У друго оро све младе снаше

Припев: *Да идем мила нано да видам да идем гана душо да видам*

Приближаясь к дому невесты, молодежь и сваты поют песни, которые часто прославляют ее красоту и силу жениха. Одной из таких песен является *Ой убаво и девойко* (О, милая девушка). В таких песнях находит выражение вокальный стиль, столь характерный для косовских песен, с мелодическими украшениями звука, часто исполняется в свободном метрическом темпе. Для перевозки невесты в дом жениха выбирался самый красивый конь, которого в течение всего времени под узды водил деверь, охраняющий невесту на свадебной церемонии.

Когда свадебная процессия прибывала к дому невесты и останавливалась перед воротами, из группы выходил представитель - *муштугджия*, который направлялся к входной двери и разменивался с родственником невесты здравицами за здоровье молодых. После этого они троекратно целовались и менялись бутылками. Возвращение *муштугджии* к дому жениха считалось разрешением на приезд сватов. Муштугджия поет песню в честь здравицы, символически представляющую молитву с просьбой о благополучном проведении предстоящего свадебного мероприятия:

Кум старейко Бога моли Амин, Амин,

Опет Бога моли Амин, Амин,

Трипут Бога моли Амин, Амин.

После этого сваты должны заслужить разрешение войти во двор, выстрелив в яблоко. Яблоко подвешено на дереве или высоком столбе, украшенном дукатами, и сваты со стороны жениха должны в него попасть. Раньше из-за отсутствия огнестрельного оружия по яблокам редко стреляли, но впоследствии это стало общепринятым. В прошлом в яблоко бросали камни, палки или трясли дерево, на котором оно было подвешено. После падения яблока, сватам и молодежи было разрешено зайти во двор невесты.

Первым в дом входит деверь *девер*, который сначала должен заплатить за разрешение войти, договариваясь о цене с братьями или другими родственниками невесты. Когда он входит в комнату, где находится невеста, он одевает ей туфли, которые он принес с собой и одевает кольцо на палец (12). После этого над головой невесты в вертикальном положении держится «невесткина погача» каравай, *(снашина погача)*, которую мать невесты испекла

специально для этого. Вместе с деверем все присутствующие прикасаются руками к караваю и, не смещая каравай с места, медленно вертят его над головой невесты. Подруга невесты через плечо деверю перекидывает белое длинное полотно и связывает его концы красной нитью, выделяя деверя среди гостей.

Перед домом невесты царит всеобщее веселье и радость, флагоносец (*баръяктар*) выкупает флаг, который должен охранять до конца свадебного торжества. Флаг символизирует часть дома, которая безвозвратно остается с невестой. Деверь выводит невесту из дома во двор, где ее ждет младежь и сваты, с которыми она танцует народный танец - *коло*. После танца невесту сажают на коня, которого за узды ведет деверь. В сопровождении поющей молодежи и сватов девушка направляется к дому жениха.

Во главе свадебной процессии идет флагоносец (*баръяктар*), с высоко поднятым развивающимся флагом как доказательством успешно завершившегося обряда. Когда процессия начинает двигаться к дому жениха, невесту три раза зовут по имени. Девушка должна обернуться три раза, чтобы в последний раз взглянуть на свою семью и на дом, который покидает.

После прибытия во двор дома жениха невеста должна наступить правой ногой на кизилов кол, чтобы быть здоровой как кизил. Также для невесты подготовлено сито, наполненное пшеницей, орехами и кусочками сахара. Содержание сита невеста бросает на крышу дома, символически даруя достаток и благополучие. После этого она изо всех сил бросает сито на крышу, чтобы оно там осталось, таким образом отмечая свое начало в доме жениха - «если сито останется и не упадет - и невеста останется».

На пороге дома новобрачного невеста медом и смальцем три раза мажет порог дома и верхнюю часть входной двери, символизируя этим в будущем «жирный и сладкий» дом. Затем деверь ведет девушку на кухню, где ее ожидает свекровь. Невеста садится ей на колени и из ее рта должна взять кусочек сахара, символизируя таким образом сближение с «новой матерью». Другие пороги в доме невеста посыпает мукой, оставляя свои следы в новом доме.

Свекровь выходит из дома, а гости ее встречают приветственными возгласами и поливают водой, после этого свекровь танцует танец *свекровино коло* и невестка должна одеть свою «новую мать» в теплые вещи, как хорошая дочь.

После этих ритуалов невеста в сопровождении деверя отправляется в комнату, из которой она выходит только с целью выполнения новых ритуалов, и всегда в сопровождении деверя. Свадьба продолжается перед домом жениха, а затем сватов приветствуют и вводят в часть дома, подготовленную для проведения свадебного торжества. Затем невеста выходит из комнаты и в спровождении деверя несет кувшин с водой и полотенцем, чтобы каждый гость ополоснул руки.

Затем деверь «показывает» невесту гостям, представляя ее каждому, а они дарят ей деньги: «невеста принимает дары». Девушка показывает уважение к своей новой семье и родственникам, целуя каждого в руку, а узкий круг семьи (на который указывает ей деверь) трижды целует в щеку. После знакомства с гостями деверь ведет ее в отдельную комнату, и она остается там, ожидая первую брачную ночь (13). В этой же комнате находятся несколько пожилых женщин из семьи, а деверь веселится на свадьбе и «учит жениха, что делать». Этот обычай, который подразумевает раздвоение молодых людей в первую ночь, некоторые исследователи связывают с известным обычаем консумировать брак [Gasparini 1953], другие объясняют знаковой связью невесты с ее новой семьей [Кулишич 1956, 234].

Второй день свадебного торжества сопровождается многочисленными играми и шутками – сваты привязывают веревками свекровь или модоженов друг к другу или к телеге, пытаются украсть флаг от баръяктара, взбираются на крышу дома и угрожают ее разобрать, если «хозин не принесет выпивку и закуску». В конце второго дня свадьбы деверь возвращает невесту жениху и закрывает их в комнату.

В последний день свадьбы (понедельник), после завтрака, провожают гостей, приехавших издалека, и на этом свадебное торжество заканчивается.

Хлебины (первый визит родителей к дочери) и Со́роки.

По обычаю никто из дома невесты не присутствует на свадьбе. Поэтому назначается день, когда ее родители и родственники отправляются навестить ее. Через неделю *на* хлебины первыми приходят самые младшие члены семьи невесты, чаще всего ее братья и сестры с подарками - платком или блузкой.

Родители невесты приезжают гораздо позже, иногда через несколько месяцев после свадьбы, на хлебины или *на первич* - так традиционно называют первый визит к дочери. В сопровождении ближайших родственников, родители с подарками для дочери и

родителей зятя приходят на обед. В целях избежания двойных затрат праздничный обед организовывался в день *Крёстной славы* семьи жениха.

Последним событием, заканчивающим свадьбу, является *Со́роки*, праздник, который отмечается семейным обедом 22 марта, на который позваны ближайшие родственники, соседи и семья невесты. До этого праздника, в Горнем Неродимле, каждый вечер невеста должна была стоять рядом с обеденным столом и держать свечи во время семейного ужина. Только когда обед закончен, она может сесть и поужинать одна. После праздника *Со́роки* невеста становится полноправным членом семьи мужа.

В настоящее время под влиянием глобальной модернизации массовая культура диктует свадебный гламур, распространяемый кинематографом, поэтому многие традиционные обычаи утрачены. Старая традиция Горнего Неродимля была чрезвычайно патриархальной, с закрепленным маргинальным статусом и дискриминацией женщин в социальной и культурной жизни. Постепенно равенство полов приводит к трансформации всех аспектов жизни не только в Косово и Метохии.

В настоящее время решение о заключении брака принимается в интимном кругу двух молодых людей, с заметными изменениями в возрастной границе брака, так как расчетный возраст при вступлении в брак значительно вырос. Относительно участия родителей сложилась абсолютно противоположная ситуация - родители подвергаются маргинализации и исключаются из договора о создании брака. Помолвка часто совершается в присутствии только будущих супругов. Несмотря на существенные различия, общий ход ритуала в прошлом и содержание его этапов на современном этапе имеют много общего. Вместо народного костюма, по которому можно было определить, из какого поселения невеста, в настоящее время в свадебной моде - белое свадебное платье, которое ввела в моду британская королева Виктория, которая одела белое шелковое платье во время ее свадьбы с принцем Альбертом [Howard 2006, 157–159]. Каравай и вино/*ракия*, которые были неотъемлемой частью каждой свадьбы, заменяются гламурным свадебным тортом и шампанским. Свадьбы организуются в специальных банкетных залах или шатрах с особенным свадебным декором. Гости получают оригинальные свадебные приглашения за несколько дней до свадьбы. Будущая невеста принимает активное участие в организации всех элементов предстоящего торжественного события. Однако старожилы

Горнего Неродимля пытаются сохранить некоторые обычаи и ритуалы, поэтому на свадьбах они учат своих детей «чтить и уважать» некоторые традиции. И в наши дни свадьбы организуются с некоторыми традиционными элементами, как, например, помолвка во время знакомства родителей парня и девушки (после помолвки в присутствии только будущих супругов); поездка за невестой; деверь выводит невесту из дома, обувает туфли и дарит перстень; баръяктар с развивающимся флагом возле дома невесты…

В настоящее время свадьбы жителей Горнего Неродимля, которые организуются под влиянием расселенных старожилов и сохраняют некоторые традиционные ритуалы и обычаи с целью «уважения традиции», можно охарактеризовать как глокальные, то есть как локальные отражения глобальных изменений (14).

Описание современной свадьбы Верхнего Неродимля было бы излишним повторением известных свадебных тенденций, поэтому данное исследование, в первую очередь, ориентировано на описание традиционной свадьбы прошлых лет. Из этих описаний часто можно узнать об экономической ситуации в сербских поселениях и семейных отношениях в прошедший период, социальной (маргинализированной) позиции женщин и ортодоксальном влиянии патриархального порядка. Свадьба в прошлом заключалась между двумя семьями, идентичными по имущественному и материальному положению и культурным особенностям. В свадебной обрядности было много аспектов, указывающих на верование языческих обрядов в силу *магии,* поэтому некоторые символические ритуалы используются для защиты от нее. Вместе с тем, помимо знаковой функции обеспечения счастливой и благополучной семейной жизни, некоторые из обычаев носили комическую или развлекательную окраску и были единственной возможностью отдохнуть после тяжелых трудовых дней.

Узко ограниченная тема исследования (свадебная традиция конкретного поселения) способствует более точному и содержательному описанию данной традиции, по многим структурным компонентам существенно отличающейся от свадеб других частей Косово и Метохии. Сегодня с каждым днем все труднее найти респондентов из Горнего Неродимля для проведения опроса. Поэтому существует острая необходимость активизировать исследования с целью более подробной записи их воспоминаний, которые со временем стираются и бледнеют или предаются

забвению с уходом поколений, которые непосредственно участвовали в народных обычаях, жили и создавали традицию, как части культурного кода «бывших сербских городов» на территории Косово и Метохии.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В качестве примера можем привести известное соборование в Горнем Неродимле, которое одновременно проводилось в трех местах: «В центре села» - в культовом месте возле креста под высокой сосной, которую собственноручно посадил король Милутин (с 1932 года, когда буря повалила дерево возле его мощей); вблизи старого монастырского храма Святого Архангела Михаила; возле монастыря Святого Уроша.

(2) Вторая в мире река, известная по своей бифуркации.

(3) Горнее Неродимле было известно по роскошному дворцу, в котором, согласно преданию, жили и правили Неманичи, от короля Милутина до царя Уроша [М. Влахович, Этнологические записи о Косовом поле, Южное обозрение 5 (1930), 467, 576]. Здесь в средние века размещался один из центров духовности и государственности. Один из важнейших сербских нормативных документов того времени - Дечанский Хрисовуль - был составлен во дворце в селе Неродимле, на пергаменте длиной в 5,5 метров в 1330 году и в настоящее время хранится в Архиве Сербии, в Белграде.

(4) Опрос проводился в период с февраля по август 2018 года в окрестностях города Крагуевац в Центральной Сербии, где была обнаружена часть населения, перемещенного из Горнего Неродимля.

(5) Иногда мать жениха или невесты была родом из другого села, поэтому она могла влиять на свадьбу своими обычаями, которые она знала с детства и ранней юности.

(6) Почти единственная возможность для девушек «увидеться» с юношами были сельские соборы, которые проводились два-три раза в год или свадьбы в семье родственников, но их всегда сопровождал кто-то из дома.

(7) Например, обычай *аванса* или размены в селе Граничане на севере области [Михайлович 2017, 313–314].

(8) Один из старожителей рассказал, как он весь период подготовки к свадьбе сидел под окном и слушал, как невеста поет и ткет. В течение дня он был занят сельским хозяйством, и нам

становится ясным, что он не видел девушку несколько месцев до свадбы.

(9) *Ибрик* и *кондир* - это специальные сосуды для вина или домашней водки, стеклянные или глиняные.

(10) *Бойче* – характерная юбка, состоящая из двух соединенных на поясе частей, плисированная. Обычно ее носили сзади. *Пешкир* - квадратный холст, который помещался на расчесанные волосы и закрывал затылок.

(11) *Мофез* - праздничный платок, шелковый полностью или частично, который заменял полотенце, наблюдаемое в костюмах небогатых невест; *Отоз* - специально вышитый орнаментальный холст, надетый на голову и украшенный вышивкой и украшениями; *Джурджевайка* - праздничная рубашка, которую носят исключительно невесты.

(12) Следует подчеркнуть, что респонденты предполагают, что в старые времена были не туфли, а *опанки* (лапти), и не было кольца, а покрытие для головы. Однако в нашей интерпретации это опускается, потому что никто из них не был уверен и не являлся свидетелем этого.

(13) Что в данном случае относится ко второй ночи, потому что в первую ночь молодожены не встречаются вообще, невеста находится в комнате, в то время как в доме веселятся на свадебном торжестве.

(14) Термин «глокализация» был предложен Роландом Робертсоном [Eriksen 2002, 167].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гаспарини 1953 – *Гаспарини Э*. Свадьба, общество и дом древних славян. – Венеция: Институт универсалия ди Са Фоскари, 1953.

Гирц 1998 – *Гирц К*. Интерпретация культур. – XX век, Белград: Библиотека 20-го века, 1998.

Говард 2006 – *Говард В*. Brides Inc .: Американские свадьбы и бизнес традиций. – Филадельфия: Университет Пенсильвании Пресс, 2006.

Клигман 1988 – *Клигман Г*. Свадьба мертвецов. – Беркли и Лос-Анжелес: Университет Калифорнийской прессы, 1988.

Кулишич 1956 – *Кулишич Ш*. Следы архаичной семьи на свадебных обычаях Черногории и Боки Которско // История и этнография, новая серия, т. XI. – Сараево: ГЗМ, 1956. С. 228–234.

Лазаревич 2014 – *Лазаревич В.* Свадьба на Косово и Метохии као народный театр // Традиция, модификация, историческое наследие, вопрос государственности и национальной идентичности в Косово и Метохии (тематический сборник). – Лепосавич: Институт сербской культуры, 2014. С. 53–60.

Михайлович 2017 – *Михайлович В.* Свадебные обычаи и песни села Граничане возле Лепосавича // Баштина. № 42. – Лепосавич: Институт сербской культуры, 2017. С.311–327.

Пантелич 1975 – *Пантелич Н.* Свадебные обычаи в окресностях Бора // Сборник этнографического музея. № 38. – Белград: Этнографический музей, 1975. С.123–145.

Эриксон 2002 – *Эриксон Т.Х.* Этничность и национализм (второе издание). – Лондон: Плутон Пресс, 2002.

THE LOST TRADITION – WEDDING THEN AND NOW IN GORNE NERODIMLE IN KOSOVO AND METOHIJA

V. MIHAJLOVIC
Institute for Serbian Culture, Prishtina / Leposavic

Summary

Traditions and customs in the national culture are gradually becoming part of the collective memory with little or no systemic renewal that contributes to their preservation. After the tragic expulsion of the Serbs in the Autonomous Region of Kosovo and Metohija, ethnically pure zones were formed, inhabited exclusively by Albanians (one example is the region of Gorne Nerodimle). Field research conducted for the purpose of this work was focused at finding new places of residence for natives who were displaced from Gorne Nerodimle to other parts of Serbia, in order to record surviving memories of past life events, as the only modern evidence of Serbs life in the territory. The presented work is devoted to the study of the wedding, as one of the most significant events in human life and the most sustainable component of traditional household culture. The study showed that on the territory of Kosovo and Metohija this custom contains a variable complex of certain rituals. The material recorded during the field research is the only evidence of the life activities of Serbs in Kosovo and Metohija, since, under the influence of global modernization and cultural uniformity, folk traditions are being forgotten. This paper presents the records of the wedding of Gorne Nerodimle, based on the memories of natives. Along with this, modern

customs are described, which appeared under the influence of the mass media, erasing the distinctive features of folk traditions as ethnic markers of Serbia, Kosovo and Metohija and its villages.

Keywords: wedding, Kosovo and Metohija, Gorne Nerodimle, folk tradition, folk songs.

Mihajlovic, Verica – PhD student of Music Theory, Researcher of the Ethnomusicology Department of the Institute of Serbian Culture Prishtina / Leposavic, Republic of Serbia.
vericamihajlovic86@gmail.com

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ИЗМЕНЫ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА 1649 ГОДА

М.Д. МИЯТОВИЧ, П.М. ГОРДИЧ, М.М. МАЦУРА
Институт сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Республика Сербия

Аннотация

Содержание этой статьи раскрывает значение и влияние государства на отдельных лиц или групп в период, когда *измена* рассматривалась как уголовное преступление. В статье рассматривается термин «измена» и его происхождение. Проанализированы виды *измены* времен императора Алексея Михайловича и избранные меры наказания, а также удаление измены как уголовной части процесса модернизации и укрепления демократии в обществе. Мы возвращаемся в период, когда моральное сознание имело первенство и существовала смертная казнь. Человечеству, жившему в то время, было труднее совершать незаконные действия, но если это сделано – люди сознательно вступили в свое собственное осуждение. Установленные законы были защитой государства. О власти мечтали многие, и это являлось главной причиной уголовного дела измены. Выдавались военные тайны, перебегали во вражеский лагерь, оставлялась служба, все это из-за желания большей свободы жизни, мышления.

По мере развития общества законы изменились. Со временем наблюдается исчезновение такого уголовного дела как *измена.* Действия, которые когда-то считались изменой, теперь

приобретают новое значение. Демократия укрепляется, а государство ослабевает.

Ключевые слова: уголовное дело, предательство, Уложение, модернизация.

Марина Д. Миятович - младший научный сотрудник Института сербской культуры Приштина – Лепосавич, г. Лепосавич, Сербия.

marina.mijatovicc@gmail.com

Предраг М. Гордич - кандидат политических наук, независимый исследователь, г. Белград, Сербия.

gordicpredrag@gmail.com

Милан М. Мацура – независимый исследователь, г. Белград, Сербия.

milan.macura992@gmail.com

Introduction

The criminal act of betrayal stems from the appearance of the state itself, and represents a dark side of fidelity so that it is encountered in all kinds of social relationships including the ones of individual toward group either it is about family, state in which he lives or ordinance. Betrayal tackles military, legal, socio-psychological, ethical, and political relationships as well. It was punished severely, and was considered as the worst way of individual offence directed toward the group it belonged to.

The first states, no matter how weak they were, had the expressed moral condemnation of the betrayal what had not been noticed nowdays. Modern society does not recognize moral condemnation of the betrayal; moreover, it is the most hateful for today's humanity since it is in direct opposition to its craving for achieving its aims.

By the time, betrayal singled out itself as the main means against state autonomy, and it had for consequence the alteration of the consciousness and character of people which had threatened to deteriorate their survival either spiritual or biological.

Betrayal as a criminal act during the time of the tsar Aleksey Mihailovich had its forms, and adequate sanctions.

Usurpation of the Supreme Power

The usurpation of the Supreme power as a special form was regulated in the Second Chapter of the Code, Article 2, together with the assistance provision to the enemies of the Prince, as a second form of betrayal.

The common for all criminal acts of betrayal regulated by the Code is protective object - the Power of the great Ruler or Prince (*власть великого государя*), and in the case of this kind of betrayal the protective object has got the action of the directly attacked object, marking it with the expression of the Sublime tsar's power (*державa царского величества*). It is noticeable that in the Code the lawmaker had not given penalty-law protection to neither of the mentioned forms of the Supreme power regulation except to the self-governmental monarchy no matter there still was fresh memory to the time where the Supreme power was in the hands of Boyars House, and Zemski Assembly. The experience from anarchy, mischief time which was realized during the rule of Boyars House, and Zemski Assembly had a great impact on Russian people so that the time was felt as a sick, and abnormal phenomenon as per the words of Telberg (Тельберг 1912: 76). Therefore, the lawmaker of the Code sanctionizes the usurpation of Supreme power, and the exclusive protection is favourable to self-government, which was considered as the only legitimate, and originally national form of Supreme power regulation.

The execution action of the Supreme power usurpation consisted of the Supreme power seizure from the hands of the legitimate ruler, and transfer of the same on the perpetrator itself (Томсинов 2011: 1-52). Telberg maintains that lawmakers, as the execution action, considered in the first place the usurpation, and the tsar usurper was defined as the man who his craving to grasp supreme power justified it including any legal relationship, for example kinship which gave him the right to the throne, and he attributed to himself the title of man who effectively disposed of such right.

The historian Kliuthevsky assesses the self-proclaimed one as the derivative cause of turbid time arising from two basic sources of Mischief time: Dynastical, Socio-Political.

Dynastical cause was the disappearance of the previous dynasty with the death of Feodor Ivanovich, and socio-political was a general crisis of the former state, and social set up including Russian social thought (Ключевский 2016: 353, 364-370).

The proof that within the usurpation of the Supreme power, as the form of criminal act was incriminated self-proclamation, had been the verdict passed in 1674, as per which the pretender Simeon Aleksejevich was sentenced as the betrayer. Besides self-proclamation, during the delict of the usurpation of Supreme power the action could be manifested through the link of political intrigues, and against dynastic agitation. This is supported by the trial to the prince Ivan Hovansky

from 1682, whom, as the inspirator of the munity of shooters, wanted to liquidate the inheritor of the tsar Alexey Mihailovich, and provoke dishonour (*смущение*) (Соловьев 1851 – 1879: 477-483; Тельберг 1912: 79).

In the legal description of the usurpation of Supreme power, the element of the execution means is noticed, and it is clear that the lawmaker links the usurpation action with armed way of act. Nevertheless, together with the means of action execution, and using the future time during the action explanation, we can be knowledgeable about the fact that for criminal responsibility, it was enough to get into preparatory actions since the execution of the act itself allowed the perpetrator a complete impunity.

Provision of Assistance to the Ruler's Enemies

The difference between the usurpation of the Supreme power, and provision of assistance to ruler's enemies is contained in the fact that perpetrator does not have the intention to usurp personally the power in the Moscow's Empire. This form may be understood as the best one in the form of complicity, since other person is assisted to take over Moscow's Empire or commit some other malice.

Telberg under the concept «malice» cites an example of the seizure of the part of Russian state. Lawmaker calls subjects tsar's enemies under whom there are considered all internal pretenders to tsar's throne as the external enemies of Moscow's Empire. Therefore, this form of criminal act of betrayal may lead to internal confusion of the political part of the Moscow's Empire independence, and not only to the destruction of Supreme power (Тельберг 1912: 81).

Within the provision of assistance to enemies of the ruler, we distinguish three ways of the act itself execution.

The first form includes instigation, and encourage regarding campaign, and success. In this form, moral support is very present.

The second form is contained in the Article 2 of the Second Chapter of the Code, and it foresees sending of official documents to the tsar's enemies including other useful writings.

The last, third form, includes all actions which may lead to the realization of incriminated objectives (Тельберг 1912: 81 – 82).

Surrender of military secrets to the enemies' army is qualified as the form of assistance provision to enemies' rulers contained in the Code, Chapter Eight, and Article 20. This form of betrayal is singled out from other ones, and dedicated to legal administration of military service during the warfare.

This qualified form of betrayal is characterized in the joining of individuals to enemies' units, thus, information is gathered based on service the individual performed. Telberg thought the enemy could be informed on strategic plans, make up of tsar's forces etc (Тельберг 1912: 83 – 84).

Especially deteriorated circumstances regarding this kind of betrayal was the service of subject, character of information, and time of act execution. Especially interesting fact is that the perpetrator does not have the intention to come back to his war unit after committing the act. Some writers as the subject of this act consider members of serving class whom were due military service while commentators of the Code narrow the concept of perpetrator to landowners of nobility (Ивиной 1987: 169). As the example of the useful information betrayal is a famous trial to Shein's group made up of dukes, and princes. Namely, the duke Vasilie Izmailov betrayed the tsar during the siege of Smolensk (1632 – 1634), he gathered with Lithuanians, and tsar's enemies, and betrayed what was useful to Lithuanian king. Due to such acts, the duke was sentenced to death penalty (Соловьеб 1851—1879: 328-329; Ивиной 1987: 148).

Surrender of the Town to the Enemy

Surrender of the town to the enemy, as the third part of the criminal act of betrayal, is regulated in the Second Chapter of the Code in the Article 3. As it may be concluded from the title, the action object is fortified town. The lawmaker foresaw two ways for this criminal act of betrayal execution. The first way speaks of the public surrender of the town to the enemy as the result of the agreement between the enemy, and betrayer, and the second one meant secret sending of enemy military units in the occupied town (Томсинов 2011: 1-52; Ивиной 1987: 20). Telberg thought that considering the first way, the subject of the criminal act should be searched among the persons of local authorities with the duke atop. Regarding the second way, he thinks the perpetrator may be found among ordinary citizens of the town or those members of some interests groups, ethnical or similar (Тельберг 1912: 85 – 86).

Arson

Arson was foreseen in the Second Chapter of the Code as the fourth way of criminal act of the betrayal. In order to get to know this form of the criminal act, the lawmaker attributes to it the intention, and betrayal of the perpetuator. In that way the arson as criminal act against the state was divided from the concept of ordinary arson; intention is dividing them but what remains is the same action.

Telberg thinks that there is a similarity between these two of delicts, and in the object in which the action is executed not only in the domain of the action. The penalty which is foreseen for this criminal act is issued by thallion, and burning was subjected for death sentence (Ивиной 1987: 147 – 148).

Wilful Moving into another Country

Wilful moving into another country is the fifth form of criminal act of betrayal contained in the Second Chapter of the Code. This is the only form of betrayal for which death sentence is not impaired but property confiscation. The issue is raised about determination the action of this deed which was qualified as the easier form of the criminal act of betrayal. Namely, people were moving from one country into another due to trade or some other business. The most common thought was that the action of this deed was reflected by the moving from the Russian tsar service into the service of another one. In that way, the perpetrator breeches the oath of faith given to the Russian tsar. The difference is that with this kind of criminal act of betrayal the perpetrator does not possess direct intent by which he breeches the oath, and go away from the service. The most common reasons of the moving from one service into another are rewards for service, religious origin, ethnical origin, family disputes, status-related position etc (Тельберг 1912: 90 – 91).

Referring to the Penalty Code of the Republic of Serbia («Official Courier of RS, No. 85/2005, 88/2005 - correction, 107/2005 - correction 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014 и 94/2016), and Penalty Code of Bosnia, and Herzegovina («Official Courier of BH», No. 3/2003, 32/2003 - correction, 37/2003, 54/2004, 61/2004, 30/2005, 53/2006, 55/2006, 8/2010, 47/2014, 22/2015, 40/2015 and 35/2018), it is noticeable that criminal acts against the state, and constitutional order were regulated except criminal act of betrayal.[21] By the strengthening of the democratic power, the state is getting weaker with the strengthening of the individual, which is the most probably the reason why the betrayal as criminal act was abolished. Personal interests, and arbitrariness of individual exceeded the interests of the state for which they were due to advocate. In the time where laws were familiar with the criminal act of betrayal as was the case with the Code, the consciousness of people on their observance were highly noticeable than

[21] Кривични законик Републике Србије ("Сл. гласник РС", бр. 85/2005, 88/2005 - испр., 107/2005 - испр., 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014 и 94/2016) и Кривични закон Босне и Херцеговине ("Сл. гласник БиХ", бр. 3/2003, 32/2003 - испр., 37/2003, 54/2004, 61/2004, 30/2005, 53/2006, 55/2006, 8/2010, 47/2014, 22/2015, 40/2015 і 35/2018)

nowdays, all due to severe sanctions. Betrayal mingles through our laws but the concept itself is not studied as it is the case in the Code. From the point of view of the state protection, sanctions were much more severe than today.

Knowledge on the consequences, causes, acquaintance, and way of fight with betrayal Russians, and Serbs can perform from their own life throughout history. The Confusion period had left a conspicuous impression for Russian people so that speakers noticed that Russians themselves destroyed the state itself while foreigners only made use of the existent situation for their objectives achieving. After the Confusion period in national sphere of Russian, and Serbian people a completely new, and clearer conception of betrayal was formed. Russian people gave their response in the Assembly Code in 1649, where their experience had been unified with the concept of betrayal. The most conspicuous rule mentioned in the Code is the one which tells that everybody would be awarded from the property of the betrayer, and released form the guilt if the same deprived from life in the attempt at escape or hiding.[22]

Today, in modern era, fidelity of the individual toward the state is seen in his observing of the Constitution, and law of the state where he is living. Retreat in front of the enemy, closing eyes in front of dishonoured deeds, small wilful steps make a small betrayal. What has changed in our consciousness? Is it the response in sanctions, more comfortable life or something else? What is considered to be of crucial importance is that nowdays do not exist rigorous sanctions as they existed in the time of the Code, democracy got the preponderance, and fear do not reign among people as before. These are all facts which throughout his time led to the fact that small or great betrayal became the part of humanity, and would be excluded as criminal act.

Turning to moral principles or living as per the dictated pattern, is the right to each man.

[22] www.srpskilist.net/gledišta/izdaja ; 22.09.2018., 15:07h

THE CRIMINAL ACT OF THE BETRAYAL CONTAINED IN EMPEROR ALEKSEY MIHAILOVICH CODE SINCE 1649*[23]

M. D. MIJATOVIC, P. M. GORDIĆ, M. M. MACURA
Institute for Serbian culture Prishtina – Leposavich, Leposavich, Serbia

Summary

The aim of this paper is to indicate to the importance and power of the state toward the individual and groups in the time where betrayal was regulated as criminal act. In this paper there are considered the term «betrayal» and its roots. There are shown the forms of betrayal in the time of the tsar Aleksey Mihailovich and regulated sanctions including the disappearance of the betrayal as a criminal act by the modernization process and development of democracy in the society.

Keywords: criminal act, betrayal, the Code, modernization.

Mijatovic, Marina - Junior Research Assistant: Institute for Serbian Culture Prishtina – Leposavić, Serbia
marina.mijatovicc@gmail.com
Gordic, Predrag – PhD in political science, independent researcher, Belgrade, Serbia
gordicpredrag@gmail.com
Macura, Milan – independent researcher, Belgrade, Serbia
milan.macura992@gmail.com

ЭКОЭКОНОМИКА: ПОТЕНЦИАЛ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Н.Н. МУРАВЬЕВА
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация

Возобновляемая энергия становится все более и более доступной по сравнению с традиционной энергией. Себестоимость ее производства и снабжения постоянно снижается, технологии

[23] * This paper appeared within the Project under the title *Material, and Spiritual Culture of Kosovo and Metohija*, re.number 178028, which is approved, and financed by the Ministry of Education, Science, and Technological Development of the Republic of Serbia

совершенствуются, субсидирование этого энергетического сегмента постепенно увеличивается. Нивелируются проблемы неравномерного производства возобновляемой энергии. Возобновляемая энергия постепенно вносит вклад не только в развитие национальной энергетической безопасности страны, но и ведет к избавлению зависимости экономики от нестабильных цен на сырье. Результаты исследования оставляют поле для дальнейшей работы. В частности, можно разработать стратегию внедрения других инновационных субъектов и систему выхода на рынок инновационных продуктов. Кроме того, перспективным направлением является уточнение параметров выгод и издержек: деление на капитальные и операционные издержки, введение социальных пособий, увеличение количества рабочих мест и т. д.

Ключевые слова: фотоэлектрическая энергетика, фотоэлектрическая установка, солнечная батарея, люминофором длительного послесвечения, псевдоконденсация, ветропарк, ветроэнергетическая установка.

Муравьева Наталия Николаевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и технологий в менеджменте факультета управления Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

natasha_2009@inbox.ru

Экстенсивное развитие, исчерпав ресурсы, привело к вырубке лесов, распашке степей, опустыниванию ландшафтов, а интенсивное - к экологическим кризисам. Сдвиги в структуре производства и рынка привели к новому инновационному типу роста, связанному с концентрацией капитала, ростом транснациональных рынков, развитием технологий, учетом мотиваций покупателя. Он базируется на качественном совершенствовании факторов предложения, спроса и распределения [Добрынина, 308]. Во всем мире в настоящее время работает более 180 млн $м^2$ солнечных фотоэлектрических установок, обеспечивающих энергоснабжение потребителей. Большая их часть построена в Китае, на втором месте - Европа. Солнечные коллекторы выпускают 180 крупных фирм в 40 странах [Фортов, Попель, 4].

Низкий уровень КПД при пасмурной погоде и в ночное время суток являлся негативным фактором в фотоэлектрической энергетики. Однако, нашлись способы позволяющие устранить

данную проблему, хотя и они не являются окончательными, так как солнечные панели постоянно совершенствуются. Так, например, в Океаническом университете Китая были разработаны всепогодные солнечные батареи, которые, могут стать началом «фотоэлектрической революции». Кроме этого китайские ученые создали фотоэлектрическую ячейку, используя новый материал, люминофором длительного послесвечения (LPP), который способен люминесцировать солнечную энергию днем и конвертировать в электроэнергию в ночное время суток. LPP поглощает энергии невидимой части спектра, такие как ультрафиолет и инфракрасное излучение, и высвобождает электромагнитное излучение, обладающее очень малым разбросом частот.

В настоящее время в России компания «Роснано» проводит ветромониторинг, чтобы определить место локализации нового энергогенерирующего объекта и как сообщает управление информационной политики Донского региона, в течение 2018–2019 годов в Ростовской области, как соответствующей определенным условиям, появятся и ветроэнергетические установки - ветропарк мощностью 250 мегаватт. Разработчики хотят разместить на территории Донского региона также производство башен ветроэнергетических установок [Четвертакова].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: представленные проекты являются инновационными, а для России по сути, будет создана новая индустрия которая получит поддержку на региональном и государственном уровне, начиная с вопросов оформления земли, обеспечения инженерной и транспортной инфраструктурой, однако необходимо сочетание солнечной и ветровой энергетики для возможности конкурировать с традиционной энергетикой (нефть, газ и т. д.), чья стоимость, и вред наносимый окружающей среде растут с каждым годом.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов 1988 - *Ахмедов Р.Б.* Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии. – М.: Знание, 1988. – 46 с.

Байков, Гринкевич 2009 - *Байков Н.М., Гринкевич Р.Н.* Прогноз развития отраслей в мире и по основным регионам до 2030 года. М.: ИМЭМО РАН, 2009.– 82 с.

Безруких, Безруких 2014 - *Безруких П.П., Безруких П.П. (мл).* Состояние и перспективы использования возобновляемых источников энергии в мире // СОК, № 8. 2014, http://www.c-o-

k.ru/articles/sostoyanie-i-perspektivy-ispol-ovaniya-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii-v-mire/

Булаткин 2009 - *Булаткин Г.А.* Оценка эффективности производства традиционных и возобновляемых источников // Вестник РАН. 2009 № 7. – С. 608–616.

Бучнев 2015 - *Бучнев А.О.* Государственное регулирование и стимулирование развития возобновляемых источников энергии. Государственная служба. 2015. № 5. – С. 88-90.

Бучнев 2016 - *Бучнев А.О.* Инновационное развитие возобновляемой энергетики как основного компонента экономики будущего. М.: Антарес, 2016. – 204 с.

Бучнев *2016* - *Бучнев А.О.,* Сериков П.Ю. Экономические аспекты использования возобновляемых источников энергии. // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. 2016. № 3. – С. 90-95.

Варнавский 2005 - *Варнавский В. Г.* Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М.: Наука, 2005. – 337 с.

Копылов 2012 - *Копылов А.Е.* Современное состояние развития энергетики на основе ВИЭ // АФ-Меркадос – презентационный материал. – 2012. – 432 с.

Лукутин 2008 - *Лукутин Б. В.* Возобновляемые источники электроэнергии: учебное пособие // Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. – 187 с.

Макаров 2013 - *Макаров А. А.* и др. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. – М., 2013. – 346 с.

Отчет по возобновляемым источникам энергии 2015. http://www.iea.org/newsroomandevents/pressreleases/2015/october/renewables-to-lead-world-power-market-growth-to-2020.html/

Перспективы развития мировой электроэнергетики до 2035 года // Электроэнергия, передача и распределение. – 2011. – № 2. – С.100-105.

Постановление Правительства РФ № 449 от 28 мая 2013 года «О механизме продвижения возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электроэнергии и мощности» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146916/

Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года».

Фахразиев, Зацаринная 2013 - *Фахразиев И. З., Зацаринная Ю. Н.* Малая энергетика России. Анализ текущего состояния и

перспективы развития // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16. – №. 20. – С.35 –43.

Федеральный закон № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005.

Фортов, Попель 2014 - *Фортов В. Е., Попель О. С.* Состояние развития возобновляемых источников энергии в мире и в России //Теплоэнергетика. – 2014. – №. 6. – С. 4-14.

Фортов, Попель 2011 - *Фортов В. Е., Попель О. С.* Энергетика в современном мире //Долгопрудный: Интеллект. – 2011. – 167 с.

Фортов, Попель 2013 - *Фортов В.Е., Попель О.С.* Возобновляемые источники энергии в мире и в России //Энергетический вестник. – 2013. – №. 16. – С. 20-31.

Четвертакова - *Четвертакова И. В.* На Дону будут созданы предприятия ветроэнергетики http://www.donland.ru/news/Na-Donu-budut-sozdany-predpriyatiya-vetroehnergetiki?pageid=92218&mid=83793&itemId=77855

Шакарян - *Шакарян Ю.Г.* Управляемые (гибкие) системы передачи переменного тока. http://www.fsk-ees.ru/media/File/evolution_technology/FACTS.pdf?PHPSESSID=a83e29a09991ef0db964db5eaeaef510

Экономическая теория 1997 - Экономическая теория / Под ред. А.И. Добрынина, Л.С. Тарасевича. – СПб: СПбГУЭФ, Питер Паблишинг, 1997. – 480 с.

Энергетическая стратегия России до 2030 года. http://energosber.74.ru/Vestnik/2009/09_07.htm

ECO-ECONOMICS: POTENTIAL OF RENEWABLE ENERGY IN RUSSIA AND ABROAD

N.N. MURAVIEVA
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Summary

Renewable energy is becoming more and more affordable compared to traditional energy. The cost price of its production and supply is constantly decreasing, technologies are being improved, subsidization of this energy segment is gradually increasing. The problems of uneven production of renewable energy are being leveled. Renewable energy gradually contributes not only to the development of

the national energy security of the country, but also leads to relieving the dependence of the economy on unstable raw material prices.

The results of the research leave the field for further work. In particular, it is possible to develop a strategy for introducing other innovative entities and a system for entering the market of innovative products. In addition, a promising direction is to clarify the parameters of benefits and costs: the division into capital and transaction costs, the introduction of social benefits, an increase in the number of jobs, etc.

Keywords: photoelectric power, photovoltaic system, solar battery, long-life phosphor, pseudocondensation, wind farm, wind power plant

Muravieva, Nataliia - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Technology in Management of the Faculty of Management SFedU, Rostov-on-Don, Russian Federation

natasha_2009@inbox.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК ОБЪЕКТ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

О.А. НИКИФОРОВА
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

Аннотация

В статье рассмотрен факт манипулирования историческим прошлым в качестве обоснования легитимности существования народа. Раскрывается вопрос формирования гражданской идентичности в современной Украине. Двуязычие рассматривается как фактор целостности украинского народа.

Ключевые слова: историческое прошлое, манипулирование, миф, двуязычие.

Никифорова Ольга Александровна – студентка Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

olya_olya678@mail.ru

Введение

Известная фраза «прошлое определяет будущее» во многом справедлива, но не так, как принято обычно ее понимать. К манипулированию историческим прошлым приступают тогда, когда необходимо иметь политическое и социальное основание для создания самоидентификации народа как людей с общим прошлым.

Циклические процессы в истории действительно повторяются. Но повторяются не напрямую. К тому же их слишком много и они постоянно накладываются, воздействуют друг на друга, сбивая ритм каждого и создавая внешне неповторимость истории в рамках отдельно взятого государства.

С приобретением государственной независимости украинская элита ощутила потребность в обосновании своей легитимности и легитимности самого государства Украина. Для этого в историческом прошлом украинского народа нужно было найти факты, оправдывающие раздельное существование, а так же примеры негативного воздействия России на украинские земли, однако таких фактов было недостаточно и в ход пошли мифы.

Примеры мифологем истории Украины XX века дали свои результаты в XXI веке. «Переяславский миф», «Украина - колония Российской империи», «Мазепа и предавший его народ», «Петр Первый – кат и палач», «Голодомор – фактор украинского нациотворчества», «Бандера, ОУН-УПА: героизация», «Великая Отечественная Война – Украина жертва интриг СССР и Германии» - эти утверждения являются базовыми при рассмотрении украинских учебных пособий для учащихся средней школы. Они направлены на формирование агрессии к братскому русскому народу, разворачивание бытовой войны по национальному признаку. Большинство постулатов, на которые опирается «свидомый» украинец, - не для человека, сведущего в истории, а для индивидов с низким уровнем интеллекта и образования. Поэтому в образованном обществе такой человек производит не хорошее впечатление, что влечет за собой создание негативного имиджа украинства. Все мифологемы состоят из того, что «кто-то виноват в наших проблемах», но в периоды самостоятельности политическая элита показывает слабость. Те историки, которые формируют исторические мифы Украины, являются сказочниками, потому как только в сказках ложь может быть передана как правда. А сказки любят все без исключения [Ставицкий 2014].

Перед украинскими историками были поставлены задачи доказать, что:

1.Несмотря на славное историческое прошлое, отмеченное великими событиями и свершениями, в результате козней врагов украинский народ лишился независимости и благосостояния, попав в колониальное состояние, его культура и язык оказались под угрозой полного уничтожения, а имя и достижения были приписаны другому государству.

2. В истории Украины были герои, не принявшие условия поработителей и всеми возможными способами боровшиеся за ее независимость, пока историческая справедливость не восторжествовала.

Также цели политического исторического мифа для Украины должны соответствовать таким постулатам:

1. Должен быть построен на подсознательно оформленных и национально сформулированных страхах и желаниях;

2. Должен быть выполнен на основе разработанной «профессиональными украинцами» мифоистории, задача которой – перекодировка сознания граждан Украины под современный украинский проект;

3. Должен создавать благоприятные условия для переключения на аффективное мышление, когда элементарная логика и грамотный научный анализ противопоставлен любви к стране;

4. Должен быть включен в систему и являться одним из инструментов информационно-психологической борьбы с русификацией Украины, которая ведется уже около 200 лет.

Внедрение вышеперечисленных методов для части народа, которые уже вышли за пределы школьного, вузовского или училищного возраста, осуществляют СМИ. Манипулирование историческим прошлым базируется на создании мифов непосредственно в обществе и осуществляется посредством учебной литературы в рамках обучающих курсов для учащегося населения. Посредством СМИ – для старшего поколения. В частности, для Украины базовая идея заключается в проведении границы и выявлении отличий между «украинским» и «русским» политическим сознанием. В основе манипуляции всегда лежит эмоция, которая не подчиняется сознанию, а обходя его – воздействует на подсознание.

Элиты, пришедшие к власти в Украине после 2004 г., начали новый виток украинизации общества. Если обратиться к официальным документам, например, к Конституции Украины (1996 г.) или «Универсалу национального единства», станет

очевидно, что власть стремится построить единую украинскую нацию на базе украинского языка. В то же время часть украинских элит, начиная с избирательной кампании 2004 г., активно выступает за признание русского языка вторым государственным. В связи с этим возникает вопрос: является ли язык фактором национальной идентичности? И какая идентичность превалирует в украинском обществе — языковая (русскоговорящие и украиноговорящие) или этническая (русские и украинцы)?

В научной традиции сложилось несколько подходов к пониманию нации и национализма. В целом их принято делить на три основные группы: конструктивизм, примордиализм и инструментализм. Конструктивисты считают, что нация — это искусственное образование, которое формируется властью для мобилизации населения с определенной целью. Государство, в частности, может создавать единый культурный языковой стандарт, чтобы ускорить переход общества от аграрного состояния к индустриальному [Геллнер 1991]. Для этого проводится специальная политика по формированию единой языковой системы на основе формулы «один язык — одна культура». Продолжением этой формулы можно считать формулу «один язык — одна экономика». Э. Геллнер утверждал, что язык не существует в качестве отдельного культурного идентификатора. Согласно его теории, единый язык нужен только тем, кто включен в капиталистическую систему. С точки зрения примордиалистов, истоки национализма коренятся в изначальных этнических (племенных, родственных) связях, которые сложились исторически [Гирц 2004]. В то же время, по мнению ряда исследователей, люди могут менять свои этнические и языковые идентичности в зависимости от ситуации [Барт 2006]. Вообще, наличие нескольких языков, участвующих в формировании идентичности, — весьма распространенное явление [Калхун 2006]. Инструменталистский подход представлен в работах Н. Глайзера, М. Бэнкса, Д. Горца, Э. Смита, М. Бэнтона, М. Фишера. В рамках этого подхода большое внимание уделяется феномену политизации этничности, использованию ее различными силами в качестве инструмента мобилизации, превращению этничности в фактор структурирования социальных отношений.

В российской этнополитологической традиции проблемой языка как фактора идентичности занимается М. Губогло. Он считает язык важнейшим признаком этноса и выделяет несколько видов идентичностей — этническую, социальную, расовую,

гендерную и т.п. «Идентичность предстает не как постоянно и произвольно меняющаяся категория, а как набор представлений, идей, черт, норм и форм поведения, изменяющихся под давлением среды, этнических лидеров и творческих личностей в русле заданной культуры». Губогло предпочитает говорить не о множественной идентичности, а о множестве идентичностей. Соответственно, «языковая идентичность — это совокупность языковых характеристик индивида или группы, состоящая из языка или языков (языковая компетентность), употребления языков (речевое поведение), отношения к языкам (языковые установки)» [Губогло 2003].

Политические силы, опирающиеся на разные языковые группы, не просто по-разному видят эту проблему: у них не просматривается даже общее проблемное поле для споров и дискуссий. Именно поэтому мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда проблематика языка объявляется «надуманной», «бессмысленной» и т.п. По-видимому, стоит согласиться с мнением, что тема языка в Украине на протяжении значительной части ее истории была политизирована: «Язык был политизирован также и в советское время; тогда признаком политической благонадежности было употребление русского языка, и неблагонадежности — украинского» [Толпыго 1997].

Очевидно, что термин «национальное единство» активно эксплуатируется частью украинской элиты в борьбе за власть: в предвыборных стратегиях, в ходе референдумов и т.п. Но когда та же часть элиты попадает во властные структуры, ей приходится соотносить свои позиции и требования с требованиями представителей других групп. Возникает потребность в применении переговорных практик, согласовании интересов и т.п. И естественно, большая часть предвыборных лозунгов о придании русскому языку официального статуса отходит на второй план.

Впрочем, проблема языка в среде украинской элиты не только не является доминирующей, но и не формирует вокруг себя предметного торга интересов и позиций. Национальное единство рассматривается элитами как абстрактная категория, которая лишь легитимизирует те или иные экономические, внешнеполитические, социальные и другие начинания и инициативы. Но если оценивать степень значимости языковой идентичности не на уровне элит, а на уровне самого украинского общества, то можно заметить ряд опасных тенденций, невнимание к которым может привести к углублению расколов в стране.

Ареалы расселения украиноязычных украинцев располагаются в Западном и Западно-Центральном регионах; в Восточно-Центральном и Южном регионах преобладают носители суржика и русскоговорящие украинцы, которые занимают и Восточный регион. Очевидно, что русскоговорящие русские преобладают в Южном и Восточном регионах. В целом мы видим, что региональная структура Украины, связанная с особенностями исторического развития той или иной территории, находит отражение и в распределении лингвоэтнических групп. Д. Арель считает, что для русскоязычной и украиноязычной групп язык является показателем их идентичности, что, по его мнению, и объясняет несовпадение этнической самоидентификации и языковой принадлежности [Арель 1995]. А. Мальгин, опираясь на различные социологические данные, приходит к выводу, что региональной идентичности как таковой в Украине не сложилось. Элементов идентичности, по его мнению, «вполне хватает для того, чтобы не доверять своим согражданам-соседям или общегосударственному центру, но недостаточно для того, чтобы выстраивать собственную линию поведения по отношению к ним» [Мальгин 2005].

Вместе с тем существуют кардинальные различия между западной и юго-восточной культурами. Существенные различия можно наблюдать и в сфере развития языковой идентичности. Важную роль в процессе формирования литературного языка и повседневных языковых практик сыграла политика государств, которым в разные периоды истории принадлежала территория Украины. Если в районах, подчиненных Российской Империи, шел процесс массовой русификации публичной сферы и сферы образования, то в западной части Украины политика в отношении украинского языка была несколько мягче. Дополнительной поддержкой развитию языка в Галиции служило то, что здесь публиковались работы некоторых авторов из Правобережной Украины, где украинский язык находился под запретом. Между Поднепровьем, где также шел процесс формирования литературного украинского языка, и Галицией, имелись существенные диалектные различия. Поднепровье критиковало Галицию за использование многочисленных заимствований из польского и немецкого языков. Галичане, в свою очередь, утверждали, что их оппоненты хотят навязать всей стране наречие, получившее распространение только в одном регионе.

Очевидно, что для некоторых Украина — самобытное и самостоятельное государство, никак не зависящее от России. Следовательно, использование прилагательных «другой», «соседний» усиливает противопоставление Украины и России как разных государств. В противоположность этому подходу можно привести слова представителя русскоязычного сообщества: «Украина и Россия не должны разваливаться на разные государства». Украиноязычные и двуязычные граждане склоняются к модели «одно государство – один язык». Подобной модели мы не наблюдаем в дискурсе русскоязычной части украинского общества. Их представления о соотношении языка и государства более комплексны и аморфны. Здесь и отсылки к опыту стран с несколькими государственными языками, и обращение к совместному историческому прошлому Украины и России. Очевидно, что невозможность четко соотнести государство с государственным языком обусловлена тем, что русскоязычные жители Украины не могут выстраивать свою идентификацию «в противовес России», как это делают официальная Украина и украиноязычные граждане. Логика украиноязычных такова: если они живут в Украине (суверенном государстве), то и говорить они должны исключительно на украинском языке. Если они примут русский язык в качестве второго государственного, это будет отступлением от национальных интересов и не впишется в идеализированную модель «одно государство — один язык». Признание русского языка будет означать присоединение к России, что для них неприемлемо.

Крайний тип со стороны украиноязычных — это индивид, который:

• говорит только по-украински;

• отказывается участвовать в коммуникации с использованием русского языка;

• считает, что вся официальная и политическая жизнь и вся сфера повседневности (реклама, телевидение, обучение и т.п.) должны быть украиноязычными;

• считает, что все население Украины в обязательном порядке должно говорить на украинском языке видит в Украине самостоятельную страну с самобытной культурой, неотъемлемой частью которой является украинский язык;

• классифицирует тех, кто говорит по-русски, как приверженцев соседней враждебной страны (России);

• считает, что никакой проблемы русского языка в Украине не существует;

• поддерживает государство в его политике повсеместного распространения украинского языка;

• считает, что Украина должна вступить в НАТО и ЕС.

«Чистый» тип со стороны русскоязычных — это индивид, который:

• говорит только по-русски;

• отказывается говорить по-украински и понимать украинский;

• считает украиноязычное население Украины националистами, которые отбирают у него родной русский язык (в понимании русскоязычного индивида «националист» — тот, кто повсеместно насаждает украинский язык и стремится искоренить русский);

• выступает за придание русскому языку статуса государственного языка;

• требует присутствия русского языка как в официальной и политической сферах, так и в сфере повседневности;

• выступает за сотрудничество с Россией;

• не считает Украину полноценным государством и часто отказывает ей в праве на собственную историю и самобытную культуру;

• выступает против вступления Украины в НАТО и ЕС. Промежуточные типы могут включать различные вариации, например:

• индивид говорит на обоих языках, готов их понимать и вступать в коммуникацию в зависимости от ситуации, но считает, что Украина должна иметь один государственный язык — украинский;

• индивид говорит и понимает по-украински, но изъявляет желание слушать лекции в университете, смотреть телевизионные программы и фильмы на русском языке;

• индивид говорит на двух языках, при этом считает, что у русскоязычных людей, которые не способны выучить украинский язык, или украиноязычных, которые не способны выучить русский, низкий уровень интеллекта;

• индивид относит себя к русскоязычным, но принципиально говорит на украинском;

• индивид относит себя к русскоязычным, но лояльно относится к украинскому языку.

Наиболее показателен вариант, который занимает центральную позицию в предложенной нами классификации: индивид знает два языка, но при этом считает, что русский язык должен присутствовать в повседневной жизни, а украинский — в официальной.

Показательно в этом плане интервью языковеда Ивана Ющука, профессора Киевского международного университета, который занимает точку зрения чистоты украиноязычности страны. Он отмечет тенденцию к ухудшению языковой ситуации. Отмечает, что она идет от доброты украинцев, которые не всегда умеют защищать свои права. Они больше сочувствуют другим. То, что некоторые русскоговорящие граждане участвовали в «Революции достоинства», так сказать, смягчило украинцев. Никто не против русского языка или другого какого-либо языка. Но государственным должен быть один язык. Государство у нас создано для того, чтобы защитить украинский язык, украинскую культуру. Не Россия ее будет защищать, не Польша, а мы сами должны ее защищать и развивать. Если не мы, то кто? Поддаваться на то, что русскоговорящие стояли на Майдане не стоит. Кто знает, кто именно и из каких соображений выходил на Майдан. Некоторые на такие протесты идут для того, чтобы закрепить свое, русское тут, в Украине. Можно и такое подозревать, в частности, во время «Революции достоинства».

Точка зрения языковеда базируется на важности украинского языка как элемента самоидентификации украинской нации и государственности. Мнение профессора плотно заполитизировано, поскольку озвученный им постулат «Будет украинский язык – будет украинское государство», а в случае двуязычия или иных форм языковой политики, не предусматривающей монолингвистичность для Украины, вердикт звучит «… Не будет украинского языка – снова будут 32-33-е года.» Апеллирование к голодомору через языковую тему не носит под собой основания, поскольку только является чистой мифологемой и попыткой запугивания последствиями, никак не связанными между собой.

Причиной войны на Донбассе Ющук видит в том, что кто-то якобы пытался забрать русский язык у донеччан. А язык, по его мнению, стратегическое оружие.

Также еще один постулат, который защищает данный профессор – языковая цензура. Запрет на ввоз книг из Российской Федерации, соблюдение государственными чиновниками использования украинского языка в рабочем порядке при общении,

запрет перехода учителей украинского языка в школе во внеурочное время на русский язык – только часть тезистов по этому поводу. Как мы видим, Ющук предлагает навязывать украинский язык, посредством государственной системы, называя Российскую Федерацию страной-агрессором, что не противоречит политической доктрине действующего правительства Украины. Можно сказать, что двуязычие дало бы возможность разрешения конфликта и напряженности в войне на Донбассе, поскольку одной из причин войны также был языковой вопрос наряду с борьбой региональных политических элит за власть. Но взращенные в системе «украинства», подобные Ивану Ющуку все равно бы остались недовольны сложившейся ситуацией. Но так как нынешней власти угодно тиражировать подобное авторитетное мнение – оно имеет место быть в СМИ как эталон патриотизма и государственности.

Самоидентифицировать себя как гражданина страны в психологическом плане означает признать страну своим родным домом. Подобный процесс гражданской идентификации в Украине набирает обороты. Происходит процесс отчуждения индивида обладающего другой идентичностью, и процесс формирования новой идентичности в замен старой с целью формирования стабильного и единого общества. Использование языкового штампа обострят социальную структуру украинского общества. Так как субъект с другим осознанием идентичности будет использовать языковой аргумент для выражение своей отстраненной позицию по отношению к государству. Целенаправленные действия украинских политиков на задержания процесса адаптации новой идентичности имеют обратный само-усиливающийся эффект, когда действия направленные в одну сторону имеют обратный эффект. Обладая одновременно разным и интересным обществом, Украина может существовать только как двуязычное государство. И события последних лет тому красноречивый пример. Отношение общества к языковым вопросам является еще одним свидетельством сложного процесса смены социальных статусов, ценностей, видоизменения гражданской идентичности личности. Следовательно, интенсивная перегруппировка личностных самоидентичностей в политической сфере, идеологической и культурной в украинском обществе еще продолжается. Это сложный процесс обладающий важными последствиями влияющими на будущее общества, как общества стремящее у

устойчивости. Процесс разрушения прежних смысловых и символических представлений личности и формирования новых продолжится из-за врожденного свойства жизнеспособности каждого общества, развитого в той или иной степени у любого общества. Однако на нынешний день в современной Украине в самоидентичности личности еще сосуществуют части укоренившейся структуры духовных ценностей и вновь формирующейся ценности, которые разные источники влияния на личность пытаются внедрить. В результате этого граждане страны разделены на целый ряд групп самоидентификации, одни из которых имеют сформированные контуры, а другие – размытые. Подобное положение вещей должно рассматриваться украинским обществом как длительный путь преодоления противоречий, формирования гражданской идентичности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

История как управляемый процесс. Будущее - реализация успешных Идей прошлого. Часть 1. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://chipstone.livejournal.com/1271121.html

Ставицкий 2014 - *Ставицкий А.В.* Украинская мифоистория в режиме информационной войны / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2014 – 176 с.

Зеркалов - *Зеркалов Д. В.* Методы манипулирования сознанием человека/ Д. В. Зеркалов [Электронный ресурс] / Режим доступа : http://zerkalov.org.ua/node/269

Геллнер 1991 - *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. - М.: Прогресс, 1991.

Гирц 2004 - *Гирц К.* Г 51 Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Барт 2006 – *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. - 200 с.

Калхун 2006 - *Калхун К.* 2006. Национализм / Пер. А. Смирнова. – М., 2006.

Губогло 2003 - *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. - М.: Наука, 2003. - 764 с.

Толпыго 1997 - *Толпыго А.* 1997. Украинский путь // Украина и Россия: общества и государства: [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.analitik.org.ua/rus/ publications/tolpygo/3dde4fbf/ 3dde5054/

Арель 1995 - *Арель Д.* Спокуса «націоналізації» української держави // «Сучасність». – 1995. – № 12.

Мальгин 2005 - *Мальгин А.* Украина: Соборность и регионализм. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280 с.

THE HISTORICAL PAST AS A CONTRADICTION OBJECT IN MODERN UKRAINIAN SOCIETY

O.A. NIKIFOROVA
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Summary

In this article the fact of manipulation of the historical past as justification of legitimacy of existence of the people is considered. The question of formation of civil identity in modern Ukraine is revealed. The bilingualism is considered as a factor of integrity of the Ukrainian people.

Keywords: historical past, manipulation, myth, bilingualism.

Nikiforova, Olga - a Student of the Department of Political Science and International Relations of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia.

olya_olya678@mail.ru

КРАВЧУК И ЕЛЬЦИН. ПОЧЕМУ НЕ ВЫПОЛНЕНЫ ОБЕЩАНИЯ?

Д.В. ОМЕЛЬЧУК
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

Аннотация

В статье предлагается версия причин, по которым не были выполнены обещания первых президентов новой России и Украины о благах, которые принесет разрушение Советского

Союза, обретение союзными республиками независимости и переход к рыночной экономике.

Ключевые слова: первоначальное накопление капитала, собственность, экстрактивная экономика, выживание.

Омельчук Дмитрий Владимирович - кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия.

odv1955@mail.ru

Введение

Вскоре после распада Советского Союза один из участников совещания в Беловежской Пуще, будущий президент Украины Л.Кравчук заявил в интервью, что целью Украины является построение такого государства, в котором русскому жилось бы лучше, чем в России, поляку – лучше, чем в Польше, еврею – лучше, чем в Израиле. Президент России Б.Ельцин в то же время пообещал, что «хуже будет всем примерно полгода, затем снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года - стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей» [Марченко 1999]. Позже он же пообещал положить свою голову на рельсы, если в результате реформ жизнь россиян станет хуже. Ни одно обещание выполнено не было.

Сегодня, по прошествии более чем двух десятилетий после указанных событий, актуальным остается вопрос: могли ли быть выполнены эти намерения или это был типичный популизм?

Политики утверждали это искренне, но в силу различных обстоятельств не смогли реализовать планы или изначально это был обман?

Ответ на этот вопрос кроется, прежде всего, в том, кто и что получил от разрушения союзного государства? Абсолютное большинство населения на всей территории бывшего СССР – ничего. Их уделом стала борьба за выживание в условиях развала прежнего образа жизни, опустевших прилавков, обесцененных сбережений, потери источников существования, неясных перспектив. Аргументы некоторых авторов о сознательном выборе народа, опираясь на результаты референдума, в частности в Украине 1 декабря 1991 года, не могут считаться убедительными. Те же самые люди девятью месяцами ранее так же убедительно

проголосовали за иное. К декабрю СССР перестал существовать, родилось новое государство, и в этой ситуации подтверждение независимости было констатацией свершившегося факта. Разумеется, достаточно было тех, кто делал это выбор вполне осознанно, полагая, что в новом, своем государстве удастся наладить жизнь лучшую, чем в условиях все более стагнирующего «развитого социализма». Тем более, что стартовые шансы Украины специалистами оценивались высоко, лучше, чем у других республик. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Прежде всего, отсутствовала реальная политическая сила, которая желала бы этого и имела возможность ее реализовать. Сторонники независимости представляли собой несколько совершенно разных лагерей, которые смогли достигнуть единства только один раз – 24 августа 1991 года. Одни увлеклись формированием внешних атрибутов государственности: гимн, герб, флаг, институции. Других более интересовали куда более прагматичные вещи: обеспечение безопасности – переподчинение армии, органов КГБ, милиции. Они решили не повторять ошибок Центральной Рады, не сумевшей позаботиться о защите тогдашней украинской государственности. В это же время директорский корпус, часть бывшей партноменклатуры направили свои усилия в иное русло, стремясь завладеть собственностью и поставить ее себе на службу. Это оказалось несложно. Никто не мешал, бывшие диссиденты увлеклись национальным строительством, народ был занят выживанием. Так произошло великое ограбление народа. В России и Украине картина в основном была схожей. Отличие разве что в том, что российская приватизация узаконила официальный переход собственности в частные руки, а в Украине большинство предприятий еще достаточно долго числились государственными, хотя на деле имели неформальных собственников, которых такое положение вполне устраивало.

О том, как процесс первоначального накопления капитала на постсоветском пространстве повлиял на политический климат можно судить по изменениям в составе депутатского корпуса, т.е. по тем людям, которые получили право определять пути развития своих государств. Уже во второй половине 90 – х годов из состава депутатов выпали представители демократической волны первой половины десятилетия, из числа тех, кто не преуспел в бизнесе, не обзавелся собственностью. Деньги, и с каждым разом все большие, стали фактором победы на выборах, а у интеллигентов и бывших диссидентов их не было. Немало потратившись на пути к

депутатскому мандату и заручившись неприкосновенностью, новые «слуги народа» стали активно использовать открывшиеся возможности для компенсации понесенных затрат и не только. Сращивание политической власти и бизнеса дало мощный импульс развитию коррупции. Кроме того, по авторитетному утверждению А.Панарина, деятельность элиты в эти годы носила неприкрытый компрадорский характер, когда она дистанцировалась от собственного народа и шла в услужение и подчинение мировой финансовой власти [Панарин 2006]. Где уж тут заботиться о нуждах своего населения!

Советская экономика по своей сути являлась экстрактивной. Этот термин никогда не применялся в политэкономии социализма и, соответственно, даже высшая партийная номенклатура, прошедшая обязательное обучение в различных учебных заведениях КПСС, в том числе и Высшей партийной школе при ЦК КПСС, не имела об этом представления [Аджемоглу, Арон 2017, 104-108]. Однако новые собственники быстро взяли на вооружение ее основные положения. Только если в советское время все доходы экономики собирало государство в так называемые «общественные фонды потребления» (из которых народу все же перепадало, и немало), то теперь все оказалось в руках новых владельцев, которым ни с кем делиться уже не требовалось. При этом ничего не надо было менять. В проигрыше снова оказался народ, в массе своей приученный столетиями к патернализму. Сопротивления не было. Заверения о переходе к демократии остались только разговорами. Слишком сильны были тоталитарные привычки, а демократия не могла утвердиться в обществе одномоментно. Это длительный процесс, который требует десятилетий. Слишком быстрое введение демократических институтов неизбежно приводит к обратному результату. Д.Аджемоглу и Дж. Робинсон приводят пример Французской Революции: «первые демократические эксперименты привели к Большому террору, а затем несколько раз восстанавливалась монархический строй, пока, наконец, в 1870 году окончательно не утвердилась республика» [Аджемоглу, Арон 2017, 425]. Схожие мысли высказывал и автор «Сингапурского чуда» Ли Куан Ю, говоря, что мгновенно стать демократической страной невозможно [Ли Куан Ю 2017]. Реально, что в России, что в Украине демократические традиции отсутствовали. В Украине, правда, говорили о казачестве в качестве доказательства приверженности народа к демократическим формам правления, но на политической культуре

населения в конце XX века это никак не сказывалось. Только что родившиеся демократические институты только начинали формироваться и никакого влияния на политическую жизнь новых государств оказывать не могли. Гражданское общество существовало лишь в проектах, и мало кто мог внятно объяснить, как это должно было выглядеть в реальной жизни. Зато как пример достижения успеха активно пропагандировался западный индивидуализм, имея целью разрушение традиционного коллективизма.

В эти годы на постсоветское пространство пришла и сексуальная революция во всех ее проявлениях, сметая «облико морали» советского периода. Помимо неограниченной сексуальной свободы (многие только в этом и видят ее содержание) это, как и на Западе, был крупный бизнес-проект, приносящий солидные материальные выгоды. Видимо есть все основания согласиться с мнением некоторых ученых, что на постсоветском пространстве в 90 – е годы эта революция была еще и средством отвлечения масс от участия в переделе собственности.

Следовательно, рассчитывать на рост или даже сохранение советского уровня благосостояния было нереально. Если в широких слоях народа еще могли существовать какие-то иллюзии по этому поводу, навеянные массовыми публикациями периода перестройки о благах рыночной экономики, то люди на вершине власти должны были отчетливо понимать, что это не так. В отличие от Ельцина, Кравчук не называл сроки, но это, в конечном счете, мало что меняет, ибо наша политическая культура и ментальность народа не подразумевают прогнозы по-китайски – на десятилетия или даже столетия. Выдавать же желаемое за действительное политик не имеет права. Есть основания считать, что данные ими обещания скорого наступления высокого уровня жизни, изначально были нереальными и невыполнимыми. Это важно для исторической оценки этих деятелей, которая в полном объеме еще будет дана, возможно, следующим поколением. Вопрос о том, это был популизм и социальная демагогия или вопиющая некомпетентность по-прежнему остается открытым и требует дальнейшего исследования.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аджемоглу, Арон 2017 - *Аджемоглу, Арон.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Дарон Аджемоглу, Джеймс А.Робинсон;

пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. – М.: АСТ, 2017.

Ли Куан Ю 2017 - *Ли Куан Ю*. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965 – 2000): пер. с англ. А. Боня / Ли Куан Ю . – 5 –е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Марченко 1999 - *Марченко Н.* Цит. по: Политология. Курс лекций. Под ред. М.Н.Марченко. Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: ЗЕРКАЛО, 1999.

Панарин 2006 - *Панарин А.С*. Народ без элиты. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

KRAVCHUK AND YELTSIN. WHY ARE THE PROMISES NOT FULFILLED?

D.V. OMELCHUK
Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia

Summary

The article proposes a version of the reasons for which the promises of the first presidents of the new Russia and Ukraine were not fulfilled regarding the benefits of the destruction of the Soviet Union, the acquisition of independence by the Union republics and the transition to a market economy.

Keywords: primitive accumulation of capital, property, extractive economy, survival.

Omelchuk, Dmitry - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University.

odv1955@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КРЫМУ

В.Ю.ПАРАХИНА
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

Аннотация

В данной статье автор рассматривает особенности функционирования органов власти и национально-культурных объединений в вопросе реализации национальной политики в Республике Крым. Эмпирическая часть исследования включает в себя анализ данных экспертного опроса, в котором дана характеристика развитию гражданского общества в России, а также рассматриваются практические аспекты реализации национальной политики в Крыму.

Ключевые слова: национальная политика, гражданское общество, национально-культурные объединения, этнокультурное развитие народов Крыма, взаимодействие государства и общества.

Парахина Валерия Юрьевна – студентка Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация.

parahina.leriya@yandex.ru

Введение

18 марта 2014 года Республика Крым стал полноправным субъектом Российской Федерации. Уже 11 апреля 2014 года была принята Конституция РК, в которой были закреплены основы конституционного строя Республики Крым. Несмотря на все международные правовые нормы, гарантирующие право на самоопределение, Крым до сих пор определяют, как регион территориального спора. Политика изоляционизма естественно сказывается на настроениях крымчан, но не является главной направляющей в их жизнедеятельности. Взамен этому в последние годы мы наблюдаем высокий уровень социокультурной активности. В особенности можно выделить культурную активизацию этнических групп как реакцию на внешнее давление.

Характеристика этнокультурной ситуации в Крыму

Республика Крым является особенным поликультурным регионом Российской Федерации, это связано с тем, что на территории площадью около 27 тыс. кв. км., при *постоянной численности* населения 1913731 чел. (на январь 2018 г.) проживает 175 национальностей. Наиболее многочисленными являются представители трех этносов, превышающие показатель более 200 тысяч человек: русские (68,3%), украинцы (15,8%) и крымские татары (10,6%) [Парахина 2017 (1)].

В целях предупреждения возникновения межэтнической напряженности в Крыму органами власти проводится этнокультурная политика, сопровождающаяся поддержкой национально-культурных объединений, которые, в свою очередь, играют важную роль в осуществлении национальной политики на полуострове.

Особенно важным можно считать начало действия в 2018 году Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурного развития народов России «Республика Крым» - территория межнационального согласия» на 2018-2020 годы». Данная программа направлена на развитие социально-культурной сферы реабилитированных народов Крыма и обеспечение межнационального согласия на территории республики [Сенюшкина, Степанов, Старченко 2018].

По данным Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым, на конец 2014 года в соответствии с Российским законодательством было зарегистрировано свыше 300 общественных организаций [Парахина 2017 (2)], а по состоянию на декабрь 2018 года это число достигло – 1165 ед. [О деятельности НКО]. В 2018 году в Крыму функционировали 14 региональных национально–культурных автономий: азербайджанская, армянская, белорусская, болгарская, немецкая, национально–культурные автономии греков, евреев, крымских караимов, крымчаков, крымских татар, татар, молдаван, осетин, эстонцев и корейцев Республики Крым [Региональные НКА РК].

Национально-культурные общественные организации отвечают за создание диалога культур, фоомирование толерантности между всеми народами, проживающими в Крыму. Несмотря на этнонациональные и этноконфессиальные различия, они сопутствуют формированию гражданской идентичности.

Немалые усилия национально-культурных объединений предпринимаются в сфере народной дипломатии. Именно здесь

наиболее активно проявляют себя национально-культурные автономии. Проводится множество встреч, международных форумов, главной целью которых является не только обсуждение острых вопросов современности, но и вопрос международной блокады Крыма.

Для определения уровня и качества взаимодействия государства и гражданского общества как фактора реализации национальной политики в Крыму нами был проведён экспертный опрос.

В опросе приняли участие 15 экспертов, из них - 5 представители органов государственной власти, 5 - представители экспертно-научного сообщества и 5 - руководители национально-культурных объединений, общественные деятели.

Результаты исследования.

Главный вопрос, обращённый к экспертам, заключался в следующем: *«Как Вы считаете, должно ли государство взаимодействовать с гражданским обществом в реализации национальной политики?».* Положительно ответили 100% респондентов.

Далее в оценке развития уровня гражданского общества в России экспертное сообщество прокомментировало степень развития ГО как средний (60%) и, как низкий (40%).

На вопрос *«Какие формы взаимодействия государства и гражданского общества в реализации национальной политики Вы считаете наиболее эффективными?»* были получены следующие результаты:

- проведение совместных мероприятий (фестивали, конкурсы, круглые столы и т.д.) – 60%;
- общественные слушания – 46,67%;
- своевременное информирование органов государственной власти о проблемах этнических сообществ – 53,33%.

Также экспертами была оценена *деятельность органов государственной власти в Республике Крым, которые занимаются реализацией национальной политики.* Положительную оценку дали 66,67% экспертов, нейтральную –26,67%.

А вот *«усилия» национально-культурных автономий РК* 40% респондентов оценили положительно, 40% дали нейтральную оценку и 20% - отрицательную.

Также экспертам было предложено оценить *деятельность Общественной Палаты Крыма*, что показало чуть большее, но

незначительное преимущество ОП РК перед НКА РК, где 46,67% отметили положительную работу данной организации, 26,67% отреагировали нейтрально и 26,67% - отрицательно.

Стоит заметить, что 60% опрошенных экспертов *участвовали в совместных мероприятиях, организованных органами государственной власти и институтами гражданского общества, направленными на реализацию национальной политики в Крыму*. А именно: в круглых столах, посвященных этим вопросам, в соответствующих заседаниях Общественной палаты РК, конференциях, фестивалях национально-культурных организаций, культурно-массовых мероприятиях и пр.

На вопрос анкеты *«Когда был подписан Указ Президента РФ №286 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития»* все респонденты правильно отметили дату 21.04.2014 г. А также эксперты единогласно указали, что в Крыму государственными являются русский, украинский и крымско-татарский языки.

Чтобы перейти на качественный уровень экспертного опроса, в конце нами была предоставлена возможность выразить свое мнение в вопросе открытого типа *о приоритетных направлениях совершенствования национальной политики* в Республике Крым. Анализ ответов на этот вопрос позволил нам выделить следующие замечания:

1. Было заявлено о необходимости использования «мягкой силы» в вопросе реализации национальной политики.
2. Важное замечание было сделано о том, что каждый народ Крыма должен жить и работать на общих основаниях: ни квот, ни преференций быть не должно, в связи с этим были сделаны выводы о том, что нужно разграничить понятия «реабилитированных граждан» и тех их поколений, которые живут на полуострове в настоящее время.
3. Отмечены риски возникновения межэтнической напряженности при дальнейшей политике формирования представлений у некоторых этносов об исключительности собственной культуры. В связи с чем эксперты отмечают необходимость научного обоснования и развития концепции крымской региональной идентичности.

4. Также экспертами отмечается важность обеспечения равенства в этногрупп экономике, социальном статусе, конкуренции, представительстве в органах власти и МСУ, потребность в прозрачности государственного финансирования национально-культурных организаций.
5. Эксперты указали на необходимость проводить работу по просвещению населения, представителей власти, НКО, СМИ о культуре, традициях истории народов Крыма, проведении совместных мероприятий.
6. Отмечена целесообразность разработки учебных программ и пособий по тематике национальной политики в Крыму.
7. В отношении совершенствования структур исполнительной власти эксперты указали на целесообразность унификации государственных органов, обеспечивающих реализацию национальной и этноконфессиональной политики (в соответствии с регламентом ФАДН и Минтруда РФ).
8. Отмечена активная и позитивная реакция органов государственной власти на обращения председателей НКА, связанных с нуждами общественных и религиозных организаций.
9. Эксперты указали на важность работы с этническими сообществами на предмет выстраивания прочных доверительных контактов, а также на необходимость обеспечения координации и обмена информации по вертикали и горизонтали (что является проблемным для многих субъектов РФ).

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования, мы можем сделать вывод о том, что уровень развития гражданского общества в Крыму можно охарактеризовать как ниже среднего. Однако национальная политика является одним из важнейших векторов в формировании и развитии гражданского общества в поликультурном пространстве Крыма.

Существует ряд рисков возникновения межэтнической напряженности при возможном формировании у некоторых этносов идей собственной культурной исключительности. В связи с чем необходима взвешенная политика органов власти, которая должна обладать превентивынми функциями. В целом, совершенствование и унификация органов государственной власти в дальнейшем могут способствовать развитию горизонтальных и

вертикальных связей при реализации этнокультурной и национальной политики, что в целом благоприятно скажется на жизни полуострова.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

О деятельности некоммерческих организаций // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации.– *URL:* http://unro.minjust.ru/nkos.aspx (дата обращения: 02.10.18).

Парахина 2017 – *Парахина В.Ю.* Международные связи национально-культурных объединений Крыма // 25 лет внешней политике России: сб. Материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8-9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 2: Россия и современный мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч. 2 / Под общ. Ред. А. В. Мальгина; [науч. Ред.: а. А. Великая и др.]; М.: МГИМО-университет, 2017 – С. 334.

Парахина 2017 – *Парахина В.Ю.* Опыт регулирования межэтнических отношений в Республике Крым // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы международной науч.-практ. конф. / отв. Ред. А. Баранов, В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2018. – С. 415.

Региональные национально-культурные автономии Республики Крым // Портал правительства Республики Крым. Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан. – URL: https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/31 (дата обращения: 01.12.18).

Сенюшкина, Степанов, Старченко 2018 – *Сенюшкина Т., Степанов В., Старченко Р.* Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Т. Сенюшкина, В. Степанов, Р. Старченко. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 63 с.

INFLUENCE OF ETHNO-NATIONAL POLICY ON THE FORMATION OF THE CIVIL SOCIETY IN CRIMEA

V.YU.PARAKHINA
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Summary

In this article, the author considers the peculiarities of the functioning of the authorities and national-cultural associations in the implementation of the ethnocultural policy of the Republic of Crimea. The empirical part of the study includes an expert survey, which describes the development of civil society in Russia, and also discusses practical advice on the implementation of the ethnonational policy of Crimea.

Keywords: ethnonational policy, civil society, national-cultural associations, ethnocultural development of the peoples of Crimea, interaction of the state and society.

Parakhina, Valeriya – a student of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation.

parahina.leriya@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

П. И. ПАШКОВСКИЙ
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены генезис и специфика общественных противоречий относительно внешнеполитического позиционирования Украины. Представлены мнения исследователей. Показано, что имеющиеся в этом контексте общественные противоречия являются производными особенностей геополитического положения и исторического развития Украины. Украинская внешнеполитическая ориентация исторически обусловлена взаимодействием трех парадигм – евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной).

Происхождение различий во внешнеполитических приоритетах украинского общества уходит корнями в X–XV вв., характеризуясь разграничением между землями, где автохтонное население проживает свыше тысячи лет в составе разных государств и территориями, колонизированными в период Российской империи и СССР. Впоследствии, подобное проявилось в том, что с момента дезинтеграции СССР большинство жителей западных областей Украины традиционно отрицательно воспринимали идею присоединения их страны к союзу России и Беларуси, являясь приверженцами евроинтеграции и активного взаимодействия с европейскими государствами и США. Население Центра Украины относилось к российскому и западному векторам внешней политики своего государства более сдержано, однако, отдавая предпочтение первому. Преобладающее количество жителей украинского Юга и Востока демонстрировали стабильно положительное отношение к сближению Украины с Россией и интеграции в рамках российского проекта. На Украине не сложилось условий для консолидации внешнеполитических предпочтений элит и других социальных слоев на общезначимых началах. Видимая «раздвоенность» украинского общества в плане выбора внешнеполитической ориентации государства осложнялась имевшимися по этому вопросу противоречиями между элитами и массами.

Ключевые слова: общественные противоречия, внешнеполитическое позиционирование, Украина, Россия, европейская интеграция, евразийская интеграция.

Пашковский Пётр Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия.

petr.pash@yandex.ru

С дезинтеграцией СССР перед независимой Украиной возникают дилеммы внешнеполитического позиционирования, дискуссии относительно которого обостряются в периоды предвыборных кампаний, социально-политической и экономической нестабильности. Обозначенные проблемы осложняются наличием традиционно имеющихся разногласий во внешнеполитических ориентациях украинского общества, усиливающих внутриполитическую напряженность, что, как

показали события конца 2013 – начала 2014 г., может привести к необратимым для государственного единства последствиям [Иванов 2015; Пашковский 2014; Юрченко 2014]. Учитывая геополитическое положение Украины, исторически глубокие российско-украинские экономические и культурные связи, ее внешнеполитический курс перманентно характеризуется стратегическим значением для Российской Федерации [Пашковский 2012, 121–133]. В этом отношении «украинский кризис» и последующее увеличение международной напряженности актуализируют необходимость исследования императивов и детерминант внешней политики Украины.

Различные аспекты внешнеполитического позиционирования Украины изучались российскими [Иванов 2015; Никифоров 2008; Пашковский 2012; Пашковский 2014; Юрченко 2012; Юрченко 2014], украинскими [Камінський 2008; Касьянов 2005; Касьянов 2009; Кудряченко 2007; Поєдинок 2010; Шергин 2010] и зарубежными [Хантингтон 2005; Kuzio 2005; Kuzio 2009; Kuzio 2010] исследователями. Однако вопросам генезиса и специфики имеющихся разногласий во внешнеполитических ориентациях украинского общества зачастую уделялось недостаточно внимания. Целью данной статьи является рассмотрение происхождения и особенностей социальных противоречий относительно внешнеполитического курса Украины.

Реалии украинской внешней политики во многом обусловлены геополитическим положением государства, культурно-психологическими и социально-экономическими особенностями его исторического развития. Расположение Украины в юго-западной части Европы в месте пересечения трех огромных геополитических массивов – евроатлантического, евразийского и исламского – создает уникальное цивилизационное пространство [Україна і Росія в історичній ретроспективі, т. 3. 2004]. Крымский ученый А. Никифоров в этом контексте акцентировал, что «совокупность территорий, составляющих современное государственное пространство Украины, неоднократно становилась (прото) политическим центром для всего Евразийского пространства, базой для движения из глубин Евразии в направлении Западной Европы, Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока. Эта территория лежит в центре Славянского мира, генетически связана с западной и южной ветвями Славянства, являясь при этом колыбелью восточных славян. Значимость и ценность территории Украины не подлежит

сомнению. Сомнительны ее геополитическая целостность и культурно-историческая полнота» [Никифоров 2008]. Современная Украина сформировалась как расколотая страна, по меньшей мере, с двумя отличающимися культурами, что находит многочисленные проявления, в том числе, в выделении в культурно-ментальном плане двух регионов: Восточного и Западного [Хантингтон 2005, 255].

Но в процессе комплексного анализа становится очевидным, что культурные различия между регионами Украины не столь однозначны в плане географического разделения, обуславливаясь сложными историческими перипетиями. По мнению украинских экспертов, «линия размежевания двух типов регионов <…> проходит не между Востоком и Западом Украины (ведь Черниговщина и Сумщина не являются никаким Западом, а Одесская и Николаевская области никогда не были географическим Востоком), не между Правобережной и Левобережной Украиной (ведь Измаил и Очаков не являются Левобережьем, а Полтава и Шостка – Правобережьем)…». Следовательно, «размежевание достигает не времен Казатчины и войн России с Польшей, а <…> времен Ингварсонов и Гедиминасов и идет по границам Русь (Киевская, Черниговская, Галицко-Волынская) и Степь при датской династии Ингварсонов X–XIII вв. или Великом княжестве Литовском и Крымском ханстве в XV веке – между автохтонными украинскими землями, где украинцы и их потомки живут свыше тысячи лет (в составе разных государств и империй), и новыми землями, колонизированными преимущественно украинцами в составе Российской империи и Советского Союза на протяжении последних 300 лет» [Геополитические ориентации… 2009, 34].

Региональные отличия четко проявлялись на политическом уровне во время выборов. Подтверждали это и данные мониторинга общественного мнения, который проводился учеными из Института социологии НАН Украины со второй половины 1990-х по 2009 г.: «скорее положительное» отношение к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси традиционно демонстрировали жители Юга (83,8%) и Востока (80,6%), в меньшей степени – Центра Украины (47,5%). В то же время, 54,7% жителей Запада Украины высказывались «скорее отрицательно» по поводу этой идеи («скорее положительно» – лишь 26,9%) [Геополитические ориентации… 2009, 20].

К столь значительным отличиям в восприятии политической реальности в рамках одного государства следует относиться с

большой осторожностью, поскольку речь идет о разных культурно-психологических установках, по-своему трактующих действительность. «Люди, принадлежащие разным культурно-политическим средам, – отмечала российская исследовательница В. Крашенинникова, – живут в разных реальностях, делают различные выводы об одних и тех же событиях, избирают различные пути действий. В такой ситуации вопрос «Кто прав?» чаще всего некорректен, ибо каждая сторона права в рамках своего контекста, мировоззрения и понимания интересов» [Крашенинникова 2007, 187]. Ни одна из отмеченных мировоззренческих установок не может быть однозначно справедливой или ошибочной, вместе с тем, признание приоритета какой-либо одной точки зрения будет означать фактическое отрицание другой, что способно привести к необратимым для государственного единства последствиям.

Указанные различия связаны с историческим опытом, следуя которому украинская внешнеполитическая ориентация характеризуется взаимодействием трех парадигм – евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной). Всякий раз, «когда Украина получала возможность жить своей жизнью, она вынуждена была в первую очередь определяться именно в этих трех направлениях по поводу вопросов, с кем бороться, кому противостоять, а с кем заключать соглашения и союзнические отношения». При этом «ни одно из этих направлений не было для Украины доминирующим: по каждому из них на Украину двигались отряды захватчиков и по каждому из них распространялись цивилизационные достижения» [Україна і Росія в історичній ретроспективі, т. 3. 2004].

В этом отношении, по мнению специалистов, проявляющиеся социокультурная и геополитическая «рубежности» должны в большей степени определять приоритеты государственной стратегии развития Украины. Игнорирование рубежного положения может привести к «увеличению центробежных сил, политизации их деятельности». Учитывая пространственно-экономические характеристики украинского государства, главным представляется ориентационный приоритет как определяющая доминанта дальнейшего движения. Выделяется три возможных варианта внешнеполитической ориентации: нейтральный и внеблоковый статус; прозападные (европейские и евроатлантические) устремления; интеграция в рамках российского проекта (восточный вектор) [Кудряченко 2007, 173-174].

Геополитическая «рубежность» Украины обусловливает вероятность угрозы занять периферийное положение между Европой и Евразией, тем самым предопределяя ей пассивную роль в масштабных региональных процессах. Украинские исследователи акцентировали, что если украинское государство идентифицирует себя как «региональная периферия», то оно непременно становится «санитарной границей», своеобразным плацдармом в противостоянии – различных в плане общественно-политического и социально-экономического уклада – Запада и России [Шергин 2010, 90]. Поэтому, рекомендовали специалисты, «Украине, как среднему региональному государству, граничащему с Востоком и Западом, в силу объективных причин следует осуществлять внеблоковую геополитическую стратегию. Вступать в союзнические отношения с каким-либо из полюсов нерационально и небезопасно, поскольку в условиях цивилизационного противостояния это может привести Украину к стратегическому конфликту с одним из «центров силы», а также к геополитическому и геоэкономическому регрессу». Выходом из этого положения представляется внешняя политика, основывающаяся на «принципах оптимальной многовекторности», способствующей трансформации Украины в «самостоятельного игрока в системе международно-политических координат Евразии» [Шергин 2010, 97–98].

В пользу данного утверждения свидетельствует и то, что, по большинству показателей, Украина является средней региональной державой, которая вынуждена адаптироваться под влиянием «изменчивых международно-политических, экономических и энергетических обстоятельств во внешнем мире», изучать и учитывать «возможности и планы трех больших акторов международных отношений – РФ, США и ЕС». От каждого из них в большей, иногда в определяющей степени зависят характер и эффективность отношений украинского государства с другими акторами международной системы и его способность иметь гарантии государственной безопасности и сохранения суверенитета [Камінський 2008, 296].

Противоречия в выборе внешнеполитической концепции Украины были обусловлены еще одним обстоятельством. Целостность национальных интересов государства определяется монолитностью настроений его элит, с одной стороны, и остальных социальных слоев – с другой, а также возможностью консолидации их позиций на общезначимых началах. Последнее утверждение

позволяет констатировать отсутствие условий для формирования единых украинских национальных интересов на современном этапе [Kuzio 2009]. За годы независимости на Украине выстроилась властная иерархия, основанная на принципе локализации властных полномочий в рамках небольших групп, для которых доступ к власти (прямой или опосредованный) или влияние на нее было обусловлено узкими корпоративными интересами, только частично совпадавшими с интересами общественными. Эта властная иерархия имела выраженные признаки олигархии. А поскольку она строилась на принципе взаимного обеспечения экономических интересов и слиянии бизнеса и власти, то произвела общественные «сдвиги», экономические, политические, культурные и морально-психологические последствия которых проявили себя в дальнейшем [Касьянов 2009, 176]. Так, размышляя о влиянии специфики украинских элит на внешнеполитическое позиционирование государства, украинский ученый Г. Касьянов делает важное заключение: «В украинской политике в 1990-е годы сформировалось четыре варианта выбора между Западом и Востоком, Европой (или Евроатлантикой) и Россией. Первый – «собака на сене» – балансирование между двумя мощными силами с минимальной выгодой для себя. Второй – «блудный сын» – периодическое возвращение то к одной, то к другой силе с постоянными обещаниями остаться в лоне. Третий – «навеки вместе» – обещание фактической реинтеграции с Россией, в основном экономической. И, наконец, четвертый – «не ждали» – решительная интеграция в европейские структуры» [Касьянов 2005, 80].

При этом курс на евроатлантическую интеграцию традиционно поддерживался лидерами финансово-банковского и среднего бизнеса, правыми, центристами и руководителями Министерства обороны [Юрченко 2010, 24]. Некоторые аналитики объясняют прозападные настроения части украинских элит тем, что, помимо осознания культурно-психологической близости европейского образа жизни, «бизнесмены Запада Украины, которые исторически сотрудничают с Европой, ориентируются на нее» [Поєдинок 2010, 200–201]. В то же время приверженцами интеграции с РФ, как правило, являлись депутаты левых партий, предприниматели украинско-российских финансово-промышленных групп, а также руководители ВПК (ориентированные на кооперационные связи с Россией), региональные лидеры Востока и Юга Украины [Майборода 2007].

Задолго до событий конца 2013 – начала 2014 г. исследователи констатировали, что в своем отношении к внешнеполитическим проблемам украинское общество демонстрировало раздвоенность. Поэтому сложно было говорить о четкой внешнеполитической перспективе страны. Какой бы вектор ни был избран, одна часть населения стала бы его поддерживать, а другая – критиковать [Юрченко 2010, 26]. Более того, на Украине наблюдалось противоречие между политической элитой и обществом в выборе вектора внешнеполитического позиционирования государства. С момента обретения независимости внешнеполитические предпочтения большей части элит были либо устремлены на Запад (вплоть до заявлений о необходимости вступления в НАТО), либо характеризовались многовекторностью [Kuzio 2005; Kuzio 2010]. В свою очередь, значительная часть общества ориентировалась на Восток и укрепление отношений с Россией. Исследования, проводившиеся специалистами, представляющими Институт социологии НАН Украины во второй половине 1990-х – первом десятилетии 2000-х гг., показывают, что «скорее положительно» к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси относились 60,3% опрошенных граждан по всей стране. «Скорее отрицательно» оценивали данную идею значительно меньшая часть респондентов – 24,3%. Тех, кому трудно было определить свою позицию по этой проблеме, – 15,4%. Примечательно, что за 12 лет мониторинга по указанному вопросу поддержка союза лишь один раз опустилась ниже 50-процентной отметки – в 2000 г. (40,8%), когда будущее РФ представлялось неопределенным в постъельцинскую эпоху [Геополитические ориентации… 2009, 18–19].

Таким образом, имеющиеся общественные противоречия в контексте внешнеполитического позиционирования Украины являются производными особенностей ее геополитического положения и исторического развития. Украинская внешнеполитическая ориентация исторически обусловлена взаимодействием трех парадигм – евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной). Влияние каждой из них определяется как положительными, так и отрицательными последствиями. Происхождение различий во внешнеполитических приоритетах украинского общества уходит корнями в X–XV вв., характеризуясь разграничением между землями, где автохтонное население проживает свыше тысячи лет в составе разных

государств и территориями, колонизированными в период Российской империи и СССР.

Впоследствии подобное проявилось в том, что с момента дезинтеграции СССР большинство жителей западных областей Украины традиционно отрицательно воспринимали идею присоединения их страны к союзу России и Беларуси, являясь приверженцами евроинтеграции и активного взаимодействия с европейскими государствами и США. Население Центра Украины относилось к российскому и западному векторам внешней политики своего государства более сдержано, однако, отдавая предпочтение первому. При этом большинство жителей украинского Юга и Востока стабильно демонстрировали положительное отношение к сближению Украины с Россией и интеграции в рамках российского проекта.

Украинскими экспертами признавалась реальность социокультурной и геополитической «рубежности» их страны – средней региональной державы, вынужденной маневрировать под влиянием политики РФ, США и ЕС – детерминирующих необходимость проведения гибкого внешнеполитического курса, исходя из принципов «оптимальной многовекторности». В случае избрания в качестве приоритета какого-либо одного вектора внешней политики Украина неминуемо бы вступила в стратегический конфликт с одним из указанных «центров силы», что впоследствии и произошло.

В рассматриваемый период на Украине не сложилось условий для консолидации внешнеполитических предпочтений элит и других социальных слоев на общезначимых началах. Иерархия украинской власти, имевшая признаки олигархии, выстраивалась с учетом локализации полномочий в рамках небольших групп, руководствовавшихся узкими корпоративными интересами, на основе взаимного обеспечения экономических интересов и слияния бизнеса и власти. Евроатлантическую интеграцию Украины, как правило, поддерживали правые, центристы, представители среднего бизнеса, руководители Министерства обороны и лидеры финансово-банковского бизнеса. Курс на евразийскую интеграцию находил сторонников в лице предпринимателей украинско-российских финансово-промышленных групп, заинтересованных в кооперации руководителей ВПК, депутатов левых партий и региональных лидеров Востока и Юга страны.

Видимая «раздвоенность» украинского общества в плане выбора внешнеполитической ориентации государства осложнялась

имевшимися по этому вопросу противоречиями между элитами и массами. Первые преимущественно ориентировались на Запад или политику «многовекторности», а преобладающее количество населения по всей стране – исключая западные и отчасти центральные регионы – стабильно поддерживало идею сближения с Россией.

Отмеченные общественные противоречия, обострившись под влиянием внешних и внутренних факторов, в полной мере проявились в период социально-политического кризиса на Украине в конце 2013 – начале 2014 г.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Геополитические ориентации… 2009 – *Геополитические ориентации населения и безопасность Украины*. По данным социологов / А. А. Беленок, А. И. Вишняк, А. А. Зоткин [и др.] / Сост. Н. А. Шульга. – К.: Бізнесполіграф, 2009. – 88 с.

Иванов 2015 – *Иванов И. С.* Украинский кризис через призму международных отношений. – М.: НП РСМД, 2015. – 208 с.

Камінський 2008 – *Камінський Є. Є.* Світ переможців і переможених. Міжнародні відносини і українська перспектива на початку XXI століття. – К.: Центр вільної преси, 2008. – 336 с.

Касьянов 2009 – *Касьянов Г. В.* Система владних відносин у сучасній Україні: групи інтересу, клани та олігархія // Український історичний журнал. – 2009. – №1. – С. 160–180.

Касьянов 2005 – *Касьянов Г. В.* Украина между Россией и Европой: превратности выбора // Новая и новейшая история. – 2005. – №3. – С. 76–81.

Крашенинникова 2007 – *Крашенинникова В.* Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007. – 392 с.

Кудряченко 2007 – *Кудряченко А. І.* Зовнішньополітичні виклики сучасної України // Стратегічні пріоритети. – 2007. – №4 (5). – С. 172–177.

Майборода 2007 – *Майборода О.* Проблеми національної єдності в Україні: соціальні й мовно-культурний аспекти // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України: Збірник наукових праць. – К., 2007. – Вип. 33. – С. 22–32.

Никифоров 2008 – *Никифоров А. Р.* Украина: штрихи к геополитическому портрету в культурно-историческом интерьере. – URL:

http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=208&bulsectionid=24944 (дата обращения: 26.06.2018).

Пашковский 2012 – *Пашковский П. И.* Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.

Пашковский 2014 – *Пашковский П. И.* «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров; перевод Е. А. Федорова. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2014. – Т. 2. – С. 364–372.

Поєдинок 2010 – *Поєдинок В.* Зовнішні виклики для політичних еліт України // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – К.: Український центр політичного менеджменту, 2010. – Вип. 20. – С. 196–203.

Україна і Росія в історичній ретроспективі, т. 3. 2004 – *Україна і Росія в історичній ретроспективі.* – Т. 3. Кульчицький С. В., Парахонський Б. О. Новітній український державотворчий процес: Монографія. – К.: Наукова думка, 2004. – 504 с. – URL: http://pulib.if.ua/book/191 (дата обращения: 26.06.2018).

Хантингтон 2005 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

Шергин 2010 – *Шергин С. А.* Геополитическая идентичность и геополитические интересы Украины на современном этапе глобализации и модернизации // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности: Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 17–21 февраля 2010 г.): Сб. науч. ст. / Под. ред. С. В. Юрченко. – Симферополь: АнтиквА, 2010. – С. 84–99.

Юрченко 2014 – *Юрченко С. В.* Социально-политический кризис в Украине в контексте формирования новой системы международных отношений // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров, перевод. Е. А. Федорова. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2014. – Т. 2. – С. 397–411.

Юрченко 2010 – *Юрченко С. В.* Украина: проблема выбора внешнеполитической концепции // Причерноморье. История,

политика, культура / Под общ. ред. В. И. Кузищина. – Севастополь, 2010. – Вып. IV. – С. 21–26.

Kuzio 2005 – *Kuzio T.* Neither East Nor West: Ukraine's Security Policy Under Kuchma // Problems of Post-Communism. – September / October 2005. – Vol. 52. – № 5. – P. 59–68.

Kuzio 2009 – *Kuzio T.* Political Fragmentation in Ukraine // Ukraine Analyst. – September 2009. – Vol. 2. – № 2. – P. 1–8.

Kuzio 2010 – *Kuzio T.* Populism in Ukraine in a Comparative European Context // Problems of Post-Communism. – November / December 2010. – Vol. 57. – № 6. – P. 3–18.

THE SOCIAL CONTRADICTIONS IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF UKRAINE'S FOREIGN POLICY CHOICE: ORIGIN AND FEATURES

P. I. PASHKOVSKY
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Summary

The article considers the genesis and specificity of social contradictions regarding Ukraine's foreign policy positioning. The opinions of the researchers have been presented. It is shown that the social contradictions existing in this context are derived from the features of the geopolitical situation and historical development of Ukraine. Ukrainian foreign policy orientation has historically been conditioned by the interaction of the three paradigms – the Euro-Atlantic, Eurasian and Black Sea (southeastern). The origin of differences in the foreign policy priorities of Ukrainian society goes back to the X–XV centuries, which is characterized by a distinction between the lands where the indigenous population has lived for more than a thousand years as part of different states and territories that were colonized during the Russian Empire and the USSR. Subsequently, this was manifested in the fact that since the disintegration of the Soviet Union most residents of the western regions of Ukraine has traditionally negatively perceived the idea of their country joining the union of Russia and Belarus, being adherents of European integration and active interaction with European states and the USA. The population of the Center of Ukraine treated the Russian and Western vectors of the foreign policy of its state in a more restrained way, however, giving preference to the Russian vector. The overwhelming number of Ukrainian residents of the South and East have demonstrated

consistently positive attitude to Ukraine's rapprochement with Russia and integration in the framework of the Russian project. Conditions for the consolidation of foreign policy preferences of the elites and other social strata on general grounds in Ukraine haven't been developed. The apparent «duality» of the Ukrainian society in the choice of foreign policy orientation of the state has been complicated by the available on this subject conflicts between the elite and the people.

Keywords: social contradictions, foreign policy positioning, Ukraine, Russia, European integration, Eurasian integration.

Pashkovsky, Petr – Candidate of Political Sciences (Ph.d.), Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

petr.pash@yandex.ru

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

М.Д.РЕЗВАНОВА
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация

Раскрывается сущность понятия социальное неравенство. Определены причины и критерии социального неравенства. Неравенство существует с древних времен до сегодняшнего дня во всех обществах. Вопрос о неравенстве является фундаментальным для современных обществ. Главными при этом выступают различия в собственности, власти и статусе. Данная проблема является актуальной, так как с каждым днем различие между слоями общества увеличивается, количество людей, которых можно назвать бедными, растет, что приводит к торможению развития общества.

Ключевые слова: социальное неравенство, собственность, власть, бедность.

Резванова Марина Дмитриевна – студентка Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

marina.rezvanova@rambler.ru

Введение

Неравенство существует с древних времен до сегодняшнего дня во всех обществах. В данной статье рассматривается понятие социального неравенства, а так же называются причины появления и его критерии. Эта тема важна для изучения, так как ее актуальность в условиях современной глобализации растет. Вопрос о неравенстве является фундаментальным для современных обществ. Главными при этом выступают различия в собственности, власти и статусе. Разрыв между слоями общества увеличивается, количество людей, которых можно отнести к категории бедных, растет, одновременно увеличивается количество сверхбогатых, что приводит к росту социальной напряженности. Разумеется, в разных странах это происходит по-разному, но в целом ситуация обостряется.

Неравенство определяет неравномерное распределение дефицитных ресурсов общества – денег, власти, образования и престижа – среди разных страт и слоев населения. Согласно шкале неравенства, на верхней ступеньке оказываются богатые, а на нижней – бедные. При этом богатые стараются не допустить ослабления своих позиций. Бедные должны такими и остаться.

Под неравенством подразумевается разный доступ больших социальных групп людей (страт, слоев, сословий, каст, классов) к экономическим ресурсам, социальным благам и политической власти. Для измерения неравенства используют два показателя - богатство (запас активов) и доход (поток денежных поступлений в единицу времени). Социальное неравенство - итог неравного распределения экономических благ.

Если богатство - признак высшего класса, то доход - поток денежных поступлений за конкретный календарный период, скажем, за месяц или год, характеризует все без исключения слои общества. Доходом называют любую сумму денег, полученных в виде зарплаты, пенсий, ренты, пособий, алиментов, гонораров и т.д. В том числе — подаяние бедных, добытое путем попрошайничества и выраженное в денежном эквиваленте, представляет разновидность дохода.

Напротив, заработную плату получают только те, кто занят в общественном производстве и принадлежит к наемной рабочей силе. Богатые, равно как и все собственники, не входят в число наемных работников. Исключение представляют мелкие собственники, принадлежащие к так называемым самонанятым. К наемным работникам не принадлежат также нищие. Они не заняты

в общественном производстве. Официальная статистика США и некоторых других стран не включает нищих в число категорий населения, получающих доход. По какой причине?

Дело в том, что наравне с широким пониманием дохода существует узкое. В статистическом значении доходом считается та сумма денег, которую люди зарабатывают благодаря принадлежности к определенной специальности (профессии) либо вследствие узаконенного распоряжения собственностью. Тем не менее, нищие, даже если они регулярно зарабатывают на жизнь попрошайничеством, никаких ценных услуг обществу не оказывают. А статистика учитывает только те источники дохода, которые связаны с оказанием ценных, социально значимых услуг либо с производством товаров. Нищих включают в состав так называемого андеркласса, т.е. буквально не-класса, или слоя, стоящего ниже всех классов. Таким образом, этот андеркласс выпадает из официальной пирамиды доходов [Андреев 2007, 719-723].

Издавна ведутся попытки установить, может ли существовать общество без социального неравенства, так как очень большое количество несправедливостей обусловлено социальным неравенством.

Причиной неравенства является неоднородность труда, в результате которой происходит присвоение одними людьми власти и собственности, неравномерного распределения наград и поощрений. Концентрация власти, собственности и других ресурсов у элиты способствует образованию социальных конфликтов [Горбунова 2009].

По Марксу социальное неравенство связано с появлением частной собственности и борьбой интересов различных классов и социальных групп [Ритерман 2009].

Немецкий социолог Р. Дарендорф также считал, что экономическое и статусное неравенство, лежащее в основе непрекращающегося конфликта групп и классов и борьбы за перераспределение власти и статусов, формируется в результате действия рыночного механизма регуляции спроса и предложения [Ритерман 2009].

Российско-американский социолог П. Сорокин объяснял неизбежность социального неравенства следующими факторами: внутренними биопсихическими различиями людей; окружающей средой (природной и социальной), объективно ставящей индивидов в неравное положение; совместной коллективной жизнью

индивидов, которая требует организации отношений и поведения, что приводит к расслоению общества на управляемых и управляющих [Сорокин 1995, 315-322].

Американский социолог Б. Бабер выделил три важных критерия социального неравенства [Радугин 1995]: уровень образования; степень религиозной или ритуальной чистоты при кастовом строе в Индии; ранжирование по родственным или этническим группам.

С помощью первого критерия можно определить степень неравенства по разнице в доходах. С помощью второго критерия — по разнице в почёте и уважении. С помощью третьего критерия — по количеству подчинённых. Порой выявляется противоречие между критериями, например, профессор и священник сегодня имеют невысокий доход, но пользуются большим престижем.

Если причины и проявления неравенства исследованы достаточно полно и при наличии различных подходов к этой теме, все же имеется сходство в оценках, то вопросу о возможности преодоления социального неравенства уделяется гораздо меньше внимания.

Опыт построения социально справедливого общества в СССР закончился неудачно. Отсюда дается вывод о том, что ликвидировать социальное неравенство невозможно. Следовательно, речь может идти о смягчении крайних его проявлений, что грозит социальными потрясениями и даже взрывом. Этого богатые не желают допустить, ибо создается угроза их собственности, статусу в обществе, власти, возможности передать богатство детям. В каждой отдельно взятой стране эта проблема решается по-своему, с учетом ее остроты, национальных особенностей, гибкости правящего класса. Это тема отельного исследования.

Заключение

Мы выяснили, что в самом общем виде неравенство означает, что люди живут в условиях, при которых они имеют неравный доступ к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления. Понять феномен социального неравенства можно на основе рассмотрения дифференциации людей — их различий. Сущность неравенства заключается в том, что существуют национальные богатства, доступ к которым имеет совершенное меньшинство, которое и получает большую часть доходов. Разнообразие отношений ролей, позиций приводит к различиям между людьми в каждом конкретном обществе. Проблема сводится

к тому, чтобы каким-то образом упорядочить эти отношения между категориями людей, различающихся во многих аспектах.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреев 2007 - *Андреев А.Л.* Социальное неравенство в общественном мнении россиян // Вестник РАН. - 2007. - Т.77. № 8. - С.719-723.

Горбунова 2009 - *Горбунова М.Ю.* Общая социология [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://culture.wikireading.ru/54641.

Ритерман 2009 - *Ритерман Т.П.* Социология. Полный курс. М.: АСТ: Астрель, 2009. — 128 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://mybook.ru/author/tatyana-petrovna-riterman/sociologiya-polnyj-kurs/.

Сорокин 1995 - *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация Общество. М. 1995. 322 с.

Радугин, Радугин 1995 - *Радугин А. А., Радугин К. А.* Социология. Курс Лекций. М.: Владос, 1995. — 192 с.

PHENOMENON OF SOCIAL INEQUALITY

M.D.REZVANOVA
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Summary

The essence of the concept of social inequality is revealed. The causes and criteria of social inequality are defined. Inequality has existed since ancient times to today in all societies. The issue of inequality is fundamental to modern societies. The main factors are differences in ownership, power and status. This problem is relevant, since every day the difference between the social strata increases, the number of people who can be called poor grows, which leads to a slowdown in the development of society.

Keywords: social inequality, property, power, poverty.

Rezvanova, Marina – a Student of Political Science at the Faculty of Philosophy of the Taurida Academy of the Crimean Federal University named after VI. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

marina.rezvanova@rambler.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РОБЕРТА МЕРТОНА И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТИЧЕСКИХ НОРМАТИВОВ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Н.А. РОМАНОВИЧ
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Рф (Воронежский филиал), Воронеж, Россия

Аннотация

Целью данной работы было намерение показать, каким образом, альтернативы научного этоса, разработанного Р.Мертоном, воплощаются в жизни современного научного мира, предопределяя следование определенным этическим нормам. Кроме того, автор руководствовался стремлением связать этапы жизни Роберта Мертона с теми выводами, к которым он пришел в процессе своей научной работы о месте и роли ученого и о том, как следует корректно обращаться с плодами интеллектуального творчества. В исследовании использовались сравнительно-исторический, этнографический методы и анализ документов. Основное внимание было уделено проблеме дихотомии вариантов выбора альтернатив, которые следуют из предложенных Мертоном императивов. Например, справедливы два противоположных требования: быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной моде. Или стремиться добывать знание, которое будет высоко оценено коллегами, но в то же время работать вне зависимости от оценки результатов своих исследований. Быть тщательным в формулировках и деталях, но не быть педантом. Дихотомия этих и других альтернатив, предлагаемых Мертоном, задает непростую канву для разработки этического кодекса современных ученых. Автор анализирует отражение императивов Мертона в современных профессиональных кодексах, в частности, в кодексе Ассоциации российских социологических исследователей «Группа 789». В исследовании рассматривается проблема сложного выбора между парами практически равнозначных альтернатив и анализируются те решения, которые современные ученые исследователи признают актуальными. Было обнаружено, что сама фиксация этических профессиональных критериев оказывает положительную динамику на коллективы ученых-исследователей даже вне связи с применением санкций за нарушения кодекса. Это исследование

продвигает понимание с одной стороны, необходимости этического кодекса в работе ученого-исследователя, с другой стороны, сложности воплощения этических императивов в связи с заданной дихотомией равнозначности альтернатив. Профессиональный этический кодекс ученого, в выстраивании которого внес свою лепту Роберт Мертон вкупе с другими известными социологами, имеет универсальный характер не только по отношению к какой-то конкретной нации, но и по отношению к любой научной деятельности с учетом её специфики.

Ключевые слова: императивы Роберта Мертона, профессиональный этический кодекс ученого, равнозначные альтернативы, социологическое исследование.

Романович Нелли Александровна – доктор социологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал); ген. директор Института общественного мнения «Квалитас», Воронеж, Россия.

nelly@qualitas.ru

Введение

Детство в трущобах и попытка стать волшебником

Роберт Мертон – многоплановый ученый, но наша задача в данном случае редуцирована одной из поставленных целей. Эта цель – проследить, каким образом он вышел на проблемы этики ученых, каким образом этапы жизни Роберта Мертона связаны с теми выводами, к которым он пришел в процессе своей научной работы о месте и роли ученого и о том, как следует корректно обращаться с плодами интеллектуального творчества.

Известно, что будущий великий социолог, а в детстве Меер Роберт Школьник, родился в Филадельфии, в семье еврейских иммигрантов из России, которые приехали в США в 1904 году[1]. Роберт Мертон с особой теплотой вспоминает о своем детстве, которое он провел, по его словам, в трущобах южной Филадельфии.

Роберт вовсе не был маменькиным сыночком. Он вырос в неблагополучном районе, учился премудростям в потасовках уличной жизни, пытался зарабатывать на хлеб. Он даже состоял в уличной банде, которая, как вспоминал он позже, скорее была ритуальным братством, нежели клубом убийц. Его увлекали фокусы, цирк, трюки иллюзионистов, которые казались ему

«волшебниками и магами». Как-то раз он чуть не угодил в тюрьму, обучив, как водится, за деньги, соседских ребят основам «магического искусства». Можно видеть, какой харизмой обладал будущий ученый ещё в юном возрасте, убедив мальчишек, что каждый «волшебник и маг» должен уметь глотать вязальные спицы, которыми бедные соседние ребятишки едва не подавились [Hunt 1961, 40-41].

Он настолько увлекся «магией», что в 14-летнем возрасте даже подумывал о карьере иллюзиониста, и сменил свое имя и фамилию Мейер Школьник на Роберта Мерлина. Свое второе имя Роберт он сделал основным в честь знаменитого французского иллюзиониста Робер Гудена (Робер Гуден прозван отцом современной магии, думается, что именно в честь него Волшебнику Изумрудного города было присвоено имя Гудвин). Но затем будущий социолог американизировал суррогатное имя Мерлин, заменив его именем Мертон, при поступлении в местный Темпл-колледж (1927-1931). После его окончания он, по протекции П.А. Сорокина, получил стипендию для обучения в аспирантуре факультета социологии Гарвардского университета (1931-1936).

Необыкновенная жизнь в науке: от изучения девиаций до разработки этических норм научного творчества

Проходя обучение в Гарварде он занимался исследованием девиантного поведения и преступности, что отразилось в его статье «Социальные структуры и аномии» (1936 г.). Выбор темы исследований не случаен. У аспиранта поначалу сложилось представление, что основная тема социологии – это изучение периферийных проблем общественной жизни. Именно трущобы подсказали ему эту тему. Она была ему близка после детства и отрочества, проведенного в непосредственной близости от преступного мира. Впоследствии Роберт Мертон вспоминал, что именно Питирим Сорокин, возглавлявший в то время факультет социологии, «помог мне избавиться от узости кругозора, разрушив представление о том, что эффективное изучение общества ограничивается территорией Америки, и от подсказанного трущобами представления, что основная тема социологии заключается в изучении таких периферийных проблем общественной жизни, как развод и преступность несовершеннолетних» [Мертон 2006, 13-14].

Таким образом, по словам самого Мертона, началась его «необыкновенная жизнь в науке». Началась она с изучения проблем социального регулирования, социальных норм и

отклонения от них в девиантном поведении. А закончилась исследованиями норм в поведении ученых, поскольку Мертон автор разработки этоса науки. Действительно, такой прыжок и такое путешествие сквозь все социальную иерархию выглядит необыкновенным.

Что же послужило своеобразным трамплином для такого прыжка?

Это была идея Макса Вебера о решающей роли религиозных ценностей в развитии европейского капитализма. Роберт Мертон в своей монографии «Наука, техника и общество Англии XVII в.» (1938), показал, что ценности пуританской морали (полезность, рационализм, индивидуализм) оказали решающее влияние на научные открытия. По аналогии с веберовским «духом капитализма» Р.Мертон создал концепцию «этоса науки».

Мертон признавал, что его исследование, в определенном смысле развивало гипотезу Макса Вебера о роли аскетического протестантизма в становлении современного капитализма. Продолжая Вебера, Мертон пришел к выводу, что ранний протестантизм способствовал мотивации и ориентации деятельности людей в направлении экспериментальной науки. Ученый привел доказательства, что «пуританская этика как идеально-типическое выражение ценностных установок, базисных для аскетического протестантизма в целом, настолько определила интересы англичан семнадцатого столетия, что стала одним из важных элементов усиленного культивирования науки» [Мертон 2006, 797]. Именно этим исследованием Мертон заложил основы нового направления социологической мысли - социологии науки. Фактически это направление родилось из гипотезы ученого, согласно которой «именно непреднамеренные и по большей части непредвиденные следствия религиозной этики, сформулированной великими лидерами Реформации, развились со временем в систему ценностей, благоприятную для занятий наукой» [Мертон 2006, 827]. Ценности религиозной этики сформировали систему мотивации, мотивы реализовались в социальном поведелии.

Социальное поведение и его мотивы интересовали ученого всегда. Этот интерес выразился даже в том, что он наряду с покровительством другим организациям являлся ещё и попечителем Центра перспективных исследований в области поведенческих наук (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences) в Стэнфордском университете (1952-1975 гг.).

Известный социолог Петр Штомпка, взгляды которого во многом сформировались благодаря влиянию Мертона, считал, что последний определял главную социологическую перспективу как поиск непреднамеренных последствий индивидуальных и коллективных действий людей [Штомпка 2005, 146]. Следуя этим поискам, Роберт Мертон ввел в социологическую науку понятие «самоосуществление пророчества». В сущности, он по своему интерпретировал «теорему Томаса» - видного американского социолога Уильяма Айзека Томаса, которая гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» [Мертон: 2006, С. 605]. Мертон указывает на то, что первая часть теоремы — это напоминание о том, что люди реагируют не только на объективные черты ситуации, но также (а иногда и в первую очередь) на значение, которое эта ситуация имеет для них. Поскольку же они приписывают ситуации определенное значение, то их последующее поведение и его последствия предопределены этими предписанными значениями.

Мертон констатировал, что сеть ожиданий, конституирующая всякий социальный порядок, поддерживается модальным поведением его членов, выражающим подчинение установленным, хотя, возможно, и постоянно меняющимся культурным образцам. Поведение, как правило, ориентируется на основные ценности общества. В связи с этим он предлагал рассматривать поведение людей через призму соотношения между одобряемыми обществом культурными целями и институциональными средствами их достижения.

Исходя из этого, ученый сформулировал главную гипотезу: «отклоняющееся поведение можно социологически рассматривать как симптом расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений» [Мертон 2000, 247].

Четыре набора институциональных императивов и дихотомия требований научного этоса

Исследования Мертона в сфере этоса современной науки признается современниками особо значимым вкладом ученого в область изучения взаимосвязей между наукой и обществом. Согласно теории Мертона, «этос современной науки образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм» [Мертон 2006,. 770]. Императив универсализма кроется в безличном характере науки, её всеобщей доступности.

Коллективизм понимается как, как принцип общего владения благами, связан с общественным характером науки. Мертон подчеркивал, что он, по сути, «выражает чувство обязанности общему наследию и одновременно признание фундаментальной кооперативности и кумулятивности научного достижения» [Мертон 2006, 777]. Бескорыстность – базовый институциональный элемент, зиждущийся на общественном характере и проверяемости науки. Организованный скептицизм служит одновременно и методологическим, и институциональным инструментом.

Эти четыре этических императива являются по сути нормами науки, представляют собой набор идеалов, к которым должны стремиться ученые. Казалось бы, они не вызывают вопросов и двойственного истолкования. Но Роберт Мертон не останавливается на обозначении императивов, он производит их операционализацию. В результате четыре императива преобразуются в девять альтернатив, которые уже далеко не столь однозначны:

как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но не торопиться с публикациями;

быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной моде;

стремиться добывать знание, которое получит высокую оценку коллег, но работать, не обращая внимания на оценку результатов своих исследований;

защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения;

прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

быть тщательным в формулировках и деталях, но не быть педантом;

всегда помнить, что знание универсально, но не забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

воспитывать новое поколение учёных, но не отдавать преподаванию слишком много времени;

учиться у крупного мастера и подражать ему, но не походить на него [Философия науки 2004, 326-327].

Фактически каждая альтернатива амбивалентна: содержит в себе два противоположных требования, которые с первого взгляда равнозначны в своем этическом пафосе. Например, справедливы

два противоположных требования: быть восприимчивым к новым идеям (без этого нельзя стать ученым), но нельзя поддаваться интеллектуальной моде (мода как массовый психоз преходяща, есть риск не заметить стоящий результат в погоне за модой). Или стремиться добывать знание, которое будет высоко оценено коллегами (каждый ученый мечтает о такой оценке), но в то же время следует работать вне зависимости от оценки результатов своих исследований (возможно, труд ученого по достоинству оценят лишь его потомки). Быть тщательным в формулировках и деталях (без этого трудно представить исследователя), но не быть педантом (закопавшись в мелочах, можно упустить главное). Помнить о том, что знание универсально (оно не принадлежит лишь одной нации, одному народу или одному государству), но не забывать, что каждый ученый прославляет свою нацию своим открытием (патриотизм и признательность вскормившей тебя Родине – общечеловеческие нормы). Дихотомичность этих и других альтернатив, предлагаемых Мертоном, задает непростую канву для разработки этического кодекса современных ученых-исследователей.

Преломление этического кодекса Мертона в сознании современных ученых

Каким образом в настоящее время императивы этического кодекса Мертона преломляются в сознании современных ученых? Для получения ответов на этот вопрос Институт общественного мнения «Квалитас» провел весной 2018 года социологический опрос научных работников города Воронежа. Было опрошено методом снежного кома 304 человека – преподавателей воронежских вузов, работников научно-исследовательских институтов, лабораторий и прочих научных центров. Опрашивались люди, проводящие самостоятельные научные исследования, участвующие в научных конференциях в качестве спикеров и публикующие свои статьи в научных журналах. К ним был обращен ряд вопросов, идентичных сформулированному Робертом Мертонов моральному кодексу ученого, состоящего из девяти императив. Ответы респондентов представлены в таблице 1.

Таблица 1

	Первая альтернатива		*Вторая альтернатива*	
	Как можно быстрее передам свои научные результаты коллегам	22	Не буду торопиться с публикациями, если результаты недостаточно проверены	8
	Нужно быть восприимчивым и открытым ко всем новым идеям и развивать те направления, которые востребованы сегодня, которые у всех на слуху	49	Нельзя поддаваться интеллектуальной моде, гоняясь за новыми идеями. Надо заниматься тем, что интересно самому	1
	Буду стремиться добывать то знание, которое получит высокую оценку коллег. Важно получить признание здесь и сейчас	38	Буду работать, не обращая внимания на оценку результатов своих исследований. Возможно, меня по достоинству оценят только потомки.	2
	Защищать и поддерживать ВСЕ новые идеи, чтобы не упустить перспективные	36	Более критически относиться к новым идеям и не поддерживать те, которые могут оказаться опрометчивыми	4
	Прилагать максимальные усилия, чтобы знать все, что относится к его области работы	82	Не стремиться узнать все, потому что излишняя эрудиция иногда тормозит творчество, как говориться, «замыливаются» глаза	8
	В научных статьях стараюсь быть как можно более тщательным в формулировках и деталях	63	В научных статьях стараюсь отразить суть, идею, а в мелочах не быть педантом	7

	В лекциях студентам стараюсь быть как можно более тщательным в формулировках и деталях	50	В лекциям студентам стараюсь отразить суть, идею, а в мелочах не быть педантом	4
	Главное - положить все силы на воспитание нового поколения ученых, много преподавать, чтобы донести свои идеи до большего количества учеников	70	Главное – заниматься научными исследованиями и не отдавать преподаванию слишком много времени в ущерб науки	0
	Совершивший открытие ученый, проживая в другой стране, не должен при публикации указывать, что он родом из России, потому что знание универсально, вне границ, вне нации	26	Совершивший открытие ученый, проживая в другой стране, должен при публикации указывать, что он родом из России, потому что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой он является, имеет, так сказать, «страну приписки»	4
0	Стараться подражать признанным авторитетам научного мира	26	Не обращать внимания на авторитеты, разрабатывая собственные исследования.	4

Большинство научных работников в Воронеже не будут торопиться с публикациями, если результаты недостаточно проверены (78%). Напротив, поторопятся опубликовать результаты 22% опрошенных. Как и следовало ожидать, это уверенные в своих знаниях люди, чаще всего – профессора (29%), или же уверенные в себе весьма состоятельные респонденты (43%). Как ни странно, но модель этического поведения ученых во многом зависит от их материального положения.

Отношение к новым идеям не встретило среди воронежских ученых однозначной оценки. Половина респондентов считают, что

нельзя поддаваться интеллектуальной моде, гоняясь за новыми идеями (51%), а другая половина полагает, что нужно быть открытым ко всем новым идеям (49%). Первые предпочитают заниматься тем, что им интересно самим, в то время как вторые будут стремиться развивать те направления, которые сегодня на слуху. «На гребне волны» хотят оказаться преимущественно молодые ученые, причем женщины чаще (54%), чем мужчины (42%). Представители сильного пола, особенно пожилые (66%) посветят своё время разработке тех идей, которые интересны, прежде всего, им самим. Легче всего позволят себе отмахнуться от новых идей и реализовать собственные интересы самые богатые люди (71%).

Некоторым просто важно получить признание здесь и сейчас, поэтому они всю научную работу строят так, чтобы получить высокую оценку коллег (38%). У других долгосрочные планы, они рассчитывают на благодарность потомков, поэтому стремятся работать, не обращая внимания на сиюминутную оценку результатов своих исследований (62%). Можно ли похвалить вторых и упрекнуть первых? Наверное, нет. Ведь ориентация на оценки коллег необходима для адекватного развития ученого. Правда, коллеги могут ошибаться, как уже не раз случалось в истории. Но настоящий талант только закалялся, проходя через горнило критики, и являл миру научную истину. Чаще всего ориентируются на оценку потомков мужчины с гуманитарным направлением исследований. Оно и понятно, ведь ученые технического профиля должны быть на острие технических новинок, им важно увидеть инженерно-техническую реализацию их идей уже сегодня.

Выбор между защитой всех новых идей, дабы не упустить перспективные (36%), и критическим осмыслением новшеств, дабы отсечь опрометчивые (64%), зависит от возраста и материального положения респондентов. Чем моложе научные работники, и чем выше их уровень дохода, тем охотнее они будут принимать все перспективные идеи. Если будет позволена такая метафора, будет прорабатывать больше песка с целью наткнуться когда-нибудь на золотую жилу. Люди, отягченные возрастом и бедностью, не имеют такой возможности, поэтому настроены к новым идеям критически. Научные работники технического профиля с больше готовностью и вниманием осваивают все новые идеи, чем гуманитарии.

Умножать свои знания до пределов возможного – такую задачу ставят перед собой подавляющее большинство воронежских ученых (82%). Казалось бы – что тут можно возразить? Насколько правы те 18% опрошенных, которые поведали, что не стремятся узнать все,

потому что излишняя эрудиция превращает человека в энциклопедический справочник и «замыливает глаз»? Полагают, что напичканная чужими выкладками идей голова способна тормозить творческий процесс в первую очередь юные ученые (31%) и респонденты с бедственным материальным положением (50%). Возможно, это просто способ самооправдания: когда нет времени или возможности для получения большого объема знаний, люди пытаются уверить себя в том, что они не так уж и необходимы.

Тщательность в формулировка и деталях – одно их основных требований научных публикаций, и ему следуют 63% воронежских ученых при подаче своих статей в журналы. Чаще других этому правилу следуют ученые старше 50 лет – люди старой закалки добротной советской школы, которых приучали к детализации понятий как к главной добродетели. Однако 37% респондентов сегодня стараются донести до читателя главную идею, а в мелочах не быть педантами. Конечно, то могут себе позволить прежде всего гуманитарии (41%), а технари так поступают реже (35%). Чем выше научное звание респондентов, тем педантичнее они с формулировками в своих публикациях (от 59% до 100%).

Другое дело – чтение лекция для студентов. Здесь только половина опрошенных (50%) стараются соблюдать тщательность в формулировках и деталях. Причем и здесь этому правилу чаще следуют представители технических наук, тогда как гуманитарии могут позволить себе вольности. Честно признаются, что стараются донести до слушателей только суть идеи, не вдаваясь в детали, 44% опрошенных. Среди гуманитариев таких преподавателей – большинство (52%), тогда как среди технарей – 31%. В этом случае чем выше научное звание респондентов, тем чаще они стараются отразить в лекциях суть, идею, а в мелочах не быть педантом (от 45 до 100%), т.е. стремление противоположное тому правилу, которому они следуют в научных публикациях.

Большинство из опрошенных работали преподавателями, поэтому не удивительно, что 70% воронежских ученых главное кредо - положить все силы на воспитание нового поколения ученых, много преподавать, чтобы донести свои идеи до большего количества учеников. В то же время 30% опрошенных предпочитают заниматься научными исследованиями и не отдавать преподаванию слишком много времени в ущерб науки. Исследованиям чаще готовы посвятить себя маститые профессора (42%), доктора наук (52%). Исследовательская деятельность ученых технического профиля привлекает в полтора раза чаще (41%), чем гуманитариев (27%).

Среди гуманитариев подавляющее большинство опрошенных (73%) считают делом своей жизни преподавание, тогда как среди ученых с техническим профилем образования – только 53%.

Если российский ученый совершил открытие, проживая в другой стране, то он должен указать при публикации, что он родом из России. В этом уверены почти три четверти воронежских ученых (74%), потому что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой он является, имеет, так сказать, «страну приписки». Среди людей старше 60 лет число сторонников такого мнения возрастает до 82%. Люди с хорошим материальным положением так считают чаще (75%), чем бедные респонденты (50%). В то же время 26% воронежских ученых полагают, что указывать «страну приписки» не обязательно, так как знание универсально, вне границ и вне нации.

Среди молодежи количество подобных ответов возрастает до 48%. Технари чаще склоняются к космополитизму (32%), чем гуманитарии (26%). Но наибольшее количество таких ответов насчитывается среди бедствующих в материальном плане респондентов (50%). Очевидно, здесь сказывается своеобразная обида на свою страну, которая не обеспечила достатком.

Большинство воронежских ученых (74%) считают более правильным для ученых работать, не обращая внимания на авторитеты, разрабатывая собственные исследования. Но 26% опрошенных с этим не согласны. С их точки зрения авторитеты научного мира для того и существуют, что бы им подражать и на них равняться. Авторитеты значимы для доцентов чаще (33%), чем для профессоров (21%). Но самое большое значение они имеют для тех, кто в настоящее время работает над докторской диссертацией (50%). При этом гуманитарии чаще «западают» на авторитеты (31%), чем ученые технического профиля (21%).

Специфика этического идеала по Мертону и роль творческой интуиции

Специфика этических императивов Мертона состоит в том, что среди них нет заведомо ложных, некорректных утверждений. Они все правильны. Они все обоснованы. Но они противоположны, поэтому им невозможно следовать одновременно. Ученые предпочитают следовать тому или другому этическому правилу (при выборе из двух альтернативных) в зависимости от пола, возраста, весомости своего научного багажа и значимости научного звания, а также материального достатка и профиля образования.

По Мертону получается, что норма, этический идеал – это не горная вершина, достигнув которую можно успокоиться, победно озирая окрестности и глядя свысока на тех, кто к этой вершине пока ещё только карабкается. Нет, норма – это шаткий мостик над пропастью, где шаг влево или шаг вправо одинаково гибельны. А над пропастью, как правило, висит туман, поэтому пробираться по мостику можно лишь наощупь, иногда наугад, каждую минуту рискуя сорваться в пропасть. И действительно, как нащупать границу между естественным стремлением подражать своему учителю и требованием не походить на него?! Как определить меру своего знания, прилагая максимальные усилия для изучения всего относящегося к сфере исследования, чтобы при этом излишняя эрудиция, как говориться, не «замылила глаза», не стала тормозом для творчества?! Уж не издевается ли Роберт Мертон над читателем, предлагая ему практически невыполнимые задачи?! Нет, великий ученый осознал, что только таким образом и можно следовать норме в стремлении достичь идеала. Это не является универсальным рецептом и не может рассматриваться как детальная инструкция, следуя пунктам которой всякий может достичь цели. Эти задачи имеют решение лишь на уровне конкретного субъекта (у каждого своя мера), который соотносится с собственной совестью, ориентируясь на интуицию. Недаром интуиция стала предметом исследовательского интереса Роберта Мертона в последние годы его жизни. Известно, что Роберт Мертон скончался в воскресенье 23 февраля 2003 года в Нью-Йорке в возрасте 92 лет. За четыре дня до кончины ученого его жена и коллега доктор Хэрриет А. Цукерман получила сообщение о том, что Принстонский университет принял решение о публикации его книги «Путешествия и приключения интуиции: изучение социологической семантики и социологии науки». Не случайно проблемы творческой интуиции как источника научных открытий завладели вниманием ученого. Это – закономерное развитие его исследований в течение всей его необыкновенной жизни.

Использование этических норм Мертона в кодексах современных исследователей

Современные исследователи считают Роберта Мертона законодателем в области этики ученых [Яницкий 2017, 69-88]. Обозначенные им нормы институализированы, включены в профессиональные этические кодексы научных исследовательских сообществ и используются ими в качестве руководства к действию.

При этом они не являются догмой, в них явно прослеживается отмеченная Мертоном дихотомичность и амбивалентность.

Ассоциация российских социологических центров «Группа 7/89», к членам которой я принадлежу, утвердила свой Профессиональный кодекс социолога-исследователя в 2007 году. В нем почти дословно зафиксирована одна из дихотомических альтернатив Роберта Мертона: «Несмотря на объективную потребность как можно скорее предать гласности полученные новые знания, исследователь воздерживается от поспешных публикаций, когда их выводы и рекомендации недостаточно проверены и обоснованы. Особую щепетильность исследователь проявляет в тех случаях, когда недостаточно обоснованные или проверенные результаты исследования могут повлиять на репутацию и авторитет конкретных людей или организаций» [Профессиональный кодекс исследователя 2014]. С одной стороны, стремление как можно скорее поделиться новыми знаниями с коллегами признается объективной потребностью, с другой стороны, рекомендуется воздерживаться от поспешный публикаций, если они недостаточно проверены. Исследовательская деятельность социолога имеет свою специфику. Неверные результаты не просто могут ввести в заблуждение других ученых, они могут иметь пагубные последствия для авторитета конкретных людей или организаций. Это особо подчеркивается в разделе «Публикации» Профессионального Кодекса исследователя.

А в другом разделе – «Профессиональные дискуссии и полемика» – обозначена норма ведения научной дискуссии, которая также дихотомична. Кодекс утверждает, что «исследователь отстаивает свои взгляды, идеи и концепции, невзирая на конъюнктуру и авторитеты», - то есть он призван вести жаркие научные споры. Но при этом «профессиональная критика и полемика как естественные для любой сферы деятельности формы ее развития несовместимы с навешиванием ярлыков, употреблением выражений, задевающих честь и достоинство оппонентов и тем более с любыми попытками сведения счетов, расправы с оппонентами». Роберт Мертон сформулировал бы эти альтернативы в свойственной ему манере: «бесстрашно вести научные дискуссии, но не обижать оппонента». Следует заметить, что это труднодостижимо, так как человеку свойственно обижаться просто на то, что коллега не согласен с его мнением. Поэтому в Кодексе уточняется, какая именно полемика не приемлема: «навешивание ярлыков, употреблением выражений, задевающих

честь и достоинство». Практика обнаружила, что сама фиксация этических профессиональных критериев оказывает положительную динамику на коллективы ученых-исследователей даже вне связи с применением санкций за нарушения кодекса.

Можно заглянуть в Профессиональном Кодексе социолога, текст которого был подготовлен ИСПИ РАН в 2006 году, В ходе работы над ним использованы положения «Code of Ethics», где зафиксированы правила работы и этические нормы членов Американской социологической ассоциации. Дихотомия этических альтернатив, на которую указывал Мертон, встречается и здесь. В частности, вот одна из них: «Социолог считает своим профессиональным долгом быть в курсе научной и профессиональной информации в своей сфере деятельности, поддерживать высокий уровень профессиональной компетентности». Иными словами, важно накапливать багаж знаний и поддерживать профессиональный авторитет. Но здесь же встречаем следующее нормативное требование: «Социолог обязан предотвратить ситуации, когда его персональный авторитет может быть использован во зло» [Профессиональный кодекс социолога 2006]. То есть профессиональный авторитет не есть абсолютное благо, а лишь относительное. Он может быть использован двояко, как на доброе, так и на злое дело. Что же делать? Отказаться от знаний и укрепления профессионального авторитета? Конечно, нет. Но действовать, исходя из ситуации, советуясь с совестью, не пренебрегая интуицией. Собственно дихотомия свойственна любому нормативному требованию, поскольку проблема этики как раз и заключается в том, чтобы нащупать ту зыбкую границу, которая отделяет девиантное поведение от нормы.

Формируется понимание о необходимости этического кодекса в работе ученого-исследователя, с одной стороны, а также сложности воплощения этических императивов в связи с заданной дихотомией равнозначности альтернатив, с другой стороны. Конечно, профессиональный этический кодекс ученого, в выстраивании которого внес свою лепту Роберт Мертон вкупе с другими известными социологами, имеет универсальный характер не только по отношению к социологии, но и по отношению к любой научной деятельности с учетом её специфики. В то же время Роберт Мертон продемонстрировал хрупкость таких нормальных форм социальной регуляции, как доминирующие культурные ценности и профессиональные стандарты

Подводя итоги своей «необыкновенной жизни в науке» Роберт Мертон писал: «Окидывая взглядом свою многолетнюю работу, я обнаруживаю там больше осмысленности, чем предполагал. Дело в том, что с начала собственной работы, после аспирантских лет ученичества, я твердо решил следовать своим интеллектуальным интересам по мере их развития, а не придерживаться предопределенного жизненного плана» [Мертон 2012]. Он действительно выбрал самый эффективный путь для любого творчества – следовать своим интересам (а не «наступать на горло собственной песне»). Именно поэтому творчество Мертона столь интересно для его последователей и почитателей. Очевидный для него самого интерес, который он последовательно реализовал, по его утверждению, это особая область – социология науки. Но существовал и латентный интерес, который он реализовал столь же последовательно, хотя и не столь явно для себя самого. Это исследование этических проблем, начиная с маргинальных групп девиантного поведения, заканчивая учеными сообществами. Мертон сам ввел различение явных и скрытых (латентных) функций. Последние не интенциональны и не осознаваемы, они проявляются через непрограммируемые и неконтролируемые участниками следствия их рационализированных действий.

Мертон смог блистательно изменить стереотипные взгляды, которых долго придерживались ученые, убежденные в том, что эксцентричные гении не связаны правилами и нормами. Именно этот объем работы и послужил основанием для получения им в 1994 году в Белом доме Национальной медали за научные достижения. Он был первым социологом, кому была вручена медаль за науку.

Роберт Мертон указывал на то, что последние десятилетия развития социологии наглядно разрушили как стереотип социолога-теоретика, витающего в эмпиреях чистых идей, не оскверненных земными фактами, так и стереотип социолога-практика, вооруженного анкетой и карандашом в погоне за отдельными и ничего не значащими статистическими данными. По тонкому замечанию Мертона, теоретик и эмпирик научились не только работать вместе, но разговаривать друг с другом. Как шутил ученый, «иногда это означает лишь то, что социолог научился разговаривать сам с собой, поскольку все чаще один человек занимается и теорией, и эмпирическим исследованием» [Мертон 2006, 209]. Подводя итоги, можно заключить, что необыкновенный

диалог выдающегося социолога Роберта Мертона с самим собой получился блистательным.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мертон 2000 - *Мертон Р.* Питирим Александрович Сорокин - корифей социологической мысли XX века // Возвращение Питирима Сорокина. Материалы межд. научн. симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А.Сорокина. М: МОНФ; МФК, 2000. 520 с.

Мертон 2006 - *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 873 с.

Мертон 2912 - *Мертон Р.* Автобиографический очерк. 2012. URL: http://lib.sale/sotsiologicheskaya-teoriya_1350/robert-king-merton-avtobiograficheskiy-ocherk-82912.html (in Russian.).

Профессиональный кодекс исследователя 2014 - *Профессиональный Кодекс исследователя – члена Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89»/Ассоциация исследовательских центров.* 2014. URL: http://789.ru/docs/normdocs/15-kodeks.html (дата обращения 11.02.2018).

Профессиональный кодекс социолога 2006 - *Профессиональный Кодекс социолога*. Дата публикации: 17.12.2006. URL: http://socioline.ru/kodeks (дата обращения 02.02.2018).

Философия науки 2004 - *Философия науки.* Общий курс / Под ред. С. А. Лебедева. М., 2004. - 458 с.

Штомпка 2005 - *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. - 664 с.

Яницкий 2017 - *Яницкий О.Н.* Модернизация гуманитарного знания // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С.69-88.

Hunt 1961 - *Hunt M. A.* Biographical Profile of Robert K. Merton // The New Yorker, 1961. P. 39-63.

ROBERT MERTON'S VALUE IMPERATIVES AND THEIR ROLE IN FORMING SCIENTIFIC WORKERS' ETHICAL NORMS

N.A. ROMANOVICH
Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (Voronezh branch), Voronezh, Russia

Summary

The aim of this work was to show how the alternatives to the scientific ethos developed by R.Merton are embodied in the life of the modern scientific world, predetermining the adherence to certain ethical norms. In addition, the author was guided by the desire to link the stages of Robert Merton's life which the author connects with the conclusions about the place and role of a scientist and the correct use of the intellectual occupation results to which Merton came during his scientific work. The author presents a detailed study based on comparative historical and ethnographic methods and document analysis. The study deals with the problem of the options dichotomy for choosing alternatives which follow from the imperatives proposed by Merton. For example, it is shown that both opposite requirements are true: the need to be receptive to new ideas and at the same time the call to succumb to intellectual fashion. The paper explains that according to Merton a scientist should be keen on obtaining knowledge that will be highly appreciated by colleagues, but at the same time it is important work regardless of the research results evaluation. This study advances our understanding of how to be careful in formulation and details, but not to become a pedant. The dichotomy of these and other alternatives offered by Merton sets a difficult outline for the development of the ethical code for modern scientists. The author presents the most comprehensive analysis of Merton's imperatives, their reflection in the code of the Association of Russian sociological researchers «Group 789». The study examines the problem of a difficult choice between pairs of practically equivalent alternatives and analyses those decisions that modern researchers recognize as relevant. It was found that the very fixation of ethical professional criteria has a positive effect on teams of researchers regardless of the sanctions application for violations of the code. On the one hand the study results promote the need for an ethical code in the work of a research scientist; on the other hand, they make obvious the challenge of the ethical imperatives implementation in

connection with a given dichotomy of equivalent alternatives. The professional ethical code of a scientist, which Robert Merton along with other well-known sociologists contributed to, has a universal character not only relatively to a particular nation, but also regarding any specific scientific activity. This work is the most sensitive and topical search for sociology published to date.

Keywords: Robert Merton's imperatives, equivalent alternatives, social study and the professional ethical code of a scientist.

Romanovich, Nelli - Doctor of Sociology, Professor at the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Voronezh branch); gene. Director of the Institute of Public Opinion «Qualitas» (Voronezh).

nelly@qualitas.ru

УПРАВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫМИ КОНФЛИКТАМИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Е.А.СЕНЮШКИН
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация

Геополитическая конкуренция в современном мире развивается по мере углубления конфликта между секулярно-политической и церковно-религиозной культурами. При этом как национальные, так и международные акторы активно прибегают к различным способам управления религиозными конфликтами. Развитие внутриправославных противоречий на Украине является одним из примеров такого управления. В статье обосновывается положение о том, что в комплексе причин обострения внутриправославных противоречий на Украине следует рассматривать разнообразные факторы: внешнеполитические, внутриполитические, социальные, экономические, этноконфессиональные, информационные и др. При этом «пружиной» или движущей силой обострения противоречий является внешнее вмешательство в религиозные и церковные конфликты, которые синхронизируются с избирательным процессом в связи спредстоящими президентскими выборами на Украине. Анализ развития данного конфликта подтверждает его

встроенность в систему геополитического соперничества, которое является причиной турбулентности современной системы международных отношений.

Ключевые слова: управление религиозными конфликтами, геополитическая конкуренция, внутриправославные противоречия на Украине, внешнее вмешательство в религиозные конфликты, конфликт между секулярно-политической и церковно-религиозной культурами.

Сенюшкин Евгений Александрович - кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского, Симферополь, Россия.
seniushkin.evgen@yandex.ru

Введение

По мере углубления противоречий в мировой политической системе становится очевидным управляющее воздействие на конфликты разных типов. При этом управление конфликтными взаимодействиями может осуществляться как национальными, так и транснациональными акторами в диапазоне от урегулирования конфликта до его эскалации, в зависимости от целей, которые ставят перед собой конфликтующие стороны, или внешние акторы, явно не задействованные в конфликте, но преследующие свои собственные интересы. Наиболее плодородной почвой для внешнего управления являются этнические и религиозные конфликты в регионах, где переплетаются противоречивые напластования исторической памяти, коллективных травм, которые оживают на фоне обострения экономических и социальных проблем.

В современной мировой политике по мере углубления противоречий между секулярно-политической и церковно-религиозной культурами религия активно используется в качестве инструмента в международных конфликтах. В условиях обострения геополитической конкуренции религиозно-политические процессы активно подвергаются манипулятивно-технологическому воздействию. Это связано с тем, что религиозно-культурное пространство оказывает существенное влияние не только на индивидуальное мировоззрение, но и на политическое сознание и поведение больших масс людей.

Религиозные чувства пронизывают глубинные пласты как индивидуального, так и коллективного сознания, поэтому они легко подвергаются манипулированию, при этом акторы (как внутренние, так и внешние), осуществляя манипулятивное воздействие на большие массы людей, открыто не артикулируют свои геополитические цели. После появления тезиса С.Хантингтона о том, что «глобальная политика начала выстраиваться вдоль культурных линий» [Хантингтон, 2007, 13], манипулирование религиозной идентичностью приобрело беспрецедентные масштабы.

Большинство атворов, исследующих рассматриваемую в данной статье проблему, соглашается с тем, что религиозно-политические процессы встроены в современную систему международных отношений. По мнению А.Малашенко, религия сегодня активно вмешивается во внешнюю политику [Малашенко, 2009]. Существует и обратная взаимосвязь: внешняя политика достигает своих целей при помощи использования религиозного фактора. Это подтверждается словами бывшего госсекретаря США Мадлен Орбайт, которая утверждает, что «Основанная на вере дипломатия может быть полезным инструментом внешней политики» [Albright, 2006].

Обоснование сказанного выше можно проиллюстрировать на ряде примеров из новейшей истории. Наиболее наглядный пример связан с развитием внутриправославных противоречий на Украине, в ходе анализа которых становятся очевидными такие процессы как управление религиозными конфликтами и их эскалация в геополитических целях.

В начале 2019 года конфликт вокруг православной церкви на Украине окончательно вышел за пределы внутрицерковной повестки. Политологи пытаются разобраться в тонкостях канонического права, истории межправославных отношений. При этом ситуация, как правило, рассматривается в довольно ограниченном политическом контексте — оцениваются последствия либо для российско-украинских отношений, либо для взаимодействия России с Западом [Пареньков, 2018].

Целью данной статьи является выявление признаков управления религиозными конфликтами в условиях геополитической конкуренции на примере внутриправославного конфликта на Украине.

Для достижения поставленной цели мы будем прослеживать взаимосвязь внутренних и внешних религиозно-политических

факторов, которые влияют на развитие внутриправославных противоречий.

Динамика конфликта. Как известно, на Украине сегодня существует три православных церкви. Самая многочисленная - Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП), которая сама избирает митрополита Киевского, имеет финансовую и административную автономию, но признает своим главой патриарха Московского и всея Руси. Вторая — Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и третья — Украинская автокефальная православная церковь. УПЦ МП контролирует на украинской территории более чем 12000 приходов, УПЦ КП — почти 5000, а УАПЦ — чуть более чем 1200 [Сенюшкина, Степанов, Старченко, 2018, 30].

Идея создания поместной православной церкви на Украине была озвучена украинскими политическими элитами сразу после распада СССР и обретения Украиной статуса независимого государства в 1991 году. Однако катализатором этого процесса и точкой, ведущей к эскалации конфликта, можно считать весну 2019 г., когда этот проект получил политическую поддержку на высшем уровне государственной власти. В апреле 2018 г. президент Украины Пётр Порошенко обратился к Константинопольскому патриархату с просьбой о предоставлении соответствующего решения (томоса) для создания Единой поместной автокефальной (самостоятельной) православной церкви. 19 апреля 2018 г. украинский парламент поддержал обращение Порошенко к Константинопольскому патриархату, «за» было подано 228 голосов. Предложение Порошенко также поддержали две церковные структуры - УПЦ КП и УАПЦ, которые уже много лет ведут переговоры об объединении [Сенюшкина, 2018, 150].

В УПЦ МП к инициативе Порошенко и депутатов Рады отнеслись отрицательно, определив их как превышение власти и вмешательство в церковные дела, так как Церковь в соответствии со статьей 35 Конституции Украины отделена от государства.

Тем не менее, 9 октября 2018 г. Синод Вселенского патриархата приступил к рассмотрению вопроса об автокефалии украинской церкви, а 11 октября 2018 г. было принято решение прекратить действие томоса 300-летней давности о передаче Киевской митрополии Московскому патриархату. В решении синода говорится о восстановлении ставропигии Константинопольского патриархата в Киеве.

15 октября 2018 г. Синод Русской православной церкви объявил о разрыве общения с Константинопольским патриархатом по всей канонической территории РПЦ, включая Украину и Белоруссию.

15 декабря в Софийском соборе Киева состоялся объединительный Собор, на котором украинские политики и представители УПЦКП и УАПЦ объявили о создании новой Православной Церкви на Украине. Согласно решению собора, новое религиозное объединение на Украине называется «Православная церковь Украины» (ПЦУ). Предстоятелем церкви избран 39-летний Епифаний (Думенко), митрополит Переяславский и Белоцерковский УПЦ КП.

5 января 2019 г. Вселенский патриарх Варфоломей подписал томос об автокефалии Православной церкви Украины (ПЦУ), 6 января томос был вручен предстоятелю ПЦУ митрополиту Епифанию, а уже 3 февраля 2019 г. в киевском Софийском соборе состоялась интронизация главы вновь созданной ПЦУ Епифания.

Значение конфликта для мирового православия. Большинство церковных экспертов считают, что предоставление Константинопольским патриархатом автокефалии украинской православной церкви – это шаг к разрушению единства мирового Православия, и таких разногласий в семье Поместных Церквей не было уже давно: «Совершенно очевидно, что такое развитие событий выгодно определенным политикам, но представляет большую проблему как для Поместных Церквей, так и для простых верующих. Превращение схизматической структуры в Автокефальную Церковь представляет из себя опасный прецедент» [Горжава, 2018].

Своё отношение к созданию новой поместной автокефальной церкви на Украине высказали представители других православных церквей мира. В частности, Патриарх Сербский Ириней направил развернутое послание Патриарху Варфоломею, в котором он призвал Предстоятеля Константинопольского патриархата не потворствовать попыткам киевского режима манипулировать верой [Горжава, 2018].

Митрополит Савва, глава Польской Православной Церкви, обратился с посланием к Патриарху Варфоломею с призывом созвать Синаксис Предстоятелей Православных Церквей для широкого обсуждения ситуации на Украине.

В Болгарской Православной Церкви заявили, что в Константинополе сознают всю нелегитимность предоставления

автокефалии ПЦУ, а Вселенский Патриарх учитывает всю степень опасности издания «украинского» Томоса для всего православного мира, так как предоставление автокефалии ПЦУ повлечет за собой требования со стороны других церковных структур, желающих обрести самостоятельность.

В Болгарской Православной Церкви считают, что вопрос о независимой украинской Церкви активно продвигается со стороны США. Тем не менее, последние решения Болгарской Церкви говорят о том, что идти на конфликт с Константинополем она не готова. На последнем заседании Синода БПП было принято решение не поддерживать Русскую Православную Церковь, которая инициировала созыв Всеправославного Собора по вопросу украинской автокефалии. Против высказались восемь членов Синода, в том числе Патриарх Неофит.

По оценкам представителей Элладской Православной Церкви, Константинопольский Патриарх Варфоломей принял к рассмотрению политически мотивированный запрос Киева об автокефалии по поручению Вашингтона. Греческие эксперты указывают в связи с этим, что Варфоломей в последние годы де-факто оказался на содержании США. Пирейский иерарх Серафим в ходе встреч с Патриархом Варфоломеем не раз указывал ему на последствия вмешательства Константинополя в церковную ситуацию на Украине.

С критикой действий Константинопольского Патриарха Варфоломея выступил Митрополит Калавритский и Эгиалийский Амвросий, который считает, что в результате действий главы Константинополя православный мир оказался на пороге нового глобального раскола. Тем не менее, на проходившем 2-5 октября Синоде Элладской Церкви вопрос об украинской автокефалии даже не внесли в регламент, хотя, как говорят сами иерархи, в кулуарах он обсуждался.

Американский архиепископ Константинопольского патриархата Димитрий обвинил Патриарха Варфоломея в создании угрозы для целостности православного мира. В связи с этим церковные эксперты указывают на возможность дестабилизирующего влияния архиепископа Димитрия на положение Константинопольского патриархата с учётом того, что Американская архиепископия является основным финансовым спонсором Фанара.

Отношение к конфликту граждан Украины. Противоречивое отношение к созданию новой поместной православной церкви

характерно не только для мирового православия, но и для самих граждан Украины. Данные социологических опросов говорят о том, что только треть (35%) украинцев поддерживает создание в Украине поместной церкви. При этом 19% респондентов не поддерживают этот политический проект, треть респондентов (33,5%) ответили, что их это не интересует, а 12% затруднились с ответом. Об этом свидетельствуют результаты общенационального опроса Центра Разумкова, проведённого совместно с Фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива, который проводился с 16 по 22 августа 2018 г [Центр Разумкова, 2018].

Согласно данным опроса, среди тех, кто считает себя православным, 41% поддерживают создание Поместной автокефальной Православной Церкви, не поддерживают - 21%. При этом 40% греко-католиков высказались «за» и 19% «против» создания Поместной автокефальной Церкви, а 42% респондентов не интересовал этот вопрос или они затруднились с ответом.

Подавляющее большинство тех, кто не относит себя ни к одному из вероисповеданий (84,5%) и тех, которые считают себя «просто христианами» (74%), а также более половины тех, кто ответил, что они «просто православные» (без отнесения себя к одной конкретной Православной Церкви) (56%) или отвечали, что их это не интересует, или затруднились с ответом.

Кроме конфессиональных особенностей, которые влияют на отношение украинцев к созданию новой поместной церкви, отмечается корелляция с региональной принадлежностью. Доля тех, кто поддерживает создание Поместной автокефальной Православной Церкви, превосходит долю тех, кто это не поддерживает, в Западном (соответственно 60,5% и 12%) и Центральном (соответственно 41% и 15%) регионах. В Восточном регионе, наоборот, больше тех, кто не поддерживает создание поместной церкви (соответственно 14% и 32%), тогда как в Южном регионе их доли статистически значимо не отличаются (соответственно 16% и 18%). В Восточном и Южном регионах большинство граждан или не интересуются этой проблемой, либо не определились (такие составляют 54% на Востоке и 66% на Юге) [Центр Разумкова, 2018].

Геополитический характер внутриправославного конфликта на Украине. На политический характер внутриправославного конфликта на Украине указывает украинский политолог Николай Рыбачук, который отмечает, что «национально-патриотические силы Украины требуют как можно быстрее нормализовать

конфессионально-церковные отношения и использовать результаты этого процесса с политической целью…» [Рыбачук 1995, 138]. Представители УПЦ также указывают на то, что «Вопрос автокефалии для украинской церкви – это политический проект, часть предвыборной кампании» [Митрополит Антоний, 2018].

По мнению Д.Паренькова, «На нынешние действия Константинопольский патриархат пошел, исходя из своих собственных интересов, реализация которых стала возможна лишь в условиях современной международной обстановки. Константинопольский патриархат воспользовался локальным совпадением интересов с украинской властью и геополитической обстановкой, чтобы перейти в активную фазу конфликта. Фанар провозгласил самую значимую для РПЦ за пределами России территорию своим каноническим владением..., главная его задача — изъять эту территорию из сферы влияния Москвы и обозначить там свое присутствие, закрепив новый баланс сил» [Пареньков, 2018].

По мнению украинских экспертов, по мере развития внутриправославных противоречий на Украине активно распространяется католицизм, а также отмечается увеличение количества последователей нетрадиционных религиозных конфессий, таких как мормоны, кришнаиты и др. [Рыбачук, 1995, с. 143]. Кроме того, в результате межцерковных конфликтов в глазах верующих падает авторитет церкви в целом, появляется нигилистическое отношение к законам [Рыбачук, 1995, с. 144].

Как сообщает австрийская газета Der Standart, создание «объединенной церкви» на Украине может обернуться серьезными религиозными и политическими последствиями. По факту «новая церковь» Украины вовсе не объединяет верующих страны, а усиливает и ранее существовавший раскол [Рыжков, 2018].

Таким образом, предоставление Томоса вновь созданной украинской поместной автокефальной православной церкви следует рассматривать как один из элементов комплексной системы выдавливания Украины из сферы влияния России и последовательного перемещения в геополитическое пространство, контролируемое США. В качестве подтверждения этого тезиса можно указать на недавние изменения в конституции Украины, которые определяют курс украинского государства на вступление в ЕС и НАТО. По мнению А.Гущина, «Понимая свою ценность для Запада…Украина будет все настойчивее требовать скорейшей

интеграции в структуры НАТО и Европейского союза. И, хотя полноценного членства ни в Евросоюзе, ни в НАТО, Украина, скорее всего, в обозримом будущем не получит, сотрудничество с этими организациями приобретет весьма насыщенный и многоплановый характер» [Гущин, 2018].

Так или иначе, российское и украинское общества будут все дальше расходиться в культурно-цивилизационном плане, что, однако, не будет автоматически означать параллельного сближения Украины с Европой. На Западе будет нарастать усталость от российско-украинского конфликта, даже в контексте противостояния с Россией акценты будут перемещаться в другие сферы («вмешательство» в политические процессы, попытки «вбить клин» между Евросоюзом и США) [Гущин, 2018].

Выводы.

1. Развитие внутриправославных противоречий на Украине является одним из примеров управления религиозными конфликтами в условиях геополитической конкуренции, которая развивается на фоне углубления конфликта между секулярно-политической и церковно-религиозной культурами.

2. В комплексе причин обострения внутриправославных противоречий на Украине следует рассматривать разнообразные факторы: внешнеполитические, внутриполитические, социальные, экономические, этноконфессиональные, информационные и др. При этом «пружиной» или движущей силой обострения противоречий является внешнее вмешательство в религиозные и церковные конфликты, которые синхронизируются с избирательным процессом в связи спредстоящими президентскими выборами на Украине.

3. Анализ развития данного конфликта подтверждает его встроенность в систему геополитической конкуренции, которая является причиной турбулентности современной системы международных отношений.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гущин 2018 - *Гущин А.* Украина — есть ли выход из цугцванга власти? URL: http://mirperemen.net/2018/08/ukraina-est-li-vyxod-iz-cugcvanga-vlasti/

Горжава 2018 - *Горжава Б.* Отношение к «украинскому Томосу» Поместных Церквей / URL: https://spzh.news/ru/zashhita-very/56388-otnoshenije-k-ukrainskomu-tomosu-pomestnyh-cerkvej-polozhenije-na-oktyabry

Малашенко 2009 - *Малашенко А.* Религиозная экспансия и внешняя политика / URL: https://carnegieendowment.org/files/20berlinwall_malashenko.pdf

Митрополит Антоний 2018 - *Митрополит Антоній*: Питання автокефалії це частина передвиборчої кампанії / URL: https://politeka.net/ua/news/society/742140-mitropolit-antonij-vopros-avtokefalii-jeto-chast-predvybornoj-kampanii/

Пареньков 2018 - *Пареньков Д.* Политика канонов и границ / URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-kanonov-i-granits/

Рыбачук 1995 - *Рибачук М.* Україна і Росія: спектр міжконфесійних відносин // Украина и Россия в новом геополитическом пространстве. - К., 1995. – 160 с.

Рыжков 2018 - *Рыжков В.* Появление «новой церкви» на Украине рискует обернуться серьезными последствиями // Der Standart / URL: https://riafan.ru/1133272-poyavlenie-novoi-cerkvi-na-ukraine-riskuet-obernutsya-sereznymi-posledstviyami-der-standart

Сенюшкина 2018 - *Сенюшкина Т.А.* Анализ религиозной ситуации и уровня конфликтности в Крыму // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования онфликтов / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. – М.: ИЭА РАН, 2018. - С. 150-154.

Сенюшкина, Степанов, Старченко (ред) 2018 - Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 63 с.

Центр Разумкова 2018 - Центр Разумкова: 35% граждан Украины поддерживают создание единой поместной православной церкви - 2018 - / URL: HTTPS://RISU.ORG.UA/RU/INDEX/ALL_NEWS/COMMUNITY/SOCIAL_QUESTIONING/72529/

Хантингтон 2007 - *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций; пер. с англ. Т.Велимеева. - М.:АСТ; АСТ МОСКВА, 2007. - 571 с.

Albright 2006 - *Albright M.* Faith and Diplomacy // The Rev. of Faith & Intern. Affairs. — 2006. — Vol. 4. — Fall. — O 2. — P. 9.

THE MANAGEMENT OF RELIGIOUS CONFLICTS IN TERMS OF GEOPOLITICAL COMPETITION

E. A. SENYUSHKIN
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia

Summary

Geopolitical competition in the modern world is developing as the conflict between secular-political and Church-religious cultures deepens. At the same time, both national and international actors actively resort to various ways of managing religious conflicts. The development of intra-Orthodox contradictions in Ukraine is one example of such governance. The article substantiates the position that the complex of causes of aggravation of intra-Orthodox contradictions in Ukraine should consider a variety of factors: foreign policy, domestic political, social, economic, ethno-confessional, information, etc.at the same time, the "spring" or the driving force of aggravation of contradictions is external interference in religious and Church conflicts, which are synchronized with the electoral process in connection with the current presidential elections in Ukraine. The analysis of the development of this conflict confirms its integration into the system of geopolitical competition, which is the cause of the turbulence of the modern system of international relations.

Keywords: the management of religious conflict, geopolitical competition, internal Orthodox conflict in Ukraine, foreign intervention in religious conflicts, the conflict between the secular-political and religious cultures.

Senyushkin, Evgeny – Ph.D. in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Sciences and International Relations at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

seniushkin.evgen@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

М.А.СЕНЮШКИНА
Крымская академия наук, Симферополь, Россия

Аннотация
В статье рассматриваются особенности развития интеграционных процессов в современном мире в условиях взаимосвязи политического пространства и социального времени. Проанализированы особенности интеграционных процессов в условиях формирования новых государственных образований в интересах регулирования научно-технических процессов для обеспечения устойчивого развития и формирования рационального жизнеобеспечения человеческого общества.
Ключевые слова: интеграционные процессы, политическое пространство, социальное время, современный мир, диалог поколений.

Сенюшкина Маргарита Александровна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Крым, почётный член Крымской Академии Наук, Симферополь, Россия.
marsen2@yandex.ru

Политическое пространство в современном мире характеризуется развитием интеграционных процессов в формировании государственных образований в интересах регулирования научно-технических процессов в обеспечении сохранения природы и формирования рационального жизнеобеспечения человеческого общества. Мне, как представителю старшего поколения, понятны те процессы, которые действуют в современном мире. Для сравнения достаточно обратиться к периоду завершения Великой Отечественной войны, при этом становится ясным процесс преобразования межгосударственных отношений в современном мире. Я приведу пример из исторического прошлого, который положил начало интеграционным процессам в политическом пространстве современной действительности. Это было 4-11 февраля 1945 года, когда в Ялте собрались главы государств 3-х стран – Франклин

Рузвельт (США), Уинстон Черчиль (Великобритания), Иосиф Сталин (СССР), которые отметили, что сложившаяся политическая ситуация в мире требует новых подходов к решению общемировых задач. При этом И.В.Сталин отметил, что Лига наций не отвечает современным требованиям и необходимо создавать новые подходы к мироустройству. В этой связи было положено начало созданию Организации Объединенных Наций (ООН).

Организация Объединенных Наций была создана на конференции в Сан-Франциско, в целях поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений между народами и нациями, осуществления международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера. Устав ООН был принят на этой конференции 24 октября 1945 г. и эта дата считается днем создания ООН, то есть этот день признан как «Международный день ООН». Главные управляющие органы ООН - Генеральная Ассамблея; Совет Безопасности; Экономический и Социальный совет; Совет по опеке, Международный суд и Секретариат [Основные документы ООН 1995, 14-15]. Нужно отметить, что идея о формировании Организации Объединенных Наций оставила неизгладимый след в народной памяти. В городе Ялта (Крым) именем Франклина Рузвельта названа улица, а в Ливадийском парке установлен памятник этим трем государственным деятелям.

Следующим этапом интеграционного объединения является Европейский Союз, в который до весны 2004 года входили 15 стран: Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, ФРГ и Швеция. С середины 2004 года полноправными членами стали Чехия, Словакия, Словения, Кипр, Венгрия, Польша, Мальта, Эстония, Латвия, и Литва [Рудый 2004, 151- 152].

Однако интеграционный процесс продолжает свой путь объединения государств в мире, в целях создания единых подходов по определенным направлениям развития экономики и политики в мире. Так, в современных условиях действуют следующие объединения: группа 20-ти, ОДКБ, ШОС, БРИКС, АТЭС, которые, по мнению В.В.Путина, Президента России, заинтересованы в нормальном, честном и равноправном сотрудничестве с США и Европой [Основное содержание послания 2018, 40]. В этой связи нужно отметить, что с распадом СССР в 1991 году произошли

новые явления в интеграционном процессе. На смену СССР – единого государства, объединявшего 15 союзных социалистических республик, объединились в новом формате государственного строительства СНГ (содружества независимых государств) такие государства как Белоруссия, Россия и Казахстан. При этом нужно отметить, что Белоруссия и Россия образуют Союзное государство. В послании федеральному собранию Президент России В.В.Путин отметил: «ЕврАзЭс должен стать глобально конкурентным интеграционным объединением. На повестке дня – создание общих энергетических рынков, гармонизация финансовых рынков и таможенной системы. Продолжается работа по созданию Большого Евразийского партнерства» [Основное содержание послания 2018, 40].

24 – 25 сентября 1918 года в Нью–Йорке прошли заседания Генеральной ассамблеи ООН и Совета Безопасности, на которых рассматривались сложившиеся проблемы в мире, обусловленные проявлением и развитием терроризма на международном уровне и конфликтов в Сирии.

Политическое пространство в современном мире характеризуется проявлением новых тенденций в мировом развитии, обусловленных интеграционными процессами в интересах активизации социального времени в целях решения общемировых задач в создании объективных условий для материального и духовного развития человеческого общества. Рост интеллектуального развития человечества способствует внедрению широкомасштабных научно-технических достижений в жизнеобеспечении мирового пространства. XXI век, в отличие от предшествующих этапов мирового развития, представляет вступление мирового политического, социального, гуманитарного, культурного, научно-технического сообщества в формат информационных технологий и выход в космическое пространство. Таким образом, Земля стала носителем высокого уровня жизнеобеспечения человечества на всей территории планеты.

Политическое пространство определяется зоной действия политики в области определенных направлений социального времени. На этой основе происходят интеграционные процессы в целях выработки определенных направлений в жизнеобеспечении гражданского общества. Так, например, БРИКС (Бразилия Россия, Индия, Китай и ЮАР) объединились по наличию фактических достижений в политическом и экономическом пространстве. Так Бразилия и Россия обладают природными ресурсами, а Индия и

Китай – трудовыми ресурсами, так как в этих странах самая высокая численность населения. Сочетание стран с наличием природных ресурсов и активного трудового населения позволяет обеспечить мир эффективными результатами труда и жизнеобеспечения населения.

Социальное время представляет отражение единства пространства и времени, так как пространство и время не разделимы, они проявляются в тесной взаимосвязи, все происходящие процессы отражают пространство и время. Пространство – зона действия события и явления в обществе, а время является охватом продолжительности события и явления. Например, заседание Совета безопасности ООН. В этом случае пространство выражает число участников на заседании Совбеза, а время отражает продолжительность заседания Совбеза. Как видим, в приведенном примере политическое пространство и время не разделимы. Но при этом время отражается как социальное время, оно обусловлено разработкой политических вопросов в обеспечении сохранения мира в жизнеобеспечении государственных формирований и системе международных отношений в современном времени.

Политическое пространство и социальное время выступают в единстве и являются путеводными свойствами развития интеграционных процессов в жизнеобеспечении человеческого общества. Если происходят какие-либо катаклизмы и отклонения (абсолютные и относительные) в политическом пространстве, то такие процессы имеют прямое отражение в изменении социального времени. В качестве примера можно назвать события в Украине, произошедшие в связи с нарушением интеграционных процессов в политическом пространстве, обусловленные архаичностью в смене государственной власти в конце 90-х годов XX века. Отрицательные изменения в политическом пространстве Украины отразились кризисными процессами в социальном времени.

Теория относительности, разработанная известным всему миру физиком Альбертом Эйнштейном, в физических процессах означает единую связь пространства и времени. Теория относительности имеет прямое проявление взаимосвязей пространства и времени в системе политических и общественных отношений.

Поэтому интеграционные процессы в политическом процессе имеют прямое отношение во взаимосвязи социального времени и политического пространства.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основное содержание послания 2018 – Основное содержание послания президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию. – М., 2018. – 41с.

Основные документы ООН 1995 – Основные документы ООН в области защиты прав человека – М., 1995. – 291 с.

Рудый 2004 – *Рудый К.В.* Финансовые, денежные и кредитные системы зарубежных стран. – М.: ООО «Новое знание». 2004. – 400 с.

INTEGRATION PROCESSES IN THE INTERACTION OF THE POLITICAL SPACE AND SOCIAL TIME

M. A. SENYUSHKINA
Crimean Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Summary

The article discusses the features of the development of integration processes in the modern world in the context of the relationship of political space and social time. The features of integration processes under the conditions of formation of new state formations in the interests of regulation of scientific and technical development to ensure sustainable development and the formation of rational life support of human society are analyzed.

Keywords: integration processes, political space, social time, modern world, dialogue of generations.

Senyushkina, Margarita – Ph.D. in Agricultural Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, Honorary Member of the Crimean Academy of Sciences, Simferopol

marsen2@yandex.ru

ПРАВО НА КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: КРЫМСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Т.А. СЕНЮШКИНА
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация

Процесс интеграции Крыма в российское социально-культурное и политико-правовое пространство сопровождается конфликтами на международном уровне, связанными с противоречивыми толкованиями права на культурное наследие. В связи с тем, что структура ООН по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму, была остановлена работа по приданию статуса всемирного наследия расположенным в Крыму объектам. Несмотря на продолжающиеся споры о том, кому принадлежит культурное наследие Крыма, Россией проводится целенаправленная работа по сохранению объектов культурного наследия в Крыму. Ситуация, сложившаяся вокруг культурного наследия в Крыму, подтверждает наличие правовых коллизий в международных нормах права, действующего в сфере культуры, и требует совершенствования подходов к защите права населения Крыма на культурное наследие.

Ключевые слова: право на культурное наследие, культурное наследие Крыма, всемирное культурное наследие, правовые коллизии в международных нормах права.

Сенюшкина Татьяна Александровна – доктор политических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Крым, профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского, Симферополь, Россия.

tsenyushkina@yandex.ru

Введение

Право на сохранение культурного наследия активно обсуждается юристами и учёными как в России, так и в зарубежных странах. Теоретические аспекты изучения культурного наследия исследованы такими зарубежными авторами как Л. Смит,

Е. Калай, Т. Кван, Дж. Аффлек, Б. Хоффман, С. Навруд, Р.С. Реди, Р. ван Грикен, К. Белл, Р. Патерсон, Э. Кастен и др.

Концептуализация проблемы культурного наследия представлена в трудах таких отечественных ученых, как В.И. Иванов, И.О. Лосский, П. Сорокин, Е.Л. Иванова, Л.В Баева. Особую роль в отечественной науке сыграли работы Д. С. Лихачева [Лихачёв 1994 и др.], заострившего вопрос значимости российского культурного наследия в мировом культурном процессе.

Как отмечает Дахин С.Д., проблема сохранения культурного наследия имеет кроме видимой, практической и всеми обсуждаемой стороны и глубокую, внутреннюю историческую и аксиологическую значимость. Наличие или отсутствие грамотного механизма сохранения культурного наследия является лакмусовой бумажкой, демонстрирующей степень развития гражданского общества, а также отражает уровень его экономического и социального развития [Дахин 2012].

В условиях интеграции Крыма в российское социально-культурное и политико-правовое пространство исследования, связанные с толкованием права на культурное наследие, приобретают особую актуальность.

Деятельносьть ЮНЕСКО и культурное наследие Крыма

Данная тема получила особое преломление в связи с тем, что структура ООН по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму [Сенюшкина, Степанов, Старченко 2018, 29]. В результате Крым полностью отсечен от деятельности ЮНЕСКО. Остановлена работа по приданию статуса всемирного наследия расположенным в Крыму объектам.

В списке всемирного наследия ЮНЕСКО значится 26 наименований, имеющих в описании пометку «Российская Федерация». Также в список всемирного наследия входит древний город Херсонес Таврический, расположенный в городе Севастополе и имеющий в описании ЮНЕСКО пометку «Украина». До воссоединения Крыма с Россией ЮНЕСКО сотрудничала с музеем-заповедником «Херсонес Таврический», ассоциированными школами, кафедрами и научными центрами в Крыму.

Во время 204-й сессии исполнительного совета ЮНЕСКО, завершившейся 17 апреля 2018 г. в Париже, была принята резолюция о наблюдении за ситуацией в Крыму. В ходе

голосования за документ представители 16 стран высказались «за», 11 – «против», а представители еще 24 стран воздержались. Особый интерес для ЮНЕСКО представляют такие объекты как заповедник «Херсонес Таврический» и его хора, пять объектов, которые внесены в предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, международный детский центр «Артек», а также многочисленные исторические и архитектурные памятники национального значения, музеи, биосферные заповедники, научные центры.

Музей – заповедник Херсонес Таврический

По мнению зам. директора по науке музея-заповедника «Херсонес Таврический» Седиковой Л.В., музей является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО в Крыму независимо от каких-либо политических событий [Сенюшкина 2017, 81]. Россией проводится целенаправленная работа по сохранению указанного объекта. В декабре 2015 г. Херсонес Таврический получил статус федерального учреждения и был отнесен к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации. Херсонесский заповедник сегодня – это крупное научно-исследовательское и музейное учреждение, владеющее 418 га археологической территории. Его музейная коллекция насчитывает более 214 тыс. экспонатов, а архивное хранение составляет около 90 тыс. документов; научная библиотека содержит более 30 тыс. книг, в том числе и уникальных. Сотрудники музея-заповедника прилагают значительные усилия, чтобы наследие Херсонеса было доступно мировой общественности [Сенюшкина 2017, 81].

13 апреля 2018 г. в Херсонесе Таврическом состоялось заседание Союза музеев, на котором было принято решение о том, что эксперты России проверят культурные и природные памятники Южного берега Крыма на соответствие критериям всемирного наследия ЮНЕСКО.

Южный берег Крыма как объект культурного наследия

Южный берег Крыма (протяженностью около 70 км) не имеет аналогов не только в России, но и в мире. По климату, природной красоте, сочетанию горных, прибрежных и морских ландшафтов, он сравним с лучшими местами средиземноморского побережья (Лазурный берег и Амальфитанское побережье — объекты Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Но исключительным его делают рукотворность и масштаб.

Южный берег Крыма был изначально государственным проектом России, поощрявшей вложение больших средств частных владельцев в закладку парков и строительство усадеб, что позволило создать уникальный по своему масштабу историко-культурный и природный комплекс. Эксперты в сфере культуры считают, что наследие Южного берега Крыма сегодня остро нуждается в действенной охране, которая возможна только как особый государственный проект. Для реализации этих целей Фондом имени Д. С. Лихачева и Государственным Эрмитажем при поддержке Фонда президентских грантов был создан проект «Южный берег Крыма — территория всемирного наследия». Группа экспертов этого проекта в апреле 2018 года провела обследование Южного берега Крыма как комплексного объекта природно-культурного наследия и выработала предложения по его сохранению. Один из главных выводов экспертной группы проекта — правомочность постановки вопроса о выявлении, описании и продвижении комплексного культурного объекта Южный берег Крыма в Список Всемирного наследия Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Это может определить главные принципы и задачи в отношении этой территории, которые должны найти свое воплощение в целевой государственной программе по сохранению наследия Южного берега Крыма и в мерах по его продвижению как пространства культурного туризма [Южный берег Крыма – территория всемирного наследия 2018].

Директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский считает, что эта работа поможет защитить памятники природы и культурное наследие ЮБК от застройки: «Мы хотим проверить, насколько ЮБК соответствует высоким критериям ЮНЕСКО. Это позволит остановить застройку и все варварские вещи, которые там сегодня творятся, охранять и защищать наследие ЮБК».

По мнению заместителя директора Государственного Эрмитажа Светланы Адаксиной, исключительное значение ЮБК является основой для признания его комплексным объектом всемирного наследия, что будет способствовать более эффективной охране этой уникальной территории и расширения культурного туризма [Южный берег Крыма – территория всемирного наследия 2018].

Ханский дворец – музей в Бахчисарае

Важное значение для сохранения культурного наследия Крыма имеет реконструкция ещё одного уникального объекта – Ханского

дворца – музея в Бахчисарае, который является самым известным музеем, связанным с историей крымских татар. В прошлом он был территорией летней резиденции крымских ханов Гиреев. На территории музейного комплекса расположены дворец, гаремный корпус, ханское кладбище, мечеть. Первый национальный музей крымских татар был создан в ноябре 1917 года на территории Ханского дворца. В ноябре 2017 года музей отметил 100-летний юбилей.

В 2017 году в Бахчисарайском дворце-музее начались реставрационные работы, и сразу же вслед за этим произошло обострение конфликта между Украиной и Россией, связанное со спорами по поводу государственной принадлежности культурных ценностей Крыма. В частности, в Министерстве культуры Украины выразили возмущение проведением масштабных работ на памятнике национального значения «Ханский дворец» в Бахчисарае и потребовали прекратить реставрацию. Минкультуры Украины обратилось к международной Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО и Международному центру изучения вопросов сохранения и восстановления культурных ценностей.

В 2018 году в ряде СМИ в очередной раз появились публикации с резкой критикой процесса реставрации Ханского дворца в Бахчисарае. В этой связи депутат Госдумы РФ Руслан Бальбек, представители Министерства культуры Крыма, эксперты совместно с разработчиками проекта реставрации и представителями генподрядчика и проинспектировали ход работ на объекте и проверили, соответствуют ли действительности озвученные в масс-медиа критические замечания.

Как заверил депутат ГД РФ от Крыма Руслан Бальбек, все спорные вопросы по поводу ремонтно-реставрационных работ в Ханском дворце были детально проработаны специалистами: «Если бы не воссоединение Крыма с Россией, Ханский дворец мог бы просто погибнуть. Самое главное, что мы, не выходя за рамки предмета охраны, делаем все для того, чтобы сохранить дворец для потомков. Выделены колоссальные средства – 1,6 млрд рублей.

По данным экспертов, ученых, которые занимаются восстановлением и сохранением Ханского дворца, необходимо 6-7 лет, чтобы вывести его из того разрушения, которое он претерпел в период украинской юрисдикции.

Генеральный директор Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника Вадим

Мартынюк считает, что результаты проводимого администрацией музея мониторинга реставрации Ханского дворца не расходятся с мнением экспертов в этой области. Первый этап противоаварийных работ на объекте культурного наследия должен быть закончен в декабре 2018 года. На это в рамках Федеральной целевой программы выделено 148 млн рублей На полную реконструкцию главного корпуса необходимо более 1,6 млрд рублей.

Выводы

Процесс интеграции Крыма в российское социально-культурное и политико-правовое пространство сопровождается конфликтами на международном уровне, связанными с противоречивыми толкованиями права на культурное наследие.

В связи с тем, что структура ООН по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО прекратила все контакты с администрациями объектов культурного наследия в Крыму, была остановлена работа по приданию статуса всемирного наследия расположенным в Крыму объектам.

Несмотря на продолжающиеся споры о том, кому принадлежит культурное наследие Крыма, Россией проводится целенаправленная работа по сохранению объектов культурного наследия в Крыму.

Ситуация, сложившаяся вокруг культурного наследия в Крыму, подтверждает наличие правовых коллизий в международных нормах права, действующего в сфере культуры, и требует совершенствования подходов к защите права населения Крыма на культурное наследие.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лихачёв Д.С. 1994 – *Лихачёв Д.С.* Культура как целостная среда // Новый мир. – М., 1994. № 8. С. 3—8.

Дахин С.Д. 2012 – *Дахин С.Д.* Сохранение материального культурного наследия в полиэтничном регионе: историко-культурный анализ. Дис… канд. ист. наук 24.00.01. – Астрахань, 2012, 197 с.

Сенюшкина Т.А, Степанов В.В., Старченко Р.А. 2018. – *Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А.* (ред.). Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года. – Москва – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 63 с.

Сенюшкина Т.А. 2017 - *Сенюшкина Т.А.* XXXIII Харакский форум «Политическое пространство и социальное время: диалог эпох и ценности поколений» // Электронный научный журнал «Архонт». 2017. № 2. С. 76-88. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/xxxiii-harakskiy-forum-politicheskoe-prostranstvo-i-sotsialnoe-vremya-dialog-epoh-i-tsennosti-pokoleniy

Южный берег Крыма – территория всемирного наследия 2018 - Южный берег Крыма – территория всемирного наследия. Межсекционное мероприятие Санкт-Петербургского международного культурного форума // https://culturalforum.ru/event/1531839567034-otkrytie-vystavki-fotografii-yuzhnyj-bereg-kryma-territoriya-vsemirnogo-naslediya

THE CULTURAL HERITAGE HUMAN RIGHT: THE CRIMEAN DIMENSION

T. A. SENYUSHKINA
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Summary

The process of Crimea's integration into the Russian socio-cultural, political and legal space is accompanied by conflicts at the international level connected with the contradictory interpretations of the right to cultural heritage. Due to the fact that the UN educational, scientific and cultural organization – UNESCO has ceased all contacts with the administrations of cultural heritage sites in the Crimea, the work on giving the status of world heritage sites located in the Crimea has been stopped. Despite the ongoing debate about who owns the cultural heritage of Crimea, Russia is working purposefully to preserve cultural heritage sites in Crimea. The situation around the cultural heritage in Crimea confirms the existence of legal conflicts in the international norms of law in the sphere of culture and requires improvement of approaches to the protection of the right of the Crimean population to cultural heritage.

Keywords: human right to cultural heritage, cultural heritage of Crimea, world cultural heritage, legal conflicts in international law.

Senyushkina Tatyana D.Sc. in Political Sciences, Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations at the V. I. Vernadsky Crimea Federal University, Simferopol.

tsenyushkina@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ В ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ В РАЙОНЕ ГОРОДА КРАЛЕВО ОСЕНЬЮ 1944 ГОДА

Й. Д. СИМИЯНОВИЧ
Институт Сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия

Аннотация

Вследствие вывода немецких войск армейской группы «Е» осенью 1944 года из города Кралево, его стратегическое значение значительно возросло. Целью данной работы является расширение объема знаний о боевых действиях в Кралево частей Красной Армии во время Второй Мировой войны. В работе использованы документы, чья достоверность основывается на анализе источников, хранящихся в Военном архиве Сербии, Историческом архиве в Кралево, а также опубликованные источники и соответствующая литература.

Ключевые слова: Кралево, освобождение, Вторая мировая война, 1944 год, 1041-й стрелковый полк, 223-я дивизия 68-го корпуса, 3-й Украинский фронт Красной Армии, 2-я пролетарская дивизия Народно - освободительной армии Югославии.

Йован Д. Симиянович – доктор исторических наук, научный сотрудник Института сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия.

jovan_simijanovic@yahoo.com

Введение

После капитуляции Румынии 23 августа 1944 года и быстрого проникновения Красной армии (далее КА) в глубь Югославии, перед немецким командованием возникла серъезная задача обеспечить безопасную эвакуацию немецких оккупационных войск из Греции и южной части Югославии. 29 августа командование Юго-Восточного отделения немецких войск отдало приказ об усиленной защите центральной части Балканского полуострова. Войскам было приказано перегруппировать резервы под командованием Юго-Востока в районе Белград - Ниш - Скопье в целях обеспечения мобильности наиболее важных путей сообщения [*Сборник документов и данных о Народно-освободительной войне народов Югославии*. Т. 12. кн 4. Документы немецкого Рейха с 1944 по 1945 год, в дальнейшем тексте: Сборник

НОВ, Белград: Военно-исторический институт. — 1979, 544. Док. № 117].

Ситуация резко изменилась в начале сентября, после захвата власти Отечественым фронтом и перехода болгарской армии на сторону Красной Армии. Немецкое Верховное командование в начале сентября было вынуждено одобрить вывод группы армий «Е» из Греции [Группа авторов 1965, 350]. Верховное командование Вермахта 2 октября приказало эвакуировать свои силы с территории Греции, поэтому Командующему Юго-Восточными частями дано указание самостоятельно принять решение и доложить о времени начала эвакуации. На следующий день, 3 октября, Командующий Юго-Восточными частями приказал Командующему группой армий «Е» начать немедленно вывод войск из Греции, южной Албании и южной Македонии [Сборник НОВ. 1979. Т. 12. Кн. 4, 975. Приложение № 1].

Однако после освобождения Ниша (14 октября), запланированный первоначальный вывод группы немецкой армии «Е» из Греции в направлении Салоники-Скопье-Ниш-Белград не был осуществлен. В этот же день командная группа армии «Е» перебросила свой командный пункт из Салоников в Косовскую Митровицу. [Сборник НОВ. 1979. Т. 12. Кн. 4, 1152, приложение № 2]. Безопасная эвакуация группы «Е» имела большое значение, так как ее общее число составляло около 440 000 солдат [Пантелич 1977, 103].

Благодаря столь быстрому развитию событий, Кралево в середине октября 1944 года стало очень важным стратегическим объектом для немецких войск, потому что через город с населением около 15 000 человек проходила трасса для вывода немецких войск из Греции через долину Ибра и Западную Мораву. В самом городе находился большой железнодорожный узел с крупной железнодорожной станцией [Петрович1990, 16]. Защита земляного укрепления возле Кралева 14 октября была возложена на 34-й армейский корпус Вермахта под командованием генерал-лейтенанта Фридриха Вильгельма-Миллера, именем которого был назван армейский корпус [Чолич 1990, 70-71; Мирчетич 1990, 98, 114]. Для этого командный пункт корпуса «Миллер» 15 октября был переведен из Крагуевца в Кралево [Сборник НОВ. 1979. Т. 12. Кн. 4, 1153].

Незадолго до падения Белграда, 18 октября немецкое командование группы армии «Е» издало общую директиву о перемещении частей к западу от реки Дрины, чтобы обеспечить

наступление и оборону юго-восточной границы Рейха, что в очередной раз подтвердило важность защиты Кралева для безопасного отступления войск [Сборник НОВ. 1979. Т. 12. Кн. 4, 1159-1160]. К корпусу «Милер» быстро, уже 20 октября, была присоединена и подчинена боевая группа «Фегтле». Большую помощь корпусу «Миллер» в решении второстепенных задач оказал специальный штаб «Шоерлен», который также 20 октября получил задание обеспечивать безопасность трассы Вышеград - Ужице - Кралево. В то время именно на укрепленный вал перед Кралевским мостом немцы ожидали мощное сконцентрированное наступление вооруженных сил 57-й Красной Армии [Сборник НОВ. 1979. Т. 12. Кн. 4. Приложение № 2, 1160-1163].

После освобождения Крагуевца 21 октября [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14. Док. 90, 217] командование корпуса группы «Миллер» получило задание сосредоточить силы вокруг этого жизненно важного направления и сформировать земляной вал-оборонительный плацдарм вокруг Кралево длиной в 35 км. Командующий юго-восточными частями 23 октября издал приказ всем командирам, находящимся на территории важнейших для вывода немецких войск путей сообщения, строго держать линию фронта и стоять насмерть [Сборник НОВ. 1979. Т. 12. Кн. 4. Приложение 152, 1165]. В связи с укреплением обороны Кралева в этом городе был размещен 14-й корпус 7-й дивизии СС, который был почти уничтожен в предыдуоей военной операции возле Ниша, поэтому осталась лишь третья часть солдат этого дивизии. 749-й полк 117-й дивизии также участвовал в организации защиты. К 19 октября этим подразделениям удалось формировать оборонительные укрепления возле Кралево [Группа авторов 1965, 373]. Оборона была значительно усилена 20 октября с приходом около 4000 солдат 13 полка 7 дивизии СС «Принц Ойген» с одним батальоном горнострелковых войск под командованием бригаденфюрера СС Отто Кума [Kumm 2007, 306, 314; Мирчетич 1990, 101, 104]. К обороне, т.е. к армейскому корпусу «Милер» 25 октября присоединилась 104-я горнострелковая дивизия [Сборник НОВ. 1979. Т. 12. Кн. 4. Приложение № 2, 1164). До 6 ноября подразделения дивизии СС «Принц Ойген» были дополнены новыми людьми, поэтому они достигли числа 6 150 солдат, а общее число 34-го корпуса армии составило 23 530 солдат [Kumm 2007, 314, Мирчетич 1990, 104].

223-я дивизия 68-го корпуса 3-го Украинского фронта Красной Армии с общим числом 5000 солдат [Вуйичич 1990, 136]

и 2-я пролетарская дивизия 14-го корпуса Народно-освободительной армии Югославии (далее: НОАЮ), состояла из: 4 черногорской бригады, 3-й и 6-й сербской бригады и восстановленного отряда «Йован Курсула», состоящего в основном из местных жителей. Позже, 14 ноября, подразделения 25-й дивизии прибыли на поле битвы вокруг Кралево[24] [Пантелич 1977, 103, 107]. Общее количество единиц НОАЮ составляло около 5700 бойцов [Вуйичич 1990, 136; Урошевич 1990, 155]. Подразделения Красной Армии во второй половине октября наступали по главному пути сообщения – Западной долине Моравы. По приказу 2-й пролетарской дивизии НОАЮ, подразделениям 4-й пролетарской, 3-й и 6-й сербской бригады необходимо было охранять боковые фланги Красной Армии. Планировалось участие партизан в пересечении путей сообщения к Чачку, Косовской Митровице и Крагуевцу [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14, 18-19].

Первые столкновения низкой интенсивности на северо-восточных подступах к Кралево начались 17 октября 1944 года в первых боях частей 3 сербской бригады НОАЮ с поддержкой частей Красной Армии против 7-й дивизии СС «Принц Ойген», примерно в десяти километрах к востоку от Кралево [Божович 2012, 185-189]. Было отбито нападение немецких воск, взято в плен 60 немцев и большое количество оружия.[25] В последующие дни до 28 октября 3-я сербская бригада смогла правым флангом подойти к городу с юго-восточной стороны – в сельских горных районах вдали от основных транспортных линий. [26] В селе Врба, на правом фланге 4-й пролетарской бригады, линию фронта держала Красная Армия, чья поддержка тяжелой артиллерией сыграла большое значение для развития дальнейших событий[27] [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14. Док. 130, 335-339].

Грандиозное сражение началось 20 октября, когда 4-й батальон 3-й сербской бригады столкнулся с немецкими подразделениями на Чукоевском кладбище. В этой битве участвовало одно подразделение войск Красной Армии и одно подразделение 2-го батальона. Пять бойцов ЮА и один солдат

[24] ВА, НОВЈ, К 184, Ф. 1, док, 12/1; док, 14/1; док, 16/1; док, 37/1.

[25] Историјски архив Краљево у даљем тексту ИАК, фонд Збирка о радничком покрету и народноослободилачкој борби, у даљем тексту ЗРПНОБ, К 47, Извештај 3. српске бригаде Штабу 2. пролетерске дивизије.од 28. 10. 1944.

[26] ВА, НОВЈ, К 738, Ф. 3, док, 31/1; ИАК, ЗРПНОБ, К 47, Извештај 4. пролетерске бригаде Штабу 2. пролетерске дивизије од 28. 10. 1944.

[27] ВА, НОВЈ, К 738, Ф. 3, док, 33/1; ИАК, ЗРПНОБ, К 47, Извештај 4. пролетерске бригаде Штабу 2. пролетерске дивизије од 2. новембра. 1944.

Красной Армии погибли в битве. Немецкие войска не удало выбить из закрепленных позиций [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14, 169-170]. Бои на северо-восточных подступах к городу продолжались последние десять дней октября, но без существенных изменений на линии фронта [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14, док 98, 238, док 108, 271; Урошевич, 1990, 148]. Ожидания, что подразделения 52-й дивизии Красной Армии и 2-й пролетарской дивизии НОАЮ налетом захватят Кралево, не оправдались. К концу октября возле города осталась 2-я пролетарская дивизия НОАЮ и 52-я стрелковая дивизия КА [Чолич, 1990, 74]. В то же время боевые действия продолжались 26 октября, когда подразделения 3-й сербской бригады с минимальным успехом по всей линии фронта атаковали подход к городу с северо-востока [28] [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14, док. 119, 309-310]. После нескольких неудачных нападений подразделения Красной Армии на долгое время отказались от дальнейших действий в этом направлении и присоединились к организации защиты уже занятых позиций. Перестрелки без особых результатов продолжались и в последующие дни.[29] Затем последовало изменение положения частей КА. Вместо 52-й дивизии 5 и 6 ноября позиции вокруг Кралево были заняты подразделениями 223-й дивизии Красной Армии [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14, 168, 511; Урошевич, 1990, 163; Ибарские новости. № 1893/94, 8]. Новые армейские подразделения Красной Армии в дальнейшем ограничили свою деятельность защитой достигнутых позиций [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14, 168, 511-513]. Надежды на молниеносный захват города с помощью подразделений КА в штабе 2-й дивизии были развеяны 4 ноября, после совместно проведенного совещания в Штаб-квартире со 2-й дивизией НОАЮ. Командир 223-й дивизии сообщил своим коллегам из 2-й дивизии, что основная задача его подразделения состояла в том, чтобы удерживать позиции и быть готовыми остановить попытки проникновения немецких войск в Крагуевац и Крушевац [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 14, документ 178, 537).

Партизаны и Советы в октябре не смогли налетом взять город главным образом потому, что мост был очень хорошо укреплен, так как немцы ожидали главный удар Красной Армии именно в

[28] ИАК, ЗРПНОБ, К 47, Извештај Штаба 3. српске бригаде Штабу 2. пролетерске дивизије од 27. октобра 1944.
[29] ИАК, ЗРПНОБ, К 47, Извештаји Штаба 3. српске бригаде Штабу 2. пролетерске дивизије од 29, 30. октобра, 1, 3, 5, 6, 8, 11, 13 новембра 1944.

этом направлении. Однако и в будущем Красная Армия, похоже, не была достаточно амбициозна для нападения на укрепления моста. Основная часть войск и тяжелой артиллерии Красной Армии действовали в Белградской освободительной операции, и все ее подразделения, кроме 68-го стрелкового корпуса, были переведены на маршрут Будапешт-Вена. Основная задача 68-го корпуса Красной Армии состояла в том, чтобы обеспечить левый фланг КА.

По словам Средоя Урошевича, советское командование хорошо осознало силу немецких войск при отступлении и расценило, что ближайших освободительных войск недостаточно для достижения целей полного окружения и уничтожения немецких подразделений. По крайней мере, войска попытались как можно больше оттеснить врагов [Урошевич 1990, 162], исходя из имеющихся сил.

С другой стороны, члены дивизии «Принц Ойген» боролись с исключительным рвением, хотя им было известно, что их прародина в Банате в руках партизан и Советов [Божович 2012, 185-189]. Некоторые немецкие солдаты желали как можно скорее вернуться в Австрию и Германию, чтобы не попасть в плен к бойцам НОАЮ и КА, что сказалось на их решительном сопротивлении [Мирчетич 1990, 112].

Вывод группы «Е» проходил в ноябре. Командный пост Главного штаба немецкой армии 15 ноября переместился из села Стари Трг вблизи Косовской Митровицы в Сараево, и в тот же день генерал-полковник Александр Лер из Сараево приказал 34 корпусу неприступно защищать насыпь возле Кралевского моста, пока не будет закончена эвакуация 91 армейского корпуса [Чолич 1990, 77].

Новая атака подразделений Красной Армии в районе Кралево была спланирована так, что 223 стрелковая дивизия атаковала с двух сторон. Один полк в направлении Трговиште - Поповичи - Адрани - Мусина Река, а другой полк, в сотрудничестве с указанными подразделениями 2-й пролетарской дивизии, в направлении Врба-Кралево. В то же время 93-я стрелковая дивизия Красной Армии имела гораздо более важную задачу - пресечь пути сообщения между Чачком и Пожегой в секторе Прияновичи - Бйелошевац. Задача Ибарского подразделения НОАЮ состояла в блокировании путей сообщения между Рашкой и Кралево. Первоначально атака была запланирована на 19 ноября, вскоре была отложена на один день, т. е. на 20 ноября [Чолич 1990, 78]. Однако общая атака не была проведена в запланированное время,

потому что процесс подготовки и прегруппировки сил для сражения длился до 23 ноября. В штаб 1041 полка КА в Новом Селе, которым тогда командовал подполковник Пузыревский, были отправлены 15 членов 3-й бригады 2-й дивизии НОАЮ с целью подготовки к предстоящей атаке. Их задача состояла в том, чтобы взять наземные мины. С ними по пути в Штаб-квартиру 3 сербской бригады последовали два эксперта - взрывотехника.[30] В ночь с 23 на 24 ноября две бригады 2-й пролетарской дивизии сумели пересечь трассу между Кралево и Ушче у сел Замняча и Церъе[31] [Сборник НОВ, 1957. Т. 1. Кн. 15, док. 61, 176-177; док. 93, 249-251]. Однако в то же время немцам удалось перебросить к Кралево все важнейшие подразделения и боевые силы. К 24 ноября в Кралево подтянулись части дивизии СС «Скендербег», которые во время пребывания в городе взорвали остатки Железнодорожной мастерской и два склада.[32] Заключительные консультации по плану нападения на город были проведены 25 ноября между подполковником Матвеем Марковичем Пузыревским, командующим 1041-го Стрелкового полка, и Средоем Урошевичем, командующим 2-й пролетарской дивизией. Результатом встречи стала передача одной пушки и необходимого количества боеприпасов в четвертую черногорскую бригаду. На Пузыревского оставило сильное эмоциональное впечатление восхищение партизанских бойцов от пожертвованной им пушки и боеприпасов.

«Я видел бойцов, одеты по разному. Кто-то в гражданском костюме, кто-то в форме немецкого солдата, почти без обуви, со слезами на глазах. Они погрузили пушку и понесли на руках этот бесценный дар в свою бригаду. Ни я, ни командующий бригадой не смогли удержаться от слез. Все советские офицеры и солдаты, которые присутствовали при этом, были в восторге от такого энтузиазма югославских товарищей. Также плакали многие советские солдаты. Только тогда я понял, что эти люди, независимо от их плохого оружия и одежд, полны сил и энергии, проникнуты ненавистью к заклятым врагам отечества - немецким фашистам и способны на любые жертвы во имя Родины. Воевать плечом к плечу с такими людьми - это великая честь. Будучи убежденным в такой смелости и решимости югославских солдат, я лично отправился в боевой порядок бригады, и убедился, с какой

[30] ВА, НОВЈ, К 733, Ф 1, док 13/1.
[31] ВА, НОВЈ, К 184, Ф 1, док 16/1.
[32] ВА, НОВЈ, К 184, Ф 1, док, 35/1.

любовью они очищали и готовили к битве полученную пушку, обнимая ее как жених невесту. Тогда я был еще более убежден в успехе предстоящего боя».[33]

В тот же день, 25 ноября, немецкие войска начали планируемое отступление с широкой территории Кралево и разрушение военных, общественных и транспортных объектов. Командованию 34-го армейского корпуса «Миллер» было дано разрешение продлить крайний срок для отступления из Кралево до 49 часов, но чтобы «по приказанию безоговорочно прервать сражение возле Кралево и быстро отступить на запад, по пути уничтожая оборудование и военный материал, который не возможно унести». [Сборник НОВ, 1979. Т. 12. Кн. 4. Приложение № 2,1183 – 1184]. 27 ноября начался выход немецких войск из самого Кралева. Сразу же после принятия частей армии «Е», 34-й армейский корпус в ночь с 27 на 28 ноября распорядился о выводе немецких войск из Кралево. Затем последовал вывод частей дивизии СС на левый берег реки Ибар, которые разрушили мосты на этой реке [Сборник НОВ, 1979. Т. 12. Книга 4. Приложение № 1, 1072, 1076; Группа авторов, 1965, 378].

В ранние утренние часы 27 ноября нападение 3-й сербской и 4-й пролетарской бригады началось в сотрудничестве с частями Красной Армии. На следующую ночь, 28 ноября, город был полностью под контролем освободителей [Урошевич 1990, 166]. Во время сражения за город храбростью отличились бойцы 3-й сербской и 4-й пролетарской бригады, которые форсировали Ибар[34] [Сборник НОВ, 1957.Т. 1, 15, 245-247; № 91, 285; док 107; Группа авторов 1965, 350]. По словам Пузыревского, наиболее интенсивные бои проводились на правом фланге 1041-го полка, где была самая надежная оборонительная линия со стороны немецких войск. Пузыревский отметил, что на левом крыле фронта по склонам горы Гоч в сторону Ибара и Западной Моравы подразделения 4-й бригады продвигались быстрее, потому что с этой стороны более сильная защита была только на самых подступах к городу.[35] Независимо от дополнительных усилий и

[33] ИАК, Општински комитет Савеза комуниста Србије, Краљево, у даљем тексту ОК СКС, К 263, «Историја борбе за Краљево», у даљем тексту „Историја борбе, 5-6.

[34] ВА, НОВЈ, К 184, Ф 1, док, 35/1; К 738, Ф 3, док. 53/1; ИАК, ЗРПНОБ, К 47, Извод из операцијског дневника 3. српске бригаде за период од 1. до 30 новембра 1944; ИАК, ЗРПНОБ, К 47, Операцијски дневник 4. пролетерске бригде за период од 28. новембра до 1. децембра 1944; ИАК, ЗРПНОБ, К 47, Извештај Штаба 4 пролетерске бригаде Штабу 2. пролетерске дивизије од 1. децембра 1944.

[35] ОК СКС, К 263, «Историја борбе...», 6.

жертв со стороны КА или НОАЮ, вход освободителей в город мог осуществиться только после вывода корпуса «Миллер» и 7-й дивизии СС «Принц Ойген» [Сборник НОВ, 1979. Т. 12. Кн. 4, приложение № 1, 1087]. Во время боев с середины октября до конца ноября, Кралево не подвергалось воздушным ударам англо-американских военно-воздушных сил благодаря влиянию штаб-квартиры НОВЮ. Тем не менее, Кралево не было защищено от разрушений. Вспомним 34-й армейский корпус немецкой армии, который при отступлении уничтожил железнодорожную инфраструктуру, аэродром и все крупные объекты [Креякович, Бережнов 2014, 144]. В самом городе 1041 полк КА получил приказ приостановить дальнейшее преследование немцев. Бойцы полка столкнулись с проблемами своего размещения в городе и в некотором роде с организацией жизни гражданских лиц. Во время короткого пребывания 1041 полка КА в Кралево была официальная передача командования городом между Пузыревским – в качестве командира 1041-го полка КА, и Благо Янковича – в качестве командира 4-й черногорской бригады НОАЮ. В ночь на 1 декабря 1041 полк КА перешел на новую дислокацию в Крагуевце. Пузыревский свидетельствует, что во время их выхода из Кралево несколько сотен бойцов Четвертой черногорской бригады и большое количество жителей вышли на улицы, чтобы проводить войска. Он отметил, что многие горожане по этому поводу бескорыстно дарили красноармейцам цветы, фрукты и вино.[36] Точное количество погибших бойцов Красной Армии во время освободительной борьбы за город Кралево еще не установлено. Согласно некоторым источникам, которые появились на основе заявлений и воспоминаний местных жителей, 357 красноармейцев были похоронены возле Кралево. Согласно записям проведенной впоследствии эксгумации с 17 по 21 мая 1962 года, общее количество солдат Красной Армии, погибших в борьбе за освобождение Кралево, с середины октября до освобождения, составило 339 человек, или 340 солдат и офицеров. Только 223 дивизия потеряла 115 бойцов и 314 было ранено [Йоветич 1990, 527-528]. Потери подразделений Народно-освободительной армии Югославии составляли: 1 213 погибших и 3 118 раненых. По данным Германии, их потери составили 848 погибших, 3 249 раненых и 2142 пропавших без вести. Согласно данным, представленными КПСС в 1948 году, в Кралево и в непосредственной близости погиб 251 солдат Красной Армии

[36] ОК СКС, К 263, «Историја борбе...»,8-10.

[Бережнов, Вклад русской эмиграции в развитие Кралево 1921 – 1950, рукопись, 8][37]. Только 223 дивизия КА потеряла 115 бойцов и 314 было ранено. Потери немецких воск составлли 1 950 человек и 1430 раненых [Урошевић 1990, 163]. 30 ноября командующий 2-й пролетарской бригадой Средой Урошевич направил старшему командованию приблизительную оценку потерь немецких войск и количество военнопленных, захваченных в сражении.

Согласно этому отчету, немцы насчитывали 320 погибших, около 600 раненых, 100 пленных. Было изъято семь пушек, 2 танка, 3 грузовика, 23 вагона различных боеприпасов, 250 винтовок, 15 пулеметов, 400 вагонов и локомотивов. Было уничтожено 4 пушки и 30 автомашин.[38] Возможно, что несколько автомобилей были уничтожены немцами из-за их невозможности эвакуироваться. Согласно данным, опубликованным Янковичем в его работе, было подсчитано, что в боях в окрестностях села Врба и Кралево было убито около 495 немецких солдат [Янкович 1990, 253-254]. Также были опубликованы исследования, согласно которым подразделения НОАЮ в операциях по освобождению Кралево и Чачка в период с 16 октября по 15 декабря имели 1213 погибших и 3 118 раненых [Вуйичич 1990, 146].

Особенно интересен тот факт, что показания Блаже Янковича (командира Четвертой черногорской бригады НОАЮ) не являются идентичными показаниям Матвея Пузыревского. Более того, Янкович в своей работе из вышеупомянутого Сборника НОАЮ утверждает, что Пузыревский и его 1041-й полк КА даже не участвовали в конце операции по освобождению Кралева. По словам Янковича, 29 ноября Пузыревский прибыл в Кралево с просьбой о том, чтобы Янкович выдал ему свидетельство о сотрудничестве в освобождении города, хотя Пузыревский и его подразделение в то время находились в деревне Вранеши [Янкович 1990, 254]. Сомнения в объективности свидетельства Янковича возникают потому, что в одной и той же своей работе на разных страницах находятся противоречивые заявления, в которых он говорит, что части 1041 стрелкового полка 28 ноября действовали с позиций справа от 4-й бригады НОАЮ, на участке Ратина (правый берег реки Западной Моравы) [Янкович 1990, 250]. Урошевич в своей работе подчеркивает тот факт, что в сражении, которое началось 28 ноября, 1041 полк Красной Армии принял

[37] ИАК, Сремски комитет Савеза комуниста Србије Краљево, у даљем тексту СК СКС Краљево, инв. бр. 76, Гробови бораца Совјетске армије, од 17. 8. 1948.
[38] ВА, НОВЈ, К 184, Ф 1, док 35/1.

активное участие: «Преследуя немецкие войска, 1041 полк КА, 4-я сербская и 3-я пролетарская бригады форсировали Ибар и 29 ноября освободили Кралево» [Урошевич 1990, 165-167]. Урошевич подтвердил в одном из своих интервью, что освободители, возглавляемые членами четвертой Черногорской бригады, могли войти в Кралево только после того, как последние немецкие войска отступили к Чачку. По его словам, «серьезных боевых действий за освобождение города Кралево, не считая спорадических боевых действий в окрестностях, не было [Ибарские новости. № 1893/94, 8]. Свидетельство Урошевича, подтвержденное многочисленными немецкими и партизанскими источниками, опровергает исследование Янковича, так как можно сказать, что подразделения НОВЮ не освободили город, а вошли в него только после отхода немецких войск. В любом случае все доступные исследованния и достоверные источники полностью подтверждают, что Пузыревский с 1041-м полком КА на поле боя возле Кралево строго следил за выполнением приказов и указаний его Верховного командования. А стратегия и планы 68-го корпуса КА не шли рука об руку с амбициями большинства членов НОВЮ, не желающих окружения немцев и их скорейшего уничтожения. Согласно заранее запланированной стратегии, в конце осени 1944 года деятельность всех подразделений 68-го корпуса в Сербии была сведена к фронтальному «выталкиванию» немцев к реке Дрине. Более решительное участие этого корпуса было исключено, поскольку его основная роль заключалась в том, чтобы обеспечить крайнее левое крыло и тыл КА и стать ее резервом. Важным фактором был тот факт, что этот корпус состоял из мобилизованных, неопытных и плохо подготовленных бойцов [Чолич 1990, 85]. На эффективность боевых действий влиял другой не менее важный фактор – смешанность частей советской и югославской армии на уровне рот, батальонов и взводов, без эффективно решенных вопросов командования и сотрудничества [Миланич 1990, 119]. Несмотря на сложившуюся ситуацию, около 340 погибших бойцов КА в окрестностях Кралево свидетельствуют о заслугах и жертвах Красной армии. Подтверждение военных заслуг Матвея Пузыревского (и всех боцов 1041 полка) пришло в декабре 1946 года, когда «за успешное командование и решительные действия в боях за Кралево» он был награжден Югославским правительством Партизанской Звездой первой степени [39].

[39] ОК СКС, К 263, „Историја борбе...“, 9.

По предложению Городского комитета Союза бойцов НОВ из Кралево[40] 27 ноября 1969 года Городской совет присвоил Матвею Пузыревскому звание почетного гражданина Кралево. Однако он не смог лично присутствовать на награждении и от его имени выразил благодарность прежний советник посольства СССР в Югославии Юрий Островидов [Ибарские новости. № 848, 1]. [41]

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Подготовка к переходу частей НОВЮ из Матарушке Бане в освобожденное Кралево в 1944 году.[42]

Командиры частей, участвовавших в боях за освобождение Кралева в ноябре 1944 года. Первый слева – командир 2 Пролетарской дивизии.

Средое Урошевич и офицеры советских войск.[43]

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

[40] ИАК, Фонд Скупштина општине Краљево, у даљем тексту: СО Краљево, Служба протокола, К 16, Записник о раду 4. заједничке седнице сва три већа Скупштине општине Краљево 24. 11. 1969.

[41] ИАК СО Краљево, Протокол К 237, Записник са Свечане седнице скупштине општине Краљево одржане 27. 11. 1969.

[42] Народни музеј Краљево, Историјска збирка, Збирка фотографија, бр. нег. 621.

[43] Народни музеј Краљево, Историјска збирка, Збирка фотографија, бр. нег. 28.

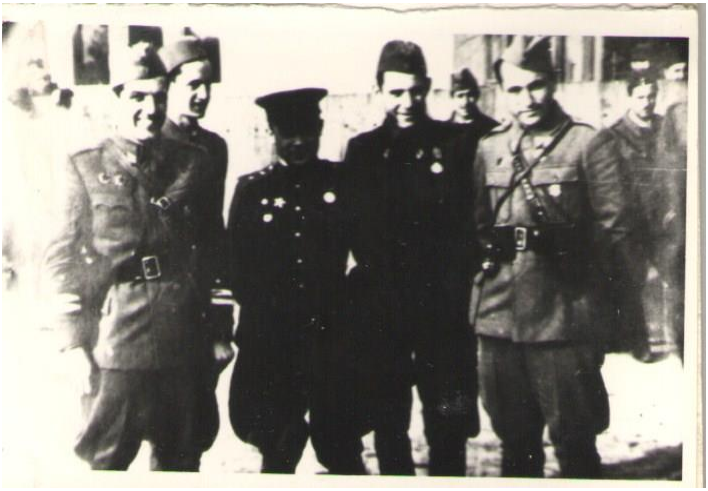
Војни архив Србије.
Фонд Народноослободилачке војске Југославије.
Историјски архив Краљево.
Фонд Срески комитет Савеза комуниста Србије.
Фонд Општински комитет Савеза комуниста Србије.
Фонд Скупштина општине Краљево, служба протокола.
Збирка о радничком покрету и народноослободилачкој борби.
Народни музеј Краљево
Историјска збирка, фотографије.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. tom 12. knj. 4, Dokumenti nemačkog Rajha 1944-1945. Beograd : Vojnoistorijski institut, 1979.

Зборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа, том 1, књ. 14, Борбе у Србији 1944. год, Београд : Војноисторијски институт, 1957.

Зборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа, том 1, књ. 15, Борбе у Србији 1944. год, Београд : Војноисторијски институт, 1957.



ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Ибарске новости: 5. 12. 1969: бр. 848, 1; 28. 12. 1989: бр. 1893/94, 8.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бережнов 2018 - *Бережнов А*. Допринос руске емиграције у развоју Краљева 1921 – 1950. Међународни тематски зборник: Српско-руски односи у прошлости и садашњости, Књ. 1. – С. 205-218.

Божовић 2012 - *Божовић С*. Дивизија «Принц Еуген», Панчево.

Вујичић 1990 – *Вујичић Г.* Преглед јединица и обостраних губитака у борбама за ослобођење Краљева и Чачка (16. X – 15. XII 1944. године). Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. новембра 1986. Године. С. 129-153.

Grupa autora 1965 - *Група аутора*. Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941 – 1945, druga knjiga, drugo prepravljeno i dopunjeno izdanje, Vojnoistorijski institut, Beograd.

Јанковић 1990 - *Јанковић Б.С*. «Ослобођење Краљева», Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. новембра 1986 године. С. 240-257.

Јоветић 1990 – *Јоветић Р*. «Борци Црвене армије пали у борбама за ослобођење Краљева», Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. новембра 1986 године С. 526 – 529.

Крејаковић, Бережнов 2014 – *Крејаковић С, Бережнов А.* «Савезничко бомбардовање 1944: Краљево гомила рушевина-масовна гробница», Наша прошлост, бр. 15 (2014 [št. 2015]), Историјски архив Краљево, Друштво историчара среза Краљево, Краљево. С. 137-171.

Kumm 2007 – *Kumm* O. VORWÄRTS, PRINZ EUGEN! - Geschichte der 7. SS-Freiwilligen-Division «Prinz Eugen», Dresden, Winkelried.

Миљанић 1990 – *Миљанић Г*. «Руковођење и командовање борбеним дејствима 14. корпуса НОВЈ у долини Ибра и Западне Мораве у јесен 1944. године», Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. новембра 1986. Године. С.118 – 128.

Мирчетић 1990 – *Мирчетић Д*. «Немачки мостобран – Краљево», Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. новембра 1986. године, Борбе са главнином немачке Групе армија «Е» на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944 године. С. 96 – 117.

Пантелић 1977 - *Пантелић М.* 25. српска НОУ дивизија, Војноиздавачки завод, Београд.

Петровић 1990 - *Петровић Д*. «Војно стратегијски положај Краљева и ширег западноморавско – ибарког подручја с посебним

освртом на краљевачко – чачанску операцију1944. год.» Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. Новембра 1986 године. С.13 – 21.

Урошевић 1990 - *Урошевић С.* «Друга пролетерска дивизија – операције у жупско – западноморавско – ибарском басену», Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. новембра 1986. године, Борбе са главнином немачке Групе армија «Е» на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944 године**.** С. 154 – 168.

Цолић 1990 - *Цолић М.* «Преглед борбених дејстава за ослобођење Србије са тежиштем на борбама за ослобођење подручја Краљева и Чачка и западне Србије у другој половини 1944. године», Зборник радова научног скупа одржаног у Краљеву 26-27. новембра 1986. године, Борбе са главнином немачке Групе армија «Е» на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944 године. С. 56-90.

IMPORTANCE OF RED ARMY INVOLVMENT IN WAR OPERATIONS AROUND KRALJEVO IN THE AUTUMN OF 1944

J. D. SIMIJANOVIĆ
Institute for Serbian Culture, Prishtina – Leposavic, Serbia

Summary

In October of 1944, Kraljevo became a very important strategic point for German troops, because Kraljevo was on the main route for pulling back German troops from Greece. Because of new circumstances German military southeast headquarter issued an order in which they directed defense of bridgeheads that stretched 35km around Kraljevo. Total number of the occupation troops in and around Kraljevo during October and November of 1944 was in the range from 20,000 to 30,000 soldiers.

On the liberators' side there was 223rd division, 68th corps, 3rd Ukrainian front of the Red Army (with 5,000 soldiers), and 2nd proletarian division, 14th corps of the National Liberation Army of Yugoslavia (NLAY). Total number of the NLAY soldiers that took part in battles around Kraljevo was about 5,700 soldiers. Altogether it makes up 10,700 liberators.

Crucial battles for freedom of Kraljevo started on November 27th. During the following night (November 28th on 29th), liberators forced Ibar river and entered the city abandoned by Germans.

The Red Army units demonstrated the great courage and selfless sacrifice. Together with the NLAY units they acted in liberation of Kraljevo as if they were liberating their own motherland. During the battles, the Red Army units suffered huge losses. According to exhumation records from May 17 to May 21 of 1962, the total number of the Red Army soldiers who died during the battles for Kraljevo freedom from the middle of October until full liberation makes up 340 soldiers and officers. In the honor of Soviet soldiers people of Kraljevo erected monuments on the places where Soviet soldiers lost their lives. The commander of 1041st shooting regiment of the Red Army Matvej Markovic Puzirevski was honored in 1946 with the Partisan Star of the First Class by the Government of Yugoslavia, and in 1969 he became the honorary citizen of Kraljevo.

Keywords: Kraljevo, liberation, 223rd division, 68th corps, 3rd Ukrainian front of the Red Army, 2nd proletarian division, 14th corps of the National Liberation Army of Yugoslavia (NLAY).

Simijanovic, Jovan – Doctor of Historical Science, Expert Associate, Institute for Serbian Culture Priština – Leposavić, Serbia.
jovan_simijanovic@yahoo.com

ЖАН-ЖАК РУССО – НАСТОЯЩИЙ КРИТИК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

С. СЛОВИЧ
Институт Сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия

Аннотация

Жан-Жак Руссо считал, что поиск новых знаний приводит к деструкции общества и моральному разложению. Мораль не имеет ничего общего с развитием науки и искусства. Интеллектуалы 18 века начали использовать человеческий разум для удовлетворения человеческих потребностей: их целью было рациональное общество, ценящее равенство, свободу и счастье. Стремление к нравственности рассматривалось как культурная и материальная деградация. Философы эпохи просвещения представили светлости разума все сверхъестественные догмы и суеверия, в том числе общественные и политические домыслы. Второй дискурс Жан-Жака Руссо получил обоснование в трактате «Об общественном договоре», посвященном поиску возможностей для полноценного

развития общества и его граждан. Что касается естественного состояния, Руссо считает, что это состояние равенства и одиночества, в котором отсутствует сотрудничество и конфликт. Такое положение вещей - путь к более рациональной общественной и моральной жизни. В обществе мы можем достичь состояния чьих-то потребностей и желаний. Идеальное общество является коммунитарным, в котором гражданские обязанности и ответственность превосходят индивидуальные права и свободы. Концепция Руссо о новой эпистемиологии, его теория прямой демократии и отрицания знаний и науки была в значительной степени воспринята постмодернистами 20-го века.

Ключевые слова: Руссо, просвещение, дискурс, Общественный договор, равенство, свобода, постмодернизм, общая воля.

Слович, Срджан – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Институт Сербской Культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия.

drsrdjans@gmail.com

Introduction

Since he was the contemporary of the era of enlightenment, Jean-Jacques Rousseau was considered as the one who had advocated it. Nevertheless, a thorough analysis of his writings reveals that he was against this era of enlightenment. In order to draw such conclusion it was necessary to study his philosophy thoroughly, and the era of enlightenment as well. On the other hand, it is not easy to qualify the enlightenment era itself. It is not enough to say that such era experienced its peak in the 18th century, but it is about the era which had been developed for two centuries. The enlightenment era is a bit controversial, and filled with different thinkers, writers, and other intellectuals out of which some contributed more, and some less to its development. From epistemological point of view, the enlightenment era tackles the belief in unlimited power of reason, and scientific knowledge, and from political aspect, this era tackles the secularization, and individualism. Besides these, the enlightenment era includes the following values: natural, and moral right, republican freedom, and equality of all in front of the law. One of the hypotheses of our research is the fact that Rousseau was controversial regarding the comprehension of the role of reason, and individualism.

Rousseau's Attitude toward the Enlightenment Era

Rousseau commenced with his opposition to the enlightenment era during the advertisement of the Academy in Dijon in 1740, for the best essay to the theme: «Did the restoration of science, and art contribute to the improvement of morale»? The majority of participants shared the opinion that the mentioning of the word «enlightenment» means *a priori* higher level of culture, and progress of humanity. It is believed that human kind slowly arises out of the century-long darkness, and backwardness. Reason is to be the institution which will conquer the world. Rousseau responded to this question negatively. In his essay under the title «The First Discourse – on Science, and Art» Rousseau argued that human society, and morale started going backward in the moment science, and art started progressing. Art, and science directed gods toward religion. Since he opposed the enlightenment era as the main orientation of that time, Rousseau wrote a famous quotation: «Here I am the barbarian because they do not understand me» [Rousseau 1964].

Rousseau posed himself contrary to something people of that time admired. For Rousseau, «our souls are corrupted in proportion to the progress of science, and art [Rousseau 1964]. Rousseau raised a very simple question: What is learning without virtue? What progress we are talking about without the one in goodness? After that he states that scientists of that time produced little useful for the society. In his First Discourse, Rousseau exposed to critics Voltaire's rationalism including other representatives of rationalism, and enlightenment era. He did the same in subsequent writings, which made him from the outsider the main critic of modernism. He was not traditionalist since he had given the primacy to sentiments against reason by which he became the protagonist of ultramodern era, which would replace the era of reason.

Rousseau's idea of the uselessness of science, art, and philosophy is derived from ethical tinges of altruism, which rest on metaphysical nature of man, as the being governed by emotions, what does not have the impact on the species in general. As per the Second Discourse, which tackles the origin of inequalities among people, the cause of all evils with man is the capability of self-perfection – his capacity to oppose his nature by wishing to became more that it was supposed to be, and what certainly is in his state of nature [Rousseau 1992]. All needs are satisfied with man in the state of nature by so-called natural conditions of fertility. The man is there «robust, agile, and brave, which is not the case in social state»[Rousseau 1992]). Man lives in his state of poverty, and harmony like the one in tribal stage, and social state is

established at the moment it reveals the idea of property. Property is the fundament of civic society [The Encyclopaedia of Diderot and D'Alambert 2009]. The pursuit of property ownership raises man over another, and deteriorates his survival. Someone who caught hold of something as his, he separated himself from other people [Rousseau 1992]. By the establishing of property the evil starts prevailing with man, and science, and art accelerate it more [Rousseau 1964].

After getting Dijon's award, Rousseau became extremely popular. Not only did his discourses bring him glory, but the entrance into high society as well, which in normal circumstances he could not enter. He became popular after his death in 1778 too. When French Revolution entered its radical phase, all referred to Rousseau. On the other hand, Catherine the Great was thrilled with Voltaire, and the founders of America by Montesquieu.

Soon Rousseau's impact expanded out of France. His precursors, and some contemporaries, developed theories based upon human nature as it is itself, but not as it ought to be (Machiavelli, Hobbes, Locke, and Spinoza). Rousseau attacked these theories radically. It is important for him how human nature ought to be, but not how it is. Hobbes inaugurates the term the state of war, and Locke the insecure existence. Rousseau criticises them due to the fact they neglected the state of nature, since they transferred ideas on the state of nature which are acquired in society; they were talking on savages, and described civilized man. All should be seen from natural aspect, which is true, and uncorrupted. Social aspect is false.

Rousseau elaborated his theory of anti-individualism, and anti-liberalism. His writings were the Bible of Jacobins during the French Revolution. Revolutionists in China, and Russia also used them. All is corrupted, but not only in France. Rousseau includes the whole era of enlightenment in Europe based on reason, and property. It is the fact the reason is the fundament of civilization progress, but to the detriment on the morale. Cultural and moral progress are unsymmetrical [Hicks 2004]. The reason is original sin of human species [Hicks 2004]. Before the reason was revealed in man, people were simple and lonely but satisfied with themselves. Rousseau implicitly advocates cosmopolitanism. Cosmopolitanism is not only moral, and political act but get contemporary outlines of character features – it is man open for other cultures, peoples, the one felling everywhere as at home [Стојадиновић 2006].

Rousseau's Social Contract

Rousseau approached the Social Contract as a rational political triptych, continuing with the attacks on corruption, and inequality as he had done beforehand. The most ideal type of society is a communitarian one in which people bound themselves for one general good of all including inevitable sacrifice to the political community they are belonging to. In that occasion their virtue is awarded.

By their commitment to community, self-discipline, and patriotism citizens live as human beings, and realize their moral potential. The citizens of such cohesive community enter the original social pact, which is different from the previous ones. It differs from Hobbes' since there is a subjugation with Hobbes, in order to get out from the state of war, people enter the pact (contract) where they transferred their rights to the sovereign, and he would govern over them by guaranteeing life, security, and order for them. Sovereign's power over them is absolute. This type of pact is a void one for Rousseau. Even though citizens agreed voluntarily to this pact, such consent is for Rousseau impossible [Dunn 2002]. In case every party is considered to be condescended or damaged, such contract is a void one. People may give up their property, but at no account of freedom as crucial element of humanity. Consent is not necessary in order to realize legitimate authority. The nature of contract is more important than the consent itself. In order the contract to be valid, all parties must have equal opportunity regarding it. In this case there is no a pact between master, and slave, prince, and subjects. The only contractual parties are people, who agree to govern over themselves. The only correct pact is the one where people are sovereign. Their sovereignty is inalienable, and cannot be transferred to anyone else [Dunn 2002]. Rousseau's originality is seen in the statement that people are bound with contract, but they are not subjugated to other authority except collective will – General Will (volonté generale). General Will is the comprehension key for Rousseau's communitarian vision.

General Will is immanent to democratic society, and it means something which enlighten people wish if it is capable of decision making as social being, and not as the individual. General will is neither a mere collection of the individual wills nor the ones of majority, - it is general due to the fact its subject is general good for all. Floating below, and above the will of all, General Will is «always constant, unchangeable, and pure» [Dunn 2002]. It always reflects common will of all members of community.

The role of freedom consists of the General Will implementation. Rousseau distinguishes two kinds of freedom: the first is enjoyed by the people in the state of nature, and freedom is understood as the act of doing in accordance with will in different situations; the second one concerns the higher good, and enjoyment in the quality of moral life. Such freedom belongs to citizen, who is able to suppress his private will, and take over consciously common good beyond all wishes, and benefits [Dunn 2002]. The road toward moral freedom leads from the radical uncertainty in the state of nature to the slavery in the social one.

General Will, together with people's sovereignty, take up crucial place in Rousseau's Social Contract, and are the main target of attack of his critics. Sovereignty is unlimited, no matter in which hands it is. The guilt should not be put to the form of power, but to the system of unlimited power. Rousseau himself directed his attacks to the power holders, but not to the power itself [Konstan 1883].

General Will with Rousseau should be considered at the level of theoretical abstraction: it is like Plato's idea. Will exists, and the reason should discover it. Here, we may observe that Rousseau gives some importance to reason. For example: voting in General Assembly does not represent a choice, but the determination whether given legal proposal is in accordance with General Will or not. The objective of election or voting is not the expression of personal attitude, but subjugation to General Will. All lying on the road of General Will should be removed – these are individual, and particular interests. In order to reach General Will the individual is supposed to eradicate egoism. General Will exists where man gives up the place to citizen. By introducing comprehension of unlimited sovereignty, Rousseau was frightened by the amount of power he had created so that he tried to limit that sovereignty with means which would disenable its execution. Since people's sovereignty cannot be alienated, it cannot be executed as well [Konstan 1883].

Rousseau as the Precursor of Postmodernism in Social Sciences

As Rousseau gives the advantage to direct democracy, he is supposed to advocate collectivism against individualism. Comparing with Locke's Social Contract which guarantees the rights to individual, Rousseau denies them. With Locke, state protects human rights, and its power is limited. With Rousseau, human rights are subjugated to society, and the power over individuals is unlimited. There is no the category of minority in Rousseau's theory of state. Thus, Locke's Social Contract is the chart of individualism, and Rousseau's the expression of extreme collectivism.

General Will has got nothing to do with the will of all (volonté de tous), which is a mere collection of individual wills, and takes into account only general interest. General Will is striving for equality, and it is the criterion of trust. Generally speaking, General Will with Rousseau is the compensation for the abandoned idea of natural right [Čavoški 1973]. If General Will was governed in one society, the following conditions should be met: a) the citizens themselves should pass laws depriving the representatives to do that, and 2) persons who pass laws should do that not as the members of special groups, but as the members of the whole society. In a well-organized society, the people express General Will by means of law. Since General Will is expressed by laws, citizens are those who pass laws, and not their representatives. General Will is subject neither to alienation nor to representation. People pass all decisions in the assembly except contracts on civil society establishment since that contract requires the consent of all. General Will is not to be imposed, but all are subjugated to it. In the last instance, all is subjugated to laws in which General Will is expressed.

Although Rousseau advocated direct democracy, he was very aware of the fact modern societies were not alike. In the society where particular interests, and abuses are flourishing, the deputies represent the people due to the fact that people are not interested in public affairs. Deputies are being alienated from people so that such people are not free. The people are free where they chooses their deputies – as soon as they are elected, people become their servant. Leaving passing of laws to the deputies, citizens are becoming non-interested in political process, and are giving up their most important political rights, and duties. Rousseau's model of direct democracy is not suitable for great states since people cannot pass the decisions alone.

Thanks to his comprehension of direct democracy, Rousseau is a real precursor of postmodern orientation in social sciences. Postmodernists accepted Rousseau's concept of direct democracy, although they were aware of the fact that in modern society's indirect democracy prevailed. In order to mitigate the impact of indirect democracy, postmodernist are in favour of the division between public, and private sphere. Strict separation of public from private sphere may make possible more authentic postmodern democracy. Such representation would be deprived of personal interests, and the accent would be put on general good. The existence of healthy public sphere would mean decisions were the result of critic discussion, and mutual debate, and all of that at open forum where everything could be reviewed – exchange of ideas [Habermas 1974].

Postmodernists wanted to be in accordance with the spirit of time, and tried to find a middle road since indirect democracy prevailed in Western societies. On the other hand, they were critical to that kind of representation. They link representation to parliament, and court. The key word of postmodern critics is the word again [Rosenau 1992]. It is about repeated representation of one thing, person, time, and place. Philosophy of Rousseau, Heidegger, and Nietzsche was very inspiring for postmodernists. For Rousseau, direct democracy contradicted to the principles of General Will, and from Nietzsche's attitudes emanated pessimism since he opposed the democratic representation in the spirit of his philosophy of nihilism; representation allows the weaker ones to form majority, and rule over the stronger ones. Heidegger also opposed the representation in accordance with his philosophy of existentialism since it is the incarnation of individualism, and rationalism. Foucault argued that in case subject, and object of representation are closely linked, real representation is not possible since it would oppose postmodern comprehension on the subject disappearing.

To sum up, Rousseau's philosophy was very inspiring for Kant, Hegel, Heidegger, Nietzsche, Marx, and postmodernists. It had also practical implementation after French Revolution. People lived better in the state of nature since reason initiated the creation for property, which initiated inequalities like zero sum game in international relations – gain for one is loss for another. The only way to build up moral society is the eradication of corruption. Individualism should give up the place to collectivism. Postmodernists will accept Rousseau's concept of indirect democracy, and new epistemology so as to build up theirs.

JEAN-JACQUES ROUSSEAU – A TRUE CRITIC OF THE ENLIGHTENMENT ERA

SRDJAN SLOVIC
The Institute for Serbian culture Prishtina-Leposavić

Summary

Rousseau thought that the search for knowledge was socially and morally destructive. Morale has got nothing to do with the progress of science, and art. The intellectuals of the 18th century embarked upon using human reason to address people's needs: their goal was a rational society dedicated to equality, freedom, and happiness. The road toward morality is to be cultural and material regression. Enlightenment philosophers exposed to the light of reason all supernatural dogmas, and

superstitious beliefs including social, and political assumptions. His Second Discourse was a step toward the Social Contract – a search for healthier path which society, and citizen can evolve. Regarding the state of nature he contends it is a state of equality, and loneliness – there is neither co-operation nor conflicts. This state is a path to a more rational social, and moral life. In social world we reach the state of one's needs, and desires. The ideal society is a communitarian one in which the responsibilities, and duties outweigh individual rights, and freedoms. His conception of new epistemology, direct democracy, and denial of knowledge, and science was largely accepted by postmodernists of the 20th century.

Keywords: Rousseau, Enlightenment, discours, Social Contract, equality, freedom, postmodernism, General will.

Slovic, Srdjan – PHD, Senior Research Associate, the Institute for Serbian Culture Prishtina-Leposavić.

drsrdjans@gmail.com

REFERENCES

Čavoški K. (1973) *Demokratski poredak i sloboda. Beograd:* Filozofske studije, 1973.

Dunn S. (2002) (editor). *The Social Contrat and the First and Second Discourse* – Jean Jacques Rousseau. New Haven and London: Yale University Press, 2002.

Habermas J. (1974) *The Public Sphere, An Encyclopedia Article, New German Critique*. – 1974. − No 3 (Fall). − pp. 49-55.

Hicks S. (2004) *Explaining Postmodernism* – Scepticism and Socialism from Rousseau to Foucault. New Berlin/Milwaukee: Scholargy Publishing, 2004.

Konstan 1883 – *Konstan B.* Načela politike, O ministarskoj odgovornosti. Beograd: Državna štamparija, 1883.

Rosenau P. M. (1992) *Postmodernism and Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions.* Priceton: Priceton University Press, 1992.

Rousseau J.J. (1964) *The First and the Second Discourses.* translated by Judith R. Masters. New York: st. Martin's Press, 1964.

Rousseau J.J. (1992*) Discourse of the Origin of Inequality. Trranslated by Donald A. Cress.* Indianapolis: Hackett Publishing, 1992.

Rousseau J.J. (2009) *Political Economy*. (abridged), The Encyclopedia of Diderot and D'Alambert, University of Michigan Liberty, 2009. http://hdlhandle net (2027), accessed July 28th 2018.

Stojadinović M. (2016*) Pojam i istorija ideje kosmopolitizma od antike do XX veka, Politička revija.* – 2016. – No 3 (49). − S. 79-98.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ГИБРИДНАЯ ВОЙНА

Р.И.СОКОЛОВА
Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье речь идет о традиционных ценностях как важном факторе идентификации и цивилизационного самоопределения государства. В связи с развернувшейся гибридной войной против России их значение существенно возросло. Автор рассматривает неодинаковую функциональную роль традиционных ценностей на международном уровне и внутри страны. Несмотря на существующую разноголосицу в понимании и толковании традиционных ценностей в стране, было важно зафиксировать их в качестве смыслового барьера от попыток производить глубокие изменения в системе ценностей личности и общества.

Ключевые слова: традиционные ценности, государство, цивилизация, сакральность, глобализация, гибридная война.

Соколова Римма Ивановна – ведущий научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Россия.
rimmsok70@yandex.ru

«Традиционные ценности» вошли в российское социально-политическое пространство сравнительно недавно и были зафиксированы в 2015 г. в «Стратегии национальной безопасности». Они получили статус фундаментального цивилизационного основания Российского государства, что было подчеркнуто во многих официальных документах [Стратегия 2015]. Учитывая особенности современного момента мировой истории, места и роли в ней нашей страны, было важно зафиксировать данный факт. Традиционные ценности сразу обозначили, а вернее сказать, декларировали другой вектор в стратегии российского государства, в его внешней и внутренней

политике. Их появление обусловлено как кризисом в международных отношениях, так и продолжающимся непреодоленным мировоззренческим кризисом индивидуального и общественного бытия в самой России.

Традиционные ценности имеют универсальное значение в мире, ибо посредством традиционных ценностей обеспечивается определенная заданность социального бытия государства во всех его аспектах и направлениях. При этом они могут только генерировать импульсы, которые воздействуют на самую ткань общественной жизни, но не диктуют конкретные формы ее воплощения. Представление о традиционных ценностях на протяжении истории менялось, но сам факт продолжения их существования свидетельствует об их значимости как проекта, по которому строится жизнь во всех ее проявлениях, даже если это не осознается.

Под традиционными ценностями обычно понимают ценности, которые являются базовыми и системообразующими для государства, т.е. образующими его духовный, мировоззренческий каркас. Такие ценности способствуют идентификации личности, общества и государства, что особенно стало актуальным в условиях глобализации. Они также служат основой формирования иерархии ценностей и норм в обществе.

Сформулированные в семье на основе традиционных ценностей индивидуальные качества человека помогают ему сохранять себя в условиях перманентной нестабильности, благодаря постоянному соотнесению своего образа жизни с универсальными принципами, т.е. с традиционными ценностями. В человеке может быть многое разрушено в силу деструктивных факторов существования в различных исторических катаклизмах, но при этом, как правило, сохраняется фундаментальная основа его личностного существования. Государство в свою очередь, сталкиваясь с проблемой идентификации и цивилизационного самоопределения, опирается на свои глубинные источники и подспудные представления о сверхличном социальном целом, зафиксированные в традиционных ценностях. Таким образом, они являются собирательным понятием для всего смыслового пространства страны, при помощи которого общество пытается противостоять разрушительным глобалистским тенденциям и сохранить свое унаследованное своеобразие. Отсутствие же традиционных ценностей ведет к утрате самоидентификации не

только личности, но и государства и поэтому представляет большую опасность, не всегда осознаваемую обществом.

Глобализация, проводимая Западом, воспринимается Россией и не только ей с большим опасением как подрывающая основополагающие устои государства, ее культурный генетический код, что грозит утратой идентичности, потерей возможности сопротивляться опасным, инородным влияниям. Как верно заметил К.С. Гаджиев, такие фундаментальные западные ценности как идея прав и свобод человека, «взятые в качестве стержневой составляющей идеологического обоснования внешнеполитической стратегии, не могут не быть сопряжены со многими непоправимыми для международного мира и стабильности негативными издержками» [Гаджиев 2008]. В самом деле, при современном международном положении эти ценности вряд ли могут претендовать на роль единственного ориентира в определении путей развития многих стран мира и решения сложных проблем. Участие же России в противостоянии с Западом далеко не в лучших экономических условиях требуют твердой опоры на исторический духовный опыт, ее традиционные ценности, так как способствуют мобилизации духовных сил народа.

Традиционные ценности приобрели особый общественный статус и значимость в России после того, как Запад развернул широкомасштабную информационную войну против нее и стал осуществлять различные способы давления. Поскольку традиционные ценности были выдвинуты в рамках «Стратегии национальной безопасности», то их главная функция обнаруживается прежде всего на международном уровне в рамках нового обострения в отношениях России окружающего западного мира.

Россия, как и некоторые другие государства, существует в последние годы в сложной ситуации инициированной США гибридной войны, в которой благодаря экономической глобализации применяемые многочисленные и разнообразные способы воздействия на страну не представлялись общественному сознанию особенно в начальной фазе как однозначно целенаправленное вмешательство. Несмотря на то что имеется огромный массив литературы о гибридной войне, термин этот является достаточно новым в российском политическом контексте. Он появился только после 2011 года, но очень быстро приобрел большое распространение в общественной практике и

публицистике. Его толкование в России в отличие от западного мира является более расширительным, что связано с попытками всеобъемлющего воздействия Запада на Россию, включая информационные, идеологические экономические, а также географические сферы.

Многообразные проявления гибридной войны особенно усилились и стали более выраженными после 2014 года. Поэтому они все больше вызывают обеспокоенность общественности и оказываются в центре внимания исследователей, анализирующих ее различные формы. Не останавливаясь на подробном изложении результатов этих исследований, представляется целесообразным привести обобщенную характеристику гибридной войны, которая представила, в частности, Н.А.Комлева. По ее словам, «гибридная война - это совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия во всех основных типах геополитического пространства осуществляется одновременно» [Комлева 2017].

К основным способам ведения гибридной войны в информационно-идеологическом пространстве, согласно Комлевой, относятся следующие: «1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны-объекта агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных базовых религий страны - объекта агрессии» [Комлева 2017].

Обозначенные формы ведения гибридной войны становятся все более очевидными для общественного сознания и они основательно освещены во многих публикациях. Для нашей темы важно сосредоточиться на такой составляющей гибридной войны, как война смыслов и ценностей, направленная на мотивационную сторону деятельности людей. Поскольку противостояние ценностей - значимая часть гибридной войны, соответственно традиционные ценности, о которых пойдет речь в данной статье, - это линия символической демаркации в гибридной войне с Западом.

Если основная функция и роль традиционных ценностей на внешнем контуре России представляется достаточно прозрачной и понятной, то применительно к внутренней ситуации все обстоит сложнее. В силу особенностей исторического и цивилизационного

развития, Россия при всей общности ее христианских корней с западными странами, имеет восточно-православные ценности, отличные от западных католических и протестантских, что порождает длящиеся до сегодняшнего дня споры относительно ее цивилизационной принадлежности. Кроме того, в России присутствует большая доля мусульманской, буддийской и иных культур.

Осложняет ситуацию также и то, что Россия последнюю четверть века пыталась вписаться в западный цивилизационный проект, отказываясь, по сути, от своих духовных оснований и традиционных ценностей. Провозглашение традиционных ценностей в российском обществе, признавшем приоритет рыночных отношений и ориентацию на западные индивидуалистические ценности было довольно резким и неожиданным и находилось в противоречии с основными мессенджами «новой России», отвергавшей ценности, которые строились на базовой матрице коллективизма. В связи с этим весьма актуальным представляется вопрос о том, существуют ли реально традиционные ценности в сегодняшней России, что они из себя представляют, и в каком виде возможно их существование: в каноническом или измененном в соответствии с меняющейся реальностью?

Современная политическая ситуация как в мире, так и в России требует определенности в данном вопросе. Однако это, как правило, ясно не артикулируется и почти не обсуждается. Философия, которая, казалось бы, должна была активно включиться в обсуждение данного вопроса, оставила без удовлетворительного ответа этот, а также другие вопросы, волнующие многих людей: как жить, куда двигаться, к реализации какого общественного идеала стремиться и многие другие. Это было следствием того, что резкая смена мировоззренческих и ценностных ориентиров в «новой России» привела к тому, что позиции философии в интеллектуальном и публичном пространстве страны оказались весьма ослабленными и неоднозначными.

Отсутствие в интеллектуальной и общественной жизни России какой-либо другой альтернативы современным западным нормам и ценностям таким, как однополые браки, крайний индивидуализм, постмодернизм с его отрицанием всяких смыслов привело к тому, что в центр общественного внимания и были выдвинуты традиционные ценности. Их необходимость внутри

общества была осознана в связи с растущим пониманием (стимулированным гибридной войной), что обществе есть некие мощные факторы, прежде не замечаемые и игнорируемые, но способные влиять на судьбу государства. В результате произошел определенный сдвиг в направлении к своему духовному наследию, а также к человеку и его субъективности. В философии давно считается аксиомой, что объективный процесс в социальном мире выступает как такая его часть, которая находится во взаимодействии с субъективностью человека. Традиционные ценности - это фактор во многом обращенный к личности, его глубинным структурам, к его мотивам и устремлениям, хотя они не находятся в однозначной связи с субъектом, ибо формировались также по неким объективным законам. В конечном счете традиционные ценности находят свое воплощение в социальной сфере, общественных отношениях, в области культуры.

Традиционные ценности - это ценности особого рода: не все признаваемые группой ценности, являются традиционными ценностями, Важным признаком традиционных ценностей является ссылка на их давнее происхождение, их наличие в опыте прошлого. Это проистекает отнюдь не из косной приверженности ко всему тому, что старо, а из убеждения в том, что традиционные ценности, пройдя испытание временем и существуя столь длительно, тем самым доказали, что они самые мудрые и надежные, ибо в них выкристаллизовался зашифрованный коллективный опыт. Следовательно, выступая посредником между прошлым и современностью, они носят вневременной характер, т.е. это некие вечные, универсальные принципы.

Осложняющим моментом для принятия традиционных ценностей всем обществом является то, что даже само их название действует раздражающе и вызывает негативные ассоциации у определенного сегмента общества. Негативная позиция основывается на представлении о том, что традиционные ценности берут свое начало в глубокой древности, а впоследствии тем или иным образом закрепляются и фиксируются в письменных источниках, имеющих религиозное происхождение, а также в психологии и в правилах поведения людей. Они считаются неизменными, вечными, поскольку имеют божественное происхождение, а стало быть несут на себе печать архаичного, патриархального общества. Не вдаваясь в анализ данных утверждений, в целом можно констатировать, что, как правило, такая интерпретация - всего лишь непосредственная реакция

некоторых людей, незамутненная рефлексией и во многом обывательская. Однако подобные настроения следует учитывать, когда речь идет о необходимости консолидации российского общества.

Наряду с этим в отечественной публицистике можно встретить упреки в том, что официальные документы, фиксирующие новый курс не дают разъяснений по поводу того, что следует понимать под традиционными ценностями. На самом деле некоторые разъяснения содержатся в «Стратегии национальной безопасности» и других документах, но они действительно недостаточны в качестве руководства к действию именно во внутренней политике, поскольку не раскрывают их содержание и не объясняют, чем мотивирован выбор тех или иных ценностей. Но такая цель и не ставилась, поскольку их главный посыл направлен на внешний контур, а не на внутренний, хотя они и взаимосвязаны. Нераскрытый смысл традиционных ценностей дает повод некоторым кругам российского общества называть их идеологической мантрой.

Тем не менее, в отечественной литературе предпринимаются попытки восполнить этот пробел и дать определенное объяснение. Существует несколько подходов в этом вопросе. Один из них определяет традиционные ценности как консервативные, которые центральное место отводят духовному опыту, ориентации на самосовершенствование человека, стремлению к стабильности, сохранению и устойчивости основных социальных, политических порядков, институтов, религиозных традиций. Понимая, что жизнь не стоит на месте и постоянно вносит свои изменения и коррективы, сторонники этого подхода призывают относиться к назревшим, необходимым изменениям очень внимательно и осторожно. Другое понимание традиционных ценностей сводится к трактовке этих ценностей как преимущественно ценностей религиозных. Именно религия и ее организации, согласно такому пониманию, являются главными хранителями и охранителями традиционных ценностей, включая и те, которые впрямую не связаны с религиозной верой.

Встречается также подход к традиционным ценностям, рассматривающий их как национальные, народные, национально-этнографические, национально-религиозные. Разумеется, нельзя отрицать принадлежность ценностей тех или иных этнических общностей к традиционным ценностям. Однако отождествление традиционных ценностей с ценностями национальными весьма

рискованное и одностороннее дело, которое может привести к национализму.

Понятие «традиционные ценности» является довольно расплывчатым и поэтому его толкования могут быть весьма различны. На ментальном уровне у каждого гражданина России есть свои представления о традиционных ценностях, сформированные их этнической, религиозной принадлежностью, а также индивидуальной судьбой, теоретическими и мировоззренческими представлениями. В одном из важнейших документов Российской Федерации «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» традиционные ценности трактуются как духовно-нравственные. Это - «человеколюбие, справедливость, честь, совесть, волю, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [Стратегия 2015]. Иное понимание традиционных ценностей дает, например, философ Р.Алейник, которая пишет: «Спасение человека в сохранении своей личности, своих традиционных ценностей: свободы, рациональности, индивидуальной телесности (выделено мной - Р.С.)» [Алейник 2008]. Можно сослаться еще на множество трактовок традиционных ценностей.

Как же быть с такой разноголосицей в толковании традиционных ценностей? Можно ли считать термин «традиционные ценности» удачным и приемлемым? С одной стороны, он фиксирует ценностную преемственность Российского государства в его различные эпохи, т.е. указывает на некие константы, составляющие генетический код и культурное ядро государства, которые способствуют сохранению суверенитета и национальной безопасности. Для фиксации этой данности в теоретическом арсенале трудно найти более подходящий термин. С другой стороны, этот термин вызывает ассоциации с «традиционным обществом», которое несмотря на современные теоретические разработки, доказывающие позитивные элементы этого общества, однозначно трактуется, особенно в публичном пространстве, как синоним архаичности, отсталости и регресса. Соответственно традиционные ценности рассматриваются как стоящие в непримиримом противоречии к «гражданскому обществу», «правам человека».

Действительно, этот термин вопреки желанию авторов соответствующих официальных документов таит в себе ловушку,

поскольку в нем очень прочно укрепились негативные коннотации, что и дает повод определенным социально-активным кругам трактовать традиционные ценности в негативном ключе. Чтобы найти выход из этой ловушки, следует более внимательно отнестись к самой сути и роли данного термина в этих документах и сделать более адекватным его обоснование, исходя из других предпосылок, о которых речь пойдет ниже.

Представляется, что традиционные ценности необходимо различать в двух смыслах. В первом смысле речь идет о традиционных ценностях в своей высшей ипостаси, как выражающих свою соотнесенность с духовной интенцией бытия и потому возведенные в ранг государственной регулятивной идеи. Во втором - традиционные ценности понимаются как проекция первых, т.е. того, что должно воплощаться в повседневной жизни людей, в их локальной жизненной судьбе, где они в зависимости от времени и ситуации могут подвергаться различным изменения и интерпретациям.

Назначение традиционных ценностей в первом смысле - быть неким духовным путеводителем, который, исторически сформировавшись и выйдя из человеческого бытия, стал со временем глубинным духом народа и тем самым приобрел определенную сакральность. Сама по себе сакральность не требует расшифровки и не позволяет публичности внедряться в глубинные основания духовного смысла культуры и общества, но в то же время резонирует с духом человека, с его внутренним настроем и самоощущением. Она является смыслообразующим центром в коллективном сознании в силу своей общепризнанности и авторитета. Как отмечал еще Э.Дюркгейм, сакральное является гарантом и символом целостности общества, поскольку любое общество испытывает потребность в сакрализации в период зарождения и складывания общности. Россия в некотором смысле находится именно в такой ситуации после периода неопределенности, утраты самопонимания и идентичности в результате вестернизации и ищет способы консолидировать общество.

Сакральное позволяет за бесконечным многообразием индивидуальных устремлений, мотивов, столкновений увидеть нечто единое, сплачивающее, без чего коллективное бытие приобретает хаотический характер столкновения и борьбы индивидуальных эгоистических желаний. Являясь символом безличного долженствования, оно оказывается исходной точкой и

центром целостности общественного коллектива, выступает средством его духовного единения и той силой, которая способна осуществить единение разрозненного. Поддерживая устойчивость общественного коллектива перед внешним давлением, сакральное выступает внутренним механизмом обеспечения выживания.

Таким образом, действие сакрального проявляется как на уровне общества, так и на уровне личности. Благодаря сакральному у человека появляется возможность принять как данное и уже сформулированное отнюдь не конкретным субъектом представление о смысле и цели существования. На это представление ориентируются многие люди и оно принимается ими, что обеспечивает им комфортность существования. Сакральное, как отмечает А.В.Медведев, «ухватывает момент существования личности, с одной стороны, как суверенного субъекта, а с другой, как представителя некоторой общности. Сакральное выступает той духовной нитью, которая связывает эти два начала и в то же время определяет границы их самостоятельного бытия» [Медведев 1999]. Если эмпирическое существование людей обременено множеством повседневных проблем и забот, решением текущих задач в ограниченном пространстве и времени, т.е. здесь и сейчас, то сакральное выходит за пределы этой ограниченности, охватывая всю целостность, полноту и вечность бытия человека в его высших проявлениях, ориентированных на ценностный приоритет. Сакральное, возвышая вечные, непреходящие ценности, в то же время демонстрирует неразрывную связь человека с бытием и позволяет индивиду полностью реализовывать свои насущные потребности.

Закрытость традиционных ценностей от попыток их расшифровки, их удаленность от непосредственного эмпирического существования каждого человека обеспечивает суверенность, уникальность индивидуального бытия, его свободу и независимость, и в то же время связывает индивидов невидимыми нитями. И наоборот, лишение традиционных ценностей сакральности путем их расшифровки, детализации, внесения каких-то определений, привязки к неким реальностям приводит к их разрушению из-за невозможности вместить всю полноту бытия, которую они выражают. Как следствие, общество приходит скорее к разделению, а не к консолидации, в которой состоит смысл и назначение традиционных ценностей. Если не пытаться заниматься расшифровкой традиционных ценностей, а признать их в качестве сакрального (ибо они таковыми и являются по своей

природе), придав им в определенной степени статус «национальной идеи», тогда они могут обеспечить потребность в духовном объединении, которое ведет к сохранении целостности и сплоченности российского общества при одновременном сохранении суверенности личности.

При таком подходе все упреки и претензии к традиционным ценностям снимаются, особенно если задуматься об их главной функции как во вне, так и внутри российского общества. *Во вне,* т.е. на международном уровне, выдвижение традиционных ценностей в условиях глобальной нестабильности, хаоса и деградации означает отстаивание своего права на существование на основе собственных ценностей и норм. Они означают выстраивание своего понимания основ построения мира в отсутствие привлекательного для всего человечества «образа будущего». Провозглашение традиционных ценностей дает народам надежду на возможность их иного существования. Стремление к отстаиванию традиционных ценностей наблюдается не только в России, но и в Европе, в Китае, и в Индии. При этом различия по религиозному или национальному признаку перестают играть свою ключевую роль. Выдвижение традиционных ценностей в центр внимания способствует более быстрому нахождению Россией союзников во всем мире. В этом плане является симптоматичным появление в австрийской общенациональной газете «Der Standart» статьи, которая усматривает большую популярность президента РФ В.Путина в странах Запада среди граждан, придерживающихся противоположных политических взглядов именно в его поддержке традиционных ценностей [Австрийские СМИ назвали…]. Повышение значимости России в мире может означать также ее переход в стратегическое наступление в гибридной войне.

Внутри страны назначение «традиционных ценностей» довольно неоднозначно. Трудность заключается в том, что, с одной стороны, традиционные ценности несут в себе альтернативу существующему рыночному капиталистическому обществу и находятся с ним в противоречии. Следование им ставит под вопрос принципы существующего строя, хотя под влиянием двадцатилетней вестернизации традиционные ценности незаметно ушли в тень и внешне не определяют жизнь большинства граждан. Однако сейчас они начинают оживляться под влиянием жесткой политики Запада, что, впрочем, является общемировой тенденцией.

С другой стороны, традиционные ценности - позитивный фактор укрепления суверенитета, национальной безопасности и консолидации, которые стали сегодня насущной задачей и проблемой выживания Российского государства. Именно поэтому было важно зафиксировать «традиционные ценности» в качестве основания для социокультурного и ценностного бытия государств, а также смыслового барьера от попыток производить глубокие и далеко идущие изменения в системе ценностей личности и общества в России, которые могут серьезно их деформировать.

Кроме того, многочисленные, но так и неосуществившиеся попытки сформулировать национальную идею, свидетельствуют о глубокой потребности общества в некоем надежном ориентире, твердом основании, на котором может строиться и развиваться Российское государство в истории. Невозможность структурирования российского общества по идеологическим параметрам из-за различных политико-идеологических ориентаций граждан, а также конституционного запрета на идеологию в России создает проблему для консолидации общества, которая так необходима в условиях гибридной войны. Поэтому данную функцию в некоторой степени могут выполнять традиционные ценности, которые в этом отношении дают некое подобие ориентира.

Функциональная значимость традиционных ценностей определяется тем, насколько та или иная общность готова отстаивать и использовать как все еще актуальные образцы ощущений, мышления, чувство удовлетворенности ими и основанного на них поведения. С социологической точки зрения в этом смысле для понимания механизма действия традиционных ценностей в обществе полезно обратиться к учению известного итальянского социолога Вильфредо Парето, который говорил о похожих вещах, но в другой терминологии. Ученый поставил себе задачу выяснить, каким образом в обществе, понимаемом им как система, происходит постоянный процесс нарушения его стабильного функционирования, неизменно сменяющимся состоянием равновесия. Заслуга ученого заключается в том, что он обратил пристальное внимание на роль субъективного фактора, играющего значимую роль в восстановлении равновесия в обществе. Различные его проявления он назвал «остатками». Согласно Парето, ««остатки» (как основа чувств, эмоций, страстей, инстинктов, психических состояний и предрасположений) имеют врожденный, естественный, не поддающийся влиянию внешних

условий характер. Они являются внутренними биопсихическими импульсами, определяющими социальное поведение человека» [Осипова 2004].

Поскольку традиционные ценности формируются в результате взаимодействия объективных внешних условий и субъективной составляющей, то в свете учения Парето становится понятной их необыкновенная устойчивость. Роль внешних и внутренних факторов разная: внешний, объективный компонент подвержен постоянным изменениям и даже уничтожению, в то время как внутренний, субъективный - руководствуется главным образом чувственным состоянием, а не сознательным, логическим рассуждением и поэтому менее всего подвержен изменениям. «Остатки» рассматриваются Парето как постоянная величина: Они «неизменны, постоянны, генетически заложены в человеке и потому являются теми элементами социальной системы, которые «детерминируют социальное равновесие» [Осипова 2004]. Таким образом, равновесие в обществе восстанавливается за счет сохранения чувственной природы индивида (остатков). Их наличие, пусть и подспудное, неартикулируемое объясняет, почему Россия возрождается всякий раз как птица Феникс после каждого исторического катаклизма.

Из-за неясности понятия «остатки», двойственной его природы (психологической и социальной) этот термин, как отмечает Е.В.Осипова, не вошел в словарь социологической науки, но свою эвристическую функцию он, конечно, выполняет, так как многое объясняет в системе взаимодействия различных факторов в обществе. Можно предположить, что «остатки» играют значимую роль в сохранении традиционных ценностей, которые благодаря им имеют довольно устойчивую природу. Человек руководствуется традиционными ценностями эмоционально, не вдаваясь в рассуждения об их истинности или ложности. Действительно, традиционные ценности обычно сопряжены с эмоциями, однако наличие чувств, эмоций как раз и свидетельствует об их существовании, ибо эмоции являются своего рода сигнальными лампочками, сообщающими о том, что традиционные ценности есть и они живы. Традиционные ценности и основанные на них элементы культуры наследуются как бы машинально, посредством эмоционального отождествления их с предшествующими образами и представлениями, когда определенный способ действий или порядок считался правильным и желательным, т.е. имело место чувство удовлетворения. Это чувство легитимизируют

традиционные ценности, которые служат для усиления сплоченности и самосознания общности.

В заключение можно отметить, что в российском общественно-политическом пространстве появляются проблески и намеки на формирование новой стратегии развития в условиях гибридной войны, хотя еще в очень общем и абстрактном виде и в ореоле некоей сакральности. Внимательно всматриваясь в окружающую действительность, можно заметить, что вместе с новыми общими проблемами и опасностями, в России идет болезненный и трудный поиск выработки новых форм мировоззрения, адекватных как вызовам современности, так и сущности человека. И традиционные ценности являются краеугольным камнем на этом пути.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алейник 2008 – *Алейник Р.* Человек информационной эпохи (ответы постмодернизма) // Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. Москва: ИФ РАН, 2008. – С. 235 -241.

Австрийские СМИ назвали три причины популярности Путина. – URL :https://rg.ru/2018/08/29/avstrijskit-smi-nazvali-tri-prichiny-popularnos. (дата обращения: 29.08.2018).

Гаджиев 2008 – *Гаджиев К.С.* Заметки о метаморфозах либеральных ценностей //Вопросы философии. Москва: 2008. № 5 - С.19 - 25.

Комлева 2017 – *Комлева Н.А.* Гибридная война: сущность и специфика // Екатеренбург: Известия Уральского федерального университета. Общественные науки. Том 12. №3.167. 2017. – С. 130-141.

Медведев 1999 – *Медведев А.В*. Сакральное как причастность к абсолютному // Екатеренбург: Философское образование. 1999. Вып.13. – С.42-50.

Осипова 2004 – *Осипова Е.В.* Социология Вильфредо Парето: политический аспект. Санкт-Петербург: Алетейя. 2004. – С.22-31.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. – URL: https://rg.ru/2015/12/31/nazbesopasnot-site-dok.html (дата обращения: 09.01.2019).

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html (дата обращения: 04.22.2018).

TRADITIONAL VALUES AND HYBRID WAR

R.I.SOKOLOVA
Institute of Philosophy Rissian Academy of Sciences, Russia

Summary

The article deals with traditional values as an important factor of identification and civilizational self-determination of the state. In connection with the unfolding hybrid war against Russia, their importance has increased significantly. The author considers the different functional role of traditional values at the international level and within the country. Despite the existing diversity in the understanding and interpretation of traditional values in the country, it was important to fix them as a semantic barrier against attempts to make profound changes in the system of values of the individual and society.

Keywords: traditional values, state, civilization, sacredness, globalization, hybrid war.

Sokolova, Rimma - DSc in Philosophy, Leading Researcher of the IF of the Rissian Academy of Sciences, Russia.

rimmsok70@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРБИИ

А.СТИШОВИЧ МИЛОВАНОВИЧ
Институт Сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия

Аннотация

Концепции нации и национальной идентичности по-разному определяются в исторической науке. Как классическая, так и современная историография согласны с тем, что на формирование идеи национальной идентичности влияет весь исторический, социологический, этнический и культурный дискурс. Литература также играет важную роль в формировании идеи национальной идентичности. В сербской литературе, независимо от того, является ли она национальной или авторской, старой или современной, идеи о нации, ее исторические основы, различия, имеют важное место. Старая литература была дистанцирована от европейских литературных курсов и поэтики и в основном касалась

патриотической и этической основы национальной идентичности. Новая сербская литература, которая развивается в тесном контакте и синхронизируется с европейской литературой, содержит идею пересмотра национальных мифов и очень часто – осуществления их деконструкции.

Ключевые слова: национальность, национальная идентичность, народная литература, старая сербская литература, новая сербская литература

Ана Стишович Милованович - доктор филологических наук, научный сотрудник Института сербской культуры, Приштина - Лепосавич, Сербия.

anaorfelin@gmail.com

Introduction

Historical science interprets differently the notion of the nation and the time of defining the determinants of what this notion means today. «Following B. Anderson, G. Engel, in a modern sense, implies not a naturally given, but rather discursively constructed notion of communion, which under the altered historical conditions is reconstructed again [Ras 2000, 452]. In this sense, the issue of national identity is conditioned by different historical, sociological, ethical or psychological determinants, which merge into the collective consciousness of the nation. «From the beginning of the 19th century, a national identity is formed on the basis of similar formulas. They primarily refer to the national saga, which can serve as a myth of the nation's birth» [Ras 2000, 452].

In Serbian historiography as well as in the whole culture, like with any other nation, there is one universal characteristic: «All national projects seek for the complete representation of their national identity, which means that it is not enough just to describe the customs of the people ...», it is necessary to find « the kind of imaginary, pure form of the nation [Ras 2000, 452].

In forming this imaginary, pure form of national identity, literature plays a particularly important role. Since the Hellenistic times, it has been in a mimetic relation to the world. This means that the literary texts recognize the reality of life, but also the projections of what life should be. Literature deals equally with both individual and collective, which becomes a valuable testimony of the way of understanding the nation and national identity. It describes the ways of constructing or deconstructing the national idea and national identity.

The Old Literature

National literature preceded authorial, written literature. It is a trace of the earliest times, but also a testimony of historical events and heroes, seen in the mythical code, which determines the collective consciousness of the people. «The phenomenon is, therefore, wider than a single social system, and in collective creativity, it naturally tends to be a collective rather than an individual expression. This is especially true for the man of patriarchal culture, who has created the major part of our poems and stories because this man acts more as a member of the community (villages, fraternities, tribes), than as an individual person. The sense of belonging to the collective is very developed in him» [Latković 1982, 14].

The remnants of the pre-Christian, pagan era, in folk literature, preserved various forms of religious and social paradigms. «Under the conditions of underdeveloped literacy, all the culture of one nation is preserved as an oral tradition ...» [Latković 1982, 9]. In that sense, the interesting ones are fairy tales, legends, and especially the oldest oral creations - folk lyrical poems: mythological, ritual and customal. They are in deep connection with the national values that are being formed. Although international motifs are recognized in these creations, the peculiarities of Serbian folk literature lay precisely in recognizable ethical principles, which are cherished and which the folk poet insists upon.

«The creations of oral literature are not only a condensed experience, but at the same time a picture of life» [Latković 1982, 12]. Fairy tales often reflect the reality of the time in which the folk artist tells them (family relations, struggle for succession, sacrifice or nobility of heroes), just as the collective values and importance of family are insisted upon in ritual and customal poems. One of these types of poems are the bee (community gathering) poems about work, that speak of the value of joint work, reciprocity and help that neighbors and relatives provide to each other, but also about empathy, marital love and compassion (*Jablan's bee)*.

In epic poems, depending on the historical period they deal with, there is a wide discourse of everything that belongs to ethnos and its determinants. Epic folk songs have already gone from the pagan to the eastern Christian, Byzantine, cultural discourse. The oldest poems speak about the events before the Kosovo battle and present historical figures and events, a real chronotope.

Among the characters of these poems are the members of the Nemanjić dynasty (*What happened to the treasure of the Nemanjics*), as

well as the Christian saints (*The Saints give away the treasure*). The intent of these poems is precisely in creating the idea of national identity, its deep rootedness in the past and its ancestral values. The Second thematic circle of epic poems is about the Kosovo battle. These are the poems with emphasized ethical principles, heroic ideals and exceptional individuals, who become role models for the time and people who will survive them.

The poems of subsequent times talk about the unusual examples of courage and the lack of respect for the obedience to the alien authority (poems about outlaws or the ones about Marko Kraljević). In the poems that emerge at the beginning of the 19th century, the pattern of fighting against the alien power varies, and the heroes are also the ideal of courage and readiness to sacrifice (Karadjordje, Ilija Bircanin, Duke Prijezda).

In the overall corpus of Serbian oral literature, an important element is the idea of patriarchal family relations, especially the love of parents towards children, sisters towards brothers, or the fraternal love and empathy for the loved ones. A woman, a mother or a sister takes an important place in this system of values (Jugovics' Mother, Mother Jevrosima, Kosovo Maiden, Wife of the Duke of Prijezda).

Oral folk literature had appeared before the written one, and subsisted with it during the Middle Ages and in the period of the Ottoman rule in the Balkans, and almost disappeared in the early 20th century.

Talking about authorial literature, the first writer of the Serbian original literary text is Saint Sava. In the Middle Ages, the writers were princes, monks, archbishops, noblemen and noblewomen. Their works are always religiously connoted and created with two clear, close intentions: first, it is the building and preservation of the cult of rulers, and then the formation of national consciousness. The Christian idea of a ruler as a God's envoy on the earth and his faithful people, entrusted to his care, reaffirmed the patriarchal pattern of the family and involved dedication and sacrifice for the ideas of the collective. The distinguished, gifted individuals (always possessing evangelic virtues) are necessarily a pattern of desirable behavior. They set the criterion and model (regarding patronage, humanity achievements, firmness of the faith, righteousness, or Christlike readiness to sacrifice). These ideas are first found in the lives of St. Sava, Theodosius, Domentijan, Constantine the Philosopher.

«All these writings, regardless of how diverse they were, make up a medieval literature of every educated man on the basis of which he formed his views on life and values» [Pavlović, Marinković 1959, 12].

After falling under the Turkish rule, written literature almost disappeared. Thus, Serbian literature remained outside the Western European changes of epochs and poetics. The old literature, appearing during the Nemanjićs' rule, will last until the end of the 16th century, until the last writer of the old literature, Gavrilo Stefanović Venclović. He was the first one to write speeches in the language of the people, and in his works there are delayed elements of the European literary tendencies (Baroque and Enlightenment).

After the great migrations in the 17th century, the towns of St. Andreja and Sremski Karlovci became the Serbian cultural and literary centers. Russian educators also participated in the education and literary life of the Serbs, as well as in the formation of ethical and aesthetic postulates of the new generation of Serbian intellectuals. First of all, Emanuel Kozachinski. «*Scholastic gymnasium* by Emanuel Kozachinski was the real focus of Russian-Slavic literature» [Deretić 1983, 175]. Kozačinski also wrote the first drama in Serbian literature, *Tragicomedy about Uroš V.* which was performed by the students of the Gymnasium of Karlovci. This is the first recorded theater performance in Serbia.

The New Literature

The first author of the new Serbian literature, Dositej Obradovic, brings explicit elements of European poetics into the Serbian literature. Obradovic is a writer the Age of Enlightenment. In that sense, he introduces new elements into the traditional patriarchal values and into the idea of understanding ethos. The nation is not defined by religious or territorial determinants, but by its language (which is the same or similar to all the Slavs in the Balkans). Dositej also insisted on other elements that would be important for the formation of the basic values of ethnos: the preservation of the old literary language and culture, as well as the introduction of the new ideas, language and tendencies, in the image of other European «well-educated» nations.

New European ideas in literary work reach the Serbs in the Austro-Hungarian Empire too. The entire generation of writers, such as Lukijan Mušicki, Jovan Sterija Popović or Branko Radičević in his early works, accepts classicism.

In the following years, under the conditions where the Serbian cultural centers exist outside Serbia (from St. Andreja, in the north, to Hilandar, to the south, or to Trieste to the west), Vuk Stefanovic Karadzic will play an important role in the formation of a national

identity. His reforms in language and orthography make a complete departure from old literary languages, and consequently the literatures written on them (Church-Slavonic, Russian-Slavonic, and Slavonic-Serbian). Vuk insists on the language of the people, which would be integral and unique, and would become the basis of the literary language. Vuk thus united many authors, on the same task: to discover and evaluate oral literature, not only as an artistic creation, but as a determinant of national identity.

Most poets in the epoc of romanticism will be on this trail. They write about national issues (Njegoš, Sarajlija, Jaksic, Zmaj, Radicevic). These are the works about the heroic times of the struggle for the liberation from the Turkish rule, but also about the old stumbling stone in Serbian history: the fraternal split and conflict, dishonesty and power. (*Our dear Lord got angry with the Serbs / because of their deadly sins / when they pull out each other's eyes while still alive...»* says Njegoš). A valuable part of this era is made up of poets, such as Radicevic and Laza Kostic, who wrote about the most important topics of existence with the eloquence of the Europeans, but in the language of the people. Both collective and individual.

The epoch of realism accepted the ideas of European poetics: in Serbian literature, they depict nature, age, life, as it is, in all its appearances. The image of a Serbian village, in the works of Milovan Glisic, mainly resembles the Gogol's gloomy image of the world, where morality and law give away in front of the arrogant power. An authentic writer of satirical stories, Radoje Domanovic, brings to the absurd all the faults of a scandalous and angry world. Domanovic often toys ironically with the idea of the glorious past and heroic deeds, which are turned into something grotesque and disgraceful (*Marko Kraljević for the second time among the Serbs*).

Laza Lazarević, the creator of a psychological story in Serbian literature, wrote best of all about the essence of the patriarchal values transformations, which are not taking place only in the world, but first of all within an individual who is brazen in front of the world. Due to his way of depicting the relationship between an individual and the collective, and the striking and exaggerated inner world of his characters, he is called Serbian Dostoevsky.

The epoch of Serbian modernity is marked by the works of the most famous Serbian poets (Aleš Šantić, Jovan Dučić, Milan Rakić, Vladislav Petković Dis, Sime Pandurović). In these works, there are poetic passions and diversity: for Šantić and Rakić, patriotic issues are very important. Rakić wrote a series of poems about medieval Serbia

and Kosovo, with a stressed elegiac feeling of losing national stronghold (*On Gazimestan*, *The Abandoned Church*). Ducic is the advocate of larpurlartism, and his idea of patriotism is in the beauty of the medieval Nemanjic Palace, in the decency and dignity of the Imperial family.

Especially interesting is the appearance of the authors, who had long been considered as regional writers: Bora Stankovic and Petar Kocic. Stankovic writes about Vranje, the southern Serbia, and Kocic about Krajina, in Bosnia. Both authors give an authentic image of their age, when the breakdown of patriarchal values began. Both of them remove masks from the face of time, showing that the disappearance of the former values reflects both in the individual and in the collective being.

The First World War brought dramatic changes in both historical and national sense. The Serbs become a constituent nation in the new Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. The old idea of pan-Slavism is partly realized in the idea of Yugoslavism. The most important authors of the post-war era are Miloš Crnjanski and Ivo Andrić. Crnjanski is an expressionist and for him all national values go through downfall and decay. (*«There is no Gračanica anymore, what would such a cemetery be for us? Marko resents awakening and dawn, / The graves are silent, they do not speak / Into the sky rises our / scornful smile of the slave. «Our Elegy»*)

During the First World War, Andrić, like Crnjanski, was an Austro-Hungarian soldier. But his perception of a national being is turned to the past. He writes nonrealistic, historical novels, dealing with the topic of national identity from the point of view of the Balkan multinational environment. Andric is also interested in comparisons and distinctions. In his work, especially in the novel *The Bridge on the Drina*, many mythical and archetypal national elements are presented in the authentic historical frame.

A writer who spoke about the war as an expressionist, just as Crnjanski did, (the novel *The Sixth Day*), and in the elements of his poetry and narrative prose, introduced the deepest mythical elements of the pre-Christian period (A Burlesque of Lord Perun: God of Thunder) was Rastko Petrovic.

After the Second World War, in the newly-formed Socialist Federal Republic of Yugoslavia, the notion of Serbian national identity was withdrawn. The post-war period celebrated first of all the battle against fascism and the union of all the constituent peoples of Yugoslavia. Only in the middle of the 20th century, there will be several novels, which re-open the issue of ethnicity and its identity. It is

interesting that many writers from this, socio-realistic idea, turned to other, national themes that gave them a status of disidents [Branko Ćopić, Antonije Isaković, Mihajlo Lalić].

After the novel about the national liberation struggle, (*The Sun is Far Away*), Dobrica Cosic wrote the novel *Roots*, where he deals with the political, historical, family elements of the Serbian nation from the end of the 19th and the beginning of the 20th century. In his novel *Divisions*, he talks about the ideological divisions in the Serbian nation, and in his work *Reach to Eternity*, he will glorify the historical efforts of the Serbian people in the First World War.

As early as 1955, *The Devils are coming* by Miodrag Bulatovic emerged as one of the most important works of the postwar period. It is a picture of the urban world, underworld and crime, ruled by *stench and rot*. Bulatovic opened the door to the writers of similar provenance, the authors of the real prose: Dragoslav Mihailovic, Vidosav Stevanovic, Milisav Savic, Miroslav Josic Visnjic. They depict the world in its most elemental form: the world where there are no ideals, where the evil is evil. These authors use a simple language, sometimes a dialect or jargon. They depict raw reality and shocking human destinies. Their heroes most often yearn to go abroad into the world, to escape, to abandon their banal and senseless lives.

A special thematic circle consists of the writers of different intentions. Vladan Desnica, Danilo Kiš, Borislav Pekić, Radomir Konstantinović, Bora Ćosić are the authors who also deal with the issue of national identity, but they do so in a very special way. Their works are grounded in reality, but their outcome is in the intellectual, universal. The individual destinies in particular, life realities, get the characteristics of the contemporary ideas.

The sublimity of the national values is transposed to a higher level, where everything is re-examined and constructed again. Pekić's novel *Golden Fleece* is the paradigm of this idea, because in this work the plot begins in the era of Olympic gods and heroes, and ends in the town of Bled, at the moment when the birth of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes is celebrated.

The Modern Tendencies

In the second half of the 20th century, Serbian literature had already distanced itself from the national themes in the classical sense. Both in the sense of genre and themes, it set on the path of postmodern production. The most important author, who was dealing with the idea of national identity in the postmodern fashion, is Milorad Pavić. His novel *Dictionary of the Khazars* is a paradigm of Serbian postmodern

literature. The fate of a nation of ancient origin and a high culture that had erased history from the face of the earth was skillfully used as the allegory for everything that can be the identity of the Serbian or any other people.

In this sense, the deconstruction of national myths was also created by other authors of postmodern poetics: Sava Damjanov, Svetislav Basara, Radovan Beli Markovic, Aleksandar Gatalica, Zoran Ciric, Milisav Savic. They belong to those writers «who knew or know how to creatively reconcile the national perspective with what is happening on wider literary meridians, or the writers who know how to adapt the foreign creative experiences to the sensibility and tradition they belong to.» [Joković, 2002: 359].

This year, Dejan Atanackovic was the laureate of the NIN Award, the most significant Serbian award for the novel of the year. In his novel *Luzitania* , the historical frame is the First World War. The author in his novel explicitly explored the very idea that can be found in the entire modern Serbian literature: the national identity is determined by the past, but the future inevitably changes its course.

NATIONAL IDENTITY IN THE OLD AND NEW SERBIAN LITERATURE

A. STISHOVIC MILOVANOVIC
Institute for Serbian culrure, Prishtina-Leposavić, Serbia

Summary

The concepts of nation and national identity are differently defined in historical science. Both classical and modern historiography agree that the formation of the idea of national identity is influenced by the entire historical, sociological, ethnic and cultural discourse. Literature also plays an important role in fostering and shaping the idea of national identity.

In Serbian literature, whether folk or authorial, old or modern, the ideas about the nation, its historical foundations, distinctions, have a significant position. The old literature was distanced from European literary courses and poetics and dealt mainly with the patriotic and ethical foundation of national identity. The new Serbian literature, which develops in close contact and synchronizes with European literature, has the idea of re-examining national myths, but frequently their deconstruction as well.

Keywords: nation, national identity, folk literature, old Serbian literature, new Serbian literature.

Stishovic Milovanovic Ana - Doctor of Literary Theory, Researcher at the Institute of Serbian Culture, Prishtina- Leposavic, Serbia
anaorfelin@gmail.com

REFERENCES

Latković V. (1982) *National Literature*. Beograd: Naučna knjiga

Ras M. (2000) *Nation*. In: The Lexicon of Contemporary Culture. Belgrade, Plato

Deretić J. (1983) *History of Serbian Literature*. Belgrade: Nolit

Crnjanski M. (2002) *Itaka Poems*. Belgrade: Institute for Textbooks and Teaching Resources

Pavlović D, Marinkovic, R. (1959) *From our Literature of the Feudal Age*. Sarajevo: Light

Deretić J. (1978) *Views from Folk Poetry*. Belgrade: Nolit

Deretić J. (1981) *Serbian Novel 1800-1950*. Belgrade: Nolit

Joković M. (2018*) Imagination of History*. Raška: Center for Culture Gradac

Joković M (2002) *Ontological Landscape of the Postmodern Novel*. Belgrade: Prosveta

ТИПИЧНАЯ МОДЕЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Д. ТАНЧИЧ
Институт Сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия
З. ЕЛЕЗОВИЧ
Институт Сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия
П. ТАНЧИЧ
Школа новых технологий, Земун, Сербия

Аннотация

В данной оригинальном научном исследовании мы концептуализируем типичную модель предмета исследования в области культуры, политики и права, которая допускает конвергенцию социальных и юридических наук. Рассматриваемая типичная модель представлет собой унифицированный подход к исследованию предмета, является применимой в социально-правовом моделировании и других науках, а также научно

исследует все явления и процессы, проходящие в социально-правовой системе общества в целом, т.е. изучает проблемы как в сфере культуры, так и в области политики и права.

Ключевые слова: типичная модель, предмет научных исследований, культура, политика, право.

Драган Танчич – доктор политических наук, директор Института сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия.

dragan_tancic@yahoo.com

Звездана Елезович – доктор исторических наук, научный сотрудник Института сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия.

zvezdana.el@gmail.com

Петар Танчич - кандидат политических наук, преподаватель политехникума «Школа новых технологий», Земун, Сербия.

dragan_tancic@yahoo.com

Введение

Культура, политика и право, как явления и процессы, существующие в недалеком прошлом и сохраняющие свою устойчивую тенденцию в настоящем, являются постоянным предметом научных исследований многих наук и научных дисциплин. Далее мы приведем несколько примеров, подтверждающих наше рассуждение. Лаконичным примером является научное изучение закономерностей развития культурных моделей современных и прошлых цивилизаций, сущности их культурных рефлексий в прошлом и настоящем, изучение тенденций, процессов и явлений в культуре современности, что в качестве целей исследования представлено в научной работе Звезданы Элезович «Успех сербской скульптуры на всемирной выставке в Париже в 1900 году» [Элезович 2010, 349-355].

В частности, в своем исследовании Звездана Элезович рассматривает процесс трехлетней подготовки Королевства Сербии к Первой Всемирной выставке в 1900 году в Париже, чтобы подтвердить свою государственность, национальную идентичность и самобытную культуру. С этой целью к началу выставки был возведен «специальный выставочный павильон на плато над Сеной, возле моста Алма… . Павильон был построен в сербско-византийском стиле и напоминал церковь.... Стены павильона были покрыты коврами ручной работы с национальными орнаментами из Пирота, представлены минералы, этнографические объекты,

отражающие культурные и бытовые особенности сербского народа, сельскохозяйственные и пищевые продукты, а также продукты животноводства. На территории сербского выставочного павильона было размещено несколько групп восковых фигур. Первая группа была посвящена военной Сербии и князю Милошу. Вторая группа в миниатюре представляла вход в монастырь Високи Дечани... Далее следовало традиционное посещение захоронений старых сербских королей и фигуры персонажей из Скадра, Джаковицы, Нового Пазара, крестьян из Косово, Дебра, Тетово, Гостивара. Кроме них, были представлены фигуры сербов из Черногории, Южной Венгрии, Словении, Хорватии и Далмации. Пятая группа представляла сербскую свадьбу, а шестая состояла из сербов из Боснии и Герцеговины.

Успех был грандиозным: сербские экспонаты получили 220 наград, из них 7 Гран-При, 35 золотых и 53 серебряные медали [Элезович 2010, 350]. Результат презентации и подтверждения существования богатого и древнейшего культурного наследия и культурных образцов сербского народа на выставке был потрясающим. И в дополнение хотим сказать, что в то время такой способ представления экспонатов культуры сербского народа во Франции был безошибочно разработан и осмыслен, что было подтверждено количеством полученных призов.

Существенные черты типичной модели предмета научного исследования в области культуры, политики и права

Учитывая предыдущие высказывания, возникает определенный вопрос: можно ли научно исследовать культуру, политику и право, как специфические явления. Если мы получим утвердительный ответ, возникает следующий вопрос: существует ли основание для создания дефиниции генеральной модели предмета научного исследования культуры, политики и права. Ответ однозначен: основа существует. Прежде всего нужно подчеркнуть, что культуру, политику и право, а также другие социальные явления, необходимо конкретизировать и охарактеризовать как другие явления и реалии, но при наличии своих отличительных признаков. Культура, политика и право возникают в определенных условиях, при наличии организационной среды, структуры, сущности, целей, продолжительности и распределения, объема, частоты, интенсивности, формы выражения, действия, методов и ресурсов, последствий, результатов, что является важным условием для научных исследований каждого явления.

Политика, право и культура как явления возникают в процессе деятельности и деяний членов общества, юридических лиц, групп людей, правовых обществ, государств, в отношениях к другим людям, отдельным лицам, группам, сообществам и государствам. Культура, политика и право проявляют себя как социальные, политические и правовые явления, а процесс и структура динамичны и реализуются в данной культурной, политической и правовой системе, и в этом контексте устанавливаются и реализуются определенные отношения с данной системой (системами). Эти явления имеют процессуальный и развивающий характер, что означает осуществление преобразований на определенных этапах развития, начиная с возникновения явлений, роста и консолидаци до кульминации; а с другой - к стагнации, ослаблению, распаду и ликвидации или преобразованию во что-то другое.

Структура типичной модели предмета научного исследования культуры, политики и права

Учитывая вышеупомянутые утверждения, мы можем сфокусировать нашу точку зрения: культура, политика и право исследуются по модели предмета исследования, как определенный процесс, структура, система по отношению к окружающей среде, определенным условиям, предметам, потребностям, мотивам, интересам и целям, мероприятиям, методам и ресурсам, последствиям, результатам и выводам. В этом контексте можно осмыслить примененный подход к модели конкретного предмета научных исследований культуры, политики и права в соответствии со следующей процедурой:

1) *Условия* для реализации культуры, политики и права возникают и реализуются в определенных условиях, которые мы рассматриваем как совокупность факторов, существование которых является основой для возникновения явлений и проявления их определенных характеристик, с тем чтобы можно было определить множество условий и их существенных факторов, разнотипность, многочисленность и их противоречия. Мы можем заключить, что, с одной стороны, мы имеем необходимые и достаточные условия, а с другой - условия другого рода. Необходимыми условиями являются критерии, без которых явления не могут возникать и осуществляться. Достаточными условиями являются те условия, которые обеспечивают конституирование и реализацию явления как самостоятельного, связанного во времени и пространстве. Другими условиями

являются условия присутствия, обусловленные факторами благоприятной и неблагоприятной ситуации, но они возникают после необходимых и достаточных условий. Необходимые и достаточные условия будут определены как соответствующие, а другие - как несоответствующие условия.

Затем мы можем селектировать подходящие условия, которые способствуют развитию и проявлению культуры, политики и права, и которые мы можем назвать благоприятными условиями, в отличие от тех, которе неблагоприятствуют реализации этих явлений, которые мы будем определять как неблагоприятные. Мы также можем классифицировать условия на естественные, начиная с флоры, фауны, географических и климатических, на основе благоприятных – неблагоприятных критериев для возникновения и развития культуры, политики и права.

2) *Субъекты* культуры, политики и права включают разнообразных *«не участников»*, которые прямо или косвенно, с меньшей или большей интенсивностью, умеренностью, доборовольно или по принуждению, участвуют в реализации этих явлений. Их можно классифицировать в соответствии с характеристиками ролей и позиций субъектов, составу, в соответствии с критериями организации, добровольностью, официальностью, законностью, легитимностью, активной деятельностью, умеренностью, методами и средствами, или по другим классификационным критериям.

3) *Потребности, мотивы, интересы и цели* субъектов культуры, политики и права, что означает присутствие определенных потребностей, мотивов, интересов, целей, индивидуальных, групповых, социальных, политических достижений в отношении определенных условий и ситуаций. Они могут быть текущими, краткосрочными, долгосрочными, одиночными, групповыми, организованными, спонтанными в конкретном сообществе в определенном времени и пространстве.

4) *Деятельность субъектов* культуры, политики и права указывает на разнообразную (не) активную деятельность субъектов и ориентацию на достижение определенных интересов, т.е. это фактическое поведение в процессе принятия и реализации важных решений и действий, которые состоят из нескольких фаз.

5) *Методы и средства* культуры, политики и права используются в зависимости от характера организации и самого общества, государства, федерации государств и применяются в

зависимости от ситуации и наличия возможных и доступных ресурсов.

6) *Эффекты, результаты и последствия* достигаются с помощью различных видов деятельности относительно субектов культуры, политики и права данного сообщества. Эффекты, результаты и последствия могут быть положительными или отрицательными, предполагаемыми, непреднамеренными, максимальными минимальными, прямыми-косвенными, функционально-дисфункциональными, направленными на поддержание, улучшение или ухудшение существующей ситуации в целом или по сегментам.

Далее нами проанализированы примеры того, как на основе применения типичной модели исследования в политической науке можно изучать независимость, как явление и реальность в данных социальных и политических условиях. Эти примеры оригинальны, впервые опубликованы и имеют особую научную, методологическую и методическую значимость прежде всего для студентов политических, юридических и гуманитарных наук. Эта модель была разработана исследователем Драганом Танчичем в его докторской диссертации «Концептуализация исследований политических явлений», которая была защищена на Факультете политических наук в Белграде в 2006 году на Кафедре методологии политологии [Танчич 2006].

Пример научного исследования условий для создания независимости государства «X» в соответствии с соглашением «Y»:1. Условия создания «Y» соглашения и независимости государства (государства «X» как независимого). Первым условием независимости народа и государства в современных условиях является существование государства, как определенного территориального, политического и правового целого с определенной степенью независимости. В сущности, независимость, даже частичная, и государство переплетаются друг с другом и возникают одновременно, обусловливая друг друга.

1.1. Природные условия для возникновения, поддержания и развития государственной независимости «X». Природные условия рассматриваются нами как естественные характеристики территории в границах государства «X», начиная с географических, геологических, морфологических, климатических условий, флоры и фауны для достижения определённых преимуществ.

1.2. Население государства «X» по численности, возрасту, полу, профессии, образованию, национальной и религиозной

принадлежности, семейной и имущественной ситуации, месту и характеру места проживания и т. д.

1.3. Организационно-экономические, материальные и технико-технологические условия.

1.4. Политико-правовые условия.

1.5. Культурные условия, включающие систему ценностей.

Пример научного исследования субъектов независимости государства «X» в соответствии с соглашением «Y»:

2. Субъекты - носители и субъекты независимости государства;

2.1. Субъекты, создающие соглашение «Y»;

2.2. Субъекты - носители независимости государства «X»;

2.3.Субъекты, осуществляющие деятельность, направленную на осуществление независимости государства «X»;

2.4. Сущности субъектов, оспаривающих независимость государства «X»;

Примечание: Эти типы субъектов включают:

а) коллективные и индивидуальные субъекты;

б) официальные - служебные и неофициальные лица; субъекты доминирующие и подчиненные; другие субъекты с различными характеристиками, ролями и статусами.

Пример научного исследования интересов и целей обретения независимости государства «X» в соответствии с соглашением «Y»:3. Интересы и цели, содержащиеся в соглашении «Y» связаны с независимостью государства «X»;

3.1. Интересы и цели, направленные на укрепление независимости;

3.2. Интересы и цели, направленные на сохранение текущей степени независимости;

3.3. Интересы и цели, направленные на ослабление и аннулирование независимости государства «X».

Пример научного исследования деятельности субъектов независимости государства «X» в соответствии с соглашением «Y»:

4. Деятельность направлена на осуществление независимости государства «X»;

4.1. Деятельность по созданию и формированию «X», как независимого государства;

4.2. Конституционная и законодательная деятельность;

4.3. Организационно-правовая деятельность;

4.4. Надзорная и аудиторская деятельность;

4.5. Препятствия, затрудняющие деятельность.

Пример научного исследования методов независимости государства «X» в соответствии с соглашением «Y»:

5. Методы и средства достижения «Y» соглашения и независимости государства «X» в положениях соглашения;

5.1. Демократические, правовые методы;

5.2. Методы обструкции;

5.3. Методы узурпации;

5.4. Методы блокировки информации и методы дезинформации;

5.5. Методы несвоевременного исполнения или абсолютного бездействия;

5.6. Методы конфликта между юрисдикцией и судебными решениями.

Примеры научного исследовани независимого государства «X» в соответствии с соглашением «Y»:

6. Результаты принятия и применения соглашения «Y» в положениях соглашения и в пятилетней практике;

6.1. Результаты выполнения соглашения;

6.2. Результаты реализации и укрепления независимости «X»;

6.3. Результаты стагнации (поддержания) текущей степени независимости государства «X»;

6.4. Результаты ослабления независимости «X».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дьюи 1962 – *Дьюи Д.* Логика: теория исследований // перевод с английского Василий В. Томович. – Белград: Нолит, 1962.

Коен, Нейгель 1965 – *Коен М., Нейгель Э*. Введение в логику и научный метод. – Белград: Институт публикации учебников SRS, 1965.

Бьюме 1974 – *Бьюме К.* – Современные политические теории. – Загреб: Стварность, 1974.

Гордич, Термиз, Танчич 2015 – *Гордич М., Термиз Д., Танчич Д.* Методология исследования в области безопасности, обороны и терроризма – Приштина / Лепосавич: Институт сербской культуры, 2015.

Элезович 2010 – *Элезович З.* Успех сербской скульптуры на Всемирной выставке в Париже в 1900 году // Баштина. – Приштина / Лепосавич: Институт сербской культуры, 2010. С. 349-355.

Танчич 2006 – *Танчич Д.* Концептуализация исследований политических явлений // Диссертация. – Белград: Белградский университет. Факультет политических наук, 2006.

A TYPICAL MODEL AS THE RESEARCH SUBJECT OF CULTUTRE, POLITICS AND LAW

D. TANCIC
Institute for Serbian culture - Prishtina
Z. ZLEZOVIC
Institute for Serbian culture - Prishtina
P. TANCIC

Summary

The application of the standard model of the research subject in cultural, political, and legal sciences is necessary in further development of the science and scientific researches from general and particular point of view. It is very important to develop the same in the frames of methodologies and methodics of social and natural sciences, and scientific disciplines bearing in mind the significant lacks in this field.

Keywords: standard model, research subject, culture, politics, law.

Tancic, Dragan - Doctor of Political Sciences, Ditector of the Pristina Institute of Serbian Culture / Leposavic, Republic of Serbia,
dragan_tancic@yahoo.com

Elezovic, Zvezdana - Doctor of Historical Sciences, Researcher of the Pristina Institute of Serbian Culture / Leposavic, Republic of Serbia
zvezdana.el@gmail.com

Tancic, Petar - Candidate of Political Sciences, School of New Technologies, Zemun, Republic of Serbia.

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Е.П. ТЕН
Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются специализированные компьютерные программы, представляющие собой единые методические комплексы, поддерживающие коррекционно-образовательный процесс на различных этапах обучения умственно отсталых детей, раскрывающие проблемные моменты в обучении и обеспечивающие наиболее оптимальный путь включения данного программного продукта в систему коррекционного обучения умственно отсталых школьников. Среди проблем, затрагивающих применение информационных обучающих курсов, главнейшими выступают характер взаимосвязи традиционных методов обучения с современными информационными технологиями и влияние их на профессиональные компетенции студентов-дефектологов. Особую значимость приобретают творческие, деятельностные, практико-ориентирующие контакты преподавателя и студента в процессе совместной учебно-познавательной и поисково-продуктивной деятельности в информационной мультимедийной обучающей среде.

Ключевые слова: компьютерные программы, информационные технологии, умственная отсталость, модули, логическое мышление, пространственная ориентировки, двигательная и эмоционально-волевая сфера, мультимедийная обучающая среда.

Тен Евгения Петровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры специального (дефектологического) образования ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Россия.
Anna6619@mail.ru

Введение

Главная цель внедрения информационных технологий в учебный процесс специального (коррекционного) образования – повышение его качества и эффективности. Применение

информационных технологий в учебном процессе специального образования делает знания школьников более прочными и глубокими, повышает их способность к самообучению.» Поэтому значимую актуальность приобретает применение в учебном процессе специализированных компьютерных программ, учитывающих общие закономерности и особенности развития школьников с общим недоразвитием речи. Специализированные компьютерные программы представляют собой единые методические комплексы, поддерживающие коррекционно-образовательный процесс на различных этапах, раскрывающие проблемные моменты в обучении детей и обеспечивающие наиболее оптимальный путь включения данного программного продукта в систему коррекционного обучения школьников [Кукушкина 2003, 1].

Целью статьи является теоретическое обоснование закономерности применения нформационных мультимедийных технологий в специальном (дефектологическом) образовании.

Основная идея нашей статьи состоит в том, что на современном этапе развития специального (дефектологического) образования, характеризуемого технологичностью, открытостью и информативностью, становится закономерной необходимостью пересмотра процесса специального (дефектологического) образования, где наряду с основными методами обучения студентов-дефектологов, будут вводится информационные и мультимедийные обучающие курсы (ИОК) с примененик информационных мультимедийных программ «Дельфа-130», «Игры для Тигры».

Основными задачами внедрения информационных мультимедийных программ в образовательный процесс являются: формирование у студентов готовности осуществлять процесс обучения с использованием информационных технологий; формирование умений планировать и проводить коррекционно-педагогические занятий с учетом структуры нарушения, используя информационные технологии;формирование умения использовать современные научно обоснованные и наиболее адекватные приемы, методы и средства обучения; формирование способности к реализации личностно-ориентированного подхода к образованию детей школьного возраста с нарушениями развития; формирование готовности организовывать работу по обучению и воспитанию детей школьного возраста с отклонениями в развитии с использованием

информационных технологий; формирование готовности к реализации инновационных форм обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии; формирование умения вести отчетную документацию с использованием компьютера; формирование способности к созданию информационных технологий для детей с отклонениями в развитии [Королевская 2010, 2].

Среди проблем, затрагивающих применение информационных обучающих курсов (ИОК), главнейшими выступают характер взаимосвязи традиционных методов обучения с современными информационными технологиями и влияние их на профессиональные компетенции студентов-дефектологов. Особую значимость приобретают творческие, деятельностные, практико-ориентирующие контакты преподавателя и студента в процессе совместной учебно-познавательной и поисково-продуктивной деятельности в информационной мультимедийной обучающей среде.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют научные концепции общей и специальной педагогики, специальной психологии, лингвистики и психолингвистики- идеи гуманистической личностно-ориентированной педагогики (Н. И. Алексеев, Е. В. Бондаревская, В.В. Сериков, И. С. Якиманская и др.), психолого-педагогические концепции взаимодействия в процессе обучения (И. Б. Котова, Е. Н. Шиянов, И. А. Зимняя, С. А. Смирнов и др.), современные подходы к проблеме профессиональной компетентности учителя (Б. Г. Ананьев, Л. И. Берестова, В. А. Болотов, З.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, А. К. Маркова, В. В. Сериков, А. В. Хуторской, В. Д. Шадриков и др.), психологические концепции о единстве мышления и речи, о соотношении языка и речи (П.П. Блонский, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, И. А. Зимняя, А.А. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Потебня, С. Л. Рубинштейн, Л. В. Щербаидр), о закономерности речевого развития в онтогенезе и о дизонтогенезе речевой деятельности (А.Н. Гвоздев, А В. Запорожец, М. М. Кольцова, О. С. Ушакова, Н. Х. Швачкин, Д. Б. Эльконин), о закономерностях аномального развития (Л. С. Выготский, В. И. Лубовский, А Р. Лурия, И.Ю. Левченко, А А. Смирнов, У.В. Ульенкова и др).

Психолого-педагогический аспект модернизации методов обучения в специальном образовании рассматривает условия, методы, влияние информационно-компьютерных технологий на процесс обучения студентов-дефектологов. Раскрывая сущность природы диалога в компьютерном моделировании языковых

явлений, мы опираемся на теорию моделей общения Б.Ю. Городецкого и на исследования по изучению человеко-машинных лингвистических связей при формулировании содержания речевого контакта в коммуникативном акте и формировании связного текста в работах М.Г. Дайера, Дж. Карбонелла, В. Ленерта и Ф.Хейза, теорию о значении слова, речи и мышления Л.С. Выготского, взаимосвязь «внутренней речи» А.И. Зимней и машинного искусственного языка Ж. Бернстейна, теорию диалогической речи М.М. Бахтина и Л.П. Якубинского [Кукушкина 2005, 3].

Изучение проблемы двухсторонних связей человека и компьютера дало нам возможность учесть особенности применения информационных мультимедийных курсов, значительное внимание уделено характеру опосредованного общения в диалогическом режиме как способу взаимодействия в данной системе, который отражен в работах М.Г. Абрамова, В.С. Егерева, Г.К. Селевко, И.О. Шевченко, Д.Б.Шумакова и др.

Изложение основного материала исследования. Под информационным образовнием подразумевается один из приоритетных современных методов образования, предполагающий применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и мультимедиа с целью достижения повышения профессиональной компетенции студентов-дефектологов посредством информационных мультимедийных обучающих курсов, повышения качества обучения и улучшения управления учебным процессом в мультимедийной образовательной среде. Вместе с тем, мультимедийное обучение в контексте модернизации образования обуславливает углубление в специальном (коррекционном) образовании интеграционных и междисциплинарных программ.

Теоретический анализ различных литературных источников позволил предположить, что с помощью информационных технологий можно существенно повысить профессиональные компетенции студентов-дефектологов при формировании фонематического восприятия и мотивации ребенка с особенностями в развитии, научить его самого оценивать свои достижения, осознанно ставить перед собой новые задачи. Для решения вышеперечисленных задач разработан учебный курс для вузов и ИПК «Методика диагностики и коррекции нарушений фонематического восприятия у младших школьников с общим недоразвитием речи методами информационных технологий»: специальные компьютерные инструменты обучения разных

категорий детей, методическое видеопособие с использованием информационных мультимедийных образовательных программ «Дельфа-130», «Игры для Тигры».

«Развитие умения строить самостоятельный диалог с компьютерной программой позволит создать у студентов-дефектологов первоначальную модель взаимодействия с компьютерной техникой для диагностики и коррекции нарушений фонематического восприятия у младших школьников с общим недоразвитием речи методами информационных технологий. Компьютерные технологии обеспечивают большую информационную емкость (что позволяет представить информационную модель в разных контекстах и коммуникативных ситуациях); интенсификацию самостоятельной работы каждого студента-логопеда, в частности у них повышается профессиональная компетенция, активизируется познавательная деятельность [Лизунова 2007, 4].

Изучение, разработка и апробация информационных технологий, интернет-ресурсов, интернет-проектов, учебно-педагогических баз данных, мультимедийных обучающих систем и программ дали возможность определить факторы, предпосылки и условия применения мультимедийных обучающих курсов в специальном (коррекционном) образовании.

Анализ теоретических источников позволил сделать вывод о том, что в современной науке создана теоретическая база, определены подходы к применению информационных мультимедийных обучающих курсов, которые создают реальные предпосылки для целенаправленного изучения ИОК в образовательном процессе. Особенно важным для нашей статьи является то, что образование становится гарантом устойчивого развития общества, сохраняя информационную безопасность обучающихся, предоставляя им через ИКТ и мультимедиа универсальные средства и методы обучения.

Процесс обучения детей с отклонениями в развитии имеет существенную специфику. Она проявляется в более низком, чем в массовой школе, уровне сложности учебного материала, в замедленном темпе обучения, меньшей плотности учебной нагрузки на занятиях для учащихся, преимущественном использовании наглядных методов обучения. Коррекционная работа ставит своей целью исправления присущих умственно отсталым детям недостатков путём применения специальных педагогических средств, стимулирующих

компенсаторные процессы развития. Это позволяет ослабить или преодолеть дефекты ребёнка, воспитать новые положительные качества и тем самым продвинуть процесс обучения детей с особенностями в развитии.

Эффективность исправления недостатков развития, присущих умственно отсталым детям , зависит от правильной постановки всего учебно-воспитательного процесса в школе и от применения специфических методов и приемов обучения.

Одной из российских компьютерных разработок в области технической поддержки процесса формирования и коррекции произносительной стороны речи у детей является созданный в 1994 году программно-аппаратный комплекс «Дельфа-130» (г. Москва). [Лизунова 2007, 20]. Данная программа представлена как сурдологопедический тренажер для речевой реабилитации инвалидов по слуху и предназначена для формирования речи у глухих и слабослышащих школьников, а также для коррекции произношения у умственно отсталых детей. «Дельфа-130» является программно-аппаратным комплексом, так как использует нестандартное устройство обработки звука в виде дополнительного преобразователя, заменяющего современные звуковые карты и работает в операционной системе DOS. Технически визуализация звучащей речи в данном комплексе достигается при помощи улавливания звуков микрофоном, преобразования их в дополнительном устройстве, передаче сигнала на процессор и дальнейшем отображении компонентов звучащей речи на экране компьютера в виде информативных образов с элементами анимации. Отображение сохраняется на экране монитора в течение некоторого времени, необходимого для анализа проведенной деятельности».

Следует отметить, что компьютер всегда считался наглядным средством обучения, но при работе с программно-аппаратным комплексом «Дельфа-130», мы столкнулись с феноменом зарождения методов и методических приемов обучения, которые оформлены в виде модулей в компьютерных программах. Ознакомимся с наиболее значимыми методическими приемами-модулями обучения умственно отсталыъх детей. Методический прием-модуль «Наличие звука» - позволяет измерить длительность речевого выдоха, знакомит умственно отсталого школьника с принципом работы программы «Дельфа-130». При помощи анимационной заставки отражается любая речевая активность в микрофон, которую можно измерить, зафиксировать в виде

трансформаций и изменений количества объектов: разноцветных шаров, зажженных окон, калейдоскопических изменений. Таким образом, можно измерить длину речевого выдоха, отследить слоговую структуру слова. Методический прием-модуль «Громкость» контролирует и отрабатывает громкость речевой активности. Чем громче речевая активность умственно отсталого школьника, тем больше радуга на экране. Заданный образец громкости можно визуально зафиксировать на экране в виде эталона и построить упражнение по принципу достижения необходимого предела громкости. Методический прием-модуль «Высотные упражнения» позволяет организовать вокальные упражнения, развивающие связочный аппарат, упражнения в координации модуляций голоса. В модуле выстраиваются игровые упражнения, в которых необходимо провести анимационный объект, из левой части экрана в правую, используя при этом вокальные характеристики голоса. По ходу движения необходимо собирать мишени и огибать препятствия, которые можно расставлять произвольно, тем самым, усложняя или упрощая задание. Модуль эффективен при работе с речевыми нарушениями по типу ринолалии, фоноастениях, нарушениях функций связочного аппарата.

При помощи программы «Дельфа - 130» можно сформировать у умственно отсталых детей правильное речевое дыхание: диафрагмальное дыхание; развитие ротового выдоха; дифференциацию ротового и носового дыхания; развитие плавного фонационного выдоха. Обычными методами это делать очень сложно, так как умственно отсталым детям, в силу физиологических отклонений, непонятно, что от них требует педагог. Но когда включается программа логопедического тренажера «Дельфа-130», где в красочной мультимедийной презентации объясняются элементы фонационного дыхания, умственно отсталые дети с удовольствием выполняют вслед за мультимедийными героями длительные выдохи и короткие вдохи не подозревая, что этим они формируют правильное речевое дыхание.

Применение компьютерных программ «Дельфа - 130» позволяет максимально использовать принцип дифференцированного подхода, учитывать индивидуальные особенности умственно отсталого ребенка.

Педагогические приемы коррекционной работы отличаются тем, что они стимулируют компенсаторные процессы развития

умственно отсталых детей и позволяют формировать у них новые положительные качества. Результатом учебно-воспитательной работы является овладение учащимися определенным объемом знаний, конкретных умений и навыков. В результате коррекционной работы у учащихся формируются обобщенные учебные и трудовые умения, которые отражают уровень самостоятельности учащихся при решении новых учебных и учебно-трудовых заданий.

Логопедическая коррекционная программа «Игры для Тигры» - это комплексная программа по развитию базовых речевых навыков и устранения дефектов речи. Она создана по уникальной методике, разработанной кандидатами педагогических наук, опытными методистами и научными сотрудниками Л.Р.Лизуновой и З.А.Репиной. Занятия построены в легкой, увлекательной и понятной умственно отсталому школьнику форме. Он с удовольствием познакомится с яркой страной звуков, с любимым помощником Тигрой будет исследовать новый мир, полный приключений и интересных открытий. Программа включает в себя комплексные и разнообразные игры. Ребенок учится правильно произносить отдельные звуки, развивает речевое дыхание и голосовые модальности (высоту, тембр), а также изучает основы грамматики и лексики. Результат работы по методическому пособию - это чистота речи, которая включает и произношение, и использование правильных грамматических конструкций и подходящих слов, и умение выражать свои мысли. [Лизунова 2007 ,84].

Таким образом, программа «Игры для Тигры» предназначена для коррекции общего недоразвития речи у детей младшего школьного возраста. Логопедическая коррекционная программа «Игры для Тигры» способствует формированию, коррекции и развитию: длительности и силы речевого выдоха, громкости (интенсивности) и тембра голоса, темпо-ритмической организации речи, интонационной выразительности речи, звукового анализа и синтеза, лексических связей слова, грамматического значения слова

«Программа позволяет работать над формированием, развитием и коррекцией следующих характеристик: «звукопроизношение, просодические компоненты устной речи: фонематический слух и восприятие, лексические и грамматические средства языка, коммуникативные навыки, артикуляционная моторика, обратные речевые кинестезии, мелкая моторика пальцев

рук (работа с манипулятором – мышь, клавиатурой), слуховое и зрительное восприятие, внимание, вербальная и зрительная память, воля и мотивация, словесно-логическое мышление.

Веселая и забавная Тигра выступает в роли друга, проводника и учителя для умственно отсталого школьника. Возможности программы помогают студенту-дефектологу: выбрать уровень сложности и темп работы с умственно отсталым школьником, проводить для себя анализ его успехов и подбирать задания из нужного блока. Диагностика и коррекция нарушений развития речи по этой методике дает прекрасные результаты.

Методический игровой комплекс «Игры для Тигры» имеет свои преимущества: интерактивность занятий, простота подготовки работы и оценки результатов; великолепная научная база: для создания корректирующей программы «Игры для Тигры» использовались работы лучших логопедов-дефектологов и научных сотрудников Н.С.Жуковой, Г.А.Каше, Л.В.Лопатиной, Т.Б.Филичевой, Е.М.Мастюковой, Р.И.Лалаевой, Н.В.Серебряковой; простая и понятная структура; построение индивидуальной программы работы для каждого ученика; работа в нескольких направлениях для полноценного развития навыков речи; отличные результаты и высокая оценка специалистами.

Следует методически правильно проводить занятия по системе «Игры для Тигры» под контролем опытного логопеда-дефектолога. Мультимедийный комплекс заданий «Игры для Тигры» разделен на четыре тематических блока («Фонематика», «Произношение», «Лексика», «Просодика»). Эти блоки выделены цветным фоном, что упрощает ориентацию в программе и помогает построить план работы с ребенком: «Просодика» - мягкий зеленый цвет, «Фонематика» выделена голубым, «Произношение звуков» - розовый оттенок, «Лексика» - желтый.

Умственно отсталый школьник быстро осваивается в красивом и ярком мире, учится различать задания по типу благодаря таким цветовым подсказкам. Он сам сможет ориентироваться в направленности заданий, поймет принципы игры и с удовольствием будет им следовать.

Информационная мультимедийная программа «Игры для Тигры» снабжена звуковым сопровождением (как опоры и правильного примера для малыша) с красочным визуальным оформлением заданий. Знакомые герои мультфильмов помогают ребенку освоиться, а игровая форма занятий делает их интересными и простыми. Упражнения и задания программы

«Игры для Тигры» созданы с соблюдением принципа «от простого к сложному». Каждое последующее задание будет малышу интересным. Чтобы перейти на новый уровень игры, нужно будет показать отличный результат на предыдущем. Свой успех умственно отсталый школьник обязательно увидит в программе «Игры для Тигры», это отразится визуально и в цифрах, а его любимый помощник Тигра порадуется за своего друга.

Мультимедийный принцип работы с программным обеспечением по коррекции развития речи применительно к умственно отсталым школьникам строится на заданиях в виде блоков. Каждый блок «Игр для Тигры» представлен в виде интересной игры: нужно построить дом, собрать кораблики, помочь любимому персонажу добраться до конца пути и т.д. После каждого пройденного этапа малыш получает доступ к новому, более сложному заданию. Что нужно делать умственно отсталому школьнику в доступной форме объясняет его друг Тигра, он же и контролирует работу, подсказывает, направляет.

Работая по системе «Игры для Тигры», умственно отсталый школьник старается выполнить все как можно лучше, незаметно для себя развивая навыки правильной речи и достигая прекрасных результатов. У него всегда сохраняется мотивация и хорошее настроение, что очень важно в таком сложном и кропотливом деле, как развитие правильного речевого дыхания, фонематического слуха, фонетического анализа и синтеза. «Игры для Тигры» - это простое, практичное и продуманное информационное мультимедийное пособие для устранения дефектов речи, которое превратит работу логопеда-дефектолога в увлекательный, доброжелательный учебный процесс.

В процессе занятий с применением компьютера дети с умственной отсталостью учатся преодолевать трудности, контролировать свою деятельность, оценивать результаты. Благодаря этому становится эффективным обучение целеполаганию, планированию и контролю через сочетание различных приемов. Решая заданную компьютерной программой проблемную ситуацию, умственно отсталый школьник стремится к достижению положительных результатов, подчиняет свои действия поставленной цели. Использование компьютерных методов обучения помогает развивать у умственно отсталых детей такие волевые качества, как самостоятельность, собранность, сосредоточенность, усидчивость, а также приобщает их к сопереживанию, помощи герою компьютерных программ.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что коррекционная работа с умственно отсталыми детьми, у которых наблюдаются нарушения развития речи, имеет несколько базовых правил: занятия должны быть регулярными и систематическими, в доступной и увлекательной форме, а также интерактивными; полисенсорность: педагог-дефектолог старается активизировать одновременно несколько органов чувств - что существенно улучшает результат [Воронкова 2001, 5]. Эти проблемы можно решить при помощи информационных мудьтитедийных программ «Дельфа-130», «Игры для Тигры». Занимаясь с детьми, педагог-дефектолог включает игровые элементы из информационных мультимедийных программ, ребенок слушает, видит яркие картинки, двигается; педагог дифференцирует задания по уровню сложности; анализирует результаты и оценивает деятельность умственно отсталого школьника. Педагог-дефектолог может с помощью специальной функции программы определить уровень развития речи в начале занятий, следить за прогрессом в процессе и оценить эффективность работы в конце занятия. Такой подход помогает настроить ребенка на позитив, создать правильную обстановку во время процесса обучения умственно отсталого школьника.

Мы определили некоторые элементы теоретического обоснования закономерности применения информационных технологий в специальном (дефектологическом) образовании. На современном этапе развития специального (дефектологического) образования, характеризуемого технологичностью, открытостью и информативностью, становится закономерной необходимостью пересмотр процесса специального образования, где наряду с основными методами обучения студентов-дефектологов, будут вводиться информационные и мультимедийные обучающие курсы (ИОК) с примененик информационных мультимедийных программ «Дельфа-130», «Игры для Тигры». Данная закономерность позволяет ввести принцип мультимедийности в процесс обучения умственно отсталых школьников.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кукушкина 2003 - *Кукушкина О.И.* Информационные технологии в специальном образовании [Текст]: программа спецкурса / О.И. Кукушкина. – М.: Изд-во УРАО, 2003. - 32 с.

Королевская 2010 - *Королевская Т.К.* Учимся слушать и слышать: компьютерная программа «Звучащий мир» / Т.К. Королевская // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития – 2010 - №5. - С. 33-42.

Кукушкина 2005 - *Кукушкина О.И.* Использование информационных технологий в различных областях специального образования [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03 / Кукушкина Ольга Ильинична. - М., 2005. - 58 с.

Лизунова 2004 - *Лизунова Л.Р.* Компьютерная технология коррекции общего недоразвития речи «Игры для Тигры» (компьютерная программа /Л.Р. Лизунова. - 2004. - Госкоорцентр, ОФАП, номер государственной регистрации: 50200702276. – г. Москва, 2007.

Воронкова 2001 - *Воронкова В.В.* Дифференцированный подход и коррекционно-развивающее обучение русскому языку умственно отсталых школьников I - IV классов. Автореф. дис. на соискание уч. степ. Докт. пед. наук., - М., МПГУ, 2001.

TECHNIQUE OF USING INFORMATION MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN VOCATIONAL EDUCATION

E.P. TEN
Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia

Summary

In article there are considered specialized computer programs representing in themselves uniform methodical complexes supporting correctional and educational process at various grade levels of mentally retarded children, revealing problem points in training and providing the most optimal way of inclusion of this software product in the system of correctional training of mentally retarded school students. Among the problems affecting application of the information training courses the most important ones are the nature of interrelation of traditional methods of training with modern information technologies and their influence on professional competences of students, who are being trained to be speech pathologists. The special importance is gained by the creative, activity, practice-focusing contacts of the teacher and student in the course of joint educational informative and search productive activity in the information multimedia training environment.

Keywords: compгeук programs, information technologies, intellectual backwardness, modules, logical thinking, spatial

orientations, the motive and emotional and strong-willed sphere, the multimedia training environment.

Ten, Evgenia - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Special (Defectology) Education of the Crimean Engineering Pedagogical University, Simferopol, Russia
anna6619@mail.ru

МОНАХ И ВОЙНА (СЕРБИЯ В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСКАХ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА))

М. ЭФТИМИЕВИЧ МИХАЙЛОВИЧ
Институт Сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия

Аннотация

Дневниковые записки иеромонаха Романа (Матюшина) о его поездке в Сербию (и в Косово и Метохию) с 28 мая по 6 июля 1999 года, в период бомбардировок Югославии силами НАТО, нельзя рассматривать вне контекста духовного родства, культурных, исторических и литературных связей русского и сербского народов, существующих ещё с XII века, основанных на родстве русского и сербского языков, фольклора, принадлежности к одной «цивилизационной модели», - как сказал бы философ А. С. Панарин. Путевые заметки иеромонаха Романа говорят о его ознакомлении с сербской историей и традицией, а его прямой опыт и переживания по поводу оборонительной войны, которую вёл сербский народ на оккупированной территории Косово и Метохии, как и его встречи с солдатами и монашеством, представляют неоценимый вклад в изучение отношений между двумя народами. Чувство «единства в Боге» отличается особой красотой и лиричностью в стихах, посвящённых сербскому народу.

Ключевые слова: иеромонах Роман (Матюшин), путевые заметки, поэзия, Православие, духовность, духовное родство, монах, война, Косово и Метохия.

Мария Эфтимиевич Михайлович - доктор филологических наук, научный сотрудник Института сербской культуры – Приштина, Лепосавич, Сербия.
mjmihajlovic@gmail.com

Введение

Когда в Сербии говорят о русской литературе или о каком-то российском писателе, беседа всегда начинается с духовного и языкового родства наших двух народов. Это родство, это единство на протяжении многих веков имеет свою долгую историю, в которую входят духовные и культурные связи, основанные на принадлежности к одной и той же модели христианства, словом к «православной цивилизации» - по выражению А. С. Панарина; затем – на генетической близости русского и сербского языка (языковые данные в изучении родства, безусловно, имеют первостепенное значение), фольклора, на некоторых совпадениях их международного положения, то есть сходства сложившейся исторической судьбы. Кроме того, эти связи основаны и на общем литературном языке на начальной стадии развития письменности и новой христианской культуры [Sibinović 2015, 9–48].

В целом, различные аспекты русско-сербских связей неоднократно рассматривались в литературе: исторические, политические, культурные, литературные, экономические, но также и духовно-религиозные и метафизические, где последние сыграли огромную роль, поскольку речь идёт о самых глубоких и общих корнях в «православной цивилизации», при чём все другие связи стали их результатом, как форма их реализации в материальном мире. Эти связи существуют еще с XII века, со времён династиии Неманичей, когда самый младший сын великого князя (жупана) Стефана Немани отрёкся от престола и постригся в монахи в русском монастыре Св. Пантелеймона на Святой горе (Афон). Следует отметить и то, что один лист (л.165) древнейшего кириллического памятника сербской письменности *Мирославово Евангелие* хранится в собрании Российской национальной библиотеки в Санкт-Петерсбурге. Он так и называется у исследователей «Петербургский лист Мирославова Евангелия» и считается одним из ценнейших памятников рукописного фонда библиотеки.

Необходимо указать и на некоторые ключевые события из сербской истории, в которых помощь России и русского народа подтвердила это единство. Во время Первого сербского восстания (1804–1813) Досифей Обрадович и протоиерей Матфей Ненадович обратились к России за помощью. Русские добровольцы принимали участие почти во всех освободительных войнах в

Сербии[44]. Одной из самых значительных стала российская помощь Сербии в ходе Первой мировой войны, когда Россия встала на сторону Сербии. Российский царь Николай II спас сербские войска при их отступлении через территорию Албании, послав союзникам ультиматум – немедленно оказать обещанную сербам помощь - или в ином случае он прекратит союзнические отношения и выйдет из войны. Завет, данный будущим поколениям епископом святителем Николаем Сербским (в миру Николай Велимирович), лучшее тому свидетельство: «Велик долг наш перед Россией. Может человек быть должен человеку, может и народ — народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 году, настолько огромен, что его не могут возвратить ни века, ни поколения. Это долг любви, которая с завязанными глазами идёт на смерть, спасая своего ближнего. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих — это слова Христа. Русский Царь и русский народ, неподготовленными вступая в войну за оборону Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила перед опасностью и не убоялась смерти». (Сербия, 15/28 июля 1932 года).

С другой стороны, сербский король Александр в тяжёлый момент российской истории принял десятки тысяч российских эмигрантов, которые нашли в Сербии новую родину. Прибывшие в Сербию представители российской интеллигенции оказали огромное влияние на развитие сербской культуры, образования, просвещения, науки и искусства. Духовное единство двух народов проявилось и в деятельности священослужителей. Многочисленные русские священики служили в сербских епархиях, многие из них были игуменами.

И эпоха романтизма также свидетельствует о сербско-русских литературных и духовных связях: в своей поэзии А.С.Пушкин поддерживал дух сербского народа, а стихи черногорского владыки Петра Петровича Негоша говорят о русской православной традиции как духовном ориентире всеобщего славянского мира. На протяжении веков есть бесчисленные примеры литературных связей, влияния и родства наших двух народов[45].

[44] Прототипом одного из героев романа Толстого «*Анна Каренина»,* графа Вронского, стала историческая личность - граф Николай Раевский, погибший в сербско-турецкой войне, недалеко от города Алексинац, куда отправился в 1876 году.

[45] Следует напомнить, что *Дневник одного сербского добровольца* Перы Тодоровича очень близок „Севастопольским рассказам“ Льва Толстого, посвящённым событиям Крымской войны. Тут и стихотворение А.С.Пушкина „Бонапарт и черногорцы“, а известная „Сказка о рыбаке и рыбке“ написана по

И народная литература также показывает прочную связь и духовное единство - близость обычаев и традиций двух народов. Эпические народные песни учат нас моральным ценностям жизни: чести, мужеству, любви, но и прощению, уважению к человеку и вере в Бога. Из эпоса двух народов мы узнаём, насколько сербские и русские народные песни являются неисякаемым источником этических и эстетических ценностей, народной традиции и культуры [46].

Среди многочисленных исследований, посвящённых тесной взаимосвязи между русским и сербским народами, необходимо выделить, в частности, два сборника: *Сербско-русские литературные и культурные связи XIV-VV* (Санкт-Петербург, «Алетейя», 2009) и *Русские о Сербии и сербах* (*архивные свидетельства*) в двух томах - составление, подготовка к изданию, введение, заключительная статья А. Л. Шемякина (Москва, «Индрик», 2014). В сборниках представлен комплекс (исторического, культурного, политического, литературно-публицистического плана) архивных свидетельств русских современников о Сербии и сербах в социокультурном и политическом контексте, в котором они проходили, прежде всего, в новейшей истории с конца XIX века до наших дней, но также дана и интерпретация лучших современных сербских интеллектуалов о литературных и культурных связях Сербии с Россией.

Двадцатый век вызвал революционную трагедию в истории России, как и в Сербии, и эти события неизбежно отражали изменения в культуре и духовном климате русского и сербского

мотивам сербской народной сказки, о которой в рукописи есть пометка: «18 песнь сербская».

[46] С другой стороны, Сербия принадлежит к странам с наиболее развитой традицией в институциональном изучении русского языка и литературы, а кафедры русского языка и литературы существовали и в бывшей Югославии. Все великие произведения русской литературы переводились и переиздавались. Классики русской литературы и славянская культура, воплощённые в нашей воспитательно-образовательной системе, играют незаменимую роль в формировании художественной и литературной чувствительности молодых поколений. Десятилетиями русский язык интенсивно изучался в начальных школах и вузах, что расширяло интерес и привязанность к литературе этой большой страны, духовно близкой к сербскому народу. Огромное влияние на творчество сербских писателей оказала русская литература. Литературные течения с конца XIX и начала XX вв., сильный интеллектуальный и духовный взлёт философии и поэзии серебряного века оказали влияние на творчество литераторов в южнославянских областях. Благодаря переводческой работе и критическим отзывам, изданиям антологии русской поэзии, а также отдельным исследованиям творчества выдающихся русских писателей, каждый заинтересованный человек, по крайней мере, мог получить информацию, или подробно ознакомиться с произведениями русского писателя или поэта.

народов. Однако то, что стало *аксиомой* – духовное единство двух народов – никогда не прекращалось, потому что *вечным* бывает только то, что никогда не подлежит тлению. Это видно даже в период десятилетнего коммунистического режима, в замыслах которого, по словам Ивана А. Ильина, «неверно всё: начиная от религиозного опустошения души, и кончая варварской попыткой строить культуру на страхе и порабощении; начиная от попрания личного начала и личной творческой инициативы, и кончая принудительным «мировоззрением». И. Ильин добавляет: «Русским людям надеяться не на кого, кроме Бога и своих собственных сил. Но чтобы найти в самом себе необходимые для борьбы силы и умения, необходимо отчаяться во всем и во всех, кроме Господа; необходимо восстановить свою религиозную веру, как таинственный и живой ключ духовной жизни. (...) Нечего браться за освобождение и восстановление России без совести; а совесть живёт только в искренней и цельной душе, где она звучит как голос Божий [Ильин 2011, 211].

Один такой голос Божий услышали в России в конце прошлого века, голос церковного певца, поэта и автора стихов духовных песнопений, иеромонаха Романа Матюшина, который живет и служит в скиту Ветрово. Но ведь и всякое явление большого и искреннего таланта не бывает случайным, оно есть ответ на духовные отеческие потребности на духовные потребности одной нации и одной страны.[47]

Иеромонах Роман, являясь одним из достойнейших представителей духовного стиха, продолжателем традиции духовной поэзии, «вернул в современную поэзию то, чего жаждала русская душа в тяжёлые атеистические советские годы, - духовные и нравственные ценности, стремления и идеалы русского народа, которые нерасторжимо связаны с Верой Православной». Похоже, что литератор И.К. Рогощенков афористично и точно

[47] Вот что пишет об иеромонахе Романе Валентин Распутин: «Оттуда, из монастыря, и услышала Россия голос иеромонаха Романа - песни его, прозвучавшие в скорбную пору нашей Голгофы так неожиданно и так необходимо, что это походило на *посланное*, явившееся не случайно, заслуженное переменой народного настроения. (…) Сказать, что это молитвенный и аскетический голос — значит указать только на одну и, пожалуй, не главную краску израненного сердца и мятущейся души человека, продирающегося к свету. В них есть и скорбь, и боль, и безжалостное к себе покаяние, и первые движения пробуждающейся души, и счастливые слёзы её обретения. Как правило, песнопения имеют форму и адрес обращения - к себе, к душе, к русским людям, к Господу и доведены до последней точки искренности и жертвенности…». (http://www.rts.rs/page/radio/sr/story/1466/radio-beograd-3/990044/ruska-poezija--pesnik-jeromonah-roman.html)

охарактеризовал миссию иеромонаха Романа: «Он — великий православный русский поэт, вернувший поэзии Православие, а Православию - поэзию». Ибо, песнопения и стихи иеромонаха Романа выводят русский народ из летаргического сна безбожия. «Возвращается бесспорный для сотен лет постулат: быть русским - значит быть православным». [http://www.rts.rs/page/radio/sr/story/1466/radio-beograd-3/990044/ruska-poezija--pesnik-jeromonah-roman.html]. Поэтому неудивительно, что во всех стихах отца Романа проходит образ Святой Руси, но этот образ России в его поэзии «приобретает некий сакральный смысл». Это страна великих подвижников, святых мучеников, страна героев, сложивших свою голову за Веру и Отечество. Однако в поэзии иеромонаха Романа Русь двулика - святая и порочная. И чем больше пороков и искушений преодолевает Русь и весь русский народ, тем больше ее/его святость: Соединяет эти два контрастных облика образ Руси-Голгофы, Руси распятой. Отец Роман видит «высокое предназначение России – хранить свое Святое Отечество и Веру Православную и нести Слово Божие, несмотря на все страдания, которые выпадают на её долю». Ибо:

«Всему под небесами свой черёд,
Своя пора и время всякой вещи.
Блажен, кто эту истину поймет,
Но преблаженнее обретший Вечность».
[Экклесиаст].

Указание на основные характеристики поэзии отца Романа и, что более важно, его взгляд на мир и современную историю России, являются отправной точкой для понимания его отношения к Сербии и сербскому народу и любви, которую он проявил, прибыв в Сербию во время агрессии альянса НАТО в 1999 году, в период бомбардировок и войны на сербской святой земле - Косово и Метохии, в самую страшную пору для Сербии.

Во-первых, следует отметить, что сербская литературная и вообще широкая общественность имели возможность ознакомиться с жизнью и творчеством великого русского духовника гораздо позднее: с появлением его стихов в антологиях русской поэзии на сербском языке[48], после его участия в телевизионных передачах по прибытии в Белград; после издания книги владыки Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые»

[48]*Песници распете Русије (цветник руске боготражитељске поезије XX века),* Народна и универзитетска библиотека у Приштини 1997, подготовил Владимир Димитриевич; переводы Владимир Ягличич и Владимир Димитриевич.

(переведена на сербский язык и опубликована в 2014 году, говорящая о юности монаха Романа (до монашества Александр) и, в частности, в телевизионной передаче сериала «Духовники», где отец Роман говорил о своём восьмилетнем обете молчания в монастыре Ветрово. Кроме того, в последние годы на разных интернет-порталах появились различные переводы его стихов на сербский язык, но, безусловно, самым большим подвигом стоит считать сборник его стихов на сербском языке *Јасиков шумарак,* в переводе Зорицы Кубурович[49].

Однако самое главное, - его переживания из-за страдания сербского народа, войн и бедствий, выпавших на его долю в конце прошлого и в начале нового тысячелетия, содержатся в книге его путевых заметок *Там моя Сербия*, опубликованной в 1999 году в Минске. Это потрясающее свидетельство о сербской национальной трагедии является воспоминанием о пребывании отца Романа в Сербии в самый разгар войны с 28 мая по 6 июля 1999 года, но до сих пор, к сожалению, не переведено на сербский язык или опубликовано в Сербии, поэтому мы для наших исследований пользовались источником на русском языке.

Свои заметки отец Роман начинает словами: «А нелюди всё бомбят. Смерть раскинула чёрные крылья над Сербией. Погибают старики, женщины, дети. Погибают в домах, на площадях, в больницах, во чреве. Народ возмущается, протестует, молится. А пятая телевизионно-газетная колонна, словно изгаляясь над святым народным гневом, показывает дележку стульев и портфелей иудушек-правителей, и в конце, перед спортивными новостями, что-то мямлит о Сербии…Безумная, безумная эпоха!»[50].

Относясь с соучастием к судьбе сербского народа он её не видит как исключение, но как участь и нападение на православный мир и, с одной стороны, наблюдает за переживаниями многострадального сербского народа, а с другой – за объединённым западным вражеским миром, к которому присоединилась небольшая пятая колонна из Сербии и российская власть того времени. Но, спрашивает он, не тот ли замученный народ: «Бедный, обманутый народ! Но не ты ли выбрал свою беду, не сам ли отошёл от Истины?», отдалился от Господа. Ибо, забвение Бога ведёт в ад, а ад другое слово - для войны. Оттуда, словосочетание «безумная эпоха» понимается как состояние без-

[49] «Catena mundi», Београд, 2015.
[50] Все цитаты из Путевых заметок отца Романа (Матюшина) даны по ссылке: http://rus-sky.com/history/library/roman/roman.htm

ума, в котором оказался не только сербский, но и православный мир и, следовательно, поэтому страдает.

Необходимо отметить, что речь об оборонительной войне и в этом контексте отец Роман оценивает вопрос о «справедливой войне», которую ведёт сербский народ, не только для защиты и сохранения своей территории, но прежде всего, своего духовного самосознания, самобытности. Напомним, что сербский Патриарх Павел (со слов отца Романа «Сербия, и не только Сербия, имеет великий образец для подражания - покойного Патриарха Павла»), на вопрос немецкой журналистки - существует ли справедливая война, ответил: «если на Небесах существует справедливая война, почему её не может быть на земле?». Иными словами:

«*Любая война — несчастье, потому что Бог не желает ни войн, ни людской погибели, но злые люди нападают на других. Нападает всегда Каин, а Авель должен защищаться. Нужно защищаться от зла, от злых людей, но защищаться так, чтобы быть достойными имени православных сербов, с человечностью и героизмом*».

В Евангелии от Иоанна, Христос говорит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». (15:13). Тот, кто защищает свой дом, свою родину, могилы отцов, собственную свободу, он действительно жертвует собой полностью… [Патриарх Павел 2018, 91].

Именно эти слова Патриарха Павла отец Роман глубоко понимает и соучаствует в страданиях сербского народа и видит он Сербию и её невиновный народ как олицетворение Добра в борьбе со злом. Стоять на стороне Истины и отстаивать её и есть христианское призвание:

«А мы живём в безумную эпоху
Под игом отщепенцев и иуд.
Златой телец. Насилие и Похоть
Треглавым змием пожирают люд.
(...)
Стальные птицы клювами стальными
Уничтожают братский наш народ.
Россия! Встань! Ужель смолчишь и ныне?
Не оборвёшь стервятников полёт?»

Великие русские поэты сосредотачивали свой чувственный опыт на том, что есть главное, важнейшее или прямо священное в жизни мира и человека. Они, со слов Ильина, *созерцали Божие;* и

взволнованное, умилённое сердце их начало петь. Это *поющее сердце* приносило их поэзии всё остальное, без чего стихотворение не есть стихотворение, и поэтому у них нередко делалось такое чувство, что и слова, и размер, и строки, и ритм, и рифма приходят к ним «сами».

Что это за песня, которую отец Роман поёт о Сербии?

Это песня монаха и воина, духовного воина, поющая о свободе его собрата в Господе; это плач и стон, но и молитва; это крик скорби о страданиях сербского народа, а также восклицание от радости, веры и надежды на то, что «безумная эпоха» минует и страданиями очистит душу человека, который в постоянной гонке приобретения земных благ полностью отвернулся от Господа. Безверие, встретившее отца Романа в самом начале его путешествия по Сербии, лучше всего иллюстрирует сцена, в которой он спрашивает водителя:

Почему так мало Церквей?
Вот моя церковь! — указывает на свою машину.

Отец Роман, напрасно пытаясь увидеть купол или крест на плодородных равнинах Сербии, задаёт себе вопрос: «Не в этом ли главная трагедия Сербии?»

Однако Сербия предстала перед ним совсем в новом свете, мы бы сказали - та Сербия, на какую отец Роман надеялся, в какую верил, при встрече со средневековыми монастырями и церквями, которые, до его вступления на раздираемую войной территорию Косово и Метохии, он посетил: Манасию, Милешеву, Раваницу, Фрушскогорские монастыри, Сопочаны, Студеницу, Градац.

Хотя его визит был практически в тени военных событий и прерывался с минуты на минуту известиями об обстрелах и смерти, всем этим трагическим «внешним» событиям противопоставлялся внутренний мир средневековых монастырей и монашества. «Смиренная душа не страдает», - сказал отец Роман позже, в интервью [https://www.srbijadanas.net/intervju-jeromonah-roman-matjusin-onome-koji-boga-ljubi-sve-je-na-korist/]. Особенно удивили отца Романа близкие отношения священства и солдат, их духовное единство и сознание того, что они собраны в Господе, и каждый по своим силам борется за Истину, а Истина – Едина. «Радует единство священников и солдат», – записывает он и добавляет: «Смотрю на их простые лица. Радуюсь теплому общению священства и солдат. В России такого единства я не видел. Что значит, жить в постоянной опасности, ходить возле смерти».

В монастыре Раваница, например, где хранятся мощи святого царя Лазаря, предводителя сербских войск, погибшего в битве на Косовом поле в 1389 году, отец Роман записал слова профессора Драгана Неделькoвича, своего проводника, которые полностью заверили его в том, что оборонительную войну, которую ведёт сербский народ, можно отождествлять с «войной за Истину»:

«Перед сражением ему явилась Матерь Божия, - ровно повествует профессор, - сказала, что он может выбрать или царство Божие, или победу над турками. И он выбрал царствие Божие. Турок было во много раз больше. Царь Лазарь и его воинство причастились и пошли на смерть.

Вот откуда силы у этого народа!»

Сила духа сербского народа внушает, что войну можно выиграть и стать победителем, несмотря на все «факты» - превосходство завоевателя и его *доминирующую военную силу*. Отец Роман чувствует силу православной веры, благодаря которой сербский народ пережил пять веков под турецким игом и благодаря которой, по его мнению, переживёт и эту несправедливую войну. «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж». (Псалом 126:1-2). Отца Романа особенно тронули слова, та «живая сила народа», вырезанная надпись на камне, в городе Крушеваце:

«Человек, если ты ступишь на Сербскую землю, кто б ты ни был, свой, пришелец, посетив Косово поле, увидишь многие кости мёртвых, камни. Знай, что мы и доныне стоим, как эти камни».

Хотя в дневниковых записках отца Романа не так много страниц, посвящённых пребыванию в Косово и Метохии, кажется, что они представляют собой суть его поездки в Сербию, поскольку название «Там моя Сербия» относится не только к Сербии, но конкретно, по существу и чётко - к этому священному сербскому пространству, которое необходимо защитить и *сохранить духовные* и нравственные ценности *православного* мира. Отец Роман записывает прежде всего предупреждения, которые он получил до вступления на эту территорию, о том что там бушует война и трудно сохранить жизнь, тем более что очевидные признаки, такие как мантия и крест, могут стать мишенью вооруженных шиптар, а также враждебных к сербам членов СДК (Силы для Косово, на английском КФОР - Kosovo Force). Когда решил встретиться с

русскими добровольцами, - их подразделения располагались в окрестностях Приштины, - он услышал от них не только рассказы о ежедневных страданиях и пытках сербского народа, но и духовенства в монастырях, и через страдания людей, с которыми путешествовал и беседовал, он полностью почувствовал душу народа:

«Косово - это сердце («душа» - поправляет отец Петр) Сербии. И ныне, под одобрение всего мира, у сербского народа вырезают сердце. Здравствуй, Косово, я твой гость. Душа полна особым звучанием».

В одном из писем отца П. Флоренского 1915 года, читаем его знаменитые слова: «Коснуться рукой Бога, если это и возможно, - думаю, что возможно только через душу другого». Так и «встреча с «душой Сербии», с Косово, восприятие единства, переживания при виде страданий в духе и вере братского народа, такое «чувство Бога», создало одно из самых красивых стихотворений отца Романа «У поля Косова», которое позже записал в монастыре Гргетек (22 июня 1999 г.), до возврата в Россию.

В общем, видение Сербии и сербского народа и переживания отца Романа в период самых ужасных дней того 1999 года, нельзя рассматривать вне контекста русско-сербских духовных связей, которые длились веками. В основе этих связей находится православие, которое, по словам отца Романа, является великим даром, потому что: «Народные корни и Православная Вера хранят народ от потери тождественности самому себе, не давая ему стать пищей антихриста, растворившись в вавилонском смешении». [https://www.srbijadanas.net/intervju-jeromonah-roman-matjusin-onome-koji-boga-ljubi-sve-je-na-korist/].

На самом деле, картина Сербии, данная отцом Романом в *Путевых записках,* своего рода повторение вечного образа «двух Сербий», выраженных еще Ф.М.Достоевским: «Есть две Сербии: Сербия верхняя, горячая и неопытная, ещё не жившая и не действовавшая, но зато страстно мечтающая о будущем, и уже с партиями и с интригами, которые доходят иногда до таких пределов (...) что не встретишь подобного ни в одной из долго живших, безмерно больших и самостоятельных, чем Сербия, наций. Но рядом с этою верхнею Сербией (...) есть Сербия народная, считающая лишь русских своими спасителями и братьями, а царя русского - за солнце своё, любящая русских и верящая им» [Достоевский, *Дневник писателя* 1876, 331].

Мы узнаём «верхнюю» Сербию в более ранем стихотворении отца Романа Матюшина «Без Бога - нация - толпа», в то время как *Путевые заметки* представляют его встречу с «низшей» Сербией, которую он непосредственно увидел, узнал её как свою (о чем говорит и название книги – Там *моя* Сербия), в момент, когда её вечная искра воссияла, её душа - Косово, - во время ужасающих гонений и страданий. Ибо, «Любящему Бога всё во благо», в том числе и страдания, которые выводят народ из состояния духовной слепоты. И в этот решающий момент «пробуждения» обращение отца Романа к сербскому народу - выражение величайшей любви и того, что в духовном единстве православного мира, «единства в Боге», страдающие человек и народ никогда не бывают одинокими:

«О Сербия! Душа моя готова
В дружине братской за свободу стать:
Кто разлучит нас от Любви Христовой,
Когда нас убивают за Христа?»

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Јеромонах Роман Матјушин 2015 - *Јасиков шумарак,* с руског превела Зорица Кубуровић, «Catena mundi». Београд, 2015. http://rus-sky.com/history/library/roman/roman.htm

Димић, Жарко. *Руско-српске везе од IX до средине XVIII века = Русско-сербские связи с IX по середину XVIII веков : са освртом на почетак развоја модерног школства код Срба* : (преглед) / Жарко Димић ; прев. на рус. Драга Вигњевић. - Бачка Паланка : Логос ; Нови Сад : Мало ист. друштво, 2010.

Иљин, Иван. «Када ће се обновити велика руска поезија», у: *Песници распете Русије (цветник руске боготражитељске поезије XX века)*, приредио Владимир Димитријевић, препевали Владимир Јагличић и Владимир Димитријевић, Народна и универзитетска библиотека у Приштини. 1997. С. 205-220.

Патријарх Павле. *Косовска искушења.* «Књига-комерц», Београд, 2018.

Русские о Сербии и сербах (архивные свидетельства). I–II. Составление, подготовка к изданию, введение, заключительная статья А.Л. Шемякина. Институт славяноведания РАН – Москва. «Индрик», 2014.

Свети Николај (Велимировић). *Рат и Библија. Сабрана дела епископа Николаја,* књига IV. Православна црквена општина Линц, Линц, 2001.

Сербско–русские литаратурные и культурные связи XIV–VV вв. Институт славяноведания РАН – Москва; Матица Сербская – Нови Сад, Санкт Петербург, «Алетейя», 2009.

Сибиновић, Миодраг. *Множење светова: руски писци у српској преводној књижевности.* «Clio», Београд, 2015.

Интервју Јеромонах Роман (Матјушин): Ономе који Бога љуби све је на корист URL: https://www.srbijadanas.net/intervju-jeromonah-roman-matjusin-onome-koji-boga-ljubi-sve-je-na-korist/

Ruska poezija – Pesnik Jeromonah Roman URL: http://www.rts.rs/page/radio/sr/story/1466/radio-beograd-3/990044/ruska-poezija--pesnik-jeromonah-roman.html

MONK AND WAR (SERBIA IN THE DIARY NOTES, AND POETRY OF ORTHODOX MONK ROMAN (MATHIUSHIN))

M. EFTIMIEVICH MIKHAYLOVICH
Institute of Serbian Culture, Prishtina - Leposavich, Serbia

Summary

Diary notes of the Orthodox monk Roman (Mathiushin), which he was keeping during his stay in Serbia (and in Kosovo, and Metohija) during NATO bombing from May 26th to July 6th 1999 was not possible to be interpreted outside of the context of spiritual similarity, cultural, historical, and literary links of Russian and Serbian people, which have stemmed since the 12th century, and which had been based on the similarity of the Serbian, and Russian language, folklore, belonging to the same model of Christianity, that is «the Orthodox civilization», as Alexandar Panarin would say.

Travelling notes of the Orthodox monk Roman on the encounters with Serbian history and tradition of especially immediate experience of the defensive war which was led by Serbian people in the occupied territory of Kosovo and Metohija, and the encounters with soldiers and monks are a precious contribution to the history of relationships of our two people. A special beauty and lyric experience of the «Unity in God» were to be found in the poems dedicated to Serbian people.

Keywords: Orthodox monk Roman (Mathiushin), diary notes, poetry, Orthodoxy, spirituality, spiritual similarity, monk, war, Kosovo and Metohija.

Eftimievich Mikhailovich, Maria - Doctor of Philology, Pristina Institute of Serbian Culture, Leposavic, Serbia

mjmihajlovic@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Агапов О.Д., Агапова Э.И.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА: ИСТОРИЯ РОССИИ 3

Алиев Э.Э.
РОЛЬ ИСЛАМА В ПОЛИТИКЕ МУАММАРА АЛЬ-КАДДАФИ 12

Баранецкий А.Н.
ОЧЕВИДНОСТЬ НЕИЗБЕЖНОГО: МАГИСТРАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ 16

Баранов А.В.
СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЁЖНОМ СООБЩЕСТВЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ 34

Баранов Н.А.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 43

Беспалова Т.В.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА 64

Бечейски М. М.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОЖЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРАВДА В ОПИСАНИИ СТАЛИНИЗМА ДАНИЛЫ КИШОМ (На примере рассказа «Механические львы») 73

Геращенко К. В.
СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: ОСОБЕННОСТИ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ 89

Заркович Весна С.
КОНСУЛ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ МАШКОВ – УЧАСТНИК СОБЫТИЙ В СТАРОЙ СЕРБИИ НАЧАЛА XX ВЕКА 96

Ковальска - Стус Х.
ПОЛЯКИ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ. ИДЕЙНАЯ И ЛИЧНАЯ МОТИВАЦИЯ 107

Кондрашов С. В.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОПАГАНДЫ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПЛАКАТАХ И ЛОЗУНГАХ 122

Красовская Н.Р.
ТЕХНОЛОГИИ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА ГРУЗИЯ - ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ (С УЧАСТИЕМ РОССИИ) 126

Ларионова Н. Б.
ПРЕПОДАВАНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 137

Львов А.А.
ЦЕННОСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИСТОРИКО ФИЛОСОФСКОЙ РАБОТЫ 147

Магомедова М.З.
РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ 159

М.Макарий (Буга)
КОНЕЦ ВЛАСТИ. БЫЛ ЛИ СУБЪЕКТ? 169

Михайлович В.
ПОТЕРЯННАЯ ТРАДИЦИЯ - СВАДЬБА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ В ГОРНЕМ НЕРОДИМЛЕ В КОСОВО И МЕТОХИИ 176

Миятович М. Д., Гордич М. П., Мацура М. М.
УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ИЗМЕНЫ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА 1649 ГОДА 192

Муравьева Н.Н.
ЭКОЭКОНОМИКА: ПОТЕНЦИАЛ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ 199

Никифорова О.А.
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК ОБЪЕКТ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ 204

Омельчук Д.В.
КРАВЧУК И ЕЛЬЦИН. ПОЧЕМУ НЕ ВЫПОЛНЕНЫ ОБЕЩАНИЯ? 215

Парахина В.Ю.
ВЛИЯНИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КРЫМУ..... 221

Пашковский П. И.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ..... 227

Резванова М.Д.
ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА 239

Романович Н.А.
ЦЕННОСТНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РОБЕРТА МЕРТОНА И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТИЧЕСКИХ НОРМАТИВОВ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ 244

Сенюшкин Е.А.
УПРАВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫМИ КОНФЛИКТАМИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ 262

Сенюшкина М.А.
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ 273

Сенюшкина Т.А.
ПРАВО НА КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: КРЫМСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 278

Симиянович Й. Д.
ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ В ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ В РАЙОНЕ ГОРОДА КРАЛЕВО ОСЕНЬЮ 1944 ГОДА 285

Слович С.
ЖАН-ЖАК РУССО – НАСТОЯЩИЙ КРИТИК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ..... 300

Соколова Р. И.
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ГИБРИДНАЯ ВОЙНА 309

Стишович Милованович А.
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРБИИ 323

Танчич Д., Елезович З.,Танчич П.
ТИПИЧНАЯ МОДЕЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА..... 332

Тен Е.П.
МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ..... 341

Эфтимиевич Михайлович М.
МОНАХ И ВОЙНА (СЕРБИЯ В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСКАХ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА)) 353

XXXV ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:

СИСТЕМА КООРДИНАТ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

2-7 октября 2018 г.
г. Ялта,
Республика Крым

Редакторы: *Т.А. Сенюшкина, Д.Танчич*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,51. Тираж 500 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru